

С. Б. Сорочан

**История
культуры Европы.
Средние века**

курс лекций

Харьков
«Майдан»
2017

УДК 93
ББК 63.3 (4) Европа
С66

Рецензенты:

д.и.н., проф. *Л. В. Войтович* (Львов)
д.и.н., проф. *В. А. Дятлов* (Чернигов)

Рекомендовано

*ученым советом Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина*

На обложке:

*Горгулия собора Парижской Богоматери
на фоне современного города*

Художественное оформление:

В. А. Носань

Сорочан С. Б.

С66 История культуры Европы. Средние века : Курс лекций /
С. Б. Сорочан. — Х.: Майдан, 2017. — 396 с.

ISBN 978-966-372-582-6

Лекции представляют материалы к специальному курсу по истории западноевропейской культуры и охватывает главным образом период V–XV вв., когда сформировались основные ценности и идеалы европейской цивилизации. Они знакомят с концепциями средневековой культуры, ее особенностями в эпоху Раннего Средневековья, состоянием образования, науки и литературы на Западе, формами зрелищ, архитектурными стилями, искусством и основными чертами Ренессанса, сформировавшегося в XIII–XVI вв. Материалы снабжены списками основной и дополнительной, вспомогательной специальной литературы, указанием на интернет-ресурсы и образцами тестовых заданий к некоторым темам.

Для преподавателей, учителей, студентов высших учебных заведений гуманитарных направлений и широкого круга читателей.

УДК 93

ББК 63.3 (4) Европа

ISBN 978-966-372-582-6

© С. Б. Сорочан, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый курс лекций отражает работу спецкурса по истории культуры Европы в Средние века, читаемого на историческом факультете, хотя он может быть полезен и для любого другого отделения гуманитарного профиля. Он не охватывает всех сторон истории средневековой европейской культуры, концентрируя внимание на главных направлениях ее развития прежде всего в Западной Европе, поскольку история славянских государств Европы и Византии представляет особое геокультурное пространство, лежащее на стыке Европы и Азии, и заслуживает отдельного рассмотрения. Хронологические рамки предмета определяются началом Средневековья в V в. и завершаются эпохой Возрождения, причем основное внимание уделяется культурным явлениям, не выходящим за пределы XV в. Таким образом, речь идет главным образом о Раннем и Высоком Средневековье на территории Западной Европы в эпоху становления, развития и краха классического феодализма.

Представленное скорее можно рассматривать как материалы к специальному курсу, нежели собственно лекции. Они неравноценны по объему и глубине содержания именно потому, что должны дополнить основной лекционный материал спецкурса, читаемый и иллюстрируемый в аудитории. Вместе с тем эти материалы тоже должны учить, понятно, доходчиво создавать систему знаний по предлагаемому предмету, ибо только наличие такой школы обеспечивает настоящие знания. По этой же причине в рекомендуемой литературе, как основной, так и дополнительной, отсутствуют зарубежные издания на иностранных языках. Их поиск и постижение должны начаться после усвоения основной базы материала, пред-

ставленного в отечественных изданиях и переводах иностранной специальной литературы. Лишь овладев этой базой можно плодотворно двигаться в сторону ее расширения за счет иноязычной литературы.

Спецкурс предполагает прежде всего самостоятельную работу и вспомогательные тексты его лекций должны облегчить эту работу, сделать ее более целеустремленной и глубокой. Поэтому все вопросы к лекциям, кроме первой, историографической, можно рассматривать как семинарские, требующие соответствующего обсуждения. Работа с письменными источниками тоже может предполагать практические занятия, как и просмотр видеоматериалов и видеофильмов о разных сторонах западноевропейской средневековой культуры. С этой точки зрения предлагаемое следует рассматривать не как сборник готовых ответов, а как руководство к творческому, самостоятельному расширению и углублению знаний по истории культуры Западной Европы.

Лекция 1

ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦЕПЦИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Основная литература

Барз М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987 (особенно гл. 3).

Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Историческая антропология. История ментальностей: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1998.

Камынин В. Д. Поиски новых методологических подходов в отечественной историографии второй половины 80-х — начала 90-х гг. XX ст. // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 22–29.

Калуцкая Л. П. Новая концепция средневековой культуры в советской историографии (1960–1980 гг.) // Вестник Харьковского государственного университета. 1983. № 238. С. 52–60.

Культура и общество в Средние века — раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998.

Леонова Т. А. Материальная культура как компонент истории повседневности Средневековья // Историк и его дело. Ижевск, 2020. Вып. 8. С. 55–63.

Люблинская А. Д. М. М. Бахтин и советская медиевистика // Средние века. — 1976. Вып. 40. С. 284–286.

Осіпняк О. Л. Експериментальна історія: дослідницькі підходи та методи французької школи «Анналів». Краматорськ, 2007.

Панченко А. Культура средневековья и современность // Новый мир. 1973. № 12. С. 267–271.

Батурич А. П. Духовная культура западноевропейского средневековья (образование, наука, общественно-политическая мысль) / А. П. Батурич. Кемерово, 2005.

Роулинг М. Европа в Средние века / М. Роулинг / Пер. с англ. Л. А. Калашниковой. М., 2005. С. 136–218.

Дополнительная литература

Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Возрождения. М., 1965.

Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Л., 1991.

Бицилли П. М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII в.). Одесса, 1916.

Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.

Блок М. Апология истории, или ремесло историка М., 1986.

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное; М., 1988. Т. 2: Игры обмена; М., 1992. Т. 3: Время мира.

Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972 (2-е изд.: М., 1984).

Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М., 1989.

Гуревич А. Я. Культура средневековья // История и философия культуры. Сб. статей. М., 1996. С. 47–71.

Гуревич А. Я. Проблемы народной культуры средних веков. М., 1981.

Гуревич А. Л. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. — М., 1990.

Даркевич В. П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв.. М., 1988.

Добиаш-Рождественская О. Л. Духовная культура средневекового Запада / О. Л. Добиаш-Рождественская. М., 2010.

Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск, 1994.

Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

Карсавин Л. П. История европейской культуры. СПб., 2003.

Карсавин Л. П. Культура средних веков. М., 1995.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. М., 1992.

Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада / Пер. с фр. Екатеринбург, 2000.

Ле Гофф Ж. Середньовічна уява / Пер. з фр. Львів, 2007.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. М., 2001.

Леонова Т. А. Материальная культура как компонент истории повседневности Средневековья // Историк и его дело. Ижевск, 2002. Вып. 8. С. 55–63.

Метлицкая З. Ю. Церковь и религиозное сознание Средневековой Европы. М., 2008.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / Пер. с польск. М., 1987.

Уколова В. И. Культура Западной Европы в средние века // История Европы. М., 1991. Т. 2.

Хэйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV–XV вв. во Франции и Нидерландах. М., 1988.

Хэйзинга Й. Человек играющий. Homo ludens. М., 1992.

Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.

Ястребицкая А. Л. Западная Европа в XI–XIII вв. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

* * *

Средневековая культура одарила человечество массой высокохудожественных творений. Образно говоря, средневековье дало человечеству оперу, тогда как Новое время — оперетту, хотя прогресс науки и техники в Новое время отрицать трудно. Тем не менее долгое время средневековую культуру не удостоивали должного внимания. Вообще ей в этом плане не повезло. Взгляды на средневековую культуру весьма противоречивы. Одни считают, что средневековье отставало от античности и не смогло античность превзойти; другие оценивают средневековую культуру как весьма значительную, которая содержанием богаче античной. Чтобы понять причину такой противоречивости во взглядах надо знать историю изучения средневековой культуры, ее научные концепции.

Впервые Средними веками стали заниматься итальянские *гуманисты эпохи Возрождения*, то есть XIV–XV вв. Тогда же, к XVI в., появился пренебрежительный латинский термин *medium aevum* — «средние века», которым стали обозначать период с V до XV вв. Гуманисты были идеологами бюргерства, ранней городской буржуазии, поэтому они крайне враждебно и предвзято относились к феодальной знати и к той эпохе, когда она безраздельно господствовала. По их мнению, время этого господства — это тысячелетний перерыв в развитии человечества. Лишь с XV в. наступает новое время, то есть эпоха Ренессанса — Возрождения (возрождения, восстановления, обновления античной культуры, под которой они предвзято понимали все блестящее, что было у греков и римлян). Промежуточный же, «средний век» оценивался крайне низко и главная причина этого была одна: гуманисты хотели качественно выделить свою эпоху и во имя благой цели не оставались перед сознательным очернением Средних веков. Они пытались доказать, что в Средние века не было образования, господствовали дикость и невежество, не существовало общественной жизни, короче, — «народы спали» в эту эпоху мрака, бездны горя и одичания.

Много для очернения средневековой культуры сделали также последующие *историки эпохи просвещения*. Французские про-

светители XVIII в. нанесли сокрушительный удар по феодализму и его идеологическим устоям. Их оценки Средних веков оказались очень влиятельными и надолго определили негативное отношение к Средним векам. Особенно резко и ядовито осмеивал средневековые знаменитый писатель, философ, историк Мари Франсуа Аруэ (1694–1778 гг.), взявший себе звучный псевдоним Вольтер. «Раздавите гадину!» — таков был девиз Вольтера, с которым он призывал обрушиться на Католическую Церковь. Все французские просветители эпохи Французской революции по понятным причинам ненавидели средневековый, феодальный мир, когда в обществе безраздельно господствовала Католическая Церковь. Поэтому даже такие столпы средневековой культуры как Данте и Шекспир оценивались ими отрицательно. Вольтер (поэт!) заявлял, что, «...читая Данте можно сойти с ума». Архитектуру и искусство Средних веков просветители назвали готическим, что в то время было равносильно названию «варварский». Они лишь пренебрежительно отзывались о нем, заявляя, что в готическом стиле нет «никакого здравого смысла».

Отношение к Средним векам начинает меняться после Великой Французской революции конца XVIII в. Именно тогда возникает устойчивый интерес к Средним векам. Историки конца XVIII — начала XIX вв. стремились разобраться в причинах буржуазных революций. Тогда же намечается другая крайность в трудах историков победившей буржуазии — начинается идеализация Средних веков, идеализация эпохи феодализма. Вместо отрицательной оценки Средних веков появляются апологетические труды. Возникает направление так называемого *реакционного романтизма*. Его приверженцы идеализировали средневековую эпоху и особенно христианскую Церковь. Романтизм проявился не только в исторической науке. Он внедряется в поэзию, художественную литературу, прекрасным примером чему являются увлекательные исторические романы Вальтера Скотта.

В начале XIX в. возникает *либеральный буржуазный (прогрессивный) романтизм*. Он сочетал элементы реакционного романтизма и идей просветителей XVIII в. Но представителей прогрессивного романтизма интересовали не столько Средние века сами

по себе в целом, сколько то обстоятельство, что именно в Средние века началось победное шествие бюргерства, буржуазии. Поэтому сторонники этого направления всячески стремились доказать, что все положительное в Средние века создано лишь благодаря «третьему сословию». Эти историки доказывали неизбежность бюргерских революций, но к Средним векам они относились без всякой ненависти, рассматривая их как свое национальное прошлое.

Для реабилитации средневековой культуры многое сделал *позитивизм*. Родоначальник его — французский философ Огюст Кант и его ученик Липре. Они считали, что Средним векам принадлежит почетное место в ходе исторического развития, что Средние века не дали погибнуть тому, что было до них сделано в античности. Эти взгляды получили развитие и в отечественной буржуазной науке. Именно с позиций подчеркивания достижений Средних веков была написана в конце XIX в. многотомная «Всеобщая история литературы» под редакцией профессора А. Кирпичникова, а перед февральской революцией в России появились книги П. М. Бицилли и Л. П. Карсавина.

С совершенно новым подходом к оценке средневековой культуры подошли зарубежные историки XX в. Первым среди них следует отметить известного голландского историка Йохана Хейзинга, который издал в 1919 г. свою прославленную книгу «Осень средневековья», посвященную исследованию форм жизненного уклада и форм мышления во Франции и Нидерландах XIV–XV вв. Он одним из первых стал задаваться проблемами средневекового мирозерцания, средневекового сознания, которые стало принято именовать менталитетом различных слоев средневекового общества. Пионерами в этом отношении выступили французские историки, которые в 20-е гг. XX в. выступили инициаторами создания журнала «Анналы» и, сплотившись вокруг него, создали собственную школу исторических исследований, ныне известную как *новая историческая наука*, или историческая антропология. У ее истоков стояли такие историки как Люсьен Февр, Марк Блок (трагически погибший участник французского сопротивления в годы Второй мировой войны), Фернан Бродель и их более молодые преемники — Жак Ле Гофф и Жорж Дюби. Они стали изучать эпоху средневековья целостно,

по ее вещественным приметам. Их интересовали не столько отвлеченные идеи, которые обсуждали люди средневековья, сколько, образно говоря, что они пили и пели. Именно они заложили целое направление исследований по истории менталитета, коллективного сознания и культуры в русле изучения психологических установок европейцев в отношении к разным сторонам жизни и их смены от V в. до современности, то есть представлений о том, как человек и общество, в том числе средневековое, понимали основные категории средневековой культуры. Таким образом, зарубежные исследования по истории культуры в последнее время в значительной степени слиты с изучением общественного сознания средневековья. Это очень удачный, плодотворный синтез.

Советские историки уделяли главное внимание изучению социально-экономических вопросов, а проблемы идеологии и культуры опускались. Считалось обязательным а priori «метать громы и молнии» против Церкви. В первый период развития советской исторической науки, вернее, до Второй мировой войны, появилось немало работ, посвященных частным вопросам средневековой культуры (литература, архитектура, строительное дело, агрикультура, образование, университеты и т. п.). В них было много справедливых замечаний и ценного фактического материала, но обобщенное представление о средневековой культуре складывалось не на их основе. Оно определялось резко отрицательным отношением к господствующему в Средние века религиозному мировоззрению. Положительно оценивалось только то, что не несло на себе видимого отпечатка религиозности, так как советские ученые придерживались тезиса, что средневековая культура развилась вопреки религии и Церкви. Но подобный подход исключал возможность трактовки средневековой культуры как исторической целостности, ибо религия в то время не стояла вне культуры.

Наиболее полное выражение эта концепция получила в работах Н. А. Сидоровой и вкратце была изложена в первом издании вузовского учебника по истории Средних веков под редакцией С. Д. Сказкина. Ее положения заключались в следующем: переход от античного рабовладельческого общества к средневековому феодальному рассматривался в культурном отношении как шаг назад; роль вар-

варов (древних германцев), сокрушивших Западную Римскую империю, в формировании феодальной культуры трактовалась только в отрицательном плане; совершенно не учитывалось культурное развитие германцев после расселения их на территории Римской империи; господство религиозного мировоззрения объяснялось низким уровнем культуры раннего средневековья; единственным достижением Средних веков считалась культура, возникающая в городах; роль Церкви определялась как исключительно реакционная в течение всего периода средневековья, ее обвиняли прежде всего в уничтожении античного культурного наследия.

Положительные стороны этой концепции заключались в разработке городской культуры, в обилии материала о роли Церкви (особенно с XI в.). Но в популярной литературе средневековье чаще всего оценивалось в духе французских просветителей XVIII в., которые полностью отрицали какие-либо культурные достижения Средних веков.

Необычайно сложным оказалось обоснование исторического подхода к культуре Средних веков, главным образом из-за характерного для нее религиозного мировоззрения, в оценку которого приносилось отношение к религии из советской действительности.

Первым серьезным исследованием, с которым связывается формирование новой концепции, стала книга М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Возрождения», изданная в 1965 г. Именно она открыла в народной культуре стран Западной Европы (особенно романских, в первую очередь во Франции) «смеющееся средневековье». Изучая творчество Франсуа Рабле — знаменитого деятеля французского Возрождения первой половины XVI в., М. М. Бахтин установил, что истоками своими оно уходило в далекое средневековье, в культуру, которую он определил как карнавальную, смеховую, подвергавшую все осмеянию, начиная от торжественного литургического богослужения, схоластической науки и кончая пародиями на рыцарские турниры. Многие образы, стилистические приемы, словесные формулировки, характерные для нее, стали достоянием не только Рабле, но и таких великих представителей европейской культуры, как Сервантес и Шекспир.

В 1972 г. появились две монографии, имеющие принципиально важное значение для новой концепции средневековой культуры. Это книга известного специалиста по эпохе Возрождения И. Н. Голенищева-Кутузова, в которой исследуется литературный процесс в Италии между заключительными аккордами античной культуры и началом литератур на национальных языках, то есть с III по XIII в. Этот процесс совершенно выпал из поля зрения советских ученых, и поэтому возникла определенная идеализация позднеантичной культуры и превратное представление о средневековье как о периоде, порвавшем с тем лучшим, что дала античность. В монографии И. Н. Голенищева-Кутузова на большом материале было обосновано отсутствие какого-то «перерыва» в культурном развитии раннесредневековой Италии и показано, что ее литература свидетельствовала о прекрасном знании античных авторов, но перед ней стояли иные задачи, обусловленные христианским мировоззрением.

В знаковой книге А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» была поставлена более широкая, блестяще решенная задача — создать целостную картину средневековой культуры. Автор стал на позиции методологии Школы «Анналов» и впервые в советской науке рассмотрел центральные для средневекового мирозерцания и культуры западноевропейского общества понятия «картины мира» средневекового человека, его пространственно-временные представления, его отношения к богатству и бедности, к труду, любви, свободе и несвободе, понятия права, обычаев, ритуалов. Исследователь указывал, что в их формировании синтезировались античные, христианские (в сущности тоже античные, поскольку христианство возникло в древнем Риме) и варварские (то есть первобытнообщинные) элементы. В результате возникла присущая классическому феодализму, совершенно отличная от предшествующих, несравненно более значительная и, несомненно, оригинальная культура.

Монография А. Я. Гуревича получила многочисленные положительные отклики, вызвала большой интерес за рубежом и переведена в ряде европейских стран. О плодотворности его новаторского метода свидетельствовало множество статей, книг, как

самого А. Я. Гуревича, так и других известных медиевистов, особенно А. Л. Ястребицкой, В. П. Даркевича, М. А. Барга, Ю. Л. Бессмертного, по новому, более глубоко обосновывающих специфику средневековой культуры и ее общечеловеческие ценности. После этого отечественные историки перестали рассматривать этот период как время глубокого упадка, как какой-то перерыв в культурном состоянии Западной Европы.

Таким образом, в настоящее время культура средневековой Западной Европы изучена несравненно более глубоко и разнопланово, чем до второй половины XX в. Работа в этом направлении продолжается по-прежнему интенсивно, освещаются различные малоизученные вопросы культурной жизни средневековья, что в целом содействует дальнейшему обоснованию и обогащению новой концепции средневековой культуры. Благодаря этим усилиям и новой методологии Средние века все менее ассоциируются с мрачной бездной истории.

Такая «реабилитация» средневековой культуры, характерная для последней трети XX — начала XXI в., — интереснейшее культурное явление. Нас не может интересовать раскрытие забытых ценностей, возвращение шедевров, которых недавно не удостаивали взглядом, как иконы, скрытые под слоем потемневшей олифы. Действительно, нелегко разглядеть яркость красок, глубину образа на темной старой доске. Но если трудно проникнуть за слои потемневшей олифы, то войти в мир средневекового художника, ремесленника, создателя, взглянуть в работу его глазами намного сложнее. Средневековье поэтому и считалось в течение нескольких веков темным временем, что строй мышления, система образов, понятия о ценности живших тогда людей перестали быть понятными после Возрождения, уже в XV–XVI вв. Непонятное проще всего считать или наивностью мышления, или результатом неумелости автора. Между тем, как сейчас становится ясно, в средневековье жили так же творчески напряженно, так же самоотверженно искали истину, как и в античности, и в Новое время. Но прекрасно зная, например, имена античных писателей, драматургов, историков и поэтов, мы вряд ли припомним их средневековых наследников. За античностью действительно следует провал, но не объек-

тивный, а субъективный. Как часто бывает, пустота не в истории, а в сознании, и требуется личное усилие, чтобы высветить то, что раньше было затенено незнанием, посмотреть на проблему под новым углом зрения.

Увы, трудно преодолевать сложившиеся стереотипные взгляды. Они стали привычными, априорными, не нуждающимися в доказательствах — все, почти все, что создавалось в области науки и литературы за последние столетия упорно твердило о «мрачной ночи средневековья», о духовном застое, ужасах и низкой культуре Средних веков. Парадокс же состоит в том, что ужасы, которые упорно приписывают «мрачному средневековью», стали чуть ли не будничным делом именно в новые времена. Так, повальное увлечение сатанизмом, сатанинским культом, черными мессами и магией, без чего, казалось бы, не мыслятся Средние века, началось на самом деле лишь с середины XVII в., когда даже поставка младенцев для «черных месс» превратилась в Париже в доходный промысел.

Да и вообще новому времени совершенно совсем нечем кичиться по части преодоления суеверий перед средневековьем. Наша действительность с ее бесспорными научно-техническими и культурными достижениями отнюдь не уступает, а в кое-каких дикостях даже превосходит самые темные стороны «не культурного средневековья». Даже в самой развитой стране мира — США — по сообщениям печати, около 10 миллионов американцев хотя бы раз в жизни приняли участие в мистических церемониях, колдовских обрядах, черных мессах и даже «оргиях кровопийц». Страшная, потрясающая воображение цифра, причем она растет год от года. Газеты не лгут: есть жертвы, есть трупы, есть мрачные колдовские церемонии. Колдовские шоу, радения, празднества, а также многомиллионный оккультный бизнес остаются одной из составных частей современной действительности. Чтобы понять корни этих явлений надо четко представлять себе светлые и темные стороны средневековой культуры Европы, правильно, а значит, объективно оценивать ее вклад в мировую культуру всего человечества.

Учебники и учебные пособия

Порьяз А. В. Мировая культура: Средневековье. М., 2001.

Корякина Е. П. Культура средневековой западной Европы: особенности, ценности, идеалы: Учебно-методическое пособие: URL: http://avt.meim.edu.ru/Kafedra/Kt/Publik/posob_4_kt.

Батурун А. П. Духовная культура западноевропейского средневековья (образование, наука, общественно-политическая мысль). Кемерово, 2005.

История мировой культуры: Курс лекций. М., 1998.

Культурология. История мировой культуры / Под ред. проф. А. Н. Марковой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 161–190.

Шейко В. Н., Гаврюшенко А. А., Кравченко А. В. История художественной культуры: Средние века. Возрождение. Харьков, 1999.

Medium aevum. Середні віки / Л. Войтович, Н. Козак, Ю. Овсінський, М. Чорний. Львів, 2010.

Осокин Н. О. История средних веков. Казань, 1889. Т. 2. Ч. 1. С. 544–608; Ч. 2. С. 1109–1132.

История Средних веков / А. Д. Удальцов, Н. П. Грацианский, О. Л. Вайнштейн, Е. А. Косминский, И. И. Подольский. — М., 1938. Т. 1.

История средних веков: В 2-х т. / Под общей ред. С. Д. Сказкина. 2-е изд. М., 1977. Т. 1.

История средних веков: В 2-х т. / Под ред. С. П. Карпова. 5-е изд. М.: МГУ, 2005. Т. 1.

Культура Западной Европы. Раннее Возрождение в Италии // История средних веков / Под ред. М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревича, Н. Ф. Колесниченко. М., 1964. С. 402–434, 443–457.

Косминский Е. А. Лекции по истории средних веков. М., 1938.

Виппер Р. Ю. История средних веков: Курс лекций. СПб., 2000.

Хлевов А. А. Краткий курс истории Средних веков. СПб., 2006.

Карева В. В. История Средних веков. М., 1999.

История средних веков / Под ред. Н. Ф. Колесниченко. М., 1986.

Крижановська О. О., Крижановський О. П. Історія Середніх віків. Вступ до історії західноєвропейського Середньовіччя: Курс лекцій: Навч. посібник. К., 2004.

Источники и иллюстративные издания

Абеляр Петр. История моих бедствий. М., 1959.

Английские и шотландские баллады. М., 1973.

Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья / Под ред. С. С. Неретиной. Т. 1–2. СПб., 2002.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

Бернарт де Вентадорн. Песни. М., 1979.

Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.

Валафрид Страбон. Садик; Одо из Мена. О свойствах трав; Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. М., 1992.

Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения. М., 1985.

Вернер Садовник. Крестьянин Гельмбрехт. М., 1971.

Вийон, Франсуа. Лирика. М., 1981.

Гроссетест У. Метафизика света. М., 2003.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Разн. изд.

Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.

Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. Воронеж, 1973.

Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

Жизнеописания трубадуров. М., 1993.

Задворный В. Л. История римских пап. М., 1995. Т. 1 (источники).

Западноевропейский эпос. Л., 1977.

Зарубежная литература Средних веков / Сост. Б. И. Пуришев. 2-е изд. М., 1975.

История Средних веков. Хрестоматия: Пособие для учителя. В 2-х частях / Сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. 3-е изд., до- раб. М., 1988.

Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980.

Кудруна. М., 1984.

- Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.
- Мэлори, Томас*. Смерть Артура. М., 1993.
- Новеллино. М., 1984.
- Оккам Уильям*. Избранное. М., 2002.
- Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. Хрестоматия / Сост., авт. статей, комм. и пер. О. Ф. Кудрявцев. М., 1996.
- Пайен из Мезьера*. Мул без узды. М.; Л., 1934.
- Памятники средневековой латинской литературы IV–X вв. М., 1970.
- Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972.
- Песни о Гильоме Оранжевом. М., 1985.
- Песни трубадуров. М., 1979.
- Песнь о Нибелунгах. Л., 1972.
- Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976.
- Поэзия вагантов. М., 1975.
- Поэзия трубадуров. Антология галисийской литературы. СПб., 1995.
- Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.
- Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
- Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. М., 1991.
- Роман о Лисе. М., 1987.
- Роман о семи мудрецах. М., 1980.
- Руис Х*. Книга благой любви. М., 1991.
- Средневековые латинские новеллы XIII в. Л., 1970.
- Средневековый роман и повесть. М., 1974.
- Фаблю*. Старофранцузские новеллы. М., 1971.
- Фламенка. М., 1983.
- Фруассар, Жан*. Любовный плен. М., 1994.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. И. Корецкого. М., 1961.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Сост. В. Н. Садилова. М.; Можайск, 1994.

Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950–1953. Т. 1–2.

Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961–1963. Т. 1–2.

Панорама Средневековья / Под. ред. Р. Барлетта. М., 2002.

Искусство Средних веков: Часть первая. II–XII вв. М.: Директмедиа Пабблишинг, 2006 (CD-издание).

Искусство Средних веков: Часть вторая. Искусство готики. М.: Директмедиа Пабблишинг, 2009 (CD-издание).

Лекция 2

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ УПАДКА ДО «REPARARE» (V–X вв.)

1. Причины упадка и перестройки культуры в эпоху Великого переселения народов.
2. Аврелий Августин и его вклад в церковную философию и идеологию.
3. Роль Церкви в раннесредневековой культуре.
4. «Reparare»: Каролингское Возрождение.
5. Иоанн Скот Эриугена и начало схоластики.
6. Герберт из Орильяка как культурный феномен X в.

Основная литература

Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984.

Гуревич А. Я. Крестьянство и духовная жизнь раннесредневекового общества // История крестьянства в Европе (Эпоха феодализма). М., 1985. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства.

Добиаш-Рождественская О. А. Духовная культура Западной Европы IV–XI вв. // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.

Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Тайс Л. Наследие Каролингов. IX–X века. М., 1993.

Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад: Раннее Средневековье. 400–1000. СПб., 2002.

Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.

Хэгерманн Д. Карл Великий. М., 2005.

Эриксен Т. Б. Августин: Беспокойное сердце. М., 2003.

Дополнительная литература

Августин. Творения / Августин: В 4 т. — СПб.; К., 1998.

Августин. Слово о разорении города Рима. Проповеди / Пер. с лат. С. А. Степанцова // Вестник древней истории. 2001. № 2–3.

Августин Аврелий. Исповедь. М., 1992.

Антология педагогической мысли христианского средневековья. М., 1994. Т. 1.

Басовская Н. Карл Великий и его империя // Знание-сила. 1997. № 7. С. 123–129.

Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западе в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1898 (М., 1998).

Бубнов Н. М. Сборник писем Герберта как исторический источник. СПб., 1885–1889. Т. 1–3.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Вольфрам Х. Готы / Пер. с нем. СПб., 2003.

Герье В. И. Блаженный Августин. М., 1910 (М., 2003).

Горовой А. Герберт или Папа Сильвестр II. К., 1886.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала в XX книгах: Кн. 1–3. Семь свободных искусств / Пер. Л. А. Харитонова. — СПб., 2006.

История всемирной литературы : В 9 т. М., 1984. Т. 2.

Каролингское Возрождение // Практикум по истории средних веков. Ч. 1. Раннее западноевропейское средневековье. Воронеж, 1999. С. 193–199.

Карсавин Л. П. Из истории духовной жизни падающей Римской империи. СПб., 1908.

Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992.

Корелен М. С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. М., 1895 (СПб., 2005).

Кремона К. Августин из Гиппона: Разум и вера. М., 1995.

Кюич Г. Великие христианские мыслители. СПб., 2000.

Лебек С. Происхождение франков. IV–IX века. М., 1993. Т. 1.

Левандовский А. П. Карл Великий. Через Империю к Европе. М., 1995.

Майоров Г. Г. Северин Боэций и его роль в истории западноевропейской культуры // Вопросы философии. 1981. № 4.

Майоров Г. Г. В поисках нравственного абсолюта — античность и Боэций. М., 1990.

Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979. С. 181–340.

Марру, Анри-Иринеи. Святой Августин и августинство. Долгопрудный, 1999.

Писарев Л. Учение блаженного Августина, епископа Иппонского, о человеке в его отношении к Богу. Казань, 1894.

Попов И. В. Личность и учение блаженного Августина. Т. 1. Ч. 1–2. Сергиев Посад, 1916.

Попов И. В. Труды по патрологии. Т. 2. Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 2005.

Рамм Б. Я. «Каролингское Возрождение» и проблемы школьной образованности в раннем средневековье // Ученые записки Ленинградского пединститута им. Покровского. 1940. Т. 5.

Степанцов С. В., Фокин А. Р. Августин Аврелий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 1.

Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт. Религия. Культура. М., 2005.

Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Ч. 1. Мирозерцание блаженного Августина. М., 1892.

Уколова В. И. «Последний римлянин» Бозций. М., 1987.

Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. — СПб., 2001.

Фокин А. Р. Иоанн Кассиан Римлянин // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24.

Фортуатов А. А. Алкуин и его ученики // Ученые записки Московского гор. пединститута. 1948. Т. 8.

Фортуатов А. А. Алкуин как деятель Каролингского Возрождения // Ученые записки Московского гор. пединститута. — 1941. — Т. 3.

Augustin: pro et contra. Личность и идейное наследие Блаженно-го Августина в оценке русских мыслителей: антология / Сост. и ред. С. С. Неретовой. М., 2002.

* * *

Жестокий хаос германских завоеваний и падение Западной Римской империи повлекли за собой общую варваризацию. Торговля едва теплилась, европейские города резко уменьшились, а прежние величественные общественные здания постепенно разрушались без ремонта. Воспоминания о развитой городской жизни все более меркли на Западе. Это не значит, однако, что совершенно прекратилась преемственная связь с наследием античного мира, но культура стала развиваться в совершенно новых общественных условиях. Господствующим классом в Европе раннего средневековья оказались военные люди, «мастера рукопашного боя», жившие в деревенских условиях, далекие от городской жизни, от той культурной утонченности, которой отличались даже последние поколения высших слоев Римской империи. Полуграмотным или вовсе неграмотным вождям, королям, сеньорам Раннего средневековья культурное наследие Рима было в основном чуждо. Известные остатки римской культуры, правда, сохранились в области права. В некоторых варварских государствах, как, например, у вестготов, законы составлялись под значительным влиянием римских правовых отношений. Кроме того, различные сделки, особенно связанные с землей, фиксировались в грамотах, в письменных актах, при состав-

лении которых пользовались сборниками формул — своеобразных документальных бланков, связанных со старым римским делопроизводством. Словом, право было одним из тех каналов, по которому проходила до известной степени культурная связь средневекового мира с античным.

Но истоки культуры Европы Раннего средневековья невозможно понять, если не принять во внимание процесс вырождения и упадка античной культуры, которым сопровождался закат Римской империи. Уже с III–IV столетий творческие силы рабовладельческого мира, по сути дела, иссыкают. Золотой век латинской литературы становится преданием. Поэты соревнуются в написании стихов, которые можно было бы одинаково прочесть и слева направо, и справа налево. Воздвигаются напыщенные статуи и триумфальные арки. Искусством овладевает холодная, а нередко просто грубая стилизация, которую с первого взгляда можно принять за неумелость. На самом деле это был особый стиль, своеобразная «мода», которые отвечали потребностям общественного сознания эпохи.

Исторические сочинения этого времени обычно сводятся к анекдотам из жизни императорского двора, а философия опускается до уровня пустых упражнений в красноречии. В Европе погибают также начатки точных знаний, зародившиеся в греческой Александрии с ее всемирно известной школой ученых и уникальной гигантской библиотекой папирусов. Образование и раньше было достоянием ограниченного круга лиц (не надо идеализировать античность!). С разорением мелких и средних рабовладельцев этот круг еще более сужается. Остатки классической образованности остаются только в тонкой прослойке сенатского сословия. Естественно, что рабы, колонны, городской плебс чужды и даже враждебны старой языческой, рабовладельческой, официальной культуре. Противовес они находят в христианстве, несшем много революционного и демократического в своих взглядах.

Варварские завоевания IV–VI вв. хлынули и превратили это медленное загнивание в полный крах. В огне исчезали рукописи, библиотеки, центры учености и памятники искусства, создавшиеся веками. Просвещенные рабовладельцы гибли или бежали в Восточную Римскую империю — Византию, Романию, единственную

страну, где на протяжении последующих веков наиболее полно сохранились античные культурные традиции.

Итак, если образованный человек нынешнего времени бросит взгляд на Европу, скажем, начала VI столетия, он увидит, в первую очередь, цепь нескончаемых войн, «диких» королей-варваров, предательств и льющуюся кровь, услышит боевые кличи и пляски отмирающего уже язычества. И все это осенено гигантским крестом, поднимающимся из Рима... Почти полное забвение античной науки; традиция образования прервалась и в условиях борьбы за выживание стала непозволительной роскошью — грамотных людей в Западной Европе можно сосчитать по пальцам. Вот они, воистину, Темные Века!

Однако такой взгляд слишком поверхностен. И чем более мы будем вглядываться в Сумерки Столетий, тем более неожиданные картины будут открываться перед нами.

Главная причина культурного одичания заключалась все же не в разбоях или невежестве варваров: разбои со временем стихали, а варварская знать пусть неуклюже, но пыталась кое-что позаимствовать у побежденной цивилизации. Дело в том, что завоевания довершили распад экономических и политических связей, начавшийся еще при последних римских императорах. Наступившие в связи с этим аграризация и натурализация хозяйства свели культурные потребности к минимуму. Многие города на западе Европы погибли, опустели, а те, что уцелели в лучшем случае оставались военно-административными центрами, резиденциями епископов. Как следствие, в Европе устанавливается безраздельное господство деревни, а высокая культура почти всегда и везде была связана с городом. Понятно, почему в новых условиях быстро выветривались остатки античного духа.

Некий образованный галльский священник писал в V в.: «Я готов печальной эпитафией оплакивать смерть науки... Грамматика почти варварская, диалектики боятся, как амазонки с обнаженным мечом, стремящейся в битву; от музыки, геометрии, арифметики отворачиваются как от трех фурий. Наконец, философию едва ли не считают каким-то зловещим животным». Целью образования становится не умение мыслить, а искусство рождать красивые пара-

доксы. Такой характер образования — одна из существенных причин поверхностности мышления большинства людей переходной эпохи от античности к средневековью. В VI в. поэт Фортунат, подражавший традиционным жанрам латинской литературы, казался диковинкой при дворе франкских королей, где он изумлял варваров, сочиняя стихи из 33 строк по 33 буквы в каждой.

Другой причиной упадка культуры, по мнению авторитетного медиевиста Жака Ле Гоффа, была необходимость приспособить ее к условиям новой эпохи, сделать культурное наследие античности доступным «новым римлянам», выходцам из среды варваров. Выдающиеся представители новой христианской элиты, сознавая недостаток своего образования, тем не менее отказывались даже от того запаса утонченной культуры, которой владели или могли бы овладеть ради того, чтобы стать понятными своей неграмотной пастве. Опроститься, чтобы завоевать их сердца, — таков был их сознательный выбор. Один из самых видных писателей той поры, историк франков, епископ Григорий Турский в VI в. жаловался на упадок наук, на то, что путает предлоги, родовые окончания и падежи, справедливо отзываясь о собственном стиле: «Словно тяжелый бык танцует в палестре» и вспоминает, что на таком простом стиле писания настаивала его мать, желавшая, чтобы его писания стали более понятны, а значит, доступны большинству франков. Он же сухо констатирует: «Изучение словесности погибло». Характерно, что этот просвещенный епископ не выражает по данному поводу никаких сожалений. Наоборот, он призывает верующих: «Да избегнем лживых басен поэтов,... чтобы не навлечь на себя осуждение на вечную смерть по приговору Господа нашего».

Даже наиболее образованные проповедники V–VI вв. видели в чтении классической греко-римской литературы если не грех, то уж, во всяком случае, прегрешение. Величайший философ, один из наиболее образованных Отцов Церкви — Августин Блаженный, в прошлом учитель риторики, — открыто выражал ненависть к греческому языку и проклинал время, потраченное им на изучение Вергилия. В Испании наиболее уважаемым ученым-энциклопедистом в VI–VII вв. был архиепископ *Исидор Севильский*, или Гиспальский, поскольку Севилья тогда называлась Гиспалисом. Тем не менее он

запрещал своим монахам читать кого-либо из древних авторов, кроме грамматиков. Риторические работы Цицерона и Квинтилиана — золотые вершины жанра — он отвергал как «слишком многословные, чтобы их можно было читать» — яркий пример того, как закопченный горшок обзывает чайник черным. Готами в итальянском королевстве Теодориха Великого по ложным обвинениям в измене королю был жестоко казнен при помощи веревки, затягиваемой палачом вокруг черепа, последний римский философ, эрудит *Северин Боэций*. Недаром уже современники называли его «последним римлянином». В основанном недалеко от солнечного Неаполя монастыре Виварий, — дословно «рассадник, питомник», в преклонных годах скончался другой римлянин — приближенный других готских королей, сенатор, политический деятель и историк *Флавий Кассиодор*, пытавшийся создать здесь монастырскую школу и большую библиотеку. Это были последние обломки образованной римской знати, оставившие в своих переводах и обширных компиляциях крохи былой учености, которыми впоследствии будет питаться средневековье. Но пока что и эти крохи нужны были крайне ограниченному кругу лиц. Простая грамотность стала величайшей редкостью, о чем свидетельствует преобладание крестов вместо подписи под документами. Подчас даже короли не умели подписываться, а священники не понимали богослужебных текстов на латыни. В VII в. положение еще более ухудшилось. Казалось, Европа погрузилась в тупое оцепенение.

Кризис античной культуры порождал нередко отчаяние и разочарование самих ее деятелей, стремившихся, приобщившись к христианству, найти опору, спасение в фанатичной вере. Уже в III в. уроженец Карфагена, один из крупнейших раннехристианских писателей Квинт Тертуллиан (ум. после 220 г.) восклицал: «Сын Божий умер — это вполне достоверно, потому что нелепо. Погребенный Он воскрес — это верно, потому что невозможно». Но христианская Церковь, конечно, не могла остановиться на таком отрицании всякого знания и разума. Оно было признаком слабости. Между тем Церковь разбогатела, превратилась в могущественную социальную силу. Возвышаясь над всеобщим хаосом и распадом, который переживала Европа в IV–VI вв., именно Церковь оказалась

единственной всеобщей и централизованной организацией раннего средневековья. Церковь стала играть огромную роль, создавая идеологическую базу для формировавшегося нового средневекового общества. Будучи наследницей античной Римской империи, она приобрела колоссальное влияние на Европу и опутало ее широчайшей сетью. Отныне право и мораль, наука и искусство выступают в обязательном религиозном облачении. В раннее средневековье Церковь оказалась почти единственным общественным институтом — носителем культуры в Европе. В мире, где мало кто умел читать, образование сосредоточилось в руках Церкви. Всякий просвещенный человек был обязан ей своей ученостью, будь он свят или порочен, сведущ или едва способен прочитать по латыни «Отче наш». Более того, грамотность, по сути дела, стала почти исключительно достоянием духовенства. Имевшиеся при королевских дворах юристы, знатоки законов считались тоже людьми Церкви, если даже не имели духовного звания. Грамотность тогда давала право на принадлежность к званию клирика. Церковь, епископские кафедры, монастыри служили до известной степени продолжателями культурных традиций Римской империи. Выйдя из недр античного общества, христианство неизбежно несло на себе некоторый отблеск ее культуры. Именно это обстоятельство помогло духовенству захватить монополию на интеллектуальную жизнь и образование. Христианство должно было усвоить какие-то элементы римского культурного наследия, прежде всего, ради нужд церковной службы и аппарата, ради влияния на верующих, ради контроля над духовной жизнью. Надо помнить, что сама религия и церковная организация были унаследованы Церковью от Поздней Римской империи. Они сложились и выросли в ее недрах. Творения Отцов и Учителей Церкви, особенно церковных писателей III и IV вв., представляли собой разработку христианских догм и морали на основе поздней греческой философии. Разумеется, это наследие продолжало существовать, разрабатываться и в следующие столетия.

Церковь нуждалась для своих целей и в изучении латинского языка. На Западе богослужение изначально велось на латыни. Следует учесть, что вплоть до появления и развития национальных языков латинский язык, конечно, огрубевший, опростивший-

ся под влиянием местных наречий, оставался вовсе не «мертвым», а живым языком культуры — причем не только Западной Церкви, но и школы, суда, государственного управления, дипломатии, художественной литературы. Таким образом, всюду в Европе латинский язык перестал быть живым языком, но остался языком церковным, книжным и международным, способным *создать общее культурное, интеллектуальное пространство и дать наиболее легкий доступ к литературному наследию римской античности*. Изучение латинского языка представляло собой одну из тех задач, которую ставила перед собой средневековая школа — школа, преследовавшая в первую очередь церковные цели. Для того, чтобы быть церковником, надо было худо-бедно изучать латинский язык, на котором велось богослужение, но даже для этого поневоле приходилось изучать латинских писателей. В школах, находившихся в раннее средневековье только при монастырях и епископских кафедрах, происходило изучение латинских прозаиков и поэтов. Поэтому школьное изучение латыни вызвало постоянную переписку произведений античных писателей, а это, в свою очередь, дало возможность сохранить их наследие. Античных писателей не просто переписывали. Древние авторы представляли собой в то время важнейший источник знания. Поэтому составлялись всевозможные сборники, содержавшие сумму знаний, почерпнутых из античных писателей. Такого рода сборники, или компендиумы, имелись уже в VII в., ярким примером чему могут служить знаменитые энциклопедические «Этимологии» Исидора Севильского. Списывание рукописей античных писателей поощрялось и даже считалось богоугодным делом. Оно составляло постоянное занятие монастырей. Именно западным монастырям и монашеству пришлось в раннее средневековье иметь дело с тем, что осталось от исчезнувшей античной цивилизации.

Уже к середине VII в. Запад от суровых островов Шотландии до жаркой Северной Африки, от Пиринеев до Подунавья покрывается сетью монастырей. Раннее монашество Запада создали такие знаменитые подвижники-монахи как Св. Мартин Турский в IV в. в Галлии, то есть на месте будущей Южной Франции, и Св. Бенедикт Нурсийский, в VI в. основатель аббатства Монте-Кассино

в Италии, на полпути между Римом и Неаполем. Он был автором знаменитого монашеского устава — *ordo*, где первым пунктом, первой заповедью монахов предусматривался не физический труд, а чтение Священного Писания, что, разумеется, поощряло овладение грамотностью. Западное монашество находилось под сильным влиянием своего восточного образца — монашества Египта, Сирии и Палестины. Первые монашеские уставы — египтянина Пахомия Великого и каппадокийца Василия Великого (IV в.) были составлены на Востоке. Переведенные с греческого сочинения о жизни египетских и сирийских монахов-подвижников были весьма популярны на Западе. Интенсивная переводческая деятельность в этом направлении продолжалась на протяжении всего Раннего средневековья. Широкой известностью на Западе V — начала VI вв. пользовался Лернский монастырь на юге Галлии — «питомник епископов». Это был крупнейший западный центр усвоения и обобщения восточного опыта монашества. С ним связана деятельность Иоанна Кассиана Римлянина, ученика египетских старцев, писателя и переводчика на латынь, жившего около 360–435 гг. Его аскетические сочинения были очень популярны в течение всего средневековья не только на Западе, но и на византийском Востоке. Показательно, что Кассиан в своих сочинениях, — а главное из них так называемые «Беседы», — пропагандировал мысль о превосходстве нравственного воспитания над ученостью, над знанием. Главным средством приобретения добродетелей Кассиан во всех случаях считал тоже не знание, а молитву.

Тем не менее именно в монастырях создаются монастырские скриптории — мастерские по переписке, где копируются манускрипты античных писателей, главным образом, конечно, раннецерковные. Большинство дошедших до нас произведений античных писателей сохранилось благодаря работе неизвестных монахов, которые занимались их перепиской. Надо, впрочем, сказать, что, сохранив многое из античного наследия, они частью его и погубили. Дело в том, что начиная со второй половины V в., в связи с теми глубокими переменами, которые произошли в то время в геополитике и торговле античного мира, значительно сократился подвоз в Европу из Египта, захваченного германцами-вандалами, глав-

ного материала для письма — папируса, который все больше стал вытесняться иным материалом — пергаменом. Вместе с тем старая форма рукописи — папирусный свиток постепенно начала заменяться пергаменным кодексом (то есть сшитой в корешке книгой). Но пергамен, изготовлявшийся из кожи домашнего скота, требовал кропотливого процесса производства и был очень дорог; для переписки больших произведений требовалось значительное количество его, и поэтому монахи-переписчики, чтобы получить материал для письма, стирали старые рукописи, особенно частично подпорченные, и писали на стертых новые. Так погибла некоторая часть ценных рукописей, как античных, так и христианских, но много и сохранилось. Так или иначе монастыри были проводниками связи с классической культурой. При такой роли Церкви вполне естественно, что культура носила в то время преимущественно церковный характер.

Разумеется, нельзя преувеличивать связь христианской Церкви с античной культурой. Церковь неизбежно урезала и искажала заимствованные ею элементы античного наследия. Следует также учитывать, что наследие это успело уже обеднеть и выродиться в ходе кризиса античного общества.

В V в. североафриканский ритор Марциан Капелла написал трактат «О браке Филологии с Меркурием», в котором в образе семи дев — подруг Филологии, явившихся на свадьбу, изображались «семь свободных искусств», семь учебных предметов — artes, заимствованных у античной школы: грамматика, риторика, диалектика, то есть логика, геометрия, арифметика, астрономия и музыка. В пределах «семи искусств» вращалось средневековое образование. «Свободные искусства» отвечали практическим потребностям и имели сугубо прикладное значение. В целом, знания, которые они давали, были весьма скудны. Исходя из современных научных постулатов, это легко счесть признаком «примитивности», «отсталости сознания» или «наивности», «детскости» мышления. Так, собственно, и судили, а зачастую судят и поныне. Но подобный подход не историчен, а потому и несправедлив. Он научно несостоятелен. Нужно отказаться от идеи о том, что поколения людей, живших в иные эпохи, были менее умственно развиты, нежели мы. Но для того, чтобы

отрешиться от подобного рода высокомерных предрассудков, необходимо понять, что в каждую историческую эпоху человеческая мысль по-своему и внутренне для себя целесообразно организует свой наличный материал и социальный опыт — строит и осознает его в соответствии с собственными потребностями своего времени. Следует понять, что этот противоречивый свод знаний вполне удовлетворял потребности средневекового общества. Для науки же в нынешнем ее понимании не существовало ни материально-технических, ни социальных предпосылок. Надо помнить, что натуральное хозяйство и сравнительно примитивная общественная жизнь не требовали тогда большего.

Церковь заботилась о просвещении не ради любви к науке. Она истолковывала «свободные искусства» на свой лад. Как позже писал французский монах, знаменитый теолог XIII в. Фома Аквинский, «все науки должны восходить к Христу»: «Добрая наука — геометрия, ибо учит нас измерять землю, куда отойдет наше тело; добрая наука и арифметика, ибо с ее помощью мы можем убедиться в ничтожном числе наших дней». Тут сказалась характерная черта средневековой культуры: даже в арифметику вносилась религиозная мистика, хотя арифметика жила все-таки не по милости Церкви, а потому что без нее нельзя было строить, вести хозяйство, торговать, собирать налоги.

Итак, в VI–VII вв. уровень образования, культуры был сравнительно низок. Новая средневековая культура только складывалась в своих характерных чертах. Лишь в Ирландии, Британии, Южной Италии наиболее ярко тлели огоньки культуры. Особенно прочно школы и образование утвердились в Ирландии, где от варварских набегов укрылось немало представителей образованности с континента, в частности, из Галлии. Здесь культивировали обучение наукам, причем возможны даже связи путешествовавших ирландских интеллектуалов с Александрией, Египтом, откуда были почерпнуты знания. Просветителем Ирландии считается Св. Патрик, хотя, скорее, надо сказать о нем как человеке, в V в. утвердившем на этих землях христианство. Ирландия в большом числе стала поставлять проповедников христианства и организаторов школ на континенте, получив в VII в. прозвище «острова ученых». В Раннее средневековье

всех представителей кельтской народности в Британии и Ирландии звали «скоттами». Это было не самоназвание этих племен, а термин, введенный уже римлянами. Так вот роль «скоттов» в истории просвещения в Западной Европе начала Средних веков оказалась очень значительной. Был даже момент, когда Ирландия с ее энергичным монашеством являлась едва ли не наиболее просвещенной страной Западной Европы. Но в это же время Папа Григорий I Великий (590–604 гг.) заявлял, что «в высшей степени недостойно подчинять слова небесного пророчества правилам [латинского учебника грамматики]». И этот Папа происходил из древнего римского рода и считался образованнейшим человеком, крупнейшим, талантливым церковным писателем эпохи. Тем не менее он, как и большинство клириков, презирал классическую ученость и поощрял иррационализм.

Вообще, роль Папы Григория, на долю которого выпала очень важная миссия развития папской власти, не совсем ясна в отношении истории образованности раннего средневековья. О нем источники говорят, с одной стороны, как о чрезвычайно образованном человеке. Превосходно владея не только латынью, но и греческим языком, он недаром получил прозвище «Двоеслов». Это вполне подтверждается и его литературными трудами, большим числом писем. Но с другой, те же источники говорят о нем, как о гонителе наук. Он, например, изгнал из Рима «математиков». Сохранилось его письмо к одному из франкских епископов в Галлии (по видимому, к Дезидерию Кагорскому, епископу Вьенна), где он спрашивает: правда ли, что епископ кого-то учит грамматике, связанной с языческой поэзией и мифами. Это он считает недопустимым для епископского достоинства, ибо «...нельзя одними и теми же устами славить Христа и Юпитера». Наконец, есть сведения, будто он сжег знаменитую Палатинскую библиотеку в Риме, полную «языческих», то есть древне-классических книг, в том числе труды историка Тита Ливия, Цицерона и др. Но эти сведения нельзя считать доказанными. Сообразно этим данным, в историографии раннего средневековья существует спор — был ли Григорий насадителем христианского просвещения или же обскурантом, преследующим науки. Несомненно все же: Григорий был противником увлечения

классическими традициями и сторонником усиления богословской подготовки деятелей Церкви. Вместе с тем он положил начало специальным школам церковного пения, которое привел в систему (так называемый *Cantus gregorianus*). Мотивы из него сохранились в практике богослужения до наших дней. Им основана знаменитая Латеранская школа церковного пения в Риме, где проходили не только музыку и пение, но, что важно, остальные «свободные искусства». Эта школа поставляла образованных канторов, то есть певцов и регентов — дирижеров церковных хоров во все страны Запада.

С деятельностью Папы Григория Великого косвенно связана и история школ в Англии, так как он был инициатором в деле обращения англо-саксов в христианство (в конце VI в. миссия епископа Августина путем проповедей добилась крещения короля Кента, после чего было основано епископство в Кентербери).

Для оценки позиции Григория Великого важно учитывать исторические особенности его эпохи. Старое античное общество и связанная с ним культура были разрушены, новое еще не возникло. Епископство Григория пришлось на беспокойное и жестокое время: набеги лангобардов, постоянно державших под угрозой Рим, внутрицерковные распри, подозрительность византийского двора, бесконечные хлопоты, связанные с управлением Церковью, проблемы христианизации многочисленных варварских народов, заселивших территорию Западной Европы. В Италии не было единой государственной власти, шли непрерывные войны между лангобардами и византийцами, господствовала политическая нестабильность. В условиях распада общества монашеский уклад жизни и связанная с ним система аскетического самовоспитания объективно оказывались единственным мировоззренческим ориентиром. В большей или меньшей степени это относится ко всем странам Западной Европы VII в.

Так как культура находилась под влиянием и контролем Церкви, складывавшаяся новая идеология могла быть только христианской. Эта идеология отчасти была намечена на столетия вперед уже в сочинениях теолога Августина Блаженного — североафриканского епископа V в., который считается одним из величайших христи-

анских философов и гениальным учителем Церкви. Римский папа Геласий назовет его «светом среди Отцов Церкви».

Судьба этого великого человека тоже отражает переломный характер эпохи. Аврелий Августин родился в 354 г. в североафриканском Тагасте в семье некоего Патрикия, муниципального чиновника, который принял христианство лишь перед смертью, и обаятельной Моники, давно исповедовавшей веру в Христа. Семья переехала в небольшой город Мадабу, откуда попала в столицу Африки — Карфаген. Здесь Аврелий завершил образование и даже взял полюбившуюся ему сожительницу, от которой родился его сын Адиодат. Будучи преподавателем риторики, себя он иронично называл «торговцем словами». Всеядный читатель, Аврелий поглощал все, что попадалось ему, так что рядом с Цицероном и «Категориями» Аристотеля вполне уживалось и Священное Писание. Попав под влияние взглядов манихеев, он оставался верен им долгие девять лет и даже обратил в эту веру ряд своих друзей. В конце-концов он понял ущербность, грубость манихейской теории, считавшей зло материальным. Беседа с иерархом манихеев Фавстом его окончательно разочаровала и подтолкнула в ряды философов-скептиков. Какое-то время он еще «продавал искусство победоносной болтливости» — риторику, пока не перебрался с помощью друзей в Рим, где получил должность писателя речей. Осенью 384 г. Аврелий переехал в Медиолан (совр. Милан), где стал преподавать риторику. Здесь же он познакомился с выдающимся правителем, прославленным архиепископом Амвросием Медиоланским, всесторонне образованным, талантливым проповедником, создателем знаменитой Амвросианской библиотеки, которая переживет века. Два года он внимал этим проповедям, находясь также под влиянием душевных бесед с любящей Моникой, которую он вместе с сыном взял с собой в Италию и которая очень беспокоилась о духовном поиске своего сына, всячески опекала его. В июне 386 г. духовник Амвросия дал ему Послания апостола Павла, которые произвели на него очень сильное влияние и подготовило знаменитый случай в саду дома, где Аврелий жил. Вот как он описал происшедшее с ним в своем мемуарном сочинении — «Исповеди». Находясь в состоянии мучительных философских и религиозных исканий, Аврелий бросился

на землю под фиговое дерево и дал волю слезам — и в этот момент услышал доносящийся как бы из соседнего дома высокий детский голос, повторявший нараспев одни и те же слова: «Возьми и читай! Возьми и читай!». Истолковав эти случайные для него слова из песенки ребенка как само повеление Господа, Аврелий отправился в дом, открыл наугад оказавшуюся у него под рукой книгу Посланий апостола Павла и прочел: «Как днем будем вести себя благочинно, не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и зависти; но облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти» А далее следовали слова «Слабого в вере примите без споров о мнениях». И хотя Аврелий до этого видел в этих самых апостольских словах к римлянам много несурзости, о чем он сам рассказал в своей «Исповеди», именно эти слова апостола Павла перевернули его душу. После этого он удалился в свое имение под Медиоланом, где начал писать трактаты, сочинения на темы своих религиозных размышлений.

В ночь с 24 на 25 апреля, на Пасху, 33-летний Аврелий принял Святое Крещение в Миланском соборе из рук самого Амвросия Медиоланского. Тогда же крестились его сын Адеодат и приятель Алипий: практика позднего крещения в это время была распространена даже в христианских семьях. Вскоре после этого он решил вместе с домашними вернуться из города, где нашел Бога, на родину, в Африку, но в порту Остии, под Римом его задержала внезапная смерть его матери, скончавшейся от простуды. За несколько дней до горестного события — как написал ее сын в одном из самых лирических пассажей «Исповеди» — они стояли вечером у окна постоялого двора, держась за руки, смотрели на сад и говорили о Царстве Божьем и вечной жизни святых. У нее было предчувствие скорой смерти. Господь исполнил самое заветное ее желание: она увидела Августина христианином. «Что же теперь мне здесь делать?» — спросила она. Через несколько дней она заболела и тихо скончалась. Перед смертью попросила сына не брать ее тело в Африку, а просто где-нибудь похоронить, «потому что где бы ни лежать, Бог всегда рядом». Не проронив ни одной слезы, Августин предал ее тело земле. В дальнейшем его неотступно преследовали воспоминания о преданной матери, которая никогда более не будет беспокоиться и хлопотать

о нем. Как настоящий римлянин, он отправился в термы в надежде облегчить свое горе, но обнаружил, что «из сердца его никогда не уйдет горечь». Все это еще более усилило душевные переживания Августина, который в итоге пришел к мысли всецело отдать себя и все, что у него есть служению Церкви. Осенью 388 г. он вернулся в Тагасту, продал родительское имение, раздал деньги. Теперь ему протежировал епископ Валерий Гиппонский, в 391 г. возведший его в сан священника. После этого Августин перебирается в приморский, сравнительно крупный город Гиппон Регий в Нумидии (ныне его развалины вблизи современного города Аннаба (Бон) в Алжире) и даже основывает монастырь со своими друзьями и сестрой.

Следующий этап его жизни оказался связан с борьбой с донатистами, сторонниками епископа Доната, которые выступали в тогдашней Церкви в роли непримиримых раскольников. По воззрениям Доната, тот священник, кто запятнал себя сотрудничеством с языческими властями, не вынес гонений, потерял благодать Святого Духа и не может совершать таинства. Для этого нужна личная святость носителя веры. Августин выступил ярким защитником единства Церкви и ради этого даже звал к насилию над донатистами. После того как перед смертью старый Валерий Гиппонский посвятил его в епископы в 395/396 гг., он вместе с епископом Аврелием Карфагенским становится крупной церковной фигурой, а со временем ее выдающимся мыслителем.

24 августа 410 г. вестготы Алариха захватили Рим. Эта черная весть докатилась до Африки, принеся с собой необоримое предчувствие крушения мира. Собственно, это предчувствие и предопределило решение Августина взяться за работу над главным сочинением своей жизни — трактатом «De Civitates Dei», что можно перевести двояко — «О Граде Божьем» или «О Государстве Божьем», причем последний перевод точнее по смыслу. Следует учитывать, что *civitas* — это не совсем «град» и уж совсем не «царство», а, скорее, некоторая общественная система, существующая в определенных исторических или, в понимании Августина, метаисторических границах. Собственно, это гражданская система принципиально нового типа, о которой говорит христианство: «вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане (по-гречески — симполиты) святым

и свои Богу» (Послание к Ефесеям: 2, 19). Человеческая история («первая мировая история»), как понимал ее Августин, есть борьба двух враждебных общественных систем — общества врагов Божьих, приверженцев всего земного, то есть светского мира (*civitas terrena*), мира дьявола (*civitas diaboli*), и Царства Божия (*civitas Dei*), которое для Августина отождествлялось (в соответствии с его земной формой существования) с Церковью.

Разгром Рима Августин рассматривал как грозное, но справедливое возмездие за длительный период кровавых войн и деспотизма, которым держалось могущество языческой империи, а также за «разврат» античной культуры (с христианской точки зрения). Именно нашествие варваров содействовало оформлению в сознании Августина знаменитой теории «двух общественных систем» — земной и Божьей. Рим (языческий Рим) был олицетворением земного государства. Но ему противопоставлялось «Божья общественная система» (*civitas Dei*), включавшее в себя совокупность всех «верных» (*fidelium*), то есть христиан, причем как живущих на земле, так и умерших, существующих вечно в духовном мире. Государство земное, перейдя в руки христиан, должно подчинить себя задачам «Государства Божьего» и тем самым подпасть под духовный контроль Церкви, как всемирной организации «верных». Только Церковь способна установить Божью справедливость в земном мире, указывал Августин. Его учение о Божьей общественной системе сделалось позднее исходным пунктом средневековых политических теорий. Ему же принадлежала идея государства, управляемого духовенством (теократией), соотносящим всю свою политику с принципами христианской религии. Трактат оказал сильнейшее влияние на мировоззрение средневековья и был одним из источников, из которых Римские папы станут черпать аргументы в пользу мировой папской монархии. Они будут ссылаться именно на Августина, стремясь к подчинению императорской власти со стороны папства.

Августин много лет вел многохлопотные дела своего церковного диоцеза. Это был уже старый человек, которому становилось все тяжелее. Прекрасная наблюдательность и память выручали все меньше. За трапезами он предпочитал беседовать с присутствующи-

ми клириками, монахами. Но, как и прежде, продолжал разбирать тяжбы, давал рекомендательные письма, помогал деньгами, ездил по делам Церкви, участвовал в Поместных церковных соборах. Поражает его работоспособность, плодовитость как писателя, обилие написанных им сочинений. В 426 г. он перепоручил дела епархии своему преемнику Ираклию, чтобы целиком отдаться работе над завершением трактата «De civitates Dei». В августе 430 г. Августин скончался в осажденном вандалами Гиппоне. Его останкам долгое время было не суждено обрести покой. Чтобы спасти их от надругательства со стороны ариан-вандалов, мощи Августина были перенесены его приверженцами в Сардинию, а когда этот остров попал в руки арабов, выкуплены Лиутпрандом, королем лангобардов, и погребены в Павии в церкви Св. Петра. Лишь в 1842 г., с согласия Папы, они были возвращены в Алжир и сохраняются там подле памятника Августину Блаженному, воздвигнутого ему на развалинах Гиппона французскими епископами.

В сочинениях этого Отца Церкви, причисленного к лику блаженных (ранг ниже святого), мы находим очень важные, краеугольные идеологические, духовные установки официального средневекового общества. Во-первых, это **провиденциализм**, то есть объяснение любого события провидением Бога, заранее начертанным на небесах: «Без перста Божьего ни один волос не упадет с головы человека». Во вторых, **аскетизм**, то есть проповедь воздержания во всем, а главное — «любви к Богу, доведенной до презрения к себе». Ибо земная плоть — «темница души», а земная жизнь — лишь краткий миг подготовки к смерти, то есть к жизни вечной. Кстати, с этой точки зрения выходило, что сжечь еретика во имя спасения его души — значит оказать ему услугу. В-третьих, идея **загробного воздаяния**, награды на том свете. Это стало главной идеей христианства. Но как заслужить столь желанное спасение? Только при помощи Церкви, единственной проводницы между Богом и людьми. Отсюда, в-четвертых, утверждение **превосходства духовенства над мирянами** и превосходство Церкви над светскими властями.

В средневековом обществе отдельный человек что-то значил лишь постольку, поскольку он принадлежал к общине, роду, сосло-

вию, цеху и т. д. Тот, кто порывал эту крепкую связь, оказывался за бортом официального общества. Христианское учение освящало эту зависимость единичного от целого, нерушимую связь индивидуума с определенной ступенью иерархической лестницы. Значение человеческой личности всячески принижалось. Силы и возможности человека ничтожны, сам он подобен жалкому листу, влекомому по прихоти ветра. Гордыня — смертный грех, а добродетель — в готовности покорно принять уготованный Богом удел, в смиренности и самоуничижении.

Показательно для развития подобной официальной идеологии и правление упомянутого выше Римского папы Григория I Великого, наиболее славное в ту эпоху раннего средневековья. Избранный Папой во время страшной эпидемии чумы в Риме, Григорий, бывший монах, считал, что эти бедствия возвещают конец света и что долгом всех христиан является покаяние, отвлечение от этого мира и приготовление к миру будущему. Он помышлял о распространении христианской веры и обращении в нее англосаксов и лангобардов, дабы лучше выполнить свои пастырские обязанности, ибо Христос не сегодня — завтра потребует на Страшном Суде отчитаться за паству. В качестве образцов для подражания он в своих духовных наставлениях предлагал подвижника, аскета Св. Бенедикта Нурсийского с его монашеским отречением от мира и библейского Иова, абсолютно всего лишившегося, но непреклонного в вере. Своеобразным эпиграфом к сказанному звучат строки из письма Григория Великого: «Зачем снимать жатву, если жнецу не суждено жить? Пусть каждый окинет взором течение своей жизни, и он поймет, сколь мало ему было нужно». Эти взгляды верховного понтифика Запада оказали сильное влияние на средневековую мысль и на средневековое мировоззрение. Как и слова Августина, они знаменовали начало классического средневековья, эпохи презрения к миру и отречения от всего земного. Отсюда проистекала и сакрализация всего, что имело отношение к выполнению таких наставлений.

Конечно, подобная официальная идеология не могла не глушить пытливість ума и жажду мирского творчества. Однако наивно полагать, что средневековые люди были поглощены исключительно

благочестивыми помыслами в духе Августина Блаженного. Персонаж одной рыцарской повести XIII в. «Окассен и Николетт» уверял, что в рай идут «старые попы, убогие и калеки, которые день и ночь томятся у алтарей и старых склепов». «Все они идут в рай, но мне с ними там делать нечего. Я хочу попасть в ад, куда идут добрые ученые и прекрасные рыцари... Туда же идут и нежные благородные дамы,... идет туда золото, серебро и цветные меха, идут туда музыканты и жонглеры, и короли мира».

Стихийная оппозиция официальному духу Церкви никогда не угасала в народных массах, цепко державшихся за древние общинные праздники, обычаи и поверья. Впрочем, и поведение самого духовенства чаще всего имело мало общего с аскетизмом... Наконец, отношение Церкви к светской культуре не могло не быть противоречивым. Тот же Августин, воспитанный, как и другие Отцы Церкви, на античных традициях, завещал Средним векам компромиссную формулу, которой они долго следовали: «Христиане меньше, чем кто бы то ни было должны отвергать что-либо хорошее только потому, что оно принадлежит тому или другому, только Бог — создатель и владелец всего. Поэтому продолжать хорошие обычаи, практиковавшиеся у идолопоклонников, сохранять предметы культа и здания, которыми они пользовались, это значит отобрать у них то, что им не принадлежит, вернуть истинному владельцу, Богу, посвящая ему непосредственно в его культе и косвенно в культе святых». Другими словами: «Не следует презирать хорошее, даже если оно сказано язычником».

В целом, культура Раннего средневековья уступала по своему уровню античной культуре эпохи ее расцвета. Однако, надо помнить, что упадок культуры в Раннее средневековье был исторически неизбежен. Античная цивилизация зашла в тупик, исчерпала себя, была неспособна к дальнейшему развитию. Ее уничтожение на первых порах означало уничтожение образованности вообще. Новое не могло появиться пока этому мешали старые формы и традиции. Взаимодействие, синтез римского и варварского начал омолодил не только социальные отношения, но и культуру.

Исторический процесс совершается не прямолинейно. Действительно, раннесредневековое общество находилось на гораздо

более низкой ступени образованности и искусства, чем античность. Но оно имело свои преимущества.

Во-первых, в орбиту культурного развития были втянуты **новые народы**. Кельты и германцы создают своеобразную поэзию и приобщаются к письменности. Уже не только узкая полоса вдоль Средиземноморья, но вся «Европа варварских полей» втягивается в единый культурно-исторический процесс, рождая шесть культурных народов с культурными языками. Во-вторых, средневековое общество обладало **более передовым социально-экономическим фундаментом**. Поэтому оно смогло продвинуться вперед в направлении, которое привело к появлению бюргерства, к Возрождению и в конце концов — к формированию национальных культур. Это было очень медленное, зигзагообразное, мучительное движение и от очень жалкого исходного уровня. И все же это было прогрессивное движение вперед.

В конце VIII — начале IX вв. появились первые признаки культурного оживления. Чем их можно объяснить? Складыванием феодализма, созданием обширного государства сначала короля франков, а затем императора Карла Великого — правителя большей части христианского Запада, усложнением административного аппарата. Все это потребовало увеличения числа грамотных и сведущих людей, а значит, поднятия уровня культуры и образованности. При монастырях учреждались новые школы для мирян, как сказано в капитуляриях короля франков Карла Великого, «на пользу святой Божьей Церкви и для украшения императорской власти». Распространялись античные тексты. Сохранению большинства латинских авторов и знакомству со многими из них мы обязаны как раз усердию каролингских переписчиков. Наиболее четкий, упорядоченный, единообразный тип письма на основе латинского алфавита — каролингский минускул вытеснил остальные, местные типы и в течение первой половины IX в. все скриптории Франции, Рейнской области и северной Италии перешли к употреблению нового письма, унифицированного по единому канону. Специалисты считают, что это был результат очень важной намеренной реформы, выбора между многими возможностями. Строились дворцы и храмы, правда, большей частью еще деревянные, не из камня, да и те

были старательным подражанием позднеримским и ранневизантийским образцам, увиденным Карлом Великим после покорения лангобардской Италии, прежде всего, в Риме и Равенне. Но тем не менее строительство их способствовало становлению нового архитектурного стиля — романского. Карл Великий привлекал со всей Европы образованных духовных лиц к своему двору в Ахене, где возникло придворное училище — «Академия», а точнее, узкий кружок людей, благоговевших перед древней латинской премудростью и занимавшийся образованием.

Наиболее выдающимся деятелем и душой «Академии» стал англосакс Алхвин, известный как Алкуин Йоркский (730–804 гг.), питавший учеников «медом Святого Писания», «чистым вином древних знаний» и плодами грамматического изящества. В свое время он получил образование в кафедральном училище Йорка при архиепископе Эгберте, который сам был учеником Беды Достопочтенного (умер в 735 г.), одного из самых прославленных ученых и писателей раннего средневековья. В 782 г. он поступил на службу к Карломану, старшему брату-сопернику Карла, а после его смерти стал служить младшему брату, сосредоточившему в своих руках всю власть. Скрипторий Алкуина, находившийся в Туре, в монастыре, аббатом которого он был, вероятно, сыграл особенно важную роль в распространении каролингского минускула, чье возникновение относят ко второй половине VIII в. Иноземными учениками франков стали лангобард Павел Диакон, автор «Истории лангобардов», один из выдающихся эрудитов Италии, архиепископ Паулин Аквилейский, готский поэт Теодульф из Испании и другие. Результатом их стараний стало поколение молодых выучеников из числа самих франков, среди которых выделяются фигуры приближенных Карла Великого — поэта Ангильберта, прозванного в Академии Гомером, женатого на своей наставнице, дочери Карла, Берте, будущего жизнеописателя великого императора, архитектора Эйнгарда с соответствующим прозвищем Веселеил (так Библия звала строителя знаменитого Иерусалимского храма царя Соломона).

Карл и его окружение из книжников называли это литературно-образовательное движение «gerarage», по-латыни «восстановление,

обновление, пополнение». Впрочем, культ античности ограничивался при этом «герраге» чисто внешними формами, а произведения членов «Академии», включая строительные, не отличались оригинальностью. Раннесредневековый культурный подъем, получивший у историков пышное, но совершенно условное наименование *Каролингского Возрождения*, оборвался с распадом империи Карла. Ныне совершенно ясно, что Каролингское Возрождение было лишь итогом серии мелких возрождений, восстановлений, которые дали знать о себе с конца VII в. в крупнейших франкских и италийских монастырях (Корби, Сен-Галлен, Фульд, Боббио), а также в папском Риме и лангобардской Павии. Так что масштабы этого явно переоцененного возрождения были невелики.

Отличительная его черта в том, что оно не было новаторским. Принятая им программа обучения было всего лишь программой прежних церковных школ, в соответствии с которой «в каждом епископстве и каждом монастыре учили псалмам, письму, пению, счету, грамматике и заботились о переписке книг».

Культура каролингского двора, по мнению Жака Ле Гоффа, ничем не отличалась от культуры варварских королей, таких как остготский король Теодорих Великий, правивший в первой четверти VI в. большей частью северной и средней Италии. Эта культура, по словам историка, «обычно не шла дальше почти что детских забав, столь соблазнявших варварские умы. Словопрения, загадки, учебные головоломки — все это напоминает игры и упражнения, предлагаемые современными журналами для развлечения. Королевская академия была чем-то вроде светского увеселения, которому предавался кружок близких к государю лиц, которые именовали его забавы ради Давидом... Император, научившийся читать, но не писать, что было уже большим достижением для мирянина, как дитя забавлялся сделанными для него большими буквами, которые он по ночам угадывал ощупью под подушкой. Увлечение античностью чаще всего ограничивалось знакомством с нею по Кассиодору и Исидору Севильскому».

В любом случае Каролингское Возрождение было ограниченным и эта его ограниченность была predetermined тем, что оно отвечало неглубоким пока потребностям узкой социальной группы.

Оно должно было обеспечить элементарной культурой прежде всего высших служащих. Каролингское законодательство предусматривало открытие школ во всех епископствах и всех монастырях, то есть введение всеобщего, но уже сын и наследник Карла, Людовик Благочестивый, по замашкам больше «иерей, чем король», не помешал своему духовнику, знаменитому аскету Бенедикту Анианскому, закрыть монастырские школы для мирян, якобы ради того, чтобы сохранить культурную монополию духовенства. При нем Академия с ее шумными развлечениями, многочисленными любовницами и любовниками, фокусниками и дрессированными медведями быстро захирела.

Для этой узкой группы культура, помимо развлечения, представляла собой скорее предмет эстетического наслаждения и способ укрепления престижа, нежели подлинную образованность и средство управления. Если она и помогала управлять, то благодаря не просвещению народа, а производимому на него сильному впечатлению.

Рукописи в то время оставались предметом роскоши, теряя всякое утилитарное назначение, в том числе и образовательное. Их не столько читали, сколько рассматривали. В это время действительно произошла реформа письма — был введен в обращение новый шрифт, универсальный и относительно простой. Однако даже прославленный каролингский минускул поначалу был введен скорее из соображений каллиграфии, забота о которой свойственна людям неглубокого ума, даже необразованным. Так что можно согласиться с мнением тех медиевистов, которые полагают, что каролингская культура была «роскошью, вкус к которой проявлялся так же, как и к дорогим тканям или пряностям».

И все же «reperare» Карла Великого было одним из этапов становления культурного арсенала средневекового Запада. Многие его создания стали частью культурного багажа людей средневековья. Переписанные в каролингских скрипториях тексты древних авторов позднее послужили распространению античной литературы. А оригинальные сочинения каролингских писателей (Павла Диакона, Эйнгарда, Валафрида Страбона, Нитгарда, Ноткера Заики, Астронома, Тегана и др.) составили после раннего средневековья

новый пласт знаний, оказавшихся в распоряжении образованных людей последующих веков.

Алкуин Йоркский выполнил крайне важную, судьбоносную роль передаточного звена во внедрении программы семи «свободных искусств» и по сути дела узаконил их. Его духовным сыном, учеником был аббат Фульдский, а затем архиепископ Майнца Рабан (Храбан) Мавр, которого называли наставником Германии. Он оставил средневековую энциклопедию «О вселенной» и педагогический трактат «О воспитании клириков». Последний был видоизмененный вариант трактата «О христианском учении» Августина Блаженного, который теперь заменил его для многих средневековых читателей. Во всех основных библиотеках эти труды заняли место рядом с сочинениями Кассиодора и Исидора Севильского.

Наконец, был гениальный и загадочный ирландец Иоанн Скот Эриугена, который завершил патристику и которого можно считать одним из первых великих схоластов. Будучи христианским универсалистом, он основывал свои взгляды на идеях раннехристианских греческих авторов (в частности, Оригена). Большую часть жизни Эриугена провел при дворе внука Карла Великого, Карла Лысого, возглавляя Палатинскую академию, где сменил Алкуина Турского. Был ли Эриугена клириком или мирянином — неясно, однако общие обстоятельства его времени говорят, скорее, за то, что он должен был быть клириком и, возможно, монахом.

Главный труд Эриугены, диалог «О разделении природы» (*De divisione naturae*, *Periphyseon*, ок. 865–870 гг.), — явно неоплатоническое произведение, основанное на идеях Отцов Церкви IV–VII вв., великих каппадокийцев (Василия Кесарийского, Григория Назианзина, Григория Нисского), Августина Блаженного, Псевдо-Дионисия Арепагита и Максима Исповедника. Этот труд был осужден Папой Гонорием III и Санским церковным собором 1225 г., ибо, по словам Папы, «кишел червями еретической извращенности», а Папа Григорий XIII продолжал осуждать его даже в 1585 г. Эриугене принадлежал также трактат о Евхаристии — Главном Таинстве Церкви, не дошедший до нас, где он развивал посылку о преимущественно символическом и воспоминательном характере Святого Причастия, за что ему и его последователям тоже изрядно доставалось.

лось от Церкви, приказывавшей жечь такие мерзопакостные еретические сочинения.

Сохранился еще один трактат Эриугены — *De divina praedestinatione*, написанный в защиту учения о свободе воли по благословию Гинкмара (Хинкмара) (806–882 гг.), архиепископа Реймского. Общий тон этого трактата дал основание для серьезных подозрений относительно ортодоксальности его автора — уже по той причине, хотя бы, что Эриугена ввел посылку о тождестве философии и религии. Он же утверждал, что существует предопределение ко благу, предназначающее всех людей к святости. Даже ад для него был не местом, а состоянием, и наказание означало очищение, а не осуждение.

Трактат был, как водится, осужден церковниками и соборами в Валенсии в 855 г. и в Лангре в 859 г., причем на последнем соборе аргументы Эриугены были названы *pultes Scotorum* («ирландской овсянкой») и *commentum diaboli* («изобретением дьявола»). Действительно, для Эриугены богословие было вторично, производно, а первичной он считал философию, то есть разум.

Не добавила мира в отношения Эриугены со Св. Престолом и его работа по переводу мистического трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита: Папа Николай I (858–867 гг.) потребовал текст в Рим для ознакомления, а после того, как Эриугена отказал ему в этом, приказал франкскому королю Карлу Лысому отправить в Рим для разбирательства самого автора или, по меньшей мере, впредь не допускать его ко двору. Было ли это сделано, остается неизвестным, но в итоге труды Эриугены были прочно забыты и вернулись в научный оборот только в 80-х гг. XVII в. усилиями оксфордских издателей, оказав впоследствии влияние на диалектику выдающегося немецкого философа Гегеля, а через него — и на Карла Маркса.

Неясен и конец его собственной жизни. По крайней мере, история о том, что в 882 г. его пригласил в Оксфорд король Альфред Великий (849–899 гг.), что в Оксфорде он проработал долгие годы, даже стал аббатом в Мальмсбери и был заколот собственными учениками посредством острых стилосов для письма, представляется большинству исследователей явной легендой. В любом случае после Эриугены в процессе богословско-философского синтеза, ярким

представителем которого он являлся, наступил длительный, на несколько столетий, перерыв.

Осененные славой выдающегося императора Запада — Карла Великого, каролингские писатели так или иначе образовали целый ряд ученых авторитетов, подобно тому как некоторые архитектурные памятники каролингской эпохи стали образцами для частых подражаний. Наиболее знаменитым сооружением в этом плане явился дворцовый комплекс с помещениями гарнизона и очень высокой восьмиугольной дворцовой часовней — октагоном в Ахене с поднятым ввысь каменным тронном Карла Великого.

Несмотря на то, что итоги Каролингского Возрождения были далеки от его претензий и упований, своими нереализованными призывами оно так или иначе передало средневековым людям тягу к еще не определившейся, но все же гуманистической культуре и убеждение, что просвещение — одна из основных обязанностей государства и государей, которое должна придавать им силы.

Наконец, Каролингское Возрождение произвело шедевры книжной миниатюры, в которых вновь проявился реализм, вкус к конкретным деталям, свобода линии и яркость цвета.

Но, как и экономический подъем VIII–IX вв., Каролингское герараге было, несомненно, неудавшейся попыткой двинуться вперед, завершившейся тем, что пришлось свернуть с пути или остановиться. Тем не менее оно стало первым проявлением того длительного и глубинного Возрождения, которое будет набирать силы на протяжении X–XIV вв.

Отзвуки Каролингского Возрождения еще слышались на рубеже X–XI вв. в Германии при дворе Саксонской династии. В этом же ключе примечательна деятельность Папы Сильвестра II, о котором осталась слава человека обладавшего исключительными энциклопедическими познаниями и одного из самых таинственных людей Запада. Этот самый известный ученый своего времени родился во Франции, в семье крестьянина из Оверни в 920 г., а умер в 1003 г., как раз на хронологической грани завершения Раннего средневековья. До того, как в 999 г. стать Папой по милости своего воспитанника и поклонника, императора Священной Римской империи Оттона III, он был известен под именем Герберт из Орильяка, был

монахом — бенедиктинцем, служил в Реймсе секретарем архиепископа, проповедовал в Реймской школе и оказался втянут в судьбоносные переговоры, в результате которых Гуго Капета избрали королем Франции и родилась династия Капетигов. Позднее Герберт сам стал архиепископом Реймским и прославил монастырскую школу в Реймсе. К нему приезжали ученые и учащиеся со всей Европы. Возможно, его основной вклад в развитие образования состоял в расширении изучения риторики и логики. Герберт провозглашал: «Я всегда учился, как жить хорошо и говорить хорошо, хотя первое более важно, чем последнее, но в публичных делах важно и то и другое. Чтобы уметь убеждать и отговаривать силой слова, надо уметь владеть этим словом в высшей степени».

До 972 г. Герберт прожил некоторое время в Италии и особенно — в арабской Испании, где почерпнул различные познания, изучившие его окружение. Говорили, что там он «...изучал, что предвещают пение и полет птиц и как вызвать духов из загробного мира». Так, в его дворце была бронзовая голова, которая отвечала «да» и «нет» на вопросы о политике и общем положении христианства. Судя по описанию, это был автомат, аналогичный нашим современным машинам, действующим по принципу двоичного исчисления. К сожалению, эта «магическая голова» была уничтожена после смерти Папы. Кроме того, он познакомил европейцев с индийскими цифрами от 1 до 9, которые мы называем арабскими, со счетной доской (абак) для арифметического счета, конструировал часы и астрономические приборы, такие как астролябия и труба — предшественница телескопа. Ему же принадлежала идея Крестового похода на Восток, но она осталась тогда неосуществленной в силу неготовности к этому социально-экономических условий на Западе.

Важнее всего, что Герберт из Орильяка впервые через пять веков после Северина Боэция стал поборником светской науки, бережно собирал и хранил античные манускрипты, рекомендовал особенно изучать книги Аристотеля по логике, обратил внимание на древние арабские рукописи, которые стали переводить на латынь. Помимо усовершенствования учебного процесса, он полагал, что теорию любого предмета необходимо по возможности преподавать, опираясь на практику. Так, преподавание астрономии следовало

оживлять демонстрацией сфер, на которых можно было показать расположение и движение звезд. Вместе с тем о Герберте говорили, что он колдун, волшебник, «...которому день и ночь повиновались демоны, потому что он приносил им великолепные жертвы, а еще благодаря его молитвам, постам, магическим книгам и огромному разнообразию колец и свечей». Даже его избрание Папой приписывалось помощи демонов, и говорили, что он мог решать арифметические задачи с помощью духа, который был заключен в золотом шаре. Оно и понятно: быть каким-то образом связанным с арабской наукой значило рисковать быть обвиненным в связях с нечистой силой, если уж не прослыть учеником самого сатаны.

В целом X в. с его норманскими и венгерскими нашествиями, междоусобицами, частными войнами — файдами, голодовками и эпидемиями принес новое культурное запустение. И неудивительно. В накоплении знаний пока что не было подлинной преемственности. «Семь искусств» ютились, образно говоря, под сенью королевских дворцов. Рост культуры зависел от благоприятных политических обстоятельств, от покровительства королей и императоров, ибо для него еще не было широкой общественно-экономической основы. Раннее средневековье сумело лишь наметить будущие магистральные направления развития образования, науки и культуры латинского Запада. Но без этих набросков будущего оно бы не наступило и не стало таким каким стало уже через двести-триста лет.

Лекция 3

ШКОЛА НА ЗАПАДЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА: АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

1. Предшественники средневековой школы.
2. Уровень школьного образования и методика преподавания.
3. Типология средневекового школьного образования.
4. Школьные дисциплины и их специфика.

Основная литература

Джуринский А. Н. История зарубежной педагогики. М., 1998.

Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль (Исследования и материалы). Л., 1990. Вып. 1. Ч. 2. С. 22–122 (статьи Фортунатова А. А., Блинштейна Л. С., Уколовой В. И., Антоновой Е. В., Лучицкой С. И., Боришанской М. М., Ефимовой Н. И.).

Кравець В. Історія класичної зарубіжної педагогіки та шкільництва. Тернопіль, 1996.

Преображенский В. Восточные и западные школы во времена Карла Великого. СПб., 1881.

Сперанский Н. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1896.

Уваров П. Ю. Школа и образование на Западе в Средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. М., 1996. С. 371–391.

Уколова В. И. Марциан Капелла и средневековая школа // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 115–133.

Дополнительная литература

Демков М. И. История западноевропейской педагогики. М., 1912.

Диттес Ф. История воспитания и обучения. СПб., 1873.

Еремеева А. И., Цицин Ф. А. История астрономии: (Основные этапы развития астрономической картины мира). М., 1989.

История педагогики как учебный предмет / Под ред. К. И. Салимовой. М., 1996.

Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики. М., 1966.

Мельникова Е. А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V–XIV веков. М., 1998.

Модзoleвский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб., 1892.

Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. М., 1908.

Райт Дж. К. Географические представления в эпоху Крестовых походов. М., 1988.

Соловьев И. М. Школа и просвещение при Карле Великом // Средние века в очерках и рассказах. Ч. 1 / Под ред. А. М. Васютинского, А. К. Дживелгова и др. М., 1917. С. 75–84.

Федосик В. А. Критика богословских концепций сущности христианского катехумената. Минск, 1983.

Фортулатов А. А. Алкуин и школа при Карле Великом // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1951. Ч. 1. С. 157–170.

Чекин Л. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, пер., коммент. М., 1999.

Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов. М., 1880. Т. 2.

* * *

Для складывания любой культуры огромную роль имеет начальное и среднее образование. Поэтому оценка средневековой европейской культуры немыслима без анализа средневековой школы Запада. Мы уже неоднократно отмечали, что вся наука и литература, вся тогдашняя образованность сосредотачивались в Церкви. Врачи, грамотеи всякого рода, книжники, ученые, историки, архитекторы, чиновники, — все это в той или иной степени церковные лица. Здесь и только здесь широко наблюдалось умение читать и писать.

Содержание понятия «образование» в Средние века отличалось от современного. Подготовка к практической жизни для человека того времени отнюдь не являлась «образованием», — она обозначалась понятиями «дело», «мастерство», «искусство», и проходили ее не в школах, а под надзором родителей и наставников, мастеров. «Образование» же как таковое именовалось «literas», что подчеркивало связь этого термина с книгой, текстом.

Если мы возьмем школу (а состояние школьного дела прежде всего является показателем культуры), то она — в руках Церкви. Христианство было книжной религией, и все, так или иначе связавшие свою судьбу с жизнью Церкви, были обязаны пройти курс обучения.

Устав Св. Бенедикта Нурсийского, получивший наибольшее распространение во всем западном мире, предусматривал, что монахи и монахини должны были в своей духовной деятельности опираться на книги. Всякое знание носило, следовательно, ярко выраженный церковный характер и книжная literas должна была прежде всего служить целям Церкви.

В Германии в XI в., по сообщению одного из современников, не было в обычае обучать кого-либо грамоте, кроме будущих духовных лиц или церковнослужителей. Только немногие из сеньоров, немногие из королей и императоров умели читать и понимать написанное. Например, про императора Генриха IV сохранилось известие, что он, не в пример прочим, умел читать и понимать адресованные ему письма.

Но церковный характер школ сложился далеко не сразу. Германцы в своих «варварских королевствах» заимствовали некоторые формы непосредственно от побежденных, то есть от римлян, а значит, от античной цивилизации. Таким образом, зарождение средневековой школы нужно искать еще в недрах распадающейся Римской империи (IV–V вв.). Процесс оформления ее охватывает VI–VIII вв. Только в эпоху Каролингов, то есть в IX–X вв., этот процесс можно считать законченным.

Создавшись в это время, система средневековой школы Запада оказалась крайне живучей. Основы ее продолжали жить до XVIII в. Лишь Великая французская буржуазная революция окончательно подрезала ее. Но в деле образования христианского духовенства в католических странах Западной Европы она и сейчас дает себя знать — в духовных семинариях, духовных академиях и т. д.

Можно указать как бы два зародышевых зерна в империи IV–V вв., из которых в дальнейшем пошли ростки средневековой школы: 1) риторско-грамматические школы и 2) школы катехуменов или «оглашённых», то есть кандидатов в члены христианских общин, кандидатов, готовившихся принять Таинство Святого Крещения (Таинства — это обряды, в которых, по утверждению христианского духовенства, невидимо принимает участие божественная сила; таких Таинств до XIII в. было шесть, потом семь).

I. Грамматические и риторские школы первоначально, в позднеантичную эпоху были частными и учителя обучали в них желающих у них учиться за плату. Постепенно часть этих школ в Римской империи была взята на государственный счет и поставлена под государственный контроль. Как правило, «риторы» оплачивались дороже «грамматиков». Основной целью таких школ для юношества являлось искусство речи — устной и письменной. Грамматика являлась основой, а риторика, точнее, реторика (*rheticus*), как ее обозначали в латинских текстах, давала практические навыки в области устной и письменной речи. Риторика была связана с изучением речей крупных ораторов прошлого, в первую очередь Марка Туллия Цицерона. Речь Цицерона вообще считалась лучшим проявлением латинской прозы. Знаменитый ритор VI в. Вергилий Марон Грамматик писал в одном из своих трактатов: «Тот не читает, кто

не читает Цицерона». Прошедший грамматическую и риторскую школу обычно был хорошо знаком с римской литературой, а отчасти и греческой.

Окончившие риторские школы, если хотели овладеть вершинами знания, обычно ехали в Афины, в одну из тамошних философских школ. Государственные программы для школ не существовали. Школа от школы могла сильно отличаться в программном отношении. Однако постепенно установился тот цикл наук, знание которых считалось необходимым для образованного человека. Отчетливее всего это высказал ритор *Марциан Капелла*, написавший в V в. весьма напыщенное литературное произведение под заголовком «О бракосочетании Филологии и Меркурия». Сочинение это дает, по сути дела, характеристику школьных предметов преподавания, известных уже в Римской империи. Напомним его содержание: Меркурий, хитроумный бог торговли, задумал жениться на Филологии, а невеста, Филология, привела с собой на свадьбу в качестве свиты, данной ей Аполлоном, покровителем искусств и наук, семь молодых женщин: Грамматику, Риторику, Диалектику, Арифметику, Геометрию, Музыку и Астрономию. Каждая из них по очереди выступает и произносит витиеватую речь, где объясняет свои цели, содержание, методы. Таким образом характеризуется каждая из этих «свободных наук» (дословно «искусств» — artes). Это произведение было очень популярно среди школьных учителей Средних веков и отображалось даже в скульптурных образах на стенах фасадов позднейших готических соборов французских городов, где все семь «свободных искусств» изображались в виде женщин со своими атрибутами. К примеру, на фасаде собора Парижской Богоматери Грамматика изображена в виде пожилой женщины с удочкой, а Диалектика — со змеем мудрости. Риторика несет вощеные таблички для письма. Квадривиум наук представлен Арифметикой, считающей на пальцах, Геометрией с компасом в руке, Астрономией — с астролябией и Музыкой, ударяющей молоточком по связке колокольчиков.

В дни римского императора Юлиана Отступника (340–343 гг.) христианам было запрещено преподавать в школах. После смерти императора — поборника язычества в 343 г. это запрещение от-

пало, но наличие христиан в преподавательской среде долгое время не меняло самого характера этих школ, как хранилищ культурных традиций старого античного, «языческого» мира.

II. Но были и так называемые *школы катехуменов*. Христиане образовывали между собой международное сообщество, организацию, называемую греческим словом «Экклесия», что на славянском языке переводится термином «Церковь». Всякий христианин должен был быть членом местной церковной организации, руководимой старейшинами, по-гречески «пресвитерами». При них состояли в качестве помощников диаконы. Первоначально диакон ведал хозяйственными делами общины. Группы общин возглавлялись «епископами».

В первые века, отдельно от этих местных организаторов, существовали «проповедники», именуемые «апостолами» и «пророками». К III в. апостолы и пророки исчезают, а функции проповедников переходят к пресвитерам, которые называться также «пастырями» (*pastores*), «учителями» (по-латыни *doctores*), а в просторечии — отцами (*patres*). По мере того, как христианский богослужебный культ делался более сложным, основной функцией этих пресвитеров или «отцов» делается отправление богослужений, а диакон становится помощником при богослужении, Литургии. Поэтому пресвитеров все чаще называют термином, применявшемся раньше к языческим жрецам — *sacerdos, sacerdotes*. На славянские языки это слово переводится как «священник». Эти священники и являлись организаторами, руководителями и идеологическими наставниками, а также свершителями богослужебных обрядов в местных общинах христиан, называемых «приходами» или «парохиями» (*греч. parochiae*). Центром каждого прихода являлся местный храм — *templum*, на который постепенно стало переходить слово «экклесия». Таким образом, слово «церковь» стало применяться в трех значениях: 1) обозначение всего сообщества христиан во всех странах света, которое рассматривалось как единый организм, «Кафолическая Церковь», или дословно — «Вселенская»; 2) обозначение каждой местной, региональной организации христиан; в том смысле говорили об «Африканской Церкви», «Гальской Церкви», «Испанской Церкви» и т. д.; 3) в смысле местного храма. Над местными (районными,

говоря по-современному) церквами стоял в качестве основного руководителя выбранный «надзиратель», или по-гречески «епископ»; по-латыни епископы тоже обычно обозначались этим же словом — *episcopi*. От этого слова произошли обозначения их на всех западноевропейских языках: немецкого *Bischof*, польского *biskup* и т. д. На Востоке было также в ходу греческое обозначение «главный священник» — «архиерей», что упрочилось в русском языке. При епископе временами устраивались съезды представителей местных Церквей или местные «соборы» (русское слово «собор» от глагола «собирать»; по латыни они назывались «сборищами» — *consilia*, а по-гречески «синодами», то есть «советами»).

Собор мог собираться и от целой римской провинции, где обычно было много епископов, а во главе их стоял «архиепископ», то есть главный епископ. Со времени императора Константина I (то есть с IV в.), сделавшего христианскую религию государственно разрешенной, соборы — *consilia* — в экстренных случаях собирались из епископов и других представителей верующих со всей «Вселенской» или «Кафолической» Церкви и тогда назывались «Вселенскими соборами». Их решения были безусловно обязательны для всех членов христианской организации (Первый Вселенский собор — в 325 г. в городе Никее в Малой Азии).

В последние три века империи всякий взрослый человек, желающий вступить в ряды верующих христиан, заявлял об этом пресвитерам местной церкви, прихода своего храма. Ему в этом случае назначался как бы испытательный срок, в течение которого он являлся кандидатом в члены Церкви, о чем объявлялось заблаговременно во всеуслышание на собрании верующих. Его желание о воцерковлении, то есть вступлении в состав Церкви, «оглашалось» диаконом, в силу чего он назывался «оглашённым», по-гречески катехуменом. Катехумены должны были изучать христианское учение, а также посещать богослужения. Но не на все богослужения их допускали. Главное богослужение именовалось по латыни «*missa*» или месса, а по-русски называется в быту «обедней» (греческое название — «литургия», что означает «общественная обязанность»). Так вот оглашённые могли присутствовать только на первой части мессы, а затем удалялись по возгласу диакона: «Катехумены,

идите прочь» (по-славянски: «Оглашенные изыдите»), после чего начиналась главная часть мессы — «Литургия верных», или «Литургия Слова».

Стаж оглашённого заканчивался обрядом, знаменующим собой принятие в ряды верующих христиан, то есть Таинством Св. Крещения. Крещение совершалось поэтапно и состояло из «отречения от сатаны», последующего обещания верности Христу и наконец завершалось троекратным погружением в освященную воду, надеванием креста на шею и облачением в белую одежду, после чего следовало первое Причащение новокрещенного. С Крещением неразрывно было связано и Миропомазание, то есть помазание священным маслом оливы, которое, по уверению духовенства, давало христианину «дары Святого Духа». Далее окрещенный допускался к совершению главного Таинства — Причащения, или Евхаристии, то есть вкушал Тело и Кровь Христовы в виде просфоры и красного вина. Это служило символом неразрывной связи с Церковью («Причащение» от слова «часть», так как причащаемый этим актом признавал себя частью или членом христианской Церкви). Таковы формальные стороны вступления в христианское сообщество, после которых новый сочлен рассматривался как *fidelis*, то есть «верный».

Разумеется, вставал вопрос о религиозном обучении оглашённых, или катехуменов, чтобы они могли вполне осознанно принять Причастие и были ознакомлены со Священным Писанием. Для них при храмах устраивались священниками и епископами особые беседы. Местами эти беседы превратились в организованные уроки, положившие начало особому виду христианских школ для взрослых. Так возникли специальные школы катехуменов. Сам процесс обучения в них назывался «катехизацией» (от греческого *катехос* — «учить устно, поучать, обучать»).

Школы катехуменов возникли во II в. н. э., в восточной части империи и там же были главным образом распространены. Наиболее подробными данными мы располагаем о школе Александрийской (где работал знаменитый Климент Александрийский) и отчасти об Антиохийской школе в Сирии. Первоначально главным предметом бесед и занятий в подобных школах взрослых являлся христианский «катехизис» — дословно «вопросоответчик», то есть устное

изложение основ христианской догматики и этики, изложенных в форме вопросов и ответов. Поэтому эти школы назывались также школами катехическими. Но для учащихся таких школ, конечно, потребовался и определенный запас общеобразовательных знаний. Поэтому уже Климент Александрийский стал вводить в эти школы элементы светских наук. Христиане двояко относились к этому. Одно течение среди них состояло из непримиримых фанатиков, требовавших исключить какое-либо знакомство христиан с языческим наследием, где на каждой странице были античные лжебоги. Другое течение доказывало необходимость «светских», «мирских» наук для христиан, но с тем, чтобы эти науки были поставлены на службу богословской науке и были критически пересмотрены под углом зрения христианской религии. Попытки осуществления такого критически просмотренного общего образования и имели место в школах катехуменов. Это течение в конце концов и одержало верх.

Школы катехуменов начинают терять свою актуальность по мере того, как христианство охватывало все более широкие слои общества: у христиан к VI в. все более распространяется обычай совершать Св. Крещение над новонарожденными или совсем маленькими детьми, возрастом от недели до одного-двух лет. Поэтому взрослые катехумены постепенно почти исчезли. Отсюда должны были возникнуть попытки связать религиозное обучение с общеобразовательным обучением в риторско-грамматических школах. Школы же катехуменов постепенно сходят на нет.

Таким образом, в школах Раннего средневековья мы увидим программу и формы преподавания общеобразовательных наук — от грамматических школ, но момент идеологического воспитания — от школ катехуменов.

Первые начальные школы (по-латыни *schola* или *studium* — дословно «занятия») появились при монастырях, церковных приходах, епископствах и домах пресвитеров. Самое главное, — в них учили читать. В течение длительного периода умение писать не считалось чем-то необходимым и не преподавалось в западноевропейских школах. Лишь в XI в. акт письма начал занимать важное место в жизни общества, и обучению его технике стала отводиться боль-

шая роль в школьной программе. Развитие торговли, денежного обращения привело к необходимости научиться считать, и этим навыкам обучали сначала на пальцах, а впоследствии, с X в., арабскими цифрами, — на заимствованной с Востока *абакe*, представлявшей нечто вроде шахматной доски, — прямоугольник, разделенный на несколько столбцов для единиц, десятков и сотен. К примеру, представляя число 304 на абакe, в колонку сотен ставили цифру 3, десятки оставались пустыми, а четверку ставили в разряд единиц. Однако поскольку ноль был введен в арифметику значительно позже, на письме выражать число 304 было весьма трудно. Порой вместо него ошибочно писали число 34.

Детей аристократов начали приобщать к этим наукам начиная с XI в., а детей из бюргерских слоев общества — с XII–XIII вв. Нам неизвестно, имели ли девочки доступ к элементарной грамотности, но Винсент де Бовэ, знаменитый энциклопедист, живший в XIII в., говорил, что женщины умели читать и считать.

Только в XII–XIII вв. открываются городские школы, оплачиваемые не Церковью, а взносами учащихся, но учителя в них по-прежнему духовные лица. Раз человек был причастен к науке, тем самым он причислялся к разряду церковников, духовенства, клириков. Отсюда мы видим, насколько духовенство привыкло считать образование своей монополией. Отсюда же следует и объяснение, почему средневековая школа всегда носила преимущественно церковный характер.

Мы привыкли не столько ценить, сколько оценивать эту средневековую школу, и оценивать очень низко. Обыкновенно указывается, что школа стоит очень далеко от жизни, что она полна формализма, что знание, даваемое ею, — знание слабое. Другими словами, ученые, оценивая средневековое знание, называли его плохим.

К примеру, что знает человек раннего средневековья по арифметике? Только целые числа и самые простые дроби. Дробей вообще боятся, чтобы избежать их не останавливаются даже перед тем, что наваливают на себя податные тяготы, округляя их, отрезая от себя кусок земли, размеры которого не укладываются в целое число.

Более тщательное изучение, однако, покажет нам, что средневековье тут не при чем, что эта боязнь дробей идет еще от Рима, где

единицы исчисления были крайне неудобны для сложных арифметических операций. Попробуйте сложить MCMLXXVIII и MMCCCLV, где M обозначает 1000, C — 100, L — 50, X — 10, V — 5, I — 1. Более того, средневековье, унаследовав эту боязнь, все же перешагнет через нее и, усвоив арабские цифры, абаку, с XIII в. семимильными шагами двинется дальше.

Далее, для подтверждения мысли о скудости знаний берут географию. Что же называют географией в Средние века? На первый взгляд, это в высшей степени странная география. Рассмотрим, например, карту. Это так называемая *T-образная карта*. Она до последней степени схематична. Земля изображается в виде круга, некоей тарелки, разделенной немного выше центра круга горизонтальной линией, отделяющей Европу и Африку от Азии, и представляющей из себя сложную комбинацию из великих потоков — морей Черного, Азовского, Каспийского, Персидского залива и т. д., и линии вертикальной, изображающей море Средиземное и Нил. Земную тарелку обтекает со всех сторон Мировой Океан.

Схематизм идет еще дальше — в центре Земли стоит Иерусалим, который был в Средние века совсем небольшим городом, но который долженствовал играть особую роль по представлениям христиан, поэтому и помещенный в центре — в «пупе» Земли.

Далее, наверху карты помещается не север, а восток, — там находится Азия. На самом краю Востока, там, откуда восходит солнце, обретается Земной Рай. Но разыскивать его неразумно, потому что будучи очаровательным висячим садом, когда по изгнании Адама некому стало подпирать колыями террасы, во время всемирного Потопа он осыпался в Океан. Слева от Земного Рая гора Кавказ. Индий существует три. Великая Индия, где очень жарко, находится справа от Земного Рая. В верхней части карты, слева — Северная Индия. Там студено, так студено, что вода превращается в стекло. Именно там библейские зловещие дикие племена Гога и Магога были окружены по приказу Александра Македонского каменной стеной. Третья Индия — это Индия умеренная, приближенная к Африке. Африка на этой карте находится справа в нижней части, у полудня, где течет Нил, где открываются Арабский и Персидский заливы. Они в свою очередь открываются в Красное море, на другом берегу

которого пустое место, близкое к самому солнцу экватора, и до того прогретое, что пойти туда не дерзает никто. Далее слева, то есть на севере, у кромки Океана, располагаются Паннония, Галлия, Германия, Испания, то есть мир Западной Европы.

Очевидно, в такой географии мы не находим того, что действительно знали в Средние века о Земле, — географ не хотел давать большего, чем ему казалось нужным. Поэтому такие географические сведения никак не могут служить показателем невежества средневековья. Надо иметь в виду, что на таких ментальных, воображаемых картах сливались воедино история и география в единый хронотоп. Цель картографов была показать историю человечества от Адама и Евы до Страшного Суда, расположив все это в пространстве. Подобная карта предназначалась не столько для странствования человека, сколько для странствования его души, ищущей спасения. Она служила дорогой к высшей цели, и дорога эта тянулась по земле, как плоская лента.

Наряду с картами, где обозначался Рай, существовали и карты, исходившие из представлений о шарообразности Земли. Даже делались попытки определить дугу меридиана, чем, например, занимался высокоученый англосаксонский монах Беда Достопочтенный в VIII в.

И все же, исходя из тезиса о незначительном практическом значении реальных географических карт в древних обществах, закономерно задаться вопросом, почему переход от ментальной карты к реальной, географической на протяжении античности и Средних веков не осуществлялся вообще или осуществлялся крайне редко? Представляется, что причина этого заключается в отсутствии как потребности в такой карте (ее заменило описание), так и единой, принятой всеми системы картографического изображения (элементов изображения, ориентации, масштаба и т. д., что появляется в Европе только в Новое время). Ценность карты как практического инструмента ориентации на местности снижалась еще и потому, что карта не могла давать того набора информации, который был необходим реальному, конкретному путешественнику.

Как известно, до появления в Западной Европе в конце XIII в. схематичных карт-портланов, указывавших расстояния вдоль

побережья от порта до порта, не существовало никакой морской картографии. Считается, что навигация в это время зависела от опыта капитанов, которые обладали ментальными картами посещаемых местностей. Навигационный опыт, накапливавшийся от поколения к поколению в семьях и кланах моряков, оказывался достаточным для ориентации в пространстве. Карты-портоланы считаются одним из самых загадочных явлений в истории картографии: возникнув без всякой видимой предшествующей традиции, с самого начала они удивительно точно передавали конфигурацию побережья Средиземного моря. Этот феномен объясняли по-разному — и непрерывной традицией, идущей от древнегреческих морских карт (которые, однако, не сохранились), и влиянием арабских портоланов-книг (Китаб), возникших раньше европейских. Возможно, объяснять этот феномен следует «переводом» готовых ментальных карт в графические, что, происходит, очевидно, с легкостью, когда в этом возникает потребность. Графическая карта и потребовалась тогда, когда был открыт компас, который в сочетании с песочными часами и тригонометрическими таблицами способствовал разработке системы румбов (или «розы ветров»), позволявшей ориентироваться в открытом море в любое время суток и при любой погоде.

Еще более странно выглядит средневековая космография, связанная с астрономией. Это сплошь выдумки. Возьмем «христианскую» систему александрийского купца и моряка Косьмы Индикоплова (VI в.), которую он изложил в своей «Христианской топографии». Он хотел отбросить эллинскую мудрость и всю свою систему мира построил на указаниях из Библии и ранних Отцов Церкви. Отсюда — Земля имеет форму ковчега — скинии, небесная твердь действительно тверда, а ночью солнце мы не видим потому, что оно заходит за гору, которая сдерживает, не пускает его. Таким образом, теоретическая «христианская» космография, действительно, ничего не давала, что не мешало наблюдать движение звезд, созвездий и прекрасно ориентироваться по ним во время путешествий.

Другой упрек к средневековой школе — загруженность обучения излишними сведениями, часто не нужными для практики.

На видном месте встает указание на то, как неумело преподавали в Средние века, какие вычурные приемы употребляли, причем, как пример, берут определения крупнейшего ученого педагога конца VIII в. Алкуина Йоркского, которыми он пользовался при обучении Пипина, 15-летнего сына Карла Великого. Вот эти «словопрения»:

Пипин: Что такое буква?

Алкуин: Страж истории.

Пипин: Что такое слово?

Алкуин: Истолкование души.

Пипин: Как рождается слово?

Алкуин: Языком.

Пипин: Что такое язык?

Алкуин : Бич воздуха.

Пипин: Что такое воздух?

Алкуин: Хранитель жизни.

Пипин: Что такое жизнь?

Алкуин: Счастливым радость, несчастным горе, ожидание смерти.

Пипин: Что такое смерть?

Алкуин: Неизбежный исход, неизвестный путь, живущих рыдание, завещаний исполнение, хищник человеков.

Определения эти по меньшей мере странны. Спрашивается, как мог Алкуин, знаток синонимов, человек ясной, определенной мысли, создать такие определения? Но оказывается, что это вовсе не научные определения, а излюбленная игра, остроумные загадки, задачи, шарады, к которым прибегали в свободное от обучения время. Другими словами, это своеобразная шутка. В школе того времени это был излюбленный методический прием, призванный отвлечь и развлечь ученика, снять нагрузку.

Это уже солидная поправка. Приведенный пример показывает как много неправильности в ходячих воззрениях. Многого предстанет по другому, если мы вникнем в сущность процесса, у нас получится иная оценка.

Средневековая школа Запада была связана с жизнью, влияла на нее и создавала ценности и ценности реальные для своего времени.

Школа Средних веков сделала большую работу в культурном отношении, потому что она имела некоторые преимущества перед типами школы предшествующей. Во-первых, она была прежде всего *школой единой* (то есть школой одного общего типа), школой до некоторой степени вселенской, по крайней мере, в рамках западного мира. Во-вторых, в ней господствовали *одни и те же цели*. Мы теперь не разделяем их. Для нас предлагаемые факты, истины доводы представляются ошибочными, безосновательными, ложными, — таким абсолютным мусором. Но надо обязательно учитывать, что они были ценны для своей эпохи, поскольку *система «научных приоритетов» того времени была совершенно иной*. В-третьих, в ней была *одна программа, одни приемы, методы обучения*. Уже поэтому такая школа должна была быть громадной силой, она должна была не только производить громадное впечатление, но и иметь громадное влияние.

Конечно, средневековая школа была школой трудной, не только потому, что было мало учебников и они были плохи, в рукописных книгах писали слитно, без знаков препинания, преподавание велось только на латинском языке, но и потому, что все трудности, что обычно встречаются при обучении, перекладывались с плеч учителя на плечи ученика. Дело учителя было дать знание, а уж понять, усвоить его ученик должен был сам как умел.

Метод же преподавания был довольно своеобразный — розга. В Германии, например, школяры по обычаю несколько раз в году отправлялись с учителем в лес рвать лозу, которая предназначалась для их порки. Телесное наказание считалось необходимой принадлежностью учения, основным методом, к которому прибегали учителя. С полным правом можно сказать, что розга была символом средневековой школы. В так называемом «Коллоквиуме для упражнения мальчиков в латинской речи, составленный впервые Эльфигом, а затем распространенный учеником его, Эльфигом Батой» ученик, желая подчеркнуть, что он учится в школе, заявляет: «...я мальчик и хожу еще под розгой». Жить под розгой (*sub virga digere*), вырасти под розгой учителя (*sub virga magistri constitutum esse*) — вот средневековое выражение современного понятия «получить образование».

*Пальцы, тростью битые, обольешь слезою,
Задница невинная вспухнет под лозою, —*

через этот припев популярной средневековой песенки прошел каждый школяр.

Средние века не соглашались допустить, чтобы сам Христос мог учиться без розги. Одна поэма XII в. рассказывает, что когда Он мальчиком стал ходить в школу и при первой букве Алеф хотел объяснить ее значение, то учитель высек Его за «преждевременное» знание. Даже лучшие учителя, стремившиеся учить просто и развивать способности учеников, такие как Бернард Шартрский в XII в., как пишет Иоанн Солсберийский, полагали такой подход вполне оправданным и эффективным. Иоанн писал о Бернарде: «Поскольку по мере постоянных тренировок память улучшается, а талант лишь совершенствуется, то он поощрял усердие некоторых учеников упреками, а других — телесными наказаниями». Более того, уже «правило» (regula) Св. Бенедикта Нурсийского признавало эту необходимость с такой точки зрения: «Если мальчик по малолетству или по малому разумению совершает грех, за который полагается отлучение, то его усмиряют строгими постами, обуздывают тяжкими сечениями, дабы исцелился». Таким образом, цель розги определялась не как избиение, а как способ активизировать усердие и, самое главное, — исцеление, неприятное, горькое лекарство, но несущее выздоровление, спасение. С такой точки зрения физическое наказание считалось вполне педагогичным и нравственным. Выражение «учиться» и «ходить под розгой» были синонимами. И такая практика, как и отношение к учителю как к «привилегированному тирану», держалась очень долго. Мартин Лютер в XVI в. рассказывает, как он обучался в школе и сообщает, что однажды в течение одного утра, до обеда, его 15 раз высекли. «На наковальне, под тяжкими ударами молота взрастил меня Господь», — так образно характеризует один средневековый ученый путь своего обучения.

Нужно отметить, что и в это время, казалось бы, беспредельного господства розги были люди, выступавшие против нее. Уже знаменитый педагог IX в. Ноткер Сен-Галленский (Ноткер Заика) избе-

гал сам и советовал другим не прибегать к розге. Другой, еще более прославленный теолог и ученый, архиепископ Ансельм Кентерберийский, стараясь умерить рвение сторонников побоев, говорил им: «Вы угнетаете детей вечным застрашиванием, угрозами, ударами, чем убиваете в них всякое влечение к свободным действиям, а все их помыслы направляете на дурное... И почему это думаете вы, что нравственно можно воспитывать детей только битьем и сечением?... Если желаете сделать детей добронравными, пользуйтесь для этой цели не одними только ударами, но отеческою кротостью и нежным обращением».

Для того, чтобы пройти полный курс образования, надо было обладать не только выдающимися духовными качествами — превосходной памятью, большой способностью к формально-логическому, или диалектическому мышлению, необыкновенными трудолюбием, усидчивостью, вниманием и терпением, но и железным здоровьем и устойчивой нервной системой. Через средневековую школу с ее суровой дисциплиной проходили только крепкие головы, школа отсеивала лучшие семена, производила жесткий отбор, но она умела и поднять к себе ученика.

Теперь посмотрим, какого же типа была эта школа? Она соответствовала основным типам воспитания и образования: церковное, рыцарское, бюргерское и практическое. Особняком стояло воспитание женщин.

Церковное воспитание являлось основным типом средневекового воспитания. Оно осуществлялось в христианских семьях и главным образом в церковных школах. В них преподавали аскетический образ жизни и практиковали суровые наказания, поскольку они, как утверждалось, содействуют самодисциплине и, главное, спасению души, изгоняют дьявольское начало из человека, облегчая этим путь к очищению от грехов.

Церковные школы, которые предназначались только для мальчиков, делились на несколько разновидностей: *монастырские* (внутренние и внешние), *кафедральные* (или соборные) и *приходские*.

Во внутренних монастырских школах учились мальчики, чьих родители отдавали в клирики и которые жили в монастырях.

Изображение такой школы мы видим в монастырской хронике крупного Сен-Галленского монастыря во Франции, доведенной до 1330 г. Эта хроника описывает все значительные события монастырской жизни. И между прочим, на первом месте в XI в. мы видим школу. Она — центр внимания, гордость монастыря. Несмотря на всякие хозяйственные заботы и трудности, школа в течение 60 лет стоит на первом плане.

По этой хронике мы тоже можем видеть, какая дисциплина господствовала в этой школе. Это даже не просто монастырская дисциплина, а хуже. Всюду мы видим надзирателей, в систему введен обязательный донос, разговор допускается только раз в день, поэтому мы видим, что школяры в совершенстве усваивают разговор на пальцах. К примеру, эпизод, подтверждающий суровость школьной дисциплины. Он связан с приездом в обитель Германского императора Конрада. Конрад приезжает в монастырь. Это праздник для монастыря, школа распускается. Школяры встречают императора. Он бросает в их ряды яблоки, но ни один ученик не пошевелился, чтобы поднять яблоко, пока на это не последовало благословение аббата.

Эта суровая дисциплина имела и свою положительную сторону — она вела отбор сильных личностей, крупных характеров: недаром из средневековой школы вышли все общественные деятели Средних веков. И как ни странно, целый ряд крупных людей средневековья с благодарностью вспоминали школьную дисциплину и сохранили любовь к учителю на всю жизнь. Просвещенный французский епископ конца XI в. Гвиберт Ножанский вспоминал в мемуарном произведении «О своей жизни» (*De vita sua*), что учитель «...назидал меня с такою чистотою, так искусно ограждал меня от всех пороков..., что я был избавлен от непрерывных опасностей». И несмотря на то, что школяру Гвиберту доставался каждый день «град пощечин и пинков», он называет учителя «...другом, столь дорогим для меня». Чем, как не признанием заслуг школы современниками можно объяснить такие «выверты» средневековой ментальности? Жизнь была трудна и опасна, она требовала сильных характеров и школа давала такие характеры, таким образом, школа подготавливала людей к жизни. Подготов-

ляла результативно, так, как могла, и наши сегодняшние мерки тут неприемлемы.

Проще была жизнь во внешней монастырской школе. Здесь учились мальчики-миряне, от них нельзя было требовать того же, поэтому курс в такой школе был сокращенный и дисциплина не та.

При епископских резиденциях открывали соборные или кафедральные школы (при кафедре епископа). Они тоже делились на внутренние и внешние.

Еще больше были распространены приходские школы. Они возникали при церквях прихода, содержались священнослужителями и предназначались для обучения детей прихожан. Разумеется, во всех церковных школах учителями были духовные лица или церковнослужители. Образование имело строго богословский характер, а обучение строилось преимущественно на запоминании текстов из Священного Писания и комментариев к нему. В связи с этим в школах господствовал катехизисный способ овладения знаниями, когда учебный материал подавался в виде вопросов и готовых ответов на них.

В приходских школах, где группы учеников составляли, как правило, 3–10 мальчиков возрастом 7–15 лет, учили читать, писать, считать, а также церковному пению. Самым важным было заучивание молитв и религиозных песнопений. Определенных сроков и расписания занятий в приходских школах не было.

Содержание образования во внутренних школах было несколько шире.

Дети светских феодалов получали *рыцарское воспитание*. Их воспитывали в духе «семи рыцарских добродетелей», в которые входили умение ездить верхом, плавать, владеть копьем, мечом и щитом, фехтовать, охотиться, играть в шахматы и составлять стихи и играть на струнных музыкальных инструментах. При этом до 7 лет дети воспитывались в семье, а все упомянутые выше добродетели старший сын феодала получал при дворе сюзерена (вышестоящего сеньора), куда его отдавали в 7-летнем возрасте. Что касается младших сыновей феодала, они оставались дома и тут совершенствовались в рыцарских добродетелях. При этом даже элементарная грамотность вплоть до XII в. не считалась для них обязательной.

Система практического воспитания охватывала основную массу бедного населения, которое не получало какого-либо организованного образования в школах. В его состав входили прежде всего крестьяне, а также мелкие ремесленники. Их дети воспитывались родителями в повседневном труде на огороде, в поле, в мастерской. Обучение труду, что являлось непосредственной целью такого воспитания, и сама работа осуществлялись одновременно. Об элементарном умственном образовании детей в данном случае говорить не приходится.

Городское (или бюргерское) воспитание появилось в связи с ростом городов, развитием торговли в X–XI вв. и появлением нового общественного слоя — горожан, мещан (бюргеров). Именно с этого времени для удовлетворения потребностей в образовании городского населения возник новый тип учебных заведений — городские школы. Эти школы были двух разновидностей. Ремесленники открывали свои цеховые школы, а купцы свои гильдейские школы. Постепенно они были преобразованы в начальные магистратские школы, которые содержались на средства городского самоуправления — магистрата. В этих школах со временем стали учить детей на родном языке и обращать внимание на приобретение полезных знаний. В системе городского воспитания общеобразовательная подготовка соединялась с профессионально-прикладной.

Воспитание и образование женщин в эпоху средневековья на Западе также имело сословный характер. Девочки знатного происхождения воспитывались в семьях под присмотром матери и специальных воспитательниц, а также в пансионах при женских монастырях. Их учили читать, писать, а в пансионах они изучали еще и латинский язык, знакомились с Библией, обучались благородным манерам.

Воспитание девочек, которые принадлежали к не привилегированным слоям, ограничивалось приобретением навыков вести хозяйство, обучению рукоделию и религиозным предписаниям.

Вся школьная мудрость в Средние века состояла из знания известных уже в Римской империи семи «свободных искусств», то есть семи школьных дисциплин — семь ступеней лестницы премудрости (*septemplex sapientia*), которые в VI в. ученые Боэций и Кассиодор

разделили на две ступени: первая ступень словесных предметов (*artes sermoneales*) состояла из трех дисциплин и называлась поэтому *тривиум* — *trivium* (латинский термин, обозначавший три дороги или пути к мудрости или философии): *грамматика*, *риторика* и *диалектика*-логика. Обучение ими продолжалось от четырех-пяти до девяти лет. Вторая ступень — *квадривиум* — *quadrivium* (то есть четыре пути для достижения мудрости) состояла из четырех дисциплин — *artes reales* или *materiales*: *арифметика*, *геометрия*, *астрономия* и *музыка*. Обучение ими длилось три-четыре года. И так, полное обучение продолжалось от семи до 12–13 лет (в школу могли поступать рано — 5–6 лет от роду, но обычно не ранее 8–10 лет). В стихотворении «Идеальное изображение воспитания» рассказывается о сыне простого рыбака, отданном учиться шести лет. За год он опередил учеников, занимавшихся три года, а в «одиннадцатый лет он стал лучшим грамматиком школы», проучившись в целом пять лет. Видимо, такой срок можно считать минимальным, доступным самым способным, усидчивым, талантливым.

Во внешней школе оба указанных выше цикла полностью не проходили. Ученый аббат Валафрид Страбон в IX в. сообщает: «...ряд молодых господ приходили во внешнюю монастырскую школу, но учились только грамматике; на риторике уже мало оставалось: многих взяли, чтобы поместить из оруженосцами и научить их рыцарскому духу, чему в монастырях не учат. Обыкновенно рыцари учились только читать, но были среди них и совсем неграмотные, которые или вовсе не учились, или же все позабыли».

Теперь перейдем к преподаванию по существу. Самая трудная часть обучения — это обучение чтению. Сначала учитель читал материал (обычно на латыни), а ученики все разом повторяли его вслух с целью затвердить услышанное на память. Так, ученик должен был затвердить наизусть 150 псалмов, то есть всю Псалтирь. Когда она была зазубрена с голоса, без понимания, ему давали ее в руки, и он сам должен был открыть соответствие между звуком и его начертанием, то есть сам должен был постигнуть алфавит. Именно здесь, на этом архисложном этапе происходило самое нещадное битье. Немудрено, что иногда удавалось добиться результата не раньше, чем через год, но обычно на эту «лингвистиче-

скую каторгу» уходило около трех лет. Уже упомянутый Гвиберт Ножанский вспоминал, что когда он вернулся из школы, его «тело имело все цвета радуги». Мать, увидев такие побои, заявила: «...не хочу я, чтобы ты дальше посещал школу. Не хочу, чтобы ты стал клириком». Он на это ответил: «Даже если бы пришлось умереть, все же не перестану учиться». «Лучше быть поротыми ради учения, чем оставаться невеждами» — признавал автор упомянутого выше «Коллоквиума для упражнения мальчиков...». Но были, конечно, и другие случаи, когда школяры, выведенные из терпения, не выдерживали и мстили своим суровым учителям. Например, мы встречаем такой случай: в уже известном нам «образцовом» Сен-Галлене ученики поджигают школу.

Обучение чтению было трудным не только потому, что требовалась колоссальная, «компьютерная» память, но и потому, что книги полны сокращений, носящих случайный характер, не имеющих системы. К примеру, слово *Dominus* сокращали так: *ds*, *dom*, *dms* (неизвестно *domus* или *dominus*).

Как ученику разобраться в этих сокращениях, какой слог вставить, системы нет. Эти сокращения затрудняли даже многоопытные умы. Так, Бонифаций, знаменитый, старый проповедник, просит прислать ему во Францию книгу, переписанную его учителем в Англии: «...ибо таковую книгу пророков, какую я хотел, я здесь (у франков) найти не могу. Ослабевшими глазами не могу разобрать я, как следует, мелкое и слитное письмо. Посему и прошу вышеназванную книгу, которая написана ясно и без сокращений».

Итак, самая трудная часть обучения — это обучение чтению, дальше идет обучение *грамматике*, или *филологии*, которая считалась матерью и коронованной царицей всех наук. В таком виде, с ножом для подчисток ошибок в одной руке и бичом для порки в другой, она изображалась на средневековых миниатюрах и барельефах западных соборов, так о ней отзывались средневековые авторы. Известный ученый IX в., ученик великого Алкуина Турского, Рабан (Храбан) Мавр, чьи трактаты по грамматике пользовались неизменной популярностью в течение многих столетий, определял ее как «искусство объяснять поэтов и историков, правильно читать и писать... Она мать и главное основание свободных искусств...

Она судит всех писателей, порицая их за встречающиеся ошибки и воздавая похвалу удачному выражению». Даже шалопаи-школяры объяснялись ей в любви:

*О возлюбленной моей
день и ночь мечтаю, —
всем красавицам ее
я предпочитаю.
Лишь о ней одной пишу,
лишь о ней читаю.*

*Никогда рассудок мой
с ней не расстается;
окрыленный ею дух
к небесам взвьется.
Филологией моя
милая зовется.*

Обучение здесь тоже идет с большими затруднениями — учебники плохи, да и тех мало, приходится заниматься группами, нужно все запомнить, чтобы всегда имеет с собой, так как справок сделать нельзя. Но тем не менее обучение письму было легче и интереснее. Для этого на покрытых воском небольших деревянных табличках — церах, церакулах — этаких прототипах нынешних записных книжек — учитель писал буквы, а ученики, копируя их, списывали таблички до конца. Насколько на них был велик спрос, свидетельствует наличие в Париже конца XIII в. специального цеха мастеров изготовителей цер, которым под страхом королевского штрафа размером в пять су запрещалось жульничать — подмешивать сало в воск.

Наряду с умением читать и писать учащиеся получали в школе и глубокие сведения по латинской грамматике: их приучали отличать части речи, суффиксы, префиксы, падежи, флексии, частицы, склонять, спрягать. Из «Книги пословиц» Отлоха Эммерамского следует, что занятия по грамматике открывались чтением древнегреческих басен Эзопа и сборника нравственных изречений, припи-

сываемых римлянину Катону Старшему. Кроме них использовался целый ряд всевозможных руководств или, как мы бы сейчас сказали, учебно-методических разработок: «*Es tu scholaris*», «*Arcubius*», «*Fundamentum scholarium*» и другие. Подобные пособия обычно строились в виде диалога между учителем и учеником и содержали элементарные начальные сведения по грамматике.

Затем следовал высший курс грамматики, который проходили сначала по двум книгам римского грамматика Присциана, а именно «*Priscianus maior*» и «*Priscianus minor*» — Малый и Большой Присциан, либо пользуясь пособиями римского грамматика второй половины IV в. Элия Доната — «*Ars grammatica maior*» и «*Ars grammatica minor*» (Большая и Малая грамматика). С полным правом можно утверждать, что Донат как автор учебника побил все мировые рекорды по числу «переизданий»: он пользовался спросом более тринадцати столетий! Лишь с конца XIII в. грамматику стали изучать по самостоятельным средневековым руководствам, знаменитейшим из которых было «*Doctrinale*» Александра де Вилла Деи (*de Villa Dei*), написанное в 1190 г. Это был необычный с нашей точки зрения учебник. «*Doctrinale*» представляло собой поэму в 12 книгах, где излагались важнейшие правила латинской этимологии и синтаксиса, причем особое внимание обращалось на исключения. Учитель сначала растолковывал каждое правило, а затем, как водится, оно под порку зазубривалось школярами наизусть.

Насколько тяжело было в этом разбираться и запоминать можно понять окунувшись лишь в крошечный отрывок из «*Doctrinale*», причем приведенный даже не в латинском подлиннике, а в переводе:

«Первое склонение в прямых падежах (именительном и звательном) дает тебе окончания *as, es, a...*

Между тем как родительный и дательный дают двугласное *ae*, четвертый (винительный) падеж имеет *am*; однако, мы находим *an* и *en* тогда, когда прямые падежи оканчиваются на *as* или *es* или на *a* в словах, взятых с греческого...». И все это под мерные, будто «аминь» в молитве, призывы преподавателя: «Слушай и запоминай!».

И все же при всех затруднениях обучение грамматике было легче и интереснее, чем, скажем, обучение письму. При изучении грамматики существовал особый прием — написание сочинений

на определенную тему, а венцом служил *dictamen metricum*, то есть искусство писать латинские стихи размерами-метрикой древних авторов. Эти сочинения или стихи являлись плодами не творчества, а подражания, но это было неважно со средневековой точки зрения.

Итак, средневековая школа Запада была школой памяти и школой подражания. Если мы выскажем эти два положения, то получается отрицательное представление об этой школе, но если мы взглянем глубже, то увидим, что такая школа, всё таки, имела право на существование и она сделала необычайно много в культурном отношении.

Мы уже говорили о том, что память средневекового человека была изумительна по своей емкости, во-первых, потому, что ее дрессировала школа, а во-вторых, тут нужно принять во внимание еще одно, вполне прозаическое обстоятельство, а именно, дороговизну материалов, из которых делались рукописные книги, и форму, громоздкие размеры тогдашнего манускрипта.

Все, что средневековый человек знал, он должен был носить с собой. Никаких заметок, конспектов делать он не мог, тогда как наши записные книжки и электронные органайзеры значительно помогают нам, но и сильно ослабляют память.

Между тем в средневековье заучивание наизусть Священного Писания было почти обязательным приемом. Поэтому знание наизусть Библии — не случайное явление вплоть до Реформации. Если грамотному средневековому человеку начинали читать какое-нибудь место из Библии, то он мог безошибочно продолжать. В школах пишутся так называемые сочинения, в которых подражают авторам, пользуясь их словами. Пишутся прозаические и поэтические опыты в том же духе. В Средние века господствует суверенитет цитаты. Средневековый человек просто обрастает цитатами, у него получается настоящая цитатомания.

Заучивание наизусть это не только прием, но и необходимость, так как никакие справки наведены быть не могут. Для того, чтобы найти, к примеру, нужное место в «Истории августов» римлянина Гая Саллюстия Криспа необходимо было развернуть и просмотреть весь длинный редкий свиток этого сочинения, на что ушел бы целый день. Книг к тому же мало, они труднодоступны, дороги, и, если не

в форме свитков, то в виде громоздких, толстых пергаменных кодексов, иногда прикованных цепями к стойке пюпитра в скриптории или монастырской библиотеке.

Но и при огромной памяти все же средневековый человек, часто цитируя кого-либо, привирается, приписывает, например, те или иные слова не тому евангелисту, которому они принадлежат. Это происходит оттого, что для него не важно, кто сказал, а важна цитата сама по себе.

Теперь нужно рассмотреть, что и как изучалось в средневековой школе Запада. Изучение шло в двух направлениях — изучались, во-первых, классики, во-вторых, Библия и труды Отцов Церкви. Классики изучались в строгом подборе, не удовлетворяющем теперь нас, но считавшимся обязательным в то время, а именно: Вергилий, Овидий, Гораций, а из прозаиков — Цицерон, Квинтилиан, Саллюстий, Корнелий Непот. Подбор небогатый, были и исключения, но они не типичны.

Второй путь вел к Библии, к Отцам Церкви. Положение Библии было исключительным. Разрозненная Библия, ее отдельные части, книги представляли иногда исключительное содержание некоторых библиотек, так что слово «книга» обозначало Библию. Она была наиболее доступна всем. Это настоящая энциклопедия. Здесь можно найти ответ на все вопросы, волнующие средневекового человека. Идет ли дело о борьбе вассала с сеньором, поднимается ли какой-нибудь правовой, экономический, политический, идеологический вопрос — на все дает ответ Библия, не говоря уже, конечно, о вопросах богословских. Цитата из Библии-Священного Писания — это первоклассный аргумент, имеющий силу закона. Библия являлась также книгой гадательной, утешительной, служила для духовного просвещения.

Итак, средневековый человек, хотя мог писать под древнего римлянина Вергилия, но духом Вергилия не проникался. Как пчела прилежно собирает пыльцу с цветов, чтобы претворить ее в мед, так и средневековый человек собирал цитаты, чтобы из набора их создать сочинение. Он так проникался цитатами, что часто приводил их невольно — это так называемый *библиизм* средневековых произведений. Стиля у средневековых писателей не было, был только

стиль Библии. До середины XII в. нельзя увидеть индивидуальное лицо средневекового писателя по его произведениям.

Подражание, однако, идет еще дальше — мы видим влияние Библии на самое содержание произведения. Это так называемый **библиократизм**. Автор описывает какое-нибудь событие, очевидцем которого он был, и вдруг он вспоминает библейскую аналогию и дальше уже начинает писать словами Священного Писания. Наконец, бывало и вольное подражание Библии, которое тоже влияло на понимание читаемого.

То, что мы называем плагиатом, средневековому человеку казалось вполне возможным. Ведь подразумевалось, что создается единая наука, к примеру, пишется единая история человечества, и поэтому не важно, кто что сказал. Недаром хронисты совершенно спокойно брались за написание продолжений чужих хроник. По этой же причине средневековый книжник оказывался нечувствительным и к анахронизмам. Для него это было отражением традиции.

За грамматикой следовало изучение **риторики**. Что такое риторика? В древности — это искусство красноречия, умение правильно и красиво излагать мысли вслух, а в средневековой Западной Европе — это совсем иное, это своего рода обучение письмоводству — так называемый *dictamen prosaicum*. Риторика — это изучение правил того, как в образцовом виде составлять письма, грамоты, прошения и вообще акты делового и правового характера. Тут же читали и разбирали сборники духовных законов и другие правовые источники. Особым спросом пользовались «Топика» и «Об утешении философией» Северина Боэция. Но в целом, среди «свободных искусств» западная *rhetoricus* играла весьма незначительную роль.

Тривиум заканчивался **диалектикой**, то есть логикой, которая начиная с XII в. все более и более выступала на первый план. Уже Храбан Мавр называл ее *disciplina disciplinarum* — предметом предметов. Изучали логику Аристотеля, но делали это не в подлиннике, а в извлечениях. Аристотеля долгое время в подлиннике не знали. С подлинниками Аристотеля западных ученых познакомили арабы. Диалектика — это элементы формальной логи-

ки, — той логики, которой учил Аристотель. При этом авторитет Аристотеля, которого величали не иначе как Учитель, постепенно вытеснил других авторов. Для средневековых интеллектуалов он стал *praecursor Christi in rebus naturalibus* — «предтечей Христа в делах природы». Ссылаясь на Аристотеля, не называли его по имени, а начинали так: «Учитель сказал...». К XIV в. сочинения Стагирита безгранично господствовали уже не только в диалектике, но и во всех программах. Наибольшей популярностью пользовались шесть книг «Органона», восемь книг естественнонаучного труда «*Parva naturalia*», восемь книг «Физики», «Метафизика», «О возникновении и уничтожении», «Этика», «Метеорология» и некоторые другие. Как бы то ни было, именно диалектика, одна из всех «свободных искусств», сохраняла по настоящему образовательный характер и имела в виду прежде всего развитие мыслительных способностей учащихся. Лучшие ученые Запада прекрасно понимали это.

Дальше следовал *квадривиум*. Он считался особенно трудным для изучения. Один книжник того времени говорил, что при одной мысли о науках квадривиума у него от страха захватывает дыхание.

Квадривиум, как уже говорилось, начинался с *арифметики*. Прохождение арифметики, как мы знаем, было связано с большими трудностями, потому что долгое время арабских цифр не знали, употребляли римские цифры. Ноля не знали, также не знали единицу в ее различных значениях. Оперировав римскими цифрами, сравнительно легко можно было произвести сложение и вычитание, но производство умножения и деления представляло колоссальные трудности. Для того, чтобы разделить многозначное число на другое многозначное, требовалось исписать большое количество вощеных табличек-цер или ценного пергамена, и немногие одолевали это искусство.

Книга, которая в переводе на латынь впервые познакомила западный христианский мир с арабской математической системой, была написана арабским ученым аль-Хорезми. Наука, известная нам как арифметика, тогда называлась алгоритмом, по имени этого ученого. Однако несмотря на явное преимущество арабской систе-

мы цифр над неуклюжей и тяжеловесной римской системой, арабские цифры прижились на Западе только через четыре века. «Книга об абак» Леонардо Пизанского, написанная в 1202 г., объясняла преимущество этой системы, но только «Алгоритм» англичанина Джона Холливууда способствовал ее популяризации

Надо также отметить, что при прохождении арифметики европейцы придавали большое значение изучению внутреннего, символического смысла чисел, мистическому значению их свойств, непостижимых человеческим разумом. Чтобы лучше понять, как это делалось, вот образец подобного разъяснения для числа 40, данное Храбаном Мавром. 40 дней постились Христос, Моисей, пророк Илия. Число 40 содержит в себе 4 раза по 10. 4 указывает на все то, что относится к временной жизни, ибо по числу 4 протекают времена дня и года. Поэтому, хотя мы живем во временной жизни, ради вечности, в которой мы хотим жить, мы должны воздерживаться от удовольствий и поститься. В числе же 10 можно распознать Бога и творение ($10 = 3 + 7$). Тройка указывает на Творца (единого в трех ипостасях), семерка — на творение, которое состоит из тела и духа ($7 = 4 + 3$). В последнем (духе) мы опять находим троичность, так как мы должны любить Бога и всем сердцем, и всею душою, и всем помышлением. В теле же ясно выступают четыре элемента, из которых оно состоит. Итак, тем, что указано в числе 10, приглашаемся мы жить в этой временной жизни (ибо число 10 взято 4 раза) целомудренно и воздерживаться от плотских похотей: вот что значит поститься в Великий пост 40 дней.

Мистическими свойствами наделяли также линии и геометрические фигуры.

Круг ограждает от козней дьявола.

Магический квадрат спасает от болезней.

Пентограмма, звездчатый пятиугольник, обороняет от колдовства. Эту «азбуку чародейства», подобно Гарри Поттеру, как Отче наш знал каждый самый нерадивый школяр.

Затем обучали *геометрии*. Это не наша геометрия, не геометрия Евклида. Под геометрией понимали то, что мы назвали бы сейчас *землемерным искусством и географией*. Поэтому, изучая геометрию, знакомились с разными странами света, с их

населением, с их флорой и фауной. При этом недостающие знания легко заменялись самыми невероятными, сказочными представлениями. Впрочем, как выясняется ныне, в основе многих таких, казалось бы, невероятных сведений нередко имелось какое-то рациональное зерно, почерпнутое порой из очень давних знаний, унаследованных от греков и римлян. Учили, например, тому, что в некоторых местах бараны растут прямо на корню, а из плодов деревьев выводятся птицы. Под последними понимались, очевидно, крошечные колибри, которые, порхая у цветов, порой скрывались в их чашечках, чтобы опять появиться оттуда. Сюда же относятся рассказы о птице Фениксе, которые, впрочем, тоже имеют какое-то реальное зерно; о разных морских чудовищах, о «морских епископах», которые, прежде чем съесть человека, благословляют его как епископы; о плавающих живых возникающих и исчезающих островах, о далеких землях, где обитают крокодилы (крупные водяные змеи, которые, пожрав человека, двигают лишь верхней челюстью и не имеют языка), о гиппопотамах, наполовину людях, наполовину лошадях, о звере половом (бело-желтом) — левохре, имеющем тело осла, бедра оленя, грудь и голени львиные, копыта конские, рога раздвоенные, рот растянутый до самых ушей, который кричит голосом человека, а на месте зубов у него сплошной костный мост. География знакомила с людьми, имеющими ногу без коленного сустава, рот без языка, огромные уши, которыми они укрываются от холода, с исхиоподами, проворно бегающими на своей единственной ноге, с великими горами из золота, которые сторожат муравьи, каждый величиной с собаку, с горой Арарат, на вершине которой безоблачными днями видны остатки Ноева ковчега (кто добирался до них, вкладывал палец в дырочку, послужившую для бегства беса с корабля, когда Ной начал читать молитву *Benedicti*), с Нилом, одной из четырех рек, чьи истоки возникают из Земного Рая, что течет в пустынях Индии, проникает в подземелье, взвдвигается на гору Атлас и потом впадает в море, перерезав весь Египет.

Церковный писатель первой половины XII в. Гонорий Августодунский манил и чаровал своими землеописаниями, в которых одновременно объяснялось и как доплыть до Пропавшего острова,

и как поймать ужасного, убивающего взглядом василиска, вооружившись одним только карманным зеркальцем и непоколебимой верой в Бестиарии — сборники полунаучных-полубаснословных описаний животных. В его так называемом «De Imagine Mundi» — «Образе мира» значится: «А вот безлюдные пустыни (в Эфиопии), и нечеловеческие лики чудовищных племен. Одни — без носа, все лицо их ровное и плоское... У других уста срослись, и они через маленькую дырку сосут еду овсяным колосом... а вот мавританские эфиопы: четыре глаза имеют и это ради меткой стрельбы». О загадочной Индии в том же «Образе мира» между прочим говорится: «В Ганге водится червь, который подобно раку имеет две клешни; ими схватывает он слона и ныряет с ним в воду». Заимствовавшая у Гонория Августодунского «народная энциклопедия» XII в. «Луцидариус» (Lucidarius) сообщала читателю: «В Ганге также есть угорь тридцати стоп в длину. Также Индийское море рождает черепах, из панцирей которых люди делают себе просторные дома. Также Индия рождает камень магнит, который притягивает железо, а также адамант (алмаз), который ничто не может расколоть, кроме козловой кровью». Если учесть, что при неправильных переводах с латыни на народные языки в этих историях мифические «черепахи» ошибочно превращались в «улиток» или даже «снег», понятно, какая мешанина из реального и домыслов обрушивалась на головы грамотеев-европейцев, пытавшихся разобраться в тайнах мира.

В «Книге чудес света» сэра Джона Мандвиля, составившего путеводитель для пилигримов в ходе своего путешествия в 1322 г, чем дальше от Европы, тем тоже больше описаний циклопов, троглодитов, антиподов, кинокефалов, людоедов-антропофагов, бессмертных фениксов и плачущих крокодилов, девушки дракона и моря из слез Адама и Евы. При этом ни один образованный человек не проходил мимо этой книги. С ней были знакомы Джеффри Чосер, Христофор Колумб, географ Меркатор, Леонардо да Винчи, Франсуа Рабле, Уолтер Рейли, Вильям Шекспир. Даже в XVI в., несмотря на идущую полным ходом эпоху Великих географических открытий, такие представления оставались в ходу.

Вот классический образчик подобных, почерпнутых в далеких веках умствований. «В стране Индии, — значится в «Элуцидариу-

ме» — «Светильнике» (Elucidarium), — есть люди с песьими головами и разговаривают лаем; иные бывают там обоюбого пола — сразу мужчина и женщина; все они могут рожать детей, как женщины, и производить, как мужчины; правая грудь у них мужская, а левая — женская». В предисловии к одной немецкой книге, вышедшей в свет в первой половине XVI в., значится следующее: «Хотя читатели встретят тут много таких вещей, о которые может преткнуться разум и которым неопытные люди с трудом согласятся поверить, как-то: что волы, змеи и собаки говорили, что деревья и горы переходили из одного вида в другой, что на бузине вырос виноград, а на дубе хлеб, что женщина превращалась в мужчину, что море горело и в нем появлялись новые острова и т. п., но они должны перед этим смиренно склониться. Ибо все эти чудеса заимствованы из достоверных книг; некоторые же из их автор видел своими глазами или слышал от правдивых людей... Человеческий разум, дорогой читатель, не должен стремиться слишком глубоко испытывать дела Творца: это я тебе настоятельно напоминаю, ибо дела Божьи чудны, велики и непостижимы, как то свидетельствует раб Божий Иов и как то неустанно восклицает пророк Давид в назидание и в пример всем верным». При всем том надо также учесть, что такие книги закладывали горячее желание к путешествиям, к новым открытиям и впечатлениям.

Основными пособиями по геометрии являлись «Физиолог» и упомянутые выше всевозможные Бестиарии (средневековые трактаты о зверях и их символическом значении), возникшие на его основе. Сам «Физиолог» или «Нравоописатель» был составлен во II–III вв. в Александрии и представлял раннехристианскую интерпретацию античных сочинений о животных. В нем многозначительно заявлялось, что животные созданы, чтобы умудрять человека в вере. Так, лев спит с открытыми глазами, чтобы человек бодрствовал в вере. Лыбница родит мертвых лыбят, оживающих на третий день, как праобраз Христа, воскресшего в третий день. Читая подобное ныне, следует помнить, что Средние века были временем религии, легенды, поэзии, младенческой веры, но не точного исследования, и скептическая, снисходительная усмешка тут не уместна.

Дальше мы должны отметить *астрономию*. Представления о том, что Земля вращается вокруг солнца, не было, это противоречило Священному Писанию. Библейский царь и полководец иудеев Иисус Навин сказал: «Стой. Солнце, над Гаваоном». Раз он остановил солнце, значит, солнце ходит, а Земля не движется. Шарообразность Земли тоже отвергалась классической средневековой наукой, так как это якобы противоречило здравому смыслу. Если допустить шарообразность земли, тогда нужно допустить существование антиподов, то есть людей, которые под нами ходят вниз головой, а это абсурд. Поэтому допускалось, что на противоположной стороне Земли могут жить только птицы. Вообще, о форме Земли средневековые географы и космографы имели самое туманное представление. Большинство было убеждено, что Земля плоская и длинная, по бокам которой волны Мирового Океана стекают вниз, одному Богу известно куда. Не только философы античности и не только географ Птолемей, праотец астрономии, но и энциклопедист Св. Исидор Севильский, живший в VII в., все утверждали, будто Земля представляет собой сферу, более того, епископ Исидор был настолько свято убежден в этом, что установил и протяженность экватора: 80 000 стадиев. Однако Отцы Церкви, например, Лактанций, учили, что, согласно Библии, Земля имеет форму скинии и, следовательно, небеса вместе с Землей представляют собой ковчег или храм с прекрасным куполом, в общем нечто вроде короба, но никак не шара. Августин Блаженный полагал, что, быть может, философы-язычники и не ошибались относительно круглой Земли, а в Библии скиния упоминается в переносном смысле, но знание, какова форма Земли, все равно не помогает решить то, что важнее всего правым христианам: каков путь к спасению души. А следовательно, даже полчаса, потраченные на пустые пересуды об этой форме, — напрасно потраченное время.

Нужно, впрочем, сказать, что уже с XIII в. — века прорыва в путешествиях европейцев на Восток, в далекую Азию, во владения захвативших пол мира монголов, начинает укрепляться представление о шарообразности Земли. В это столетие был принят целый ряд весьма далеких путешествий, которые заметно улучшили географические представления, внесли в них массу кон-

кретики, прежде недоступную Западу. Границы реального мира раскрывались. Следует отметить важные для этого уникальные «репортажи»-отчеты, оставленные христианскими миссионерами, итальянским францисканцем *Джиованни де Плано-Карпини* с монахом Бенедиктом в 1246–1247 гг., францисканца *Николая Асцелини* в том же 1247 г., наблюдательного посланца французского короля Людовика IX, францисканца *Вильгельма Рубрука (Рубруквиса)* из Брабанта, который вернулся в Палестину, в оплот крестоносцев, крепость Сен-Жан д'Акр в 1255 г. Но особенно подробное описание далеких экзотических земель оставил в сочинении под названием «Книга о разнообразии мира» знатный венецианец *Марко Поло*, который со своим отцом Никколо и дядей Маттео, еще юношей отправился ко двору великого хана монголов Хубилая в 1271 г. и задержался на Востоке до 1295 г., когда сорокалетним человеком вернулся в Венецию из своих странствий. Правда, сообщенные им драгоценные материалы, записанные с его слов пизанцем Луиджи Рустичелло, настолько поразили современников, что были восприняты как выдумки, небывлицы, невероятные, сказочные приключения. Как сообщает первый биограф Марко, фра Джакопо д'Акуи, перед смертью священник, родственники, друзья просили путешественника для успокоения души отказаться хотя бы от части его историй и покаяться в грехе криводушия, но обиженный старик проклял всех присутствующих и заявил: «Я ничего не преувеличил, — я не рассказал даже половины того, что видел и делал». Как бы то ни было, новые знания меняли образ мира, привыкшего покоиться исключительно на христианских космографических канонах. Уже у Фомы Аквинского, знаменитого схоластического теолога, который свел в систему все средневековое знание, определенно говорится о шарообразности земли. Об этом говорят и другие ученые того времени, прокладывая дорогу к переосмыслению церковных библейских представлений и, тем самым, подспудно готовивших будущую эру Великих географических открытий.

Занятия астрономией начинались с трактата по арифметике «*Algorismi de minutis et untogris*». Много времени отводилось на «Геометрию» Евклида, изучали все три книги, — по одной в год.

Почти целый год был посвящен работе над сочинениями Птоломея «Оптика», «Четырехчастник» и «Альмагест». Большой популярностью пользовались астрономические таблицы Альфонса и «Правила» Иоанна Линерия, представлявшие собой руководство для пользования этими таблицами. Наконец, одним из основных пособий по астрономии был трактат английского астронома XIII в. Джона Холливуда «О сферах Вселенной». В нем Вселенная представлялась в виде пяти сфер, вне которых не существовало ничего:

*«Мир устроен наподобие яйца.
Ведь земля расположена посредине, как желток в яйце;
Вокруг же — вода, как белок вокруг желтка;
Вокруг воды — воздух, как пленка, содержащая белок;
Вовне же — охватывающий все огонь, подобно скорлупе яйца».*

Таким образом, с XIII в. думали, что Земля имеет форму яйца, а небо вертится вокруг яйца, как колесо вокруг оси. Но человек, говорится в одном трактате XIII в., может обойти вокруг Земли так же, как муха может оползти вокруг яблока. Это уже значительный прогресс в области астрономических представлений.

Астрономию, между прочим, изучали для того, чтобы научиться определять время. Наблюдали движение звезд, созвездий, их расположение и по расположению звезд определяли время. Были такие мастера этого дела, которые ночью, взглянув на звезды, могли безошибочно сказать, сколько сейчас времени. С помощью астрономии вели также календарные вычисления, составляли церковные календари, вычисляли пасхальные дни, от которых ежегодно отсчитывали весь остальной культовый церковный цикл и без которого не мыслилась жизнь.

Наряду с космографическими представлениями, большое место в курсе преподавания астрономии уделялось толкованию движения небесных светил, предсказанию по расположению планет исхода предпринимаемых действий, угадыванию погоды, урожайности, прироста поголовья или, напротив, падежа скота с помощью астрологических методов и расчетов. Другими словами, под видом астрономии нередко преподавалась ее «сестра» — **астрология**.

Мало того, под эту всеми уважаемую дисциплину, о которой мы еще будем в дальнейшем вести речь, крупнейшие умы средневековья пытались подвести научное обоснование. «Небесные явления, — писал во второй половине XIII в. великий, загадочный Роджер Бэкон, пронизавший будущее и ратовавший за опытное знание, — имеют лучистое распространение, к каждому пункту Земли подыат конус некоторой пирамиды сил от всего неба... Эти лучистые истечения способны производить материальные изменения в телах и тем самым порождать в живых существах явления, обуславливающие их темперамент, характер и действия».

Квадривиум заканчивался обучением *музыке*, и этим завершалось среднее образование. Музыка было отведено значительное место на всем протяжении курса обучения, так как всякому священнику, певчему-кантору, регенту — дирижеру хора нужно было знать церковное пение. Особенно много места занимало пение в программе монастырских школ. Как гласит «Коллоквиум для упражнения мальчиков в латинской речи...», до начала занятий ученик такой школы должен был «...петь с братией ночную службу, затем... службу всем святым и утреннее славословие; затем час первый и семь псалмов с ектениями и раннюю обедню (около 7–8 часов утра), затем — час третий (около 9–10 часов утра), затем обедню на данный день (около полдня), после чего — час шестой (около трех часов пополудни)... и час девятый (около 6 часов вечера)». Впрочем, и в городских школах пение занимало немало времени. Каждая школа обязана была петь в своей приходской церкви. «Петь утром, петь вечером, петь латинские гимны, ...петь то того, то другого в Боге почившего мужа, — вот в чем заключалась тогда школьная работа», — свидетельствует об одной из школ ее историк и это можно сказать обо всех них.

Пению учили по невматическому методу. Нам, знакомым с сольфеджио и нотной грамотой, он показался бы, мягко говоря, неудобным. Дело в том, что *невмами* назывались особые значки, ставившиеся над слогами и показывавшие лишь повышение и понижение голоса, совсем не учитывая при этом ни абсолютной высоты звука, ни интервалов. Нотные знаки музыкальной гаммы появились лишь с XIII в., благодаря изобретению их Гвидо де Аррецио, заимствовав-

шего для этого первые слова строк латинского гимна в честь Иоанна Крестителя, сочиненного в конце VIII в. лангобардским писателем Павлом Диаконом. Трудность обучения, постоянная необходимость петь вызывала у школяров, по выражению «Стиха о скудости клириков», лишь одну реакцию: «...зубовный скрежет и ужас во взоре».

Главной задачей всей этой школьной деятельности являлась подготовка пастырей Церкви, а также лиц всех профессий, служений, соприкасавшихся в Средние века с Церковью: школьных учителей, переписчиков рукописей, чтецов-лекционариев, причетников, певчих-канторов, регентов, руководителей церковных хоров, изготовителей, расчетчиков пасхальных таблиц и прочих тому подобных людей. Из них же со временем стали вербоваться кадры служилой администрации при дворах владетельных особ и муниципальные служащие набравших силу и влияние городских общин. Даже начальные знания, обретенные нелегким трудом, обеспечивали пусть малый, но сравнительно надежный, постоянный кусок хлеба.

Несмотря на все приведенные оговорки, школьное образование, самое главное, вполне соответствовало потребностям и духу своего времени, причем по сравнению с эпохой поздней античности знаменовало определенный прогресс, подготовив условия для развития высшей школы — университетов, — по высокопарному выражению современников, «реки, питающей мир».

Лекция 4

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШКОЛЯР И УНИВЕРСИТЕТЫ

1. Причины развития университетского образования.
2. Понятие высшей школы на средневековом Западе.
3. Система и методика университетского преподавания.
4. Ученые степени и звания.
5. Университетское управление.
6. Социальный состав и условия жизни студенчества.
7. Взаимоотношения университетских корпораций с церковными и светскими властями.

Основная литература

Ивановский В. Н. Народное образование и университеты в Средние века // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. 4-е изд. М., 1912. Вып. 2. С. 710–737.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003.

Роут В. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы. 1991. № 7–8.

Сорочан С. Б. Средневековый школяр: черты университетского быта // *Universitates.* Университеты. Научно-популярный ежеквартальный журнал. Харьков, 2001. № 2–4; 2002. № 1.

Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 1889.

Уваров П. Ю. Университет в средневековом городе // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 135–151.

Уваров П. Ю. Университетская Франция. М., 1994.

Уваров П. Ю. Характерные черты университетской культуры // Из истории университетов Европы XIII–XV вв. Воронеж, 1984. С. 5–29.

Дополнительная литература

Ашталос М. Средневековый университет: факультет теологии // *Alma mater*. 1998. № 4–6.

Брагина Л. М. К 900-летию Болонского университета // Вестник Московского гос. ун-та. 1989. Сер. 8: История. № 2. С. 89–92.

Вормс А. Болонский университет и римское право в Средние века // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. 4-е изд. М., 1912. Вып. 2. С. 738–762.

Документы по истории университетов Западной Европы XII–XIV вв. Воронеж, 1973.

Захаров Н. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.

Игнатович В. В. Болонский университет в Средние века // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846. № 8. С. 30–42.

Игнатович В. В. История английских университетов. СПб., 1861.

Ладыжец Н. С. Развитие идеи западного университета: Социально-философский анализ. Ижевск, 1991.

Люмер А. Французское общество во времена Филиппа Августа. М., 2000.

Паульсен Ф. Германские университеты. СПб., 1904.

Перну Р. Элоиза и Абеляр. М., 2005.

Пискорский В. Н. Итальянские университеты. М., 1910.

Порядок диспутов в Сорбонне [1344] / Пер. с лат. Г. Липатниковой; Статут Парижского университета о методах чтения лекций: Постановление факультета искусств (1355) / Пер. с лат. Н. Виноградова; Из статута всех факультетов Парижского университета (1366 г.) / Пер. с лат. Г. Липатниковой // *Alma mater*. 1998. № 9.

Схоластика: кодекс педагогічної комунікації // Дятлов В. О. Історична комунікологія та культура комунікації доби Середньовіччя і ранньомодерного часу: Навчальний посібник. Чернігів, 2016. С. 77–83.

Университеты Западной Европы: Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990.

* * *

Подлинный переворот в развитии западноевропейской средневековой культуры начался с XI в. Общественно-экономической основой для мощного культурного подъема послужили расцвет городов и развитие бюргерства, связанное с развитием товарно-денежного хозяйства. Средневековье достигло классической поры зрелости. Это означало полный переворот в истории культуры, хотя переворот вовсе не мгновенный и не легкий.

Товарное производство и поголовная неграмотность несовместимы. Поэтому обучение чтению, письму и счету приняло в городах массовый характер. Практический опыт, связанный с подъемом производительных сил, понемногу расширял и менял научные представления. Пробудились умственные запросы. В бюргерской среде вырабатывался новый для средневековья, трезвый и рациональный тип мышления. Психология и мироощущение ловких, энергичных, предприимчивых купцов, трудолюбивых и воинственных ремесленников, умевших отстаивать свободу родных комунн от посягательств сеньоров, должны были неизбежно повести к переосмыслению и обновлению понимания науки и искусства. Городские веяния противоречиво повлияли и на идеологию католицизма.

Прежде, в раннее средневековье Церковь играла по отношению к науке двойственную роль. С одной стороны она ограничивала мысль официальными рамками, с другой — до поры до времени она не имела ничего против культурного прогресса, поскольку сама определяла и направляла этот прогресс. Но когда в средневековом обществе появились иные его носители, когда появилась городская культура, светская по своему характеру, реакционность официальной Церкви стала усугубляться. С этого поворотного момента

Церковь стала превращаться в преграду на пути новых проявлений науки и искусства. Правда, формально умственная деятельность по-прежнему находилась под ее эгидой. Но по существу под оболочкой католицизма сплошь и рядом складывались несовместимые с католицизмом взгляды и чувства, пропагандировавшие **рационализм**. Процесс рационализации мышления невозможно было остановить. Диалектика проникала в область теологии, то и дело ставя под вопрос истину официального церковного учения.

Важной вехой в развитии рационализма стало учение архи-диакона **Беренгара Турского** (ок. 999–1088 гг.). Он вызвал гнев Церкви тем, что толковал Святое Причастие — главное Таинство христиан не как материальный акт, а как символический, ничего не значащий. Рассуждая над догматами Церкви, Беренгар пришел к отрицанию ряда краеугольных свидетельств Священного Писания, в частности, явления Христа после смерти его ученикам, непорочного зачатия Девы Марии и др. Учение Беренгара, еретическое с точки зрения Церкви, получило широкое распространение, так как отражало интересы скептически и рационалистично настроенных горожан.

Городская культура и городской образ жизни создали определенную атмосферу, охватившую всех городских жителей. В XI в. еще не было единой идеологии бюргеров, как не было еще сложившегося сословия бюргеров, но общей для них была духовная основа, своеобразное «интеллектуальное течение», которое очень рано стало концентрироваться в городах. Не случайно стало складываться убеждение в том, что школы должны функционировать только в городах. С этим же связан и рост авторитета учителей-магистров, интерес к их труду и трудам. Медленно, но неуклонно росла та среда, в которой произошло столкновение между старой идеологией и новыми духовными потребностями, переворачивавшими общественное сознание.

Уже начиная с XI в. в городах появляются частные школы «грамматиков», которые посещаются знатью и детьми состоятельных горожан. Быстро растет число кафедральных (соборных) школ при епископских кафедрах, то есть опять-таки в городах. В ряде случаев они были фактически независимы от епископов,

а обучение в них в XII в. претерпело значительные изменения. Главное место занимали в них *лекции* (lectio) — комментарии к текстам авторитетов и *диспуты* (disputatio) — дискуссии, основной интерес вызывали семь «свободных искусств».

Уже в начале XII в. известный мистик *Гуго Сен-Викторский* (1096–1141 гг.), монах августинского аббатства Сен-Виктор в Париже, обосновывал идею о необходимости светского обучения. Он утверждал, что мирская ученость, сосредоточенная на изучении природного мира, составляет необходимую основу для более высокого религиозного созерцания. Он полагал, что целью «свободных искусств» является «восстановление в нас образа Божьего». Эта концепция станет основой складывавшегося средневекового университетского образования. Монополия Церкви на знание подтачивается и тут.

Самое главное — наука становится профессией. В Италии еще до возникновения «всеобщих школ» — университетов появились объединения, корпорации школяров, действующих независимо от епископов и монастырей и проявлявших самостоятельность в решении организационных вопросов.

Подобные школы, не подвластные епископу, создавал с 1102 г. в Мелюне, Корбеле и Сен-Женевьев признанный глава диалектиков, выдающийся французский мыслитель и педагог *Пьер Абеляр* (1079–1142 гг.), обучавший на своих лекциях в основном теологии (термин введенный Абеляром) и диалектике. Разрешение на преподавание в такой школе выдавалось капитулом главного городского собора.

Даже предосудительный роман Абеляра с его ученицей, юной Элоизой, повлекший за собой кастрацию и немилость, не в силах были отпугнуть учеников от создаваемых им школ. Слишком необычные, революционные для своего времени мысли он излагал. Именно Абеляр создал учение, главным в котором был тезис о том, что «логика является не орудием богословия, а самостоятельной наукой, отличающейся рациональным методом. Он ни мало не отвергал теологию, но считал, что ее надо рационально обосновать с помощью логики. «Быть христианином и логиком одно и то же», — заявлял Абеляр. Он учил, что для того, чтобы исследовать

любую проблему ее надо брать под сомнение. Следовательно, чтобы доказать истинность Священного Писания его тоже нужно взять под сомнение и рационально взвесить. Эту опасную сторону учения Абеяра хорошо понял его умный враг — фанатичный теолог, аббат Бернар Клервосский (ок. 1190–1153 гг.), основатель аскетического монашеского ордена цистерцианцев, вдохновитель Второго Крестового похода против неверных, писавший: «Абеяра в своем сомнении не желает верить в то, чего он не расколол предварительно рассудком». Абеяра был уверен, что каждый человек сам несет ответственность за свое спасение или осуждение, что не оставляло место провиденциализму. Он считал, что человеческий ум способен преодолеть любое затруднение, не прибегая к подпорке авторитетов. И поэтому церковные соборы дважды осудили его учение, сочинения его сжигались, а их автор был отправлен в монастырь и приговорен к вечному молчанию, о чем поведал в своих философских мемуарах «История моих бедствий».

Учение Абеяра, не выходя из рамок теологии, соответствовало взглядам бюргерства, профессиональная деятельность которых уже сама по себе требовала применения рациональных методов, и встречало сочувствие в городах.

С течением времени школяры все менее были склонны исходить из признанных авторитетов в постижении истины. Более того, новое поколение теряет в известной степени интерес к абстрактным наукам. Оно начинает интересоваться практическим знанием и стремится прежде всего приобрести профессию. Не случайно в это время возрастает интерес к медицине и юриспруденции в их практическом применении. Города нуждались в разработке рационального права, и юристы заняли там высокое социальное положение. Увеличивающееся разделение между физическим и умственным трудом, рост прибавочного продукта способствовали возникновению особого слоя людей, рассматривавших идеологические вопросы, которые ставили перед ними Церковь и город. Эти люди, занимавшиеся исключительно интеллектуальным трудом, концентрировались, главным образом, в высших школах — так называемых «всеобщих школах», или, как их позже стали называть, в университетах.

Учителя и школяры динамично развивающихся и имеющих высокую репутацию школ не хотели больше мириться с монополией Церкви на образование. Создание университетов было единственным выходом из возникшего кризиса. Такие высшие учебные заведения стали появляться с XII в. прежде всего в тех немногих поначалу городах, где были кафедральные, канонические, церковные, монастырские или частные «студиумы» — школы, учителя которых прославились своей особой ученостью. Дело в том, что престиж тогдашнего учителя измерялся количеством его учеников, а влияние среди коллег — количеством одержанных их клиентурой успехов. Наставника же каждый выбирал себе сам. Впрочем, такой университет, в который стремились попасть жаждавшие знаний школяры, долгое время не носил этого названия. Его обычно именовали *studium generale*, что означало «общая» или «всеобщая», «главная школа», школа для всех, в которой изучают *все премудрости*. В противоположность *studium particulare*, — школы для данного места, частной школы, учреждавшейся для надобностей известной округи или корпорации: монастыря, города, того или другого капитула, — название *studium generale* применялось в том смысле, что в университете обучали как правило всем наукам, которые тогда существовали, а также в еще большей степени потому, что *studium generale* не относился к тому или иному государству или городу, или епископской кафедре — он был доступен для всех, открыт для всего тогдашнего западного мира без различия этнических и государственных границ, наконец, зависел уже не от местных, а непосредственно от одной из всемирных властей — от Папы или от императора. Даже короли и территориальные князья основывали «общие школы» только испросив предварительно согласие и благословение у Папы или разрешение императора. Ныне школа и университет различаются между собой по составу и форме самого преподавания. В Средние же века разделение основывалось преимущественно на внешнем признаке автономного управления, которое и ставило университет выше всех прочих школ. При всем том, чтобы поступить в такое учебное заведение, не предъявлялось никаких определенных требований в системе предшествующей образовательной подготовки.

Мало кто ныне отчетливо представляет себе подлинный смысл названия «**университет**». Поэтому стоит пояснить, что, по терминологии римских юристов, universitas значило «корпорация», «относительно самостоятельная община»; universitates и называли в Средние века всякие такого рода корпорации — городские, ремесленные и другие «общества». Личный же состав любого studium generale назывался universitas studii — ученая корпорация или universitas magistrorum et scholarium — корпорация магистров и школяров. Надо заметить, что те и другие не были отделены друг от друга и являли на удивление дружную общность. С приобретением целого ряда прав и привилегий корпорации магистров и школяров и стали подлинными universitates, постепенно превратились в самостоятельные и автономные, независимые, тесно спаянные общественные союзы, со своей особой жизнью, особыми обычаями и преданием, связывавшими последовательные поколения преподавателей и слушателей. Следует подчеркнуть именно эту последовательность. Тогда только было обеспечено, на многие столетия, архиважнейшее — **преемство научной работы и непрерывное существование научной школы среди вековых смут и борьбы**.

Как уже было сказано, университет являлся средоточием **студентов** (от латинского studere — «усердно заниматься»). Так в Средние века называли не только слушателей-школяров, но также самостоятельных уже исследователей-преподавателей. Это охватывающее весь состав школы общеуниверситетское общество — universitas totius studii — и привыкли тогда короче называть «universitas» (studentium), пока, к концу Средних веков, это название не вытеснило прежнего studium generale — «общая, главная школа». При этом учащиеся из самых разных областей и стран в поисках лучших преподавателей той или иной науки переходили через целый ряд таких «общих школ», начиная от польского Кракова и кончая испанской Саламанкой. Компании странствующих школяров-студентов — это самое обычное явление в средневековой Европе. В одной поэме XII в. говорилось, что изгнание, отсутствие постоянного места, — terra aliena, — есть неприменный жребий школяра. К слову, в эту эпоху странники

вообще были нормальными с точки зрения окружающих существами и не воспринимались как бродяги, окаянные люди, какими они станут с XIV в., когда ослабеет вкус к путешествиям и средневековое общество станет «миром домоседов». Но и тогда любой студент переходил из одного университета в другой с бумагой от «правителя» — ректора, позволяющей ему просить подаяние на большой дороге, потому что без этой бумаги его легко можно было бы принять за бродягу и арестовать за бродяжничество. Сохранились сведения о странствующих студентах, пребывавших в пятнадцати и более университетах. Когда такому бродячему недоучке наскучивало ходить из одного города в другой, ночевать там, куда пускают из милости, а то и просто под стогом сена или в придорожной канаве, когда ему надоедало питаться впроголодь и как попало — то каким-нибудь случайным заработком, то подаянием, а то и прямо воровством, — он часто нанимался в звонари или причетчики и в то же время в школьные учителя в деревне или в *socii, secundarii* — учительские помощники. Для некоторых, убоявшихся бездны премудрости, странствование превращалось в образ жизни, в способ времяпровождения:

*Гуляют, бродяжничают, жрут,
Книг сроду в руки не берут,
Для шалопая-школяра
Ученье — вроде бы игра.*

Надо заметить, что преподаватели, по особому приглашению или по своему почину, тоже нередко переходили из университета в университет. Как и слушатели, они, очевидно, понимали, что работа кабинетная, над рукописью, не могла дать уединенному исследователю того богатства познаний, как переезд из одного центра научной деятельности в другой. Следствием всего этого было постоянное живое общение между университетами, установление некоей общеевропейской *respublica litterarum*, которая не знала национального обособления. Отсюда понятно, почему новые познания и приемы исследования, несмотря на отсутствие типографской печати и средств массовой информации, поразительно быстро рас-

пространялись по всей Западной Европе и в конечном итоге сделали ее двигателем прогресса.

Средневековые университеты имели, как правило, *четыре факультета* (иногда какой-либо мог отсутствовать): неперемный младший — *артистический* (с XVI в. он стал называться философским) и старшие — *юридический*, *медицинский* и *богословский*. В некоторых был еще и *декретистский*, где изучали церковное право, первым учебным сборником которого стала каноническая компиляция «Согласование несогласованных законов», составленная в 1150 г. в Болонском университете монахом Грацианом. Впоследствии ее кратко называли «Декретом» Грациана. Он лег в основу «Корпуса канонического права» — официального свода католического церковного права. Правоведы писали комментарии — глоссы на церковные постановления, каноны и декреты, которые вносились на поля (маргиналы) или между строк источников (интерлинарные глоссы). Декретистов не следует путать с *декреталистами*, которые комментировали составленный при Папе Григории IX в 1234 г. свод папских декретов под названием «Декрет Григория IX». Он составил вторую часть «Корпуса канонического права».

Следует отметить, что именно Болонский университет изначально отличался особой тягой к изучению римского права. Первыми известными профессорами Болонского университета были *Пепоне* (или Пэпо), преподававший «законы», но популярности, очевидно, не снискавший, и ставший знаменитым *Ирнериус* (Ирнерий) (между 1050 и 1060 — после 1125 гг.), первоначально преподававший диалектику с риторикой, а затем, после принесения книг свода светского права византийского императора Юстиниана из Равенны в Болонью, занявшийся (под влиянием местной маркграфини Матильды) их изучением и интерпретацией. Свою задачу Ирнерий и его преемники видели в выяснении истинного и полного содержания Юстинианова права путем всеобъемлющего изучения всех его частей. Вскоре составилось убеждение, что поистине основательное и полезное знакомство с римским правом можно получить только в Болонье, куда и устремилась масса учащихся из стран Запада, преимущественно из Германии.

Само слово «**факультет**» (facultas) латинского происхождения и означает дословно «способность, умение, дар», в данном случае умение преподавать ту или иную науку. Лишь со временем под ним стали подразумевать отдельную отрасль знания, а потом перенесли и на саму корпорацию, преподававшую эту область знаний, на коллегию магистров и школяров данной специальности, то есть превратили в то, что называется «факультетом» в наше время.

В студенты «старших» факультетов поступали почти исключительно клирики, окончившие курс и получившие степень магистра артистического факультета. Таким образом, часто одно и то же лицо читало лекции на факультете artium и в то же время было студентом того или иного из старших факультетов.

Артистический или подготовительный по отношению к другим факультет, именуемый в документах «фундаментом, основой и источником других наук», являлся обязательным для всех. Он был самым многолюдным из всех «как бы четырех райских рек». Так, например, в Лейпцигском университете в конце XIV в. было 700 с небольшим студентов, из них приблизительно 600 обучались на артистическом факультете, около 100 — на юридическом, студентов богословия было всего шесть-семь человек, медиков — пятеро.

Примечательно, что богословие вовсе не занимало в университетах первенствующее положение, хотя принято считать его венцом и даже ядром всего университетского преподавания в Средние века. Но это вовсе не так. Из 46 университетов, которые действовали к 1400 г., в 28, то есть почти в две трети их числа, богословие совершенно не было включено в программу занятий. Богатые слушатели группировались, по-видимому, преимущественно на юридическом факультете. Богословский состоял почти сплошь из бедноты: трудность предмета не отпугивала, ибо с получением хотя бы низшей ученой степени легче было переместиться в более высокую социальную страту общества. Тех, кому не хватало средств пробыться в жизни, выручал извечный «идеологический конек». Впрочем, надо отдать им должное: предмет был головоломный, предельно сложный, так что даже для его преподавания вечно не хватало профессионалов.

На артистическом факультете изучали все семь «свободных искусств», делившихся на тривиум и квадривиум. Обучение ими длилось обычно три-четыре года, и его основной формой (впрочем, как и на старших факультетах) являлись лекции (*lectio* — дословно «чтение») и диспуты (*disputatio*) — дискуссии, диалектические споры на определенные проблемные темы, дополнявшие лекции и длившиеся в зависимости от важности изучаемых на них книг на *ординарные* (основные) и *экстраординарные* (внеосновные). Ординарные лекции проводили в первой половине дня, обычно с рассвета, начиная вслед за звоном соборного колокола, призывавшего к утренней молитве, а по желанию, даже и раньше, и продолжали, по нашему, до девяти часов утра, а экстраординарные — во второй половине, как правило, с шести часов вечера до десяти. Колокола отмеряли время. По их звону вставали, шли в церковь, начинали и кончали учиться, работать, ели и ложились спать.

На лекцию полагалось не менее полутора часов, но, как правило, укладывались в два часа. Это было тем более нелегко, что лекция говорилась преподавателем по памяти. У хороших лекторов не было обыкновения пользоваться не только написанными лекциями, но и выписками или конспектами. Они читали свои тексты, комментарии к параграфам изучаемого, не отступая ни на букву, повторяя их из года в год. Лишь положив руку на закрытую книгу, лежащую на кафедре, лектор мог часами приводить цитаты из нее, и подобное считалось нормой.

Для того, чтобы быть ученым в то время, нужно было обладать совершенно исключительной памятью. Насколько средневековая наука, а значит, и образование, требовали развития памяти свидетельствует случай со знаменитым оксфордским ученым, францисканцем *Иоанном Дунсом Скоттом* (ок. 1265 или 1275–1308 гг.), противником прославленного парижского «ангельского доктора» — Фомы Аквинского. Дунс Скотт полагал, что воля первенствует над разумом (как у человека, так и у Бога), и придавал основополагающее значение индивидуальной свободе, чем резко отличался от доминиканца Фомы Аквинского, поборника авторитета в ущерб частной воле. В 1304 г. Дунс Скотт приехал преподавать в Париж и выставил ряд тезисов в аудитории на богословском

диспуте. Против этих тезисов было выставлено две сотни возражений. Он их спокойно выслушал, все их, не торопясь, повторил на память и опроверг один за другим, распутав самые невероятные силлогизмы «...также легко, как Самсон разорвал узы филистимлян», говорит один современник. Это удивило даже его оппонентов, привыкших к проявлению выдающейся памяти, и ему дали особое почетное прозвище — *doctor subtilis*, то есть «тонкий доктор», «утонченный ученый».

Чтение лекций, то есть комментирование текстов, тщательно регламентировалось многочисленными уставами. Они определяли даже способ и темп чтения. Так, магистры должны были «...произносить слова так быстро, что разум того, кто слушал, мог их постичь, а рука не могла поспеть за ними». Дело в том, что давать возможность студентам конспектировать запрещалось. Магистров обязывали читать только собственные сочинения; по изучаемой книге требовали наличия в руках слушателей текстов (по крайней мере одного на троих); устанавливали меру наказания за нарушение дисциплины во время лекции. Впрочем, не менее строго следили и за работой преподавателей, дисциплину которых «воспитывали» не выговорами, а деньгами. К примеру, в Болонском университете крупным штрафом в две лиры наказывалась каждая пропущенная лекция и даже запаздывание преподавателя оборачивалось для него тоже немалыми 20 сольдами.

Из «Статутов факультета искусств Пражского университета» можно заключить, что материал излагался обычно следующим образом: во-первых, перечислялись главы изучаемой книги и коротко сообщалось, о чем они; во-вторых, «хорошо и отчетливо» излагалось их содержание; в-третьих, зачитывался текст и по ходу делались замечания, комментарии, толкования; в-четвертых, вновь коротко разъяснялся текст книги; в-пятых, объяснялись противоречия в содержании, делались общие замечания, обращалось внимание на «тонкие и полезные особенности».

Особенно много места уделялось толкованиям и комментариям текстов, иногда комментариям к комментариям. Иные толкования (буквальные, духовные, аллегорические, иносказательные, нравственные, аналогические) были поверхностны, многословны,

исполнены суеты. Иные же — произвольны, не к месту уснащены отрывочными, вырванными из контекста, порой даже искаженными цитатами.

Лекции обязательно дополнялись диспутами, целью которых было изоощрение ума на решение частных вопросов. При тогдашней малочисленности рукописных книг и скудости новых сочинений они были незаменимыми средствами проверять и пускать в обращение новые научные взгляды и идеи. Здесь сталкивались и выяснялись самые разнообразные убеждения, возбуждались и подготавливались новые точки зрения на вещи.

Диспуты тоже подразделялись на *ординарные*, *экстраординарные* и *приватные* (частные). Кроме того, различали диспуты для магистров и для студентов. И те, и другие устраивали вне учебного времени, обычно раз в неделю, в субботу — для преподавателей, а в воскресенье — для студентов. Последние обязательно должны были присутствовать на магистерских диспутах и активно участвовать в своих.

Экстраординарные диспуты входили в обязанность новоиспеченных магистров, которые устраивали их между собой тот час после испытания, проходившего обыкновенно по вторникам и четвергам. Приватные же диспуты составляли роль упражнений в научных спорах, которые преподаватель вел во время лекции со своими слушателями. От этих диспутов до нас дошли *Quaestiones disputae*, которыми изобилуют средневековые сочинения.

Как и лекции, диспуты строго регламентировались, статуты предусматривали их продолжительность, число обсуждаемых положений, так называемых *тез*, каждая из которых в свою очередь должна была состоять не более чем из трех *софизмов*, количество выступающих и даже очередность их выступления в зависимости от ученой степени — *бакалавр*, *лиценциат*, *магистр*.

Университетские документы парижской Сорбонны показывают, что ординарный диспут проходил следующим образом. В зал являлся весь факультет в торжественном одеянии, магистры — в красном, отороченном мехом одеянии, студенты — в большинстве своем в длинных подпоясанных поясом темных сюртуках-подрясниках и длиннополых плащах с прикрепленной к нему

шапкой вроде башлыка. Один из магистров выступал с заранее подготовленной речью (эту обязанность преподаватели исполняли по очереди), при этом стараясь затронуть интересную проблему, и в заключении выдвигал положения для спора. Остальные магистры либо развивали предложенные тезы и аргументировано их доказывали, либо убедительно опровергали. Бакалавры в качестве помощников защищали тезисы своего магистра, отвечая (*respondere*) оппонентам. Достаточным доказательством признавались как ссылка на чей-либо авторитет, так и разумный довод. Эта часть диспута называлась *arguere* (возражать). После нее наступала очередь *determinare* (определять): путем столкновения точек зрения «за» и «против», их анализа, сравнения, предложенные в начале проблемы разрешались. Большим искусством считалось разбить самые хитроумные силлогизмы, доводы противников и доказать требуемые положения. Причем само построение силлогизмов было настоящим искусством и требовало опыта и виртуозного мастерства.

Так, в каждом *силлогизме* должно было быть три термина. Обязательно три. Не больше и не меньше.

Три предложения. Два из них — посылки. Третье — заключение.

Из утверждаемого в посылках должно с необходимостью вытекать нечто новое.

Например, берем три простейших термина — птица, живое существо, ворон. Первая большая посылка: всякая птица — живое существо. Вторая, меньшая посылка: всякий ворон — птица. Выходит силлогизм: если всякая птица — живое существо, а всякий ворон — птица, то всякий ворон — живое существо. Стало быть, мы вывели нечто новое. Мы доказали, что ворон — живое существо. Это силлогизм по первой *фигуре*. Всего же фигур было три и каждая из них была все более сложной.

Редкий из диспутов проходил спокойно и мирно. Скорее наборот, бурное течение было правилом. Слова накалялись, обесмысливались, сжимались кулаки. Причем хорошо, если спор доходил до крика, до необоримой дрожи в голосе и взаимных оскорблений разгоряченных оппонентов. Случались и рукоприкладства, потасовки, когда медные чернильницы превращались в метательные снаряды,

а трости и припрятанные в рукавах суковатые палки — в «оружие ближнего боя». Специальные статуты запрещали употреблять во время диспутов слова «еретик», «подозрительной веры», «ослиный» и прочие оскорбления и брань, но доподлинно известно, что во время ожесточенных споров номиналистов с реалистами (последователей материализма и идеализма) дело доходило до разгораживания помещения перегородкой на две части для предотвращения кровопролитных драк. Учившийся в XII в. в Парижском университете Жоффруа из монастыря Св. Виктора недаром сравнивал диспут с сражением:

*Здесь увидишь молодежь в битве напряженной:
Стрелы носятся, и меч блещет обнаженный;
Тот наносит удар, тот снес, в схватке побежденный;
Здесь сразивший победил, там поверг сраженный.*

Разумеется, страстям старались не дать разыграться. Обязанность поддержания порядка во время диспута лежала на избираемом специально с этой целью его руководителе. Грозно произнесенными словами «я налагаю на Вас молчание» он умирал слишком разбушевавшихся, в случае же неповиновения каждый из провинившихся должен был в конце диспута поставить две кварты вина для всех присутствующих. Подобный штраф, кроме сугубо прикладного значения, был направлен и на то, чтобы удержать всех слушателей до конца многочасового диспута. И чем более он оказывался бурным, тем приятнее было отдохновение после него. В целом же атмосфера этих средневековых словесных «ристалищ» удивительным образом напоминала, вероятно, наши нынешние массовые ток-шоу или спортивные баталии с их участниками, болельщиками и неутомными «фанами».

Кроме еженедельных и прочих обычных диспутов, один-два раза в год, обычно накануне Пасхи или Рождества, проводился **кводлибет** (qvodlibet) — специальный вольный диспут, диспут «о чем угодно», на котором допускалось, чтобы **кводлибетарий**, руководивший таким диспутом, направлял спор как угодно, не придерживаясь единой темы. От обычных он отличался рекордной про-

должительностью (иногда несколько недель), множеством и разнообразием обсуждаемых тем, количеством участников и слушателей (как правило, присутствовали преподаватели и студенты всех факультетов), особой торжественностью. Отчеты о них воспроизведены в *Quaestiones quodlibetales*, тоже дошедших до нас.

Студенты причислялись к факультету через своих магистров, которых, как уже сказано, каждый волен был выбирать сам. В конце каждого курса члены факультета распределяли между собой чтение лекций на следующее полугодие или год, устанавливали лекционные часы и размеры «*гонорария*» (*honorarium*) — студенческой платы за слушание лекций. Чтение последних длилось с перерывами в течение учебного года, начиная с 10–20 октября, и заканчивалось 7 сентября, в канун Рождества Богородицы. После этого следовал долгожданный праздник, каникулы — большие *вакации*. Впрочем, кроме них существовали еще *рекреации* — 11 дней на Рождество, две недели на карнавал, еще две недели отдыха на Пасху и четверги на тех неделях, в середине которых не случалось церковных праздников. Обычно их было до 90 в году, их сроки определялись и вывешивались в аудитории наперед.

Университетские степени и звания на всех факультетах были одинаковыми: *бакалавр*, *лиценциат* и *магистр* (с XVI в. заменилось званием «доктор», то есть «ученый»), но в зависимости от факультета ценились по разному. Тут был свой, со скрытым смыслом, ранжир. Как можно понять из статута Парижского университета, самую высокую ступень занимали немногочисленные магистры теологии (они титуловались обыкновенно «*magistri nostri*»), за ними шли магистры права и магистры медицины. Далее стояли лиценциаты теологии, затем лиценциаты права и лиценциаты медицины. На следующей нисходящей ступени находились бакалавры теологии и лишь после них шли магистры искусств, лиценциаты искусств и, наконец, «дно» ученого мира — бакалавры юридического, медицинского и артистического факультетов.

Для получения степени бакалавр (латинизированное *bachelier*, то есть *bas chevalier*, молодой рыцарь, «нижний рыцарь») требовалось в течение нескольких лет (на артистическом факультете — двух, юридическом — трех, богословском — пяти) слушать лекции,

посещать диспуты и активно участвовать в установленном уставами числе их (в Вене — 10). Затем сдавался экзамен, а после него, на торжественном акте, так называемом *акте промоции*, кандидат давал клятву бакалавра и возводился в степень. После этого он мог с гордостью, как особый отличительный знак, носить особую шапку без полей, по которой его легко можно было отличить среди прочей, «неостепененной» школьной братии.

Звание бакалавра давало право на чтение лекций, причем только в ограниченном объеме, по некоторым книгам. Так, на артистическом факультете почти все экстраординарные лекции поручались именно бакалаврам; на теологическом факультете им вменялось в обязанность читать с комментариями четыре книги «Сентенций» (*Liber sententiarum*) знаменитого богослова XII в., епископа Парижа, Петра Ломбардского, представлявшие собой краткое изложение христианской доктрины.

Экзамен при этом проходил в два этапа — собственно экзамен и публичный экзамен. Допуск к экзамену осуществлялся по определенной процедуре представления ректору, клятве в том, что экзаменуемый не подкупил экзаменаторов, и предусматривал обязательное предварительное присутствие на Божественной литургии — Мессе. Коллегия преподавателей давала кандидату текст для комментариев. Он уединялся для подготовки ответа и вечером в соборе перед преподавателями отвечал на их вопросы. После успешной сдачи экзамена кандидат становился лицензиатом. Однако для того, чтобы получить лицензию на право преподавания, нужно было пройти публичное испытание. Публичный экзамен происходил тоже в соборе, но уже в присутствии школяров, которые должны были задавать претенденту вопросы, а он должен был вести себя как преподаватель на университетом диспуте. Затем *канцлер* — особый духовный сановник университета или иное церковное лицо, например, архидиакон, торжественно вручали лицензию на право преподавания, правда, только в данном университете. Но даже это происходило после нескольких лет напряженных занятий. Так, в Венском университете, например, на теологическом факультете бакалавр обязан был прочесть библейский курс, потом пробыть год или два сентенциарием, то есть объяснять

Петра Ломбардского, затем три года упражняться при университете в диспутах и проповедях, и тогда только он допускался к испытаниям. Причем звание лиценциата присуждалось уже от имени всего факультета, а не только от имени одной из университетских студенческих «наций», как в предыдущем случае.

В отличие от бакалавров, совмещавших учение и преподавательскую деятельность, лиценциаты, как правило, занимались только преподаванием, причем в качестве *инцепторов* (inceptor) — дословно «новичков», самых низших преподавателей, и лишь через несколько лет, сдав еще один соответствующий экзамен, могли получить высшую степень — магистерскую. Она соответствовала званию «магистра» и давала право преподавать вполне самостоятельно и в свою очередь брать в учение других. До высших степеней добирались считанные единицы. К примеру, в Лейпцигском университете в XV в. из 100 занимавшихся студентов на звание бакалавра допускались около тридцати. Этот этап проходили все. Но затем из 30 бакалавров к магистерскому экзамену добралось всего шесть человек. Что касается лиц, получивших ученые степени на старших факультетах, то число их было совершенно ничтожно. Имевшие высшие степени исчислялись в университетах единицами. Чтобы понять, насколько их было мало, достаточно привести в пример первый из германских университетов — Пражский. Он был основан в 1346 г. императором Священной Римской империи германской нации Карлом IV при двух профессорах теологии (magistri regentes in theologia), трех — свободных искусств и по одному для канонического, для гражданского права и для медицины. Даже в одном из самых многочисленных университетов — Парижском — в 1348 г. магистров на богословском факультете было 32, докторов канонического права — 18, магистров медицины — 46. И лишь на «подфаке», — поставщике потенциальных кадров высшей квалификации, — насчитывалось 414 магистров artium. Наука была чрезвычайно трудная и сложная и, как уже говорилось, усваивалась главным образом памятью. Впрочем, дело было не только в этом — мало ли толковых, усидчивых людей встречается во все времена! Были и другие, не менее существенные «подводные камни», затруднявшие продвижение к высшим степеням науки.

Так, если лицензиат желал стать магистром, ему предстояло пройти через очень торжественный, по сути дела, ритуальный обряд, стоивший немалых денег. Прежде всего, он просил главу факультета — декана (дословно «десятника», название заимствовано из католической церковной организации, где бытует до сих пор), «...чтобы тот... созвал собрание, на котором претендент уведомляет собравшихся о своих познаниях». Затем следовал диспут, который мог продолжаться до трех дней. Если все проходило удачно, канцлер университета приводил диспутанта к присяге, клятве и провозглашал его удостоенным искомой степени, после чего все присутствовавшие на диспуте магистры подходили к нему и целовали в щеки нового члена своей корпорации. На него, возведенного на кафедру, возлагали докторскую шляпу — биретту, широкополый берет, как символ свободы и достоинства, вручали раскрытую книгу, как символ науки, и, если он не был духовным лицом, надевали ему золотой перстень как знак обручения с наукой (клирик уже считался обрученным с Церковью), а на плечи накидывали особую мантию, иногда подбитую беличьим мехом. В завершение выдержавший испытания получал письменную *лиценцию* — документ на право преподавать уже не в одном, а во всех университетах.

Еще перед диспутом будущий магистр ставил толстенную, дорогую четырехфунтовую (около 1,5 кг) свечу, поил вином и угощал конфетами своих будущих коллег. Мало того, по обычаю требовалось, чтобы за две недели до диспута он обошел всех магистров, бакалавров, педелей-надзирателей, университетских друзей и каждому вручил кожаные кошельки с деньгами, отрез сукна на платье, меха, книгу, серебряную чашу, какую-нибудь шкатулку искусной работы, запирающуюся маленьким хитроумным замочком, или другой, отнюдь не пустячный подарок, что требовало весьма солидных издержек. Собственно, даже сам диспут был не только испытанием, но и торжеством, которое обязательно, пусть не сразу, а хотя бы через неделю, заканчивалось щедрым угощением всех собравшихся членов факультета, подготовленным и оплаченным новоиспеченным ученым. Список заданного для одной из таких пирушек начинался с семи быков, а далее следовали в убывающем порядке 15 баранов, 40 поросят, 70 уток, немало

овощей, фруктов, вина и всякого пива — ячменного, овсяного, с полынью и с хмелем.

С еще большим торжеством и, главное, расходами совершалось дарование звания доктора. В университетских документах по этому поводу сказано: «Затем принятый магистр дает факультету столько, сколько дает каждый новый магистр этого университета...». Некоторые статуты строжайшим образом запрещали освобождать от таких уплат, расценивая их вовсе не как коррупцию, а ритуал, с помощью которого, как верно заметил Жак Ле Гофф, утверждалось сознание глубокой солидарности университетской корпорации. Исключение могло быть сделано только в том случае, если в докторскую степень возводили самого ректора или докторского сына, так сказать, потомственного «цехового члена» факультета.

Понятно, почему многие, не имевшие достаточных средств, предпочитали ограничиваться званием лиценциата, дававшим право преподавать, но так и не обзаводились званием магистра. Зато те, кто достигал заветных докторских степеней, начинали пользоваться судебной властью над школярами и приобретали другие различные права. К примеру, получивший такое звание в Париже или Болонье приобретал не просто «лицензия доценти» (*licentia docendi*) — «разрешение преподавать», учительский диплом, какой выдавался руководителями других школ — канцлерами, схоластиками, но мог читать лекции в любом и каждом из университетов римско-католической Европы, то есть имел «право преподавать повсеместно» (*facultas ubique docendi*). Париж и Болонья очень дорожили этой привилегией своих «всеобщих школ», и когда с конца первой трети XIII в. начали основываться новые влиятельные *stidia generalia*, получавшие там докторский диплом могли преподавать везде, кроме Парижа и Болоньи. Это преимущественное положение старейших университетов исчезло лишь впоследствии.

Еще одной существенной издержкой, связано с приобретением ученой степени, явилась необходимость соблюдать обет безбрачия по примеру духовенства, к которому причисляли в Средние века профессиональных грамотеев. Разумеется, можно было рискнуть и обзавестись семьей, но таких смельчаков оказывалось мало и окружающие воспринимали их выходку не иначе как безумие.

«Сошел с ума — женился» (*uxorem duxit, versus in dementiam*) — так отозвались современники о женитьбе одного венского профессора в XIV в. И их можно понять. Дело в том, что, вступая в брак, ученый клирик навсегда терял право на получение какого-нибудь **бенефиция** («благодаяния») или **пребенды**, то есть дохода от какой-либо церковной должности, за счет которого преимущественно он жил. Это было куда важнее нестабильного «гонорариума» от студентов. Поэтому в Парижском университете, например, даже магистры медицины, дальше других ученых стоявшие от религии, получили разрешение жениться только во второй половине XV в. Так долго не могло западноевропейское средневековое общество отделить понятие образованности от понятия принадлежности к Церкви.

В руках тех, кто имел ученую степень и звался магистром или доктором, находилось все управление университетскими делами. Они выбирали себе глав факультетов — деканов, тогда как школяры зачастую не имели права избирать или быть избранными на университетские должности. Впрочем, в Болонском университете даже ректор мог избираться из среды студентов. Однако, надо учесть, что школярами здесь обычно были достаточно взрослые, степенные люди, имевшие опыт юридической работы, которые приезжали в Болонью не столько учиться азам науки, сколько совершенствовать знания в своей основной профессиональной области — законоведческой.

На вершине же университетского «менеджмента» стоял **ректор** (дословно «правитель»), который обязательно имел духовный сан. В зависимости от решения светских властей срок ректорства колебался от одного года до трех месяцев. Обязанности его были достаточно широки и хлопотны. Первое время ректор ходил еще лично приглашать деканов старших факультетов на общие собрания (потом стал посылать нарочных). Он председательствовал в совете университета и на общем собрании магистров, принимал присягу у будущих преподавателей и школяров, записывал вновь поступивших в **матрикулы** (списки), ведал всеми университетскими общежитиями, университетской казной, продажей и покупкой книг для нужд университета. В его компетенцию входили также разбор столкновений между членами университета, организация следствия, суда по

делам уголовного и дисциплинарного характера и вынесение приговора в соответствии со статутом университета. Наконец, ректор следил за тем, чтобы *прокураторы* (от лат. *curo* — забочусь) надзирали за порядком. По этому поводу в статутах Пражского университета говорилось просто и ясно: «Все студенты должны быть внесены в матрикулы, посещать занятия, платить за обучение лекторам (гонорар) и хорошо себя вести». Впрочем, как раз *honorarium* школяры платили крайне неаккуратно. Эта статья дохода практически не давала средств университету, который, насколько известно, в основном обеспечивался за счет доходов с церковных приходов, принадлежавших университету. Если же приходилось вести процесс или отправлять депутацию от имени всей ученой корпорации, делали прямой сбор со всех пользовавшихся университетскими привилегиями. Случавшийся в таких случаях излишек доходов над расходами дружно пропивали в таверне либо делили между магистрами и *педелями*. Последних, наряду с прокураторами, назначали для наблюдения за школярами. Они были обязаны присутствовать на лекциях и объявлять по классам об их чтении. К примеру, в Болонском университете педелей было двое.

К низшим университетским чинам относились также *нотарий*, который избирался из числа городских нотариев и получал жалованье; *казначей*, нередко избираемый из городских банкиров, сведущий в финансовых вопросах человек.

Пожалуй, наиболее хлопотным и суетливым во все времена было положение *деканов* — «десятников», которые стояли во главе факультетов. Причем кое-где, скажем, в Парижском университете, деканы по своей должности не зависели от ректора. Декан избирался из числа магистров и это избрание, как гласит устав, должно было происходить дважды в год. Следовательно, свою нелегкую лямку он тянул не больше шести месяцев и сменяемость деканов была велика. Права декана весьма напоминали ректорские, только в меньшем масштабе: он созывал магистров на факультетские собрания, председательствовал на них, заведовал факультетским имуществом, наблюдал за исполнением факультетского статута и распоряжений по учебной части. Впрочем, в своих хлопотах он не был одинок, а имел солидный штат «заместителей». В помощь

декану назначались два *коллектора* по заведованию доходами, два *ассессора* по ведению отчетности и четыре *деспенсатора* по наблюдению за исполнением статута университета.

В целом, средневековый западный университет был образован по образцу самостоятельной корпорации на манер городских ремесленных цехов или купеческих гильдий, где ведущие преподаватели, магистры играли роль мастеров (*magistri*), а бакалавры и школяры — подмастерьев и учеников. Здесь была та же замкнутость, то же разделение занятий, та же лестница степеней с особыми, строго определенными для каждой правами и обязанностями, те же испытания и аттестаты. Словом, это был «ученый цех». Находясь под покровительством того или иного Папы или императора, короля, которым это было выгодно, университет являлся как бы «государством в государстве». Он имел общую собственность, избираемых должностных лиц, свои уставы, свою печать и даже собственный суд. Это было необыкновенно важно, ибо именно эта сторона университетской организации обеспечила ее живучесть и сделала университеты теми очагами научной деятельности, в которых билась свободная мысль, жило идейное творчество — двигатель и основа жизни.

Средневековое студенчество в целом составляло довольно пеструю гетеросоциальную группировку, сложившуюся в результате воздействия таких факторов, как: специфика университетской жизни, оторванность от привычных условий существования своего сословия, единство интересов и жизненных целей, выработка определенных моральных представлений, мировоззрения, идеологии — то есть общественного сознания, менталитета. Но, наряду с указанными обстоятельствами, в жизни средневековых школяров хватало немало моментов, которые их разъединяли: различия в имущественном положении, происхождении, национальная разнородность и т. п. Эти две группы факторов, объединяющих и разъединяющих, и определяли социальные условия существования студенчества.

В университетах были представлены практически все страты и сословия европейского общества эпохи классического средневековья. Но подавляющее большинство студентов имели духовное

звание и назывались клириками (от греческого *cleros* — «жребий»), поскольку служение Богу воспринималось как особый удел. Неудивительно, что слова «клирик» и «школяр» в средневековых источниках часто употребляются как однозначные. Многие из них, особенно из числа небогатых горожан и крестьян, будучи посвященными в низший духовный сан, полагали вполне естественным иметь бритую макушку — тонзуру, зримо указывающую на их принадлежность к кругу духовных лиц, а значит, должны были выполнять все религиозные обряды, в том числе и целибата — безбрачия, строго соблюдать посты, носить только темное платье. Впрочем, с оголенной макушкой ходили и многие юные выпускники начальных школ. Это своеобразное зримое «свидетельство об образовании», не налагая никаких обязанностей, давало очень серьезные жизненные преимущества, так как ставило человека под особое покровительство могучей духовной власти. Недаром купцы, которым много приходилось путешествовать, иногда самовольно выбривали себе макушки, чтобы в случае беды сойти за клириков, не подлежавших светскому суду.

Богословские факультеты состояли исключительно из духовенства, на артистических оно составляло значительную часть. Довольно большое число студентов принадлежало к различным монашеским орденам, преимущественно нищенствующим — францисканцам (миноритам) и доминиканцам. В Кембридже, например, в XIV в. монахом являлся каждый третий, а в славившемся богословием Парижском университете студентов-монахов было еще больше. Кроме официального имиджа это, видимо, давало будущим ученым известную защиту от суеверной толпы и корыстолюбивых властителей. Впрочем, наличие большого количества духовных лиц в университетах легко объясняется прежде всего тем, что практически все дело образования в это время все еще находилось в руках католической Церкви, как в смысле содержания обучения, так и в смысле материальной поддержки студенчества.

Каждый год из университетов в папскую курию отсылали списки учащихся, рекомендуемых для получения церковных бенефициев, предоставляемых Папой. Подобные «стипендии» или, как бы сейчас сказали, гранты являлись одним из важнейших источников

существования значительной части ученого сословия. В этом плане с Римской курией не смог бы тягаться ни один нынешний фонд.

Представителей сеньориальной знати в рядах студентов было мало, что объясняется, во-первых, их приверженностью к традиционному аристократическому образу жизни, а, во-вторых, тем, что они и без университетского образования по праву рождения могли занимать высшие должности в государстве и Церкви. Анализ имущественного и социального положения немецкого студенчества показывает, что выходцы из светской знати составляли примерно 1,7–2% от общего количества студентов. Такой же незначительный процент они составляли во всех европейских университетах, число которых к концу XIV в. дошло уже до 50. При средней численности каждого около 500 человек, это составило бы примерно 25 тысяч студентов. Следовательно, не более 2000–3000 из них, к тому же рассеянные по разным университетам, могли похвалиться высоким происхождением. Для сравнения можно указать, что примерно столько рыцарей насчитывалось в одной лишь Англии.

Число представителей крестьянства тоже было небольшим. Зависимый от сеньора, связанный с консервативными производственными отношениями, сравнительно неразвитыми средствами производства, крестьянин вел образ жизни, мягко говоря, не способствующий увеличению его представительства в центрах образования.

Более всего в университетах было выходцев из городского сословия, стремившихся с помощью получения знаний сделать карьеру. Так, в Гейдельбергском университете бюргерство составляло 36,7% от общего числа студентов, и такое положение было общим для всех университетов Европы.

Разумеется, основная масса школяров, вербовавшихся из городского населения, была в свою очередь неоднородной в имущественном положении. Среди учащихся находились довольно богатые люди, могущие позволить себе иметь слуг, снять отдельный дом. Иногда они приезжали учиться вместе со своими воспитателями, выделялись богатой одеждой и высокомерием. В то же время существовало большое количество людей, освобожденных по бедности даже от обязательного для всех прочих вступительного взноса.

В каждом статуте, предусматривающем уплату взноса за что-либо (уже упоминавшийся вступительный или при получении ученой степени, при причислении к студенческой «нации»), непременно оговаривались условия освобождения от него неимущих. Значит, таковые были типичны в университетах. Так, во Флорентийском университете, по статистическим данным, 24% студентов происходило из бедных, а 51% — из малосостоятельных семей.

Но даже имевшие богатых родителей далеко не всегда получали помощь из дома, нередко находившегося далеко, в другой стране или, как пели бродячие школяры, на иной «планете». Родительская помощь, уж коли она случалась, как правило носила характер временных, случайных подачек. Иногда, кроме родителей, школярам оказывали материальную поддержку их бывшие наставники, более богатые друзья, но, понятно, и этот источник не был постоянным, да и сводился порой к обедам, которые перепали со стола богатого земляка тому, кто был «удивительно похож на живые мощи».

Если состоятельные студенты могли позволить себе наем отдельной квартиры, то бедные должны были объединяться для того, чтобы сообща снять дом или хотя бы верхние этажи, эркеры, чердаки-мансарды в домах у горожан. Правда король и Папа выработали особые правила, запрещавшие горожанам поднимать цены на жилье выше определенного уровня, но управлять стихией цен на рынке жилья было почти бесполезно.

Жившие на квартирах были не подвластны ничьему контролю — ни родительскому, ни школьному. Их жизнь мало чем отличалась от жизни взрослого холостого мужчины. Иначе стало, когда появились *коллегии* — «общежития». Это была первая ступень к интернату, столь полюбившемуся в XVII–XVIII вв. в странах Европы. Здесь студенты получали бесплатное или за мизерную стоимость жилье и питание, могли пользоваться учебниками, книгами из общей библиотеки. Эти коллегии или, как их называли в Германии, *бурсы* основывались для бедных студентов и преподавателей на средства благотворителей или города, или же королевские средства, и появились почти одновременно со «школами для всех». В Париже одним из первых общежитий — коллежем стал домик недалеко от собора Нотр Дам, в котором на средства некоего благо-

честивого Юстуса из Лондона содержались 18 неимущих школяров. Этот богатый лондонец, возвращаясь из паломничества в Святую Землю, основал «Коллегию восемнадцати». Был в Париже «Коллеж смиренных сынов Св. Виктора», и «Смиренных сынов Св. Оноре», и «Константинопольский коллеж», названный так по случаю взятия Константинополя рыцарями-крестоносцами в 1204 г.

Нередко в такие общежития переносили чтение своих лекций и магистры. Так, например, прославленная Сорбонна (Sorbonne), знаменитая богословская школа, будущий центр Парижского университета, поначалу, в середине XIII в. была, собственно говоря, общежитием для 16 студентов-богословов (по четыре школяра от каждой «нации»), а открыл эту коллегию в 1253 г. парижский каноник, духовник, капеллан короля Людовика IX Святого, **Робер де Сорбон** (1201–1274 гг.). Подобно многим школярам той поры, Сорбон в свое время учился на средства, которые получал из милости. Желая улучшить положение подобных бедняков, он основал общество священников, принадлежавших к белому духовенству (ecclesiastiques seculiers), которые согласились давать бесплатные уроки, и просил об отводе жилища для бедных учеников. Поначалу королевским указом в 1250 г. ему было отведено помещение на правом берегу реки Сены, в Волчьем лесу (Luparia, Louverie), близ Лувра. Последний тогда еще не стал королевским дворцом, а представлял собой небольшой прибрежный форт с высокими башенками, оборудованный массивными цепями, которые можно было натянуть через реку. Со временем этот коллеж был расширен благодаря новым пожертвованиям, а также потому, что в него стали принимать платных пансионеров, желавших пользоваться увеличивающимися удобствами. Так как большинство студентов-богословов жило в Сорбонне и им было удобнее там собираться, то учителя из Латинского квартала, где по другую сторону Сены находились помещения Парижского университета, приходили туда к ним читать лекции, и таким образом, преподавание постепенно переносится из аудиторий в подобные «общежития». По мере возрастания числа подобных заведений, университет все больше и больше стал теснить «стрижей», то есть студентов, живших на частных квартирах.

В XIII в. коллегии прочно вошли в университетский быт, в их стенах и проводили студенты основную часть своего времени. Основанные первоначально с целью дать хоть немногим неимущим школярам жилье и питание, они в процессе развития претерпели значительные изменения. К концу XIII в. в них проживала уже большая часть студентов, существовали специальные коллегии для новичков, для магистров, а наряду с бесплатными общежитиями появились платные, так называемые пансионы или педагогии. Такая эволюция привела к тому, что в коллегии было перенесено чтение лекций, а сами университеты стали превращаться в закрытые учебные комплексы. К примеру, во второй половине XV в. Парижский университет прямо требовал, чтобы все учащиеся наиболее многочисленного, младшего, артистического факультета, родители которых жили не в Париже, помещались исключительно в университетских коллегиях и педагогиях.

Уставы тщательно регламентировали все стороны жизни в коллегии. Как правило, она управлялась четырьмя старейшими школярами, иногда имевшими младшие звания бакалавра или магистра искусств. Однако над ними стоял *провизор* или попечитель, назначавшийся ректором. Общежитие включало помещение общего пользования — столовую, спальни, зал для чтения лекций, проведения занятий и отдельные комнаты для некоторых студентов, обычно из числа имеющих какие-либо ученые степени. Подавляющее большинство коллегий располагало собственными библиотеками. Если бы мы имели возможность заглянуть в такие дома, то увидели бы стоящими по десять, пятнадцать и двадцать кроватей. Крепкие стены, светлые окна, огонь в камине. Это были уже не прежние первоначальные убогие наемные подворья с ветхой, протекающей крышей, окнами-щелями, земляным полом и жесткими деревянными нарами, на которых тело горело от блошиных укусов. С конца XII до конца XIV вв. только в одном Парижском университете было основано, исключительно на частные пожертвования, 50 коллежей с 1000–1100 стипендиями, — так сильно развилось это дело.

Место коллегий при германских университетах занимали бурсы. Так назывались пансионы для студентов в семьях тех магист-

ров, которым факультет в виде отличия давал право держать бурсаков. Эти магистры, своеобразные «ректоры» своих бурс, всячески приглядывали за студентами, следили, не отлынивают ли они от посещения лекций, повторяли с ними изучаемые предметы, вели за обедом или после него диспуты на латыни и вообще наблюдали, чтобы бурсаки говорили между собой на этом языке. Бурсаки платили своему хозяину-наставнику, большей частью по одному грошу в неделю, не считая особых подарков, которые полагалось делать в особые сроки. Для желающих могли и повторить лекцию, но, разумеется, за отдельную плату.

Безусловно, коллегии (коллежы, бурсы) явились величайшим подспорьем для студентов, давая многим из них возможность учиться, спасая от бродяжничества и голода. Его призрак все время сопровождал школярскую братию, хорошо знакомую с певшейся на манер церковного гимна скорбной и вместе с тем лихорадочно-веселой песенкой:

*Не для суетной тинеты,
не для развлечения —
из-за горькой нищеты
бросил я учење.
На осеннем холоду,
лихорадкой мучим,
в драном плащике бреду
под дождем колючим...*

Некоторые клирики подрабатывали пением в церквях, другие поступали в услужение к своим богатым сокурсникам, учившиеся на старших факультетах имели возможность подрабатывать, читая лекции на артистическом. Значительное число школяров, как уже отмечалось, существовало за счет церковных «благоедений», как дословно переводилось слово бенефиций. Те из них, кто имел низшие духовные звания, иногда располагали определенным местом службы, приходом, хотя, будучи студентами, не могли там служить. Тем не менее они получали с них доходы, носившие название пребенд.

Наконец, многие школяры, особенно принадлежавшие к нищенствующим орденам, жили за счет милостыни — этот источник существования пользовался в XII–XIII вв. большой популярностью, был отнюдь не таким жалким, как может показаться на первый взгляд, и к нему прибегали при любой возможности. Практически полностью за счет попрошайничества, а то и мелкого воровства жили странствующие школяры, лучшее доказательство чему их поэзия, вечно плачущаяся о «скудости клириков», а иногда и бахвалящаяся этим:

*Не помеха драный плащ,
чтоб пленять красоток,
а иной плясун блестящ
даже без подметок.*

*К тем, кто бос, и к тем, кто гол,
будем благосклонны:
на двоих — один камзол,
даже панталоны.*

Многие, оторвавшись от родной земли, привычного образа жизни, попав в среду буйной, беззаботной молодежи уже в первые дни тратили все свои сбережения. Ни денег, ни крова, а впереди только долгие годы учебы:

*Был богатым, стал я нищим,
стал весь мир моим жилищем,
сгорбась, по миру брожу,
весь от холода дрожу.*

Наиболее энергичные, терпя нужду и бурчание вечно голодного желудка, все же добивались звания преподавателя, хотя бы бакалавра, другие же возвращались домой ни с чем, в лучшем случае — с надеждой, что в следующий раз обязательно повезет.

Неоднородность социального состава, разница в имущественном положении дополнялись еще и национальной разнородностью. Ведь средневековые университеты носили международный харак-

тер, в них стекались желающие получить образование практически из всех европейских стран и земель. Каждый школяр, попавший в незнакомый город, первым делом разыскивал земляков, которые помогли бы ему сориентироваться, устроиться, подсказали, где нанять помещение, записаться слушателем к тому или иному преподавателю, выручили, если попадет в беду или заболет. Выгоды такого сплочения для студентов были очевидны, и мелкие кружки — землячества стали группироваться по национальному признаку в «**провинции**», а «провинции» — в «**нации**». В «нации» входили школяры всех факультетов, а также магистры артистического факультета (*magistri in artibus legentes*), большинство которых были студентами или бакалаврами старших факультетов.

В разных университетах таких «наций» было разное количество. В Парижском университете было четыре «нации»: Галльская, Пикардийская, Нормандская, Английская. В одну «нацию» обычно входили студенты нескольких земель, чаще всего близких друг к другу. Например, к Галльской «нации», кроме французов, принадлежали испанцы, итальянцы и жители востока Европы. В Английской, кроме англичан, можно было найти жителей Германии и провинций, занятых англичанами во Франции, а также шотландцев. В Германскую «нацию» Болонского университета, особенно славившегося своей юридической подготовкой, входили датчане, богемцы, моравяне и литовцы — с нашей точки зрения настоящий национальный «винегрет». Но как бы то ни было, каждый вступающий в университет обязательно должен был приписаться к одной из «наций», которые являлись также органами управления университета. Дело в том, что во главе каждой из «наций» стоял прокуратор, выбиравшийся из своей среды магистрами *artium*, а прокураторы в свою очередь вместе избирали главу университета — ректора, который, таким образом, был «выдвиженцем» студентов.

Приписывающиеся к «нации» произносили присягу. Они клялись «усердно блюсти честь, добро и пользу нации, оказывать помощь пришедшим студентам и всем, кто принимается в нацию». Следовательно, это были своеобразные клубы, причем весьма влиятельные, но они же служили целям лучшего надзора за студентами.

Необходимость найти помощь, защиту, покровительство в чужом городе была одной из важнейших причин объединения школяров в «нации», а защита интересов своих членов относилась к их главным, но не единственным функциям.

«Нация» также вела наблюдение за учебным процессом, регулировала отнюдь не простые взаимоотношения магистров и школяров. Кроме того, «нация» имела общие деньги, кассу. Ее источником являлись вступительные взносы, штрафы, пожертвования. Деньги шли на организацию духовных праздников, оплату должностных лиц, помощь нуждающимся членам «нации», обновление и покупку книг. К слову, переписка книг, их копирование влекли немалые расходы заказчиков. Университетская комиссия составляла список книг, необходимых для студентов. Каждая книга из такого списка составлялась из несброшюрованных тетрадей в четыре согнутых пополам листа пергамента. Тетрадь называлась «шкура» (ресіа). Все эти «шкуры» находились на хранении у *стационария* — университетского библиотекаря, который мог за установленную в пользу университета плату выдавать поочередно тетради студентам и магистрам. Цена за пользование тетрадью колебалась от 1 до 4 денье, для иностранцев — 6 денье: сумма немалая, соответствовавшая дневному заработку каменщика за его тяжелый труд.

Стационарий мог по просьбе магистров или студентов заказывать изготовление книг у профессиональных писцов, ему подчиненных.

Университетские уставы обязывали переписчиков вывешивать у окна своей мастерской списки, в которых четко и ясно фиксировалось, какими экземплярами книг они обладают и какова цена каждого. Никто не мог продавать книги дороже, чем устанавливали статуты. Нарушившего постановление попросту изгоняли из университетской корпорации писцов, так что рисковать надежным и неплохим заработком никто не желал.

Студенты гордились своим университетом, своей учебой в «гордых этих стенах», как пелось в одной из школярских песен. Однако об университетских помещениях именно как помещениях особой школы можно говорить с большой натяжкой. Таковых попросту не

было. *Studium generale* не имел постоянных доходов и расходов, ни тем более собственного помещения, ни зала для общих собраний своих членов. Поэтому университет и факультеты долгое время совершали свои торжественные акты в различных местах, — то в митрополичьей церкви, то в архиепископском доме, то в монастырских зданиях. Мало того, каждый преподаватель искал сам для своих занятий подходящее помещение.

«Были неудобные залы, где учитель бубнил, как бы ни к кому не обращаясь, — пишет видный французский медиевист Жан Фавье в своей увлекательной книге о жизни школяра, «певца богемы» XV в. Франсуа Вийоне, — а слушатели располагались как придется прямо на полу. Табуретки приносить запрещалось. К скамьям наблюдалось более терпимое отношение». Обстановка учебных аудиторий состояла, как правило, из одной кафедры для преподавателя, а для студентов предназначался пол, застеленный соломой, ибо, как утверждали статуты Парижского университета, «...таким путем смиряется гордыня юных». Отсюда и пошло название одной из самых знаменитых университетских улиц так называемого «Латинского квартала» Парижа — улицы Фуарр (Соломы), центра студенческого населения, которая была застроена около 1225 г. Лишь на старших факультетах в аудиториях иногда имелись столы и скамьи для слушателей, не избалованных подобной «роскошью».

Как уже было указано, всевозможные предписания, правила, которыми была столь богата университетская жизнь, не оставляли без внимания ни одну мелочь в жизни коллегии. Статуты указывали, например, что, когда, где должен есть проживающий в коллегии, и даже каким образом ему поступать с остатками пищи. К примеру, до обеда ничего не полагалось. Известная латинская поговорка утверждала: «сытое брюхо к учению глухо». Да и сам обед порой мог состоять из ломтя хлеба с положенным сверху листом вареной капусты, «полдник» — из кружки жидкого пива, а ужин — из вареного гороха. Приварок к этому скудному «пайку» школяр волен был добывать себе сам, как придется, хоть воровством, лишь бы не попался. А уж если попался — терпи, что заслужил!

*Шляпу стибрил у меня
жулик и притвора.
Всеблагие небеса,
покарайте вора!...*

*Сделай, Господи, чтоб он
полным истуканом
на экзамене предстал
перед самим деканом.
Положи, Господь, предел
кражам окаянным
и, пожалуйста, не верь
клятвам покаянным!
— взывало школярское проклятие.*

Тем более уставы не упускали из вида одежду студентов, которую пытались всячески упорядочить и оскромнить. Ранние статуты Сорбонны настаивали: «Пусть никто не носит бросающейся в глаза одежды и тувель, из-за чего могут возникнуть различные недоразумения... Все должны носить закрытую верхнюю одежду. И никто не должен украшать верхнюю одежду или капюшон многоцветной, красной или зеленой отделкой из шелка». Запрещалось ночевать вне коллегии и, упаси Боже, приводить туда женщин, пусть даже и родственниц.

Но нужно заметить, подобные правила сплошь и рядом игнорировались, — недаром почти после каждого предписания как само собой разумеющееся указывался размер штрафа за его невыполнение. О том же свидетельствуют другие запреты, которыми пестрели статуты: не разрешалось, например, прелюбодействовать с кухонным персоналом, закрывать на ночь двери коллегии только для вида и т. п.

К примеру, канцлеры Парижского университета часто жаловались на то, что студенты артистического факультета бегают ночью по улицам вооруженные, выбивают двери домов, устраивают попойки, драки и другие бесчинства, сами сидят в тавернах, а учебные аудитории превращают в спальни.

К прискорбию властей, внешний вид членов университета тоже был далек от скромного духовного одеяния исключительно темного цвета. Школяры, что побогаче, и магистры позволяли себе различные экстравагантности: носили оружие, щеголяли сапогами с длинными носами, имели разрезы на платьях, открывавшие тело, украшали шею роскошными кружевными воротниками, а штаны-брэ, — последний «крик моды», — могли быть разных цветов для каждой ноги.

Тем не менее, подчиненная регламенту жизнь, особенно если она протекала целиком и полностью в коллегии, в определенной мере сковывала школяра. Зато вне университетских стен он проводил время в свое удовольствие, пускаясь во все тяжкие. В объявлении официала епископского суда Парижа (1269 г.) по поводу запрещения студентам носить оружие говорилось: «Повсюду можно услышать частые жалобы, что... некие клирики и школяры... все чаще и чаще..., как в дневное время, так и по ночам, жестоко ранят и убивают многих людей, похищают женщин, оскорбляют девушек, врываются в гостиницы, по несколько раз совершают грабежи (то есть являются с нашей точки зрения рецидивистами — С. С.) и производят другие гнусности». Действительно, студенты обычно ходили по городу вооруженными, против чего, правда безуспешно, выступали не только епископские суды, как в данном случае, но даже сам Папа, если вспомнить буллу «*Parens scientiarum*» Григория IX к Парижскому университету (1231 г.).

В приведенном выше документе, несомненно, содержится немалая доля преувеличений, до многочисленных убийств и грабежей дело, скорее всего, не доходило. Тем не менее здесь нашли отражение если не факты, то сам дух того, как проводили свое свободное время некоторые школяры, особенно изобретательные на такого рода «шалости», которые не одобрил бы и современный уголовный кодекс. Больше всего данных по этому поводу содержит поэзия бродячих школяров, усеянная описаниями поисков «радостей Венеры», любовных походов, азартных игр, выпивок, бесконечных дружеских пирушек, кабацких застолий до упаду, «соревнований» по количеству выпитого.

*Этот пьет, тот — жарит в кости.
 Этот — глянь — продулся в пух,
 у того — кошель разбух.
 Все зависит от удачи!
 Как же может быть иначе?!
 Потому что нет средь нас
 лихоимцев и пролаз.*

Бродячий школяр по прозвищу Архипиит Кельнский в своей «Исповеди» покаянно сформулировал даже своеобразную «программу» подобных развлечений. Прочтем эти стихи на латыни в прозаическом переводе, который лучше сохраняет дословный смысл:

«По обычаю юности иду я путем погибели и, забывая о добродетели, погружаюсь в бездну пороков: заботясь не о спасении, а о наслаждении, мертвец душой, я хлопочу только о своей плоти.

Почтенный Владыка, я прошу у тебя прощения: доброй смертью я умираю, сладкой погибелью я погибаю; грудь мою пронзают стрелы девичьей красоты, и кого я не могу обнять руками, тех обнимаю хоть сердцем...

По второму пункту должен я повиниться в игре. Хоть она и отпускает меня без нитки на теле, но, дрожа телом, киплю я душевным жаром, в пылу которого зарождаются самые лучшие стихи.

По третьему пункту помяну я кабака. Его я всегда высоко почитал и не перестану почитать до тех пор, пока не предстанут мне святые ангелы с пением: «Упокой душу раба Твоего».

Моя мечта — умереть в кабаке. Пусть вино будет поставлено у самых уст умирающего. Так радостно прозвучит для меня песнь ангелов: «Боже, буди милостив к этому пьянице».

К слову, можно заметить, что песня звучала очень ритмично и, как и многие другие, была предельно изящна по форме. Вот как выглядит ее концовка в оригинале, по-латыни:

*Meum est propositum!
 In taberna mori,
 ut sunt vina proxima
 morientis ori.*

А вот стихотворный перевод этих строк:

*Принято решение!
В кабаке кончина,
чтоб к устам пред смертью
ближе были вина.*

Впрочем, подобное времяпровождение, во-первых, было по карману далеко не всем школярам, во-вторых, на него оставалось не так уж много времени: при несовершенстве методов обучения, необходимости запоминать огромное количество материала, продирались сквозь дебри схоластики на развлечения оставалось совсем мало — все поглощала учеба.

В дошедшей до нас биографии одного из светочей тогдашней богословской науки — Ансельма Кентерберийского, годам его обучения посвящены следующие строки: «Днем и ночью он занимался науками, причем не только получал знания, но и старательно обучал других по их просьбам. Меж тем тело его среди таковых занятий изнуряемо было бдением, голодом и холодом». Не «пахнет вином» и от тех строк талантливого английского поэта XIV в. Джефри Чосера, которые он посвятил в своих «Кентерберийских рассказах» одному из рядовых, выражаясь словами бродячих школяров, «мучеников науки»:

*Студент оксфордский рядом с ними плелся,
Едва его беднее нищий бы нашелся...
Он каждый грош, попавший ему в руку,
На книги отдавал и на науку...
Науке жизнь отдать он был готов...*

Обращает внимание, что в обоих случаях упорный труд сочетался с крайней бедностью, почти нищетой. В связи с этим не безинтересно проследить, из какого преимущественно общественного класса брались, скажем так, студенты-труженники, а из какого — завсегдатаи таверн.

В Парижском университете, как, впрочем, и в любом другом, богословский и юридический факультеты носили определенный

сословный характер. Богословский считался самым плебейским, но зато ни на одном факультете не работали так упорно и плодотворно. Он представлял собой лицо не только всемирно известного учебного учреждения, но и являлся в то же время оплотом Католической Церкви, руководителем религиозной жизни Западной Европы. С другой стороны, самым аристократическим был юридический факультет. Его совет попросту не допускал к магистерскому экзамену никого, кто имел менее 80 ливров золотом годового дохода. Зато это был самый развращенный и продажный из всех факультетов. Если так можно выразиться, на нем не было ни профессоров, ни студентов, на нем были только продавцы и покупатели — следствие закономерной эволюции подобного отбора абитуриентов и преподавателей.

Но и школярам, готовым «науке жизнь отдать», нужна была хотя бы периодическая разрядка. Ее приносили преимущественно праздники, каникулы и свободные от учебы выходные дни, которых насчитывалось в общей сложности свыше 150 дней в году. Причем во время рекреаций студенты не только отдыхали от схоластической премудрости, но и делали ее предметом веселых шуток.

*Радость, радость велия!
День настал веселия,
песнями и пляскою
встретим залихватскою
день освобождения
от цепей учения.
Школяры мы яростно
день встречаем радостный,
пук тетрадей в сторону.
На съеденье ворону
творчество Назоново,
хлам груза ученого!
Пусть, как знают прочие,
мы спешим к Венере
и толпой бесчисленной
к ней стучимся в двери.*

Одним из самых излюбленных и распространенных был студенческий Праздник посоха, называвшийся также Праздником дураков или Ослиным праздником. По нему можно судить и о других подобных праздниках. Устраивался он обычно в день Св. Стефана, на Новый год, или в день избиения младенцев Иродом, в день Иоанна Крестителя, в день обрезания Господня.

*День приходит желанный, братия:
все бывлые бросим занятия —
радость, радость примем в объятия*

— восклицал бродячий школяр-поэт Гвидон Барошский в стихах на Праздник посоха.

Главным поминаемым событием на нем было бегство Христа-младенца с Богоматерью на осле в Египет, но в центре праздника оказались не Мария и Иисус, как можно было ожидать, а... осел, отсюда и название — Ослиный. основным актом при этом была передача посоха старшине праздника.

*Мы вручаем Титиру,
славному пресвитеру,
посох сей господский,
пастырский и скотский...*

— пелось в школярских стихах, посвященных чествованию некоего Титира. При этом школяры изошрялись в вольностях как только могли: перед началом мессы к церкви подводили навьюченного осла, клирики выстраивались перед дверями с бутылками вина в руках, осла торжественно вводили в церковь и ставили у алтаря, а каждая часть богослужения вместо положенного «аминь» заканчивалась громогласных ржанием. Иногда фантазия школяров доходила до того, что кадили не из каминов, а... из старых, стоптанных башмаков, на алтарь едва ли не кощунственно бросали непременный атрибут разгульной трактирной жизни — игральные кости, вместо хоругвий размахивали колбасами и связками аппетитных сосисок, горланили песни, содержание которых и у не знающих латыни не требовало перевода:

*Я скромной девушкой была,
 вирго дум флоретам,
 нежна, приветлива, мила,
 омнибус плацедам.*

*Пришла я как-то на лужок
 флорес адунаре,
 да захотел меня дружок
 иби дефлораре...*

*Он мне сорочку снять помог,
 корпоре детекта,
 и стал мне взламывать замок,
 куспиде эректа.*

*Вонзилось в жертву копьецо,
 бене венебатур!
 И надо мной — его лицо:
 лудус комплеатур!*

До упаду плясали ряженые, в масках, и вообще происходило черт знает что. Само собой разумеется, дело никогда не обходилось без сердечной «христианской драки», так что потасовки в такой обстановке были обычным явлением и как бы неотъемлемой частью «праздника».

В честь главного «героя» — осла исполнялись песни, шутивно превозносившие его:

*Се является осел
 от восточных стран и сел,
 славный, благороднейший...
 Мула он стремительней,
 лани он пленительней...*

Теологи Парижского университета, поднаторевшие в диспутах о чем угодно, защищая право на сомнительный во всех отношениях Ослиный праздник, в циркулярном послании от 1444 г. доказыва-

ли его необходимость тем, что «глупость, которая является нашей второй природой..., должна хоть раз в году свободно изжить себя... Все мы, люди, — плохо сколоченные бочки, которые лопнут от вина мудрости, если это вино будет находиться в непрерывном брожении благоговения и страха Божьего. Нужно дать воздух, чтобы оно не испортилось».

Как уже было сказано в начале этой лекции, и папская курия, и светская власть вынуждены были признать университеты и способствовать их дальнейшему развитию. Это объяснимо, во-первых, тем, что уже в XIII в. культурное движение в Западной Европе обнаружило черты необратимости, захватив все европейские страны. Во-вторых, существенной причиной признания университетов явилось и то, что они оказались крайне необходимы и полезны как Церкви, так и государству. В XII–XIV вв. с наступлением эпохи высоко-го, классического средневековья и складывания централизованных сословных монархий государству стали настоятельно требоваться высококвалифицированные юристы, легисты-законники, анналисты, хронисты, дипломаты, аппаратные, ответственные чиновники. Католическая Церковь нуждалась в опытных и образованных проповедниках, знатоках церковного права. Кроме того, следует иметь в виду, что в этот период социальная борьба все чаще выступала в форме общественных столкновений на идеологической почве. Так, представители крестьянско-плебейского лагеря наряду с прежней «сусальной» идеей равенства сынов Божьих выдвинули приземленные и от этого более грозные идеи гражданского равенства и равенства имущества, а в городах, несмотря на сокрушительную критику со стороны духовенства, опасной раковой опухолью разрасталась зловещая для Церкви бюргерская ересь.

В этих условиях и Католическая Церковь, и государство в равной степени стремились, чтобы в новых университетах воспитывались кадры образованного духовенства, основное назначение которых заключалось бы в том, чтобы внушать народу, миру «простецов», представление о божественном, а значит, незыблемом характере власти его учителей и пастырей.

Вместе с тем и королевская власть, и Церковь стремились всемерно приспособить авторитет и кадры университетов для своих

политических целей. Первая всюду стремилась использовать университеты для нужд складывающихся централизованных государств, вторая — для проведения в жизнь своей теократической программы. Отсюда попытки втянуть университеты в политическую борьбу между светской и духовной властью, привлечь их на свою сторону. И Церковь, и королевская власть пытались добиться этой цели всеми средствами, среди которых одним из основных было дарование университетам различных привилегий.

Свое знаменательное вмешательство в жизнь высшей школы папство начало с того, что, используя ее стихийно сложившийся интернациональный характер, сделало основание университетов своей прерогативой. Не случайно, из 79 университетов, возникших в Европе до начала XV в., 50 было основано Папами.

Церковь также взяла на себя важнейшую функцию отбора и канонизации огромного учебного материала, который со временем стал изучаться во всех университетах. Разумеется, процесс отбора происходил в упорной борьбе, в ходе которой Церковь посылала на костры вместе с первыми представителями университетской науки и книги Аристотеля. С одной стороны, фантастическая, бьющая через край популярность Стагирита заставляла духовные власти разрешить изучение определенных его трудов, с другой стороны, содержание этих трудов, философия Аристотеля оказались приспособлены к христианскому учению. Следует заметить, что подобная «прививка» не принесла пользы ни тому, ни другому, хотя было затрачено немало усилий, дабы вдохнуть жизнь в созданного научно-го «кентавра».

Одним из важнейших средств подчинения университетов своей власти Папская курия считала поддержку их автономии. В этой политике определенно прослеживается стремление Церкви сохранить независимость высшей школы от вмешательства светских властей, изолировать этот культурный феномен от остального мира «позолоченными цепями» — многочисленными привилегиями в целях укрепления своего влияния. Папы искали и использовали любой повод, чтобы с помощью университетов принизить влияние все более крепнувшей королевской власти. Особенно наглядно это видно в следующем, почти классическом случае.

Как-то на масленице 1229 г. парижские студенты, поссорившись с хозяином одного винного погребка в местечке Сен-Марсель и побитые соседями, разнесли в щепки этот и другие погребки и исколотили многих жителей местечка. Приор аббатства Св. Марцелла и Парижский епископ пожаловались королеве-регентше Бланке Кастильской, правившей по малолетству короля. Она вполне справедливо распорядилась, чтобы прево исполнил свой долг — арестовал школяров-буянов. Тот, хорошо представляя, с кем ему придется иметь дело, прихватив внушительный отряд городских стражников, двинулся на холмистый левый берег сены, в Латинский квартал, весь усеянный стоявшими как попало, словно раскиданными ветром домишками. Под их крышами гнездились так называемые «стрижи» — школяры, которые снимали себе здесь дешевое жилье. Захваченные врасплох на улицах, студенты защищались как могли. Но перевес оказался на стороне доблестных сил прево, и школярам пришлось дать стрекоча, ища спасение в окружавших Париж огородах и каменоломнях. Синякам и шишкам не было числа. Хуже того — оказалось множество раненных, изувеченных и даже несколько убитых, в числе которых были члены всех «наций», тогда как в сен-марсельском буйстве, — все зналиё — была повинна одна Пикардия. Университет потребовал в месячный срок удовлетворения за нарушения своих привилегий, грозя иначе закрыться на шесть лет. Тем не менее королева не выдала верного, бесхитростно-го служаку — прево, и университет закрылся: магистры и студенты разошлись по Франции, некоторые уехали в Оксфорд. Примечательно, что все винили именно королеву в таком несчастье для страны, принесшем «ущерб Церкви и государству и позор французской короне». Вот тогда-то вмешался в дело Папа Григорий IX. Он настоял, чтобы Бланка Кастильская дала удовлетворение университету и подтвердила все привилегии, а сам освободил магистров от данной ими клятвы шесть лет не возвращаться в Париж.

В своей знаменитой булле «*Parens scientiarum*» от 13 апреля 1231 г. Папа утвердил автономию Парижского университета и право забастовок против местных властей, лишив последних почти всех возможностей вмешиваться в дела университета. Он даровал студентам право приостанавливать занятия в случае незаконного

взыскания арендной платы, нанесения обид или ущерба какому-либо из них, незаконного ареста. Папа запретил сажать студентов в тюрьму за долги и предоставил право их наказывать только Парижскому епископу. Кроме того, университет получил важное право издавать постановления и распоряжения, касающиеся учебного процесса, внешнего вида школяров, платы за квартиру. Папа признавал право университета исключать всех лиц, которые не будут соблюдать эти постановления.

Однако одновременно с усилением независимости от местных властей, булла знаменовала усиление в высшей школе папского влияния. Ужесточая контроль Церкви над составом студенчества, булла обязывала канцлера «...подвергать их (учащихся) испытанию..., отвергая недостойных и допуская заслуживающих награды». Вдобавок Григорий IX, нарушая им же самим установленную автономию, вмешивался во внутренние дела корпорации школяров: устанавливал срок каникул, категорично определял состав дозволенных учебников.

Колоссальное значение для укрепления позиций Римской курии в университетах имела уже не раз отмечавшаяся система надления студентов и преподавателей церковными бенефициями, ставившая членов университета в прямую материальную зависимость от папства.

Ну а в случае неповиновения Церковью приводилась в движение грозная, давно отработанная и выверенная система интердиктов и отлучения непокорных. О частом применении этих мер свидетельствует, например, история Болонского университета в конце XIII — начале XIV вв. В этот непродолжительный период Папы четырежды издавали интердикты, каждый раз закрывая университет и приостанавливая всякое проявление университетской жизни.

Таким образом, над демократической организацией средневековой высшей школы давила могучая власть Рима, стремившаяся заставить ее служить своим интересам. Надо сказать, в достижении этой цели Католическая Церковь добилась больших успехов, но в полной мере ее осуществить так и не смогла. Несмотря на все усилия, университеты оставались центрами свободомыслия, а студенты — таким питательным «бульоном», в котором вечно вызревали

и быстро размножились «бациллы» всевозможных отклонений от официальных догм, которые воспринимались как ереси.

Поставить «всеобщие школы» себе на службу, кроме Церкви, пыталась, конечно, еще и королевская власть, и городские коммуны. Последние считали себя в праве вмешиваться в управление университетом на том основании, что зачастую он первоначально был городской школой. Экономически и политически город был в университете заинтересован. Более того, сами университеты в значительной степени были порождены железной логикой развития городской жизни. Города, являясь средоточием ремесла, торговли, коммунальными центрами товарно-денежных, кредитных отношений, перевалочными пунктами международных коммерческих связей, как никто другой нуждались в образованных, по настоящему грамотных людях. В непосредственной связи с потребностями городской жизни оказалось изучение римского права, в котором члены комунн в готовом виде находили нормы, регулирующие рыночные и иные отношения. Наличие университета в городе к тому же было попросту выгодно бюргерам: школяры арендовали жилые дома, помещения для занятий, снимали квартиры, были завсегдатаями трактиров, потребителями рынка, то есть являлись источником немалых и, главное, стабильных доходов. Недаром студенческие письма домой пестрят «типовыми жалобами на то, что жизнь в городе дорога. «Этот город весьма велик и предъявляет к живущим в нем большие требования. Я должен снимать квартиру, покупать все необходимое и делать сверх того многие непредвиденные расходы», — плачется школяр.

Впрочем, надо учесть, что студенты были в то же время и крайне беспокойным народом. Малыши — «артисты» учиняли постоянные драки, вмешивались в городские движения, восстания и мятежи и вообще были чрезвычайно «опасными элементами» для городских заправил. Столкновения между школярами и горожанами порой вели к побоищам. К примеру, первое самое крупное из них Парижский университет пережил в 1200 г.

Дело было так: студент-немец отправил своего слугу в погребок за вином. Слугу же поколотили пировавшие там, изрядно подпившие горожане. Тогда студенты-немцы, собравшись скопом, избили

горожан, а те побежали жаловаться прево, которому ничего не оставалось, как отправится арестовывать не в меру расходившихся школяров. Однако студенты и не подумали «сдаться» и принялись настолько активно отбиваться, что пятеро из них погибли в свалке. Инцидент разрешился весьма оригинальным с нашей точки зрения образом: после слезной жалобы магистров университет получил от короля Филиппа Августа... нет, не наказание, и даже не порицание, а первую привилегию, по которой все члены корпорации *stadium generale* были признаны подлежащими лишь церковному суду.

Иногда дело доходило до настоящих студенческих погромов. Бывали случаи, когда университет, обидевшись, в полном составе переходил в другой город. Благодаря этому, случалось, основывались новые университеты. Так, например, знаменитый Оксфордский университет в Англии возник в XIII в. благодаря тому, что Парижский университет забастовал, оскорбленный незаслуженной казнью двух школяров, заподозренных прево в убийстве женщины, в то время как настоящий нечаянный убийца этой женщины, школяр-клирик, друг казненных, сумел скрыться. Тогда часть профессоров и студентов Парижского университета переехала в Англию и основала там университет в Оксфорде. Но, не поладив с местными властями, профессора и студенты перебрались оттуда в Кембридж. Впрочем, Оксфордский университет скоро возобновил свою работу, но и в Кембридже тоже остался университет.

К слову, средневековый Оксфорд был вообще полем «перманентной войны» школяров с горожанами. Наконец, решено было прекратить раздоры. Но на беду как раз в это время одному из студентов вздумалось на каком-то диспуте неуместно пошутить — отнять булаву у одного из городских стражников. Понятное дело, другие стражники не остались безучастными, заступились за своего оскорбленного товарища, — произошла схватка со студентами. На другой день страсти не утихли, вышла новая бурная потасовка в одной церкви, причем, как часто бывает в таких случаях, пришибли до смерти какого-то совсем не причастного распре зеваку-крестьянина — горемыка приехал из деревни в город продать продукты. Горожане жаловались канцлеру университета, но не получили удовлетворение. Между тем студенты... торжественно пропели

за упокой всех именитых горожан Оксфорда, многозначительно намекая на то, что им все равно не долго осталось жить. Такого издевательства уже совершенно невозможно было вытерпеть! Разгневанные горожане ударили в набат, затрубили в рога, как при нашествии неприятеля, массы народа, включая женщин и детей, вышли на улицы с ножами, палками, цепями и косами, напали на школяров, разгромили их квартиры, изорвали книги.

Но как бы остро не складывались взаимоотношения, университету в свою очередь город был тоже необходим: только он обладал возможностью разместить и прокормит значительную по тем временам массу людей, обеспечить коммуникациями и связями с другими областями и странами.

Союз городов и университетов часто скреплялся уплатой жалованья профессорам из городской казны, как, например, в старейшем Болонском университете. Хотя этот союз нередко нарушался из-за произвола городских властей или слишком вольного, мягко говоря, поведения школяров, он имел постоянную тенденцию к возобновлению. Чаще всего причиной конфликтов являлась, с одной стороны, алчность квартирохозяев, трактирщиков, торговцев. Общие обвинения, которые предъявляли университетские поэты горожанам — стяжательство, патологическая страсть к наживе, продажа плохих товаров, да и тех втридорога и под проценты.

*Горожанин весь ушел в дела наживы...
Он любит лихву, лихвой хотел бы полниться,
И прожорливый рост со временем дает
ему быструю наживу...*

— таковы записки, оставленные школярами на полях некоторых средневековых манускриптов.

К простому люду отношение студентов в основном было доброжелательным: «мелкий человек может жить спокойнее короля». Зато особую ненависть, причем не только у школяров, но и у магистров, вызывали наглые ростовщики и пузатые, степенные трактирщики, с высока смотревшие на бедную, никчемную с их прагматической точки зрения ученую братию. С другой стороны, горожане

нередко страдали от студенческих дебошей, ночных походов вооруженных шалопаев.

В целом же, в отношении города с университетом, несмотря на все противоречия, четко прослеживается тенденция укрепления союза, выгодная обеим сторонам.

Наряду с Церковью и городскими коммунами использовать университеты в своих целях стремилась и высшая светская власть. Первыми документами, свидетельствующими об интересе государства к высшей школе, являются грамота императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы болонским школярам (1158 г.) и грамота французского короля Филиппа II Августа Парижскому университету (1200 г.), которые заложили основы, если так можно выразиться, «университетской политики» европейских государей. Вполне соглашаясь с Церковью в том, что университеты должны возглавить борьбу со всеми проявлениями идейной оппозиции существующему строю, высшая светская власть вместе с тем требовала, чтобы именно университеты, опираясь на нормы римского права, обосновывали непогрешимость и единовластие королей, содействовали расширению их власти за счет сеньориальной знати и Католической Церкви.

Так, Фридрих Барбаросса своей грамотой брал под защиту «всех тех, чьей ученостью украшается мир, чьими усилиями жизнь наших подданных направляется к почитанию Бога и нас, его слуг». Наряду с императорской, не упускала случая взять под свое покровительство университеты и королевская власть. Поводов для этого всегда было предостаточно, учитывая беспокойный нрав буйной школярской братии. Вот одна из зарисовок тогдашних взаимоотношений.

У могущественного, богатого аббатства Сен-Жермен де Пре (Св. Германа в Лугах), находившегося в 20 км к северу от тогдашнего Парижа, шли вечные пререкания с университетом из-за прилежавшего к монастырю живописного уголька Pre-aux-Clercs, где школяры любили проводить свое свободное время. В 1278 г. отношения этих двух корпораций настолько обострились, что дело дошло до кровавого столкновения. Рассерженные жалобой в суде, которую подал на них университет за возведение ими новых построек, монахи решили основательно прочистить своих назойливых соседей.

13 мая школярам была дана рекреация, и они, ничего не подозревая, по обычаю отправились гулять, выпивать, закусывать и играть в кости около монастырских стен. Вдруг в монастыре колокола забили в набат, протрубили сбор, и, сбежавшиеся на этот зов вооруженные вассалы аббатства, с обнаженными мечами ринулись на студентов, вопя что есть духу: «Смерть, смерть клирикам!». Студенты, испуганные будто куропатки, пустились бежать обратно в Париж, но предусмотрительные монахи заняли все трое ближайших городских ворот и перехватывали там беглецов. Школяров ловили, вязали, били и секли до полусмерти, а потом кидали в монастырскую темницу. Множество студентов получили при этом серьезные увечья, и двое из них через несколько дней скончались от полученных ран. Дело оказалось настолько громким, что дошло до короля. Филипп III Смелый не колеблясь стал на сторону студентов, и властям аббатства пришлось тяжело поплатиться за свое самоуправство.

Таким образом, как и Католическая Церковь, императорская, королевская власть стремилась, заигрывая перед университетами, поставить их себе на службу, сделать своей опорой. Способствуя развитию уже существующих, учреждая новые университеты, надеясь их всевозможными льготами и привилегиями, и пытаясь тем самым усилить их зависимость, светская власть действительно добилась значительного влияния на высшую школу. Но полностью подчинить ее своим интересам она, как и Церковь, так и не смогла.

Лекция 5

МУДРОСТЬ ЗАПАДА.

НАУКА В XI–XV вв.

1. Характерные особенности средневековой науки и ее схоластического метода.
2. Споры об универсалиях.
3. От Альберта Великого к Фоме Аквинскому: достижения и догадки.
4. Монашество в университетах и борьба с католической реакцией.
5. «Отсекающий лишнее»: Уильям из Оккама.
6. Практика и теория западной медицины и хирургии.
7. Диалог мистики и науки: астрология и алхимия.
8. Опередивший время: Роджер Бекон.
9. Поздняя схоластика: итог или тупик?

Основная литература

Белов А. Обвиненные в ереси. М., 1971.

Гайденок В. П., Смирнов Г. А. Западноевропейская наука в средние века. М., 1989.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. М., 1997.

Лункевич В. В. Подвижники и мученики науки. М., 1962.

Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008.

Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.

Рабинович В. Л. Ученый человек в средневековой культуре // Наука и культура. М., 1984. С. 199–234.

Рассел Б. Мудрость Запада. М., 2001.

Свасьян К. А. Становление европейской науки. Ереван, 1990.

Сорокина Т. С. История медицины. М., 2008.

Фортинский Ф. Я. Борьба Парижского университета с «нищенствующими монахами» в первой половине XIII века. М., 1883.

Шевкина Г. В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII в. М., 1979.

Дополнительная литература

Алхимия как пример // Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. К., 1994. С. 87–131.

Бенштрем А. Г. Медицинский факультет в Монпелье до середины XIV в. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1908. № 9. С. 143–169; № 10. С. 209–249.

Боргош Ю. Фома Аквинский. 2-е изд. М., 1975.

Бородулин Ф. Р. История медицины. Избранные лекции. М., 1961.

Быховский Б. О. Сигер Брабантский. М., 1979.

Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука, II. Рождение астрономии. М., 1991.

Вронский С., граф. Классическая астрология. М., 2006.

Дрэпер Д. История умственного развития Европы. СПб., 1866.

Жулинский К. История астрологии. СПб., 2007.

История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М., 2008.

Карташкин А. Алхимик Раймунд Луллий // Книга тайн / Сост. В. Щербаков. М., 1991. С. 281–294.

Клавдий Птолемей. Алмагест, или Математическое сочинение в 13 книгах / Пер. И. Н. Веселовского; науч. ред. Г. Е. Куртик. М., 1998.

Ковнер С. Г. История средневековой медицины. К., 1893.

Курантов А. П., Стяжкин Н. И. Уильям Оккам. М., 1978.

Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. М., 2008.

Лосев А. Ф. Зарождение номиналистической диалектики средневековья: Эригена и Абеляр // Историко-философский ежегодник 1988. М., 1988.

Майоров Г. Г. К вопросу об эволюции аристотелизма в средние века // Известия АН Таджикистана. 1981. № 2.

Неретина С. С. Гильом из Шампо [ок. 1068–1121 гг.], учитель Абеляра // Человек. М., 1998. № 4.

Перну Р. Элоиза и Абеляр. М., 2005.

Роджер Бэкон. Opus Majus // Антология мировой философии: В 4-х т. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 2. М., 1969 (фрагменты).

Роджер Бэкон. Введение к трактату Псевдо-Аристотеля «Тайная тайных» / Пер. А. Вашестова // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX веков. М., 1999.

Роджер Бэкон. Opus tertium // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: В 2-х т. / Под ред. С. С. Неретиной. СПб., 2002. Т. 2.

Саду Ж. Алхимики и золото. К., 1995.

Свежавски С. Святой Фома, прочитанный заново // Символ. Париж, 1995. № 33 (Июль).

Уильям Оккам. Избранное. М., 2002.

Фигье Л. Светила науки от древности до наших дней. СПб., 1871.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 1 (Ч. 1. Вопросы 1–64) / Пер. А. В. Апполонова; под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. М., 2006; Т. 2. (Ч. 1. Вопросы 65–119) / Пер. А. В. Апполонова; под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. М., 2007 (продолжающееся изд.).

Франц фон М. Л. Алхимия (Введение в символизм и психологию). СПб., 1997.

Честертон Г. К. Фома Аквинский // Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991.

Хинкис В. Жизнь и смерть Роджера Бэкона. М., 1971.

Ютен С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века. М., 2005.

* * *

Каков же был характер той науки, которая преподавалась в средневековых университетах? Прежде всего мы остановимся на характеристике так называемой *схоластики*. Отметим, что схоластический метод, или схоластика не исчерпывает всего содержания средневековой науки. Далее, сам схоластический метод пережил целый ряд этапов, и очень часто мы о нем судим по последним его фазам, которые лучше известны, так как стали предметом едкой критики писателей — гуманистов эпохи позднего Возрождения, а точнее XVI в., оставивших бессмертные насмешки над схоластической наукой. Помня, что нарисованная гуманистами сатира относится к последней, упадочной стадии схоластической науки, мы рассмотрим, что представлял собой схоластический метод во время расцвета схоластики.

Наиболее последовательное применение этот метод нашел в теологии, в той области, которая представлялась Церкви наиболее важной и существенной. Самая характерная его черта заключалась в том, что *на первый план выступала огромная роль авторитета, а роль опыта, — того, что является краеугольным камнем современной науки, — была чрезвычайно мала*. С точки зрения средневековых схоластов, ни природа, ни человек и его мышление не имели сами по себе значения и, значит, не должны были являться предметом философского рассмотрения. Схоластическая философия была призвана доказывать лишь «истины откровения» и для этого ею были выработаны *два вида и, одновременно, метода доказательств*: первый — путем *ссылки на авторитеты*; второй, выдвинутый в начале XII в. блестящим французским философом Пьером Абеляром и названный им «доказательством от разума», состоял в *столкновении аргументов «за» и «против»*.

Еще одна черта схоластической науки — *внимание преимущественно к форме, а не к сущности, пренебрежение к фактам, к информативности как таковой*. Схоласты утверждали, что способный ученик может с величайшей легкостью изучать любую науку — ведь фактов знать не надо: достаточно усвоить высшие поня-

тия и уметь из них выводить низшие, то есть научиться логически мыслить. Именно поэтому знаменитый схоласт и алхимик рубежа XIII-XIV вв. Раймунд Луллий, похоже, добившийся секрета трансмутации металлов, брался обучить способного юношу любой науке, не исключая права, в четыре недели. А его современник, гениальный Роджер Бэкон, получивший прозвище *doctor mirabilis* («удивления достойный»), утверждал, что за семь дней может научить всей математике, а в три дня древнееврейскому и греческому языкам, которые тогда в Европе знали немногие.

Такой упор на логику при игнорировании фактического, информативного материала нередко приводил к совершенно нелепым выводам, причем не только с нашей точки зрения, но и с точки зрения современников. В одной элегической комедии XII в. («Амфитрионида» Вителлия из Блуа) содержится замечательная сатира на подобный метод и его результаты:

*Но удивительным я научился хитрым софизмам,
И доказать могу, что все люди ослы...
Я докажу, что ослы те вот, а эти — быки.
Логикой я обращаю кого хочешь в любую скотину.*

Достигалось это с помощью построения примерно следующего силлогизма: осел — живое существо. Кто говорит, что человек живое существо, говорит правду. Следовательно, тот, кто называет человека ослом, тоже говорит правду. Можно было даже доказать большее, — что вы не человек: я человек, ты не я, следовательно, ты не человек. Вот так, на первый взгляд предельно просто, изящно и логично.

Слепая опора на авторитет, преимущественное внимание к формальной логике обусловили развитие схоластики в форме комментирования и истолкования Священного Писания и сочинений древних авторов, в основном Аристотеля, крупнейшего, наряду со Священным Писанием и с учителями Церкви, авторитета средневековой философии. Таким образом, схоластическая коммуникативность имела целью подготовку людей, которые были способны мыслить по определенным правилам, вносить в повседневное

общение то, что позднее назовут научным знанием. При этом истина считалась существующей испокон веков и ее можно лишь познавать. Человек не столько создает новые знания, сколько отыскивает их благодаря мышлению.

Схолатика предусматривала точное определение смысла слов, понятий, установления их соответствия реальному бытию. Она обогатила науку инструментарием и процедурами, которые определяют объект исследования, раскрывают его содержание, сущность, распутывают ложные представления о нем. Так родились правила и законы логически построенных доказательств и выводов.

Новое знание, полагали, может родиться постепенно и лишь на основе изучения предыдущего опыта, поскольку вся сумма знаний предполагалась уже данной либо в Священном Писании, либо в творениях Отцов Церкви, либо, наконец, в сочинениях некоторых великих античных писателей, ученых, таких как Платон и Аристотель в философии, Птолемей в астрономии, Гиппократ и Гален в медицине. Основная задача заключалась не в увеличении объема знаний, и даже не в проверке их, а в *систематизации*. Метод, которым пользовались для этого, был *метод дедуктивный*, то есть метод получения тех или иных выводов из данных посылок. В основе его лежала формальная логика Аристотеля. Собственно, влияние Аристотеля стало преобладающим с конца XII в., когда через испанских арабов западные богословы более полно познакомились с его сочинениями. Правда, в апреле 1231 г. весь западный мир потряс гневный голос Папы Григория IX: «Хула пала на Евангельское учение, и орудие хулы — Аристотелева философия, отвергающая Божий промысел и начало всех вещей...».

Так начиналась знаменитая папская булла «*Parens scientiarum*», о которой речь шла в предыдущей лекции.

Теперь каждый знал: Папа Григорий IX запретил читать «Физику» и «Метафизику», «...доколе они не будут пересмотрены и очищены от всяческих заблуждений».

Запрещено было не только читать и толковать, но даже хранить книги Философа, кроме сочинений по логике.

Логике же, как прежде, обучали по Аристотелю. И вот начинают предпринимать настойчивые попытки согласовать учение Стагири-

та — Учителя со Священным Писанием, разъяснять противоречия. Делалось это примерно так.

Скажем, из «Физики» и «Метафизики» Аристотеля вытекало, что движение всегда было и во всякое время будет. Из Священного Писания же следовало, что до сотворения мира движения существовать не могло.

Схоласты рассуждали следующим образом, строя очередной монолитный силлогизм: если движение существует вечно, из этого с необходимостью следует, что вечен и Первый двигатель, первопричина, которая ничем не движется и все движет. В ней заключено понятие Бога.

Получалось, что слово Аристотеля — истина.

Слово учителя — тоже истина. Учитель сказал... Прилежный ученик должен поверить, запомнить твердо и не сомневаться. Истина одна.

Вообще, надо заметить, что широкое знакомство с наследием Аристотеля и воздействие восточной, особенно арабской культуры, усилившееся с эпохи Крестовых походов, способствовали подъему схоластики. Наряду с Аристотелем большое влияние на умы европейских схоластов оказали сочинения одного из титанов арабской философии, *Ибн-Рушда*, известного Западу под именем *Аверроэс*. Он преподавал во второй половине XII в. в Кордове, в мусульманской Испании и, будучи величайшим комментатором Аристотеля, последователем его учения, многие его положения развивал дальше. Ибн-Рушд главным, наряду с верой, считал разум. Он отрицал загробную жизнь, сотворение земли Богом, утверждал, что все материальное подчиняется природным, а не божественным законам. Эти аргументы стали повторять европейские ученые, философы, постепенно утверждавшиеся в краеугольной мысли, что истину можно постичь разумом, не оскорбляя религию.

Разумеется, это был сложный, извилистый путь. Схоластике приходилось перерабатывать в одну стройную систему чрезвычайно разнородные элементы, которые лишь с большим трудом могли быть объединены в одно целое. Как можно было согласовать философию язычника Аристотеля с догматами Церкви? Здесь были зияющие противоречия, которые можно было обойти и привести

в какую-то единую систему лишь путем тончайших логических ухищрений. А сколько было спорного, противоречивого, «неудобоваримого», выражаясь словами апостола Павла, в самом тексте Священного Писания или творениях Отцов Церкви. Все это должно было быть убрано, сглажено, отшлифовано, состыковано и в работе над этим создалась изумительная тонкость и изощренность логических операций схоластов.

Конечно, оторванная от опыта, эта логическая виртуозность обычно работала впустую. Но в ряде философских вопросов схоластика сделала немало ценного, познакомила с трудами арабских ученых и очистила пути для дальнейшего развития философской мысли в Европе. В качестве примера приведем так волновавший схоластов и разделявший их *вопрос об универсалиях*, то есть общих понятиях. Спор шел о том, имеют ли общие понятия (человек, красивый, дерево и т. п.) реальное бытие, существуют ли они в реальности, или же они являются лишь простым названием, словами — по латыни *vocis*, объединяющими целый ряд единичных явлений? Ответ на этот вопрос делил схоластов на две школы — *реалистов* и *номиналистов*. Школа номиналистов считала общие понятия — универсалии лишь словами, названиями, именами — по латыни *nomina*, откуда и название номинализм. Школа же реалистов признавала их действительными вещами — *res*, откуда и название реализм. Следует понимать, что средневековый реализм ничего общего не имел с реализмом в современном смысле слова и являлся, наоборот, проявлением идеализма в духе древнегреческого философа Платона. Подобно тому, как у Платона идеи существуют независимо от конкретных предметов материального мира, а сами эти предметы лишь копии идей, так и универсалии у средневековых реалистов существовали независимо от реальной действительности.

Школы реалистов и номиналистов сложились в XI–XII вв. Крупнейшим представителем номинализма являлся француз *Иоанн Росцелин из Компьена*, реализма — англичанин *Ансельм, епископ Кентерберийский*, и француз *Гильом из Шампо*, поучивший почетный титул *columna doctorum* — «столп учености».

Не вдаваясь подробнее в историю сложного вопроса о номинализме и реализме, заметим, что он имел далеко не одно только

теоретическое значение, а был тесно связан с самыми жгучими богословскими проблемами, как вопрос о троичности Бога и пр. При этом особую опасность для догматов Церкви представлял номинализм. Церковные авторитеты это ясно понимали, и недаром даже умеренный номинализм скандально прославленного Абеяра был особо осужден на церковном соборе во французском Сансе в 1141 г.

Одним из величайших столпов схоластики этой эпохи явился знаменитый *Альберт фон Больштадт*, или *Альберт Великий* (Albertus Magnus) (ок. 1193 или ок. 1206–1280 гг.), при жизни более известный как Альберт Лауингенский или Кёльнский. Сын герцога, он получил образование в Падуанском университете, где хорошо овладел наследием Аристотеля. В 1228 г. было принято решение о его переезде в Кёльн, где, в местном университете, он приступил к чтению лекций — комментариев текстов по этике, физике и логике. Кроме Кёльна, он преподавал также во многих городах Франции и Германии (Страсбурге, Регенсбурге, Париже и др.). В 1254 г. Альберт был назначен провинциалом доминиканского ордена для провинции Тевтония, а в 1260 г. Папа Александр IV назначил его епископом Регенсбурга. Однако через два года Альберт отказался от епископского служения, которое мешало его научным занятиям.

Воспитанный на трудах Аристотеля, он пытался приспособить их к христианскому богословию (известны его комментарии к «Этике», «Физике» и «Политике»). Через труды Альберта Великого философия и богословие средневековой Европы восприняли аристотелевские идеи и методы. Среди его главных сочинений — *Summa de creatoris* («Сумма о творениях»), *De anima* («О душе»), *De causis et processu universitatis* («О причинах и о возникновении всего»), *Metaphysica* («Метафизика»), *Summa theologiae* («Сумма теологии»), а среди работ по естествознанию, в основном утраченных, — *De animalibus* («О животных»), *De vegetalibus et plantis* («О растениях»), *De mineralibus* («О минералах»), *De caelo et mundo* («О небе и мире»), перечень которых говорит сам за себя.

Его необыкновенные для того времени познания в физике, химии и механике (ему приписывают создание механических кукол

в человеческий рост) были причиной того, что Альберта подозревали в колдовстве, и в этом отношении с его именем связаны многочисленные средневековые легенды. Последней и загадочной книгой этого мудреца явились «Оракулы», содержавшие прогнозы до XXIV века. Вот что пророчил человечеству этот оригинальный мыслитель, носитель тайных знаний:

«На большом расстоянии к западу от Геракловых столбов (пролива Гибралтар — С. С.) будет открыт большой берег, который будет заселен северным народом. В созданном им государстве будет господствовать крест». Так Альберт предсказал открытие Америки.

«Германия на протяжении 700 лет будет трижды близка к господству над миром». Это исполнилось. В XVI в. Карл V Габсбург занял престол Священной Римской империи и одновременно был королем испанским. В XIX–XX вв. пытались создать империю Гогенцоллерны. В XX в. такую попытку предпринял Адольф Гитлер.

К числу пророчеств Альберта относились и совсем невероятные вещи, которые трудно предвидеть даже сейчас:

«Люди будут увлекаться машинами и автоматами, но потом забросят их, как ненужные детские игрушки. Мир будет разделен на три огромных государства, и только Бог сможет разрешить спор между ними».

Схоластика всегда была связана с мистикой, что отчетливо проявляется в приведенных примерах. Расцвета своего она достигла в XIII в., на который приходится деятельность еще одного из величайших ее представителей, ученика Альберта Великого, редкостного трудяги **Фома Аквинского** (1227–1274 гг.). Он именуется одним из 33-х учителей Церкви, *doctor universalis* («учителем всеобъемлющим») и даже *princeps philosophorum* («князем философов»). Его взгляды считаются вершиной католического богословия.

Фома был сыном итальянского графа, учился в монастырской школе и университете в Неаполе. Несмотря на протесты семьи, он стал монахом Доминиканского ордена. Орден направил Фому для продолжения образования в Париж, но на пути, его братья, служившие в Ломбардии в войсках императора Священной Римской империи Фридриха II, схватили школяра, привезли в отцовский замок

и целый год продержали в башне, подвергая упрямца и испытаниям, и искушениям, но тот устоял. В конце концов мать смирилась с выбором сына и ему была дарована свобода.

Этот благочестивый монах, высокого роста, чрезмерно полный и неповоротливый уже в юности, молчаливый и сосредоточенный, отличался колоссальной работоспособностью. Его высоко оценили в папской курии и не раз направляли в Париж для преподавания теологии в университете и для борьбы с теми, кто отклонялся от учения Церкви.

За свою не столь уж долгую жизнь, не дотянувшую до пятидесятилетия, Фома написал много книг. Не будучи новатором в области идей, он отличался исключительным даже для схоластов даром систематизации. Он систематизировал ортодоксальную схоластику, стоявшую на страже церковных догматов, и дал в своем главном, самом известном сочинении «Сумма богословия», написанном в 1261 г., своего рода энциклопедию средневекового мировоззрения. В этой книге он защищает и обосновывает христианское учение ссылками на Библию и другие бесспорные авторитеты, излагает взгляды Церкви об устройстве мира, политике, морале, торговле, ростовщичестве. К слову, его экономические взгляды ярко отражали тот момент в развитии городской торговли и городского ремесла, который мы наблюдаем в XIII в. В соответствии с господствовавшими тогда в Церкви взглядами, он развивал учение о «справедливой цене» и о греховности процента, идя навстречу интересам бюргерства.

Фома сформулировал пять доказательств существования Бога: 1) кинетическое: все движимо чем-то другим, но должен быть и неподвижный «перводвигатель»; 2) от производящей причины: ничто не может быть причиной самого себя, а потому надо признать первую действующую причину, которой и является Бог; 3) от необходимости и случайности: случайное определяется необходимостью — Богом; 4) от совершенства: всё имеет степени совершенства, а эталоном, наивысшей степенью совершенства является Бог; 5) телеологическое: всё движется к некоей цели, имеет смысл, полезность; есть разумное существо, руководящее и направляющее все вещи к цели; высшей же целью является сам Бог.

Вселенная представлялась им в виде строгой иерархии, где снизу доверху все предопределено и имеет незыблемое место: в самом основании покоится неорганическая материя, над ней — растения, еще выше — животные, затем человек, небесные светила, ангелы и, наконец, Пресвятая Троица. То есть полная аналогия с вассально-сеньориальной иерархией во главе с Папой и духовенством. Из доводов Фомы Аквината следовало, что духовная власть выше светской, а самая лучшая форма правления — монархия, где монарх играет роль Бога. Таким образом, все явления рассматривались на четырех уровнях: буквальном, аллегорическом, нравственном и аналогическом (от греч. «возвышенный»), то есть духовном, сокровенном, высшем, символическом. Этому же было посвящено еще одно, более раннее сочинение Фомы — «Сумма против язычников» (1258 г.).

Аквинат был умеренным реалистом в вопросах об универсалиях. Он признавала два источника познания: высший — откровение Божье и низший — разум, которые в конечном счете никогда не могут противоречить друг другу. Тем самым талантливый теолог пытался восстановить единство веры и разума, распад которого достиг своего апогея к концу XIII в.

Вскоре после смерти ему было присвоено почетное звание *dostor angelicus* («учитель ангелов»), или «ангельский доктор». Уже в начале XIV в. Фома Аквинский был канонизирован, причислен к лику святых. Даже через столетия, в 80-х гг. XIX в. философия Фомы, или *томизм* была признана господствующей философией католицизма.

С конца XIII в. схоластика приобрела исключительно церковный характер. Она была целиком поставлена на службу Церкви. Любое знание объявлялось греховным, если только оно не служило для познания Бога. Богословие прибегало к другим наукам только как к подчиненным ей. Во главе университетов были поставлены духовные лица из нищенствующих монашеских орденов, прежде всего Доминиканского ордена, созданного в 1216 г. в ходе войн с еретиками-альбигойцами, катарями на юге Франции. В его же руки были переданы расследования по делам веры — инквизиция. Католическая реакция, которую несли с собой в университеты нищенствующие монахи, вызвала острую идеологическую борьбу. В Парижском

университете, например, столкнулись две группировки, две школы, каждая из которых по разному подходила к наследию Аристотеля, остающемуся авторитетом. Одна из школ во главе с Альбертом Великим, учителем Фомы Аквинского, пыталась исключить из Аристотеля все рациональные, материалистические мысли и приспособить его для доказательства церковных догм. Другая школа во главе с **Сигером Брабантским** стояла за трактовку Аристотеля в духе Аверроэса. К числу отстаиваемых им положений относилась, к примеру, мысль о том, что материя является источником живого и она существовала вечно. Сигер и его ученик **Боэций Дакийский** отвергали подчиненную роль науки по отношению к теологии, хотя и признавали, что не вся истина может быть постигнута наукой. Они обосновывали теорию «двух истин»: существуют две истины — истина относительная и истина абсолютная. Относительная истина есть результат работы разума, а абсолютная истина основана на откровении свыше. Но фактически даже такие оговорки означали отход от официального церковного миропонимания, от схоластической традиции. Разделив теологию и философию, Сигер и Боэций создали новое течение внутри схоластики, которое могло бы вывести ее, как науку, из того тупика, в который она зашла в результате католической реакции и засилия нищенствующих монахов в университетах. Однако Церковь не допустила этого, запретив учение аверроистов, их глава — Сигер Брабантский был убит, когда бежал в Италию, а по другой версии, окончил свою жизнь в монастырской тюрьме.

Номинализм, несколько сдавший свои позиции в XIII в., с новой силой бросил вызов постулатам Фомы Аквинского в творчестве ученого монаха Францисканского ордена **Уильяма из Оккама** (ок. 1284 — ок. 1350 гг.). Ныне он известен главным образом благодаря предложенному им принципу экономии мышления («брита Оккама»: «сущности не следует умножать без необходимости»).

Уильям из Оккама учился (но так и не закончил курса званием магистра) и затем преподавал в Оксфордском университете. Позднее его называли *inceptor venerabilis* (то есть «досточтимый новичок» — напомним, «инцептор» было самым низшим преподавательским званием) и «непобедимым учителем» (*doctor invincibilis*). В Оксфорде он написал некоторые из своих важнейших трудов.

Будучи глубоко верующим человеком, Уильям из Оккама полагал, что религию нельзя обосновать средствами разума. Вера и разум не связаны друг с другом. Следовательно, теология не должна вмешиваться в дела философии. Этот вывод, как и претензии авероистов, означал независимость науки от Церкви. В области этики последователи Уильяма из Оккама отстаивали свободу и активность человеческой воли, а в области политики отвергали светскую власть и богатства Церкви. Правда, время победы новых начал над теориями средневекового папства еще не пришло. В 1324 г. Папа Иоанн XXII призвал Оккама к своему двору в Авиньон для ответа на предъявленное ему обвинение в ереси (согласно другой теории, он был призван Папой для преподавания в авиньонской францисканской школе, и дисциплинарные трудности начались только в 1327 г.). Папская комиссия отвергла 51 тезис, заимствованный из его сочинений, в том числе учение об оправдании человека и о свободе Бога от нравственного закона, агностицизм и учение о Евхаристии как символе. Со своей стороны, Оккам, изучив писания Папы, сам пришел к выводу о том, что Папа — еретик, поскольку тот преследовал орден монахов-францисканцев и отверг их евангельский тезис об апостольской бедности.

В 1328 г. Оккам бежал из Авиньона, чтобы искать убежища в Мюнхене у заклятого врага Папы, Людвиг IV Баварского, за что был отлучен от Церкви, однако его теории никогда не были осуждены. Здесь он написал трактаты о Церкви и государстве, отрицая абсолютную власть Папы и выступая в поддержку независимости светских правителей от Церкви. Признавая приоритет Папы в решении духовных вопросов, он в то же время настаивал на том, что решения Вселенских церковных соборов должны ограничивать папскую власть.

В последние годы жизни Оккам стал искать примирения с тогдашним Папой Климентом VI. В 1349 г. Папа даровал ему прощение. Но важно то, что некоторые притязания папства стали подвергаться критике. Это явилось предзнаменованием новой эпохи, готовившейся разрушить господствующее значение средневековой Церкви.

Философские трактаты Уильяма из Оккама оказались последним взлетом схоластической мысли и одновременно стали свидетель-

ством разложения средневековой философии. Видимо, еще и поэтому этот ученый вошел в историю с именем *venerabilis inceptor*, что можно перевести и как «Достопочтенный Зачинатель».

Вопреки утверждениям реализма, номинализм Уильяма из Оккама, номинализм XIV в., учил, что общим понятиям не соответствует ничто в действительности, что разум может познавать только единичные явления и неспособен к постижению религиозных начал, которые раскрываются только вере при посредстве откровения. Такова была форма, которую получил номинализм у Уильяма из Оккама и его последователей. В этом виде номиналистическое учение боролось теперь с реализмом и вскоре отняло у него значение доктрины, покровительствуемой Церковью. Теперь номинализм стал выступать в новой роли и употребляться для защиты церковного учения.

Уильям из Оккама везде в своих сочинениях искал средних путей, но на деле получалось, что объективно он постоянно стремился указать границы для действия авторитарной духовной власти, Церкви.

Таким образом, не следует представлять себе средневековую науку в виде картины сплошного застоя и бесплодного умствования. В последние века Высокого Средневековья были получены известные достижения в области математики, физики, астрономии и пр., подготовившие тот бурный расцвет точного знания, который связан с эпохой европейского Возрождения. Свой вклад в это внесла и западноевропейская *медицина*, которую не совсем справедливо стараются ставить ниже восточной, арабской, персидской.

Уже в начале VII в. высокоученый Флавий Кассиодор, основатель знаменитого Вивария — италийского монастыря в Калаврии, занятого насаждением учености и перепиской книг, наставлял следующим образом: « Я требую, чтобы те, кто заботится о телесном здоровье братьев... со всей честностью помогали заболевшим, как требует того их знание медицины... Поэтому изучайте природу растений и стремитесь узнать, каким образом сочетать их с пользой для здоровья; однако не полагайтесь исключительно на одни растения. Поскольку медицина была придумана Богом и поскольку именно Он возвращает здоровье, обратитесь к нему. Делайте все,

что вы делаете, именем Господа нашего Иисуса Христа... если вы не знаете греческого, то прочитайте переводы Диоскора, который описывает свойства растений. Также читайте переводы Гиппократы, Галена и Аврелия Цельса и другие работы по медицине, которыми я, с Божьей помощью, снабдил нашу библиотеку». Именно монахи не дали медицине умереть на Западе, где они лечили себя и мирских служек, работников монастырей. Представители высшей знати зачастую тоже имели своих врачей, главным образом, людей духовного звания. В ход шли растительные, гомеопатические препараты, настои, иногда — обряды, заклинания, но чаще призывы помощи Бога, Богоматери, отчего вся история средневековой западноевропейской медицины полнится историями о чудесных исцелениях, когда вполне верилось в возможность отрастить даже отрезанную ногу. Но любые формы научной медицины вызвали поначалу едва ли не презрение, а рецепты лекарств полнились указаниями на смесь диких и культурных растений, трав с такими весьма агрессивными веществами как моча, выделения животных, толченые черви и тому подобными.

При диагностике заболеваний часто полагались на исследование мочи. Существовали даже специальные таблицы, которые связывали цвет мочи с определенными заболеваниями. В X в. Ноткер Заика, высокообразованный монах знаменитого Сен-Галленского монастыря, как пишется, «...совершал чудеса исцеления, в которые трудно поверить». Когда его пациентом стал герцог Баварии, он, чтобы испытать Ноткера, заменил свою собственную мочу мочой беременной женщины. Сделав анализ, монах повернулся к герцогу и сказал: «Бог замыслил чудо! Через 30 дней господин герцог даст жизнь ребенку». Разумеется, Ноткера назначили личным врачом герцога.

Медицинские центры раньше всего появились на юге Европы, где остались сильны прежние римские традиции. К IX в. им стал италийский Салерно, поскольку он находился в той части Италии, которая раньше была под властью древних греков, потом византийцев, здесь по-прежнему говорили на греческом языке, что давало возможность пользоваться древними рукописями, которые остались в монастырских библиотеках. К XI в. *Салернская школа* пре-

вратилась в лучший медицинский университет Европы. Там было принято, что после трехлетнего изучения свободных искусств ученик четыре года изучал медицину, а после этого год стажировался у квалифицированного врача. Если школяр хотел стать хирургом, то изучение анатомии, — редкость для средневековья, — входило в обязательную программу.

Одним из самых знаменитых преподавателей в Салерно был **Константин Африканец**. Он говорил по-арабски и зачастую за полночь сидел над восточными манускриптами, изучая арабскую медицину. Герцог Роберт Салернский много времени уделял переводу, хотя и не всегда точному, медицинских работ Гиппократов, Галена и Цельса, а также переводам с персидского работ талантливого врача-мусульманина XII в. **Ибн Сина**, известного Западу как **Авиценна**. Только в эпоху Позднего Возрождения были сделаны более точные переводы медицинских работ классических авторов.

Одно из наиболее известных правил Салернского университета актуально до сих пор:

*Три врача даны нам Богом:
Спокойствие, веселость и диета.*

«Инструкция для врача», составленная в Салерно в XI в., дает нам следующий портрет медика. Он идет к своему пациенту вместе с посыльным, которого прислали за ним. «Инструкция» советует врачу прежде всего подробно расспросить слугу о характере и обстоятельствах болезни его хозяина: «Затем, если ты не можешь поставить точный диагноз, прослушав пульс и изучив мочу больного, по крайней мере, порази всех точным знанием симптомов, и таким образом завоеешь их доверие. Пальцы следует держать на пульсе больного, пока не насчитаешь хотя бы сто ударов, чтобы определить характер пульса. Стоящие вокруг только проникнутся к тебе большим уважением. Войдя в дом, врач не должен суетиться, но должен поприветствовать всех мягко и с достоинством. Затем, сев с больным, он должен выпить предложенный напиток и постараться успокоить пациента, прежде чем приступить к осмотру».

Хорошие манеры у постели больного считались делом первостепенной важности: «Пусть врач всегда имеет чистые руки и аккуратные ногти, без всякой грязи под ними. И пусть у него в запасе будет несколько хороших поговорок, чтобы в нужный момент успокоит пациента. И очень хорошо, если врач умеет рассказывать забавные истории, чтобы заставить пациента улыбнуться, потому что это облегчает душу и улучшает настроение».

Гонорары за лечение брались, как правило, немалые. К примеру, хирург 1380 г., который специализировался на язвенной болезни, советовал следующее: «За лечение язвы, если ее можно вылечить, просите у зажиточного человека 100 марок или 40 фунтов плюс запас бинтов и ежегодную плату в 100 солидов. С бедного человека следует брать не меньше 100 солидов. Я сам никогда не брал меньше за лечение этой болезни».

В Южной Франции своей медицинской школой прославился **Монпелье**. Эта школа стала известна уже к XI в., вероятно, благодаря географической близости к Испании и, как следствие, доступу к богатым знаниями Греции в области медицины и благодаря переводам греческих рукописей еврейскими и мусульманскими врачами. В Монпелье выяснили, что больные корью быстрее выздоравливали, если их обертывали в ткань красного цвета и занавешивали окна красными занавесками. Этот способ, вероятно, лег в основу лечения этой болезни красным светом, разработанную Финсоном.

И в Салерно, и в Монпелье имелись хорошие для того времени больницы. Они были основаны христианами, и в IV в римский император Юлиан Отступник сказал: «Теперь мы видим, почему христиане являются столь сильными врагами наших богов: все дело в братской любви, которую они проявляют к странникам, больным и неимущим». После этого он стал всячески поощрять создание больниц язычниками.

Устав и правила (*ordo* и *regula*) самого распространенного в Европе Бенедиктинского монашеского ордена гласил, что в каждом монастыре должна быть больница. Но, надо учесть, что больницы в основном предназначались для монахов и мирян, работавших на монастыри. Если бы все монастырские больницы были столь гостеприимны для страждущих, как это задумывалось для больницы

прославленного монастыря Сен-Галлен в Швейцарии, это было бы поистине чудом. Там для нескольких врачей выделялись отдельные помещения, существовал лазарет, отделенный от других зданий, при котором имелась собственная часовня и дворик для прогулок выздоравливающих. Там были отапливаемые и неотапливаемые комнаты, прекрасные спальни, трапезная, кухни, ванны и туалетные комнаты. Для тяжелых больных были устроены отдельные помещения, а также специальные комнаты для кровопускания и очищения. Также там была аптека, пункт бесплатной раздачи лекарств для бедных и садик-огород (*hortulus*) для выращивания лекарственных растений, плодов, трав.

В XII–XIII вв. Церковь усилила благотворительную деятельность, оказываемую бедным и немощным. Энергичный Папа Иннокентий III, тот самый, что приложил руку к организации Четвертого Крестового похода, погубившего Византию, построил больницу Святого Духа в Риме. Она была возведена в соответствии с планом госпиталя, построенного Ги де Монпелье в своем родном городе Монпелье. Увеличение темпов строительства больниц и лепрозориев в эти века, видимо, совпало по времени и по духу с движением реформы монастырей и папской власти и перекликалось с резким всплеском религиозного энтузиазма населения. В некоторых местах увеличение помощи благотворительным заведениям и больницам было результатом роста независимости и силы городов-комунн.

Лишь малое число больниц и лепрозориев для больных проказой располагалось в жилых домах, переделанных под эти цели; чаще всего здания для лечебных заведений строились специально.

Когда, к примеру, в середине XIII в. в южнофранцузском Тулоне проживало 25 000 человек, в нем было семь лепрозориев и 12 больниц, то есть одна больница приходилась приблизительно на 2000 жителей. Кроме того, в местных монастырях были лазареты для занедуживших монахов и отдельные лазареты для мирян, которые оказывали медицинские услуги бедным. Лепрозории были довольно маленькими, и только в двух были свои часовни. В каждом было 10 больных, таким образом, во всех лепрозориях города проживало 70 прокаженных. Больницы средневекового Тулона значительно отличались друг от друга по размерам. В 1243 г. в одной

из них было 56 коек. Некоторые были меньше — там могло лечиться примерно 13 больных. Планировка лечебных учреждений была хорошо продумана. Госпиталь Святого Духа в северонемецком Любеке, построенный в XIII в., поражал своей архитектурой: высокие потолки, большие окна и водопровод, который, будучи соединен с дренажной и трубопроводной системой монастыря, обеспечивал водоснабжение и отвод стоков. В лечебнице Дьюи во французском Байоне у кровати каждого пациента был полог, а в больнице в Тонере кровати были разделены специальными панелями, чтобы обеспечить пациентам уединение и покой.

Вероятно, самыми страшными болезнями Средневековья были лихорадка Святого Антония, проказа и чума. Лихорадка Святого Антония вызывалась зараженным ржаным хлебом, а вот распространение проказы, скорее всего, было связано с тяжелыми нарушениями обмена веществ в организме, ослаблением иммунитета, нехваткой витаминов, употреблением в пищу некачественных рыбы и мяса (в основном бедняками). В результате заболевший буквально сгнивал заживо. «Когда рыба и мясо оказываются нечистыми, их следует отдать в больницу Святого Иоанна» — гласит один из пунктов устава университета. Тем не менее тот факт, что прокаженные изолировались в специальных помещениях и не имели права общаться со здоровыми членами общества, свидетельствует о том, что тогда уже признавали инфекционный характер этого заболевания.

Что касается чумы, или «черной смерти», то в любой европейской хронике нашел отражение ужас средневековых людей перед этой очень опасной болезнью, из столетия в столетие терзавшей Европу. Считалось, что она пришла из Китая, вообще с Востока, но ее источник оставался невыясненным вплоть до XIV в. Чумой заболевали крысы и другие мелкие грызуны, а от них зараза разносилась комарами и мухами, которые, кусая людей, заносили им инфекцию в кровь. *Ги де Шолиак*, врач Папы в Авиньоне в 1348 г. — пике пандемии чумы, и сам ее жертва, чудом выжившая, диагностировал эту болезнь в двух видах. Первый вид, который современные врачи называют бубонной чумой, характеризуется появлением крупных гнойных нарывов в паху или в подкожных впадинах. Именно этот вид чумы перенес Ги де Шолиак, и, как выяснилось, перебо-

роть ее было возможно. Второй тип чумы, который он считал более опасным, характеризовался резкими болями в груди и кровавыми выделениями. Такая легочная чума была чрезвычайно заразной. Третий тип — септическая чума, — который Ги де Шолиак не выделял отдельно, приводил к смерти буквально за несколько часов, поскольку инфекция в крови была столь сильной, что не оставляла времени развиться другим симптомам.

Есть описание современника начала эпидемии чумы в Мессине на Сицилии в 1347 г. Из него следует, что 12 генуэзских торговых кораблей входят в порт и становятся там на якорь. Многие члены команды уже умирают от страшной болезни. Те, кто еще здоров, сошли на берег и одним своим дыханием заразили всех, с кем общались. Затем, «видя, какое количество внезапных смертей им принесли генуэзцы, жители Мессины выгнали их из города и из порта. Но болезнь осталась, и люди продолжали умирать. Отец бросал больного сына; магистраты и нотариусы отказывались приходить и выполнять волю умирающих. Забота о несчастных легла на плечи членов монашеских орденов, чьи обители также скоро опустели. В пустых домах лежали трупы, и никто не предавал их земле по христианскому обычаю».

Еще один хронист рассказывает о необходимости хоронить умерших в общих могилах. Он описывает как в Провансе простых крестьян соблазняли щедрым вознаграждением, если они перенесут трупы в могилу: «Каждый день какого-нибудь богатого человека несут к могиле. За ним не следуют ни друзья, ни знакомые. Когда приближается эта небольшая процессия, улицы вымирают. Только несчастные труповозы не могут никуда исчезнуть. И через некоторое время большинство из них умирает, заразившись страшной болезнью».

Пандемия выкашивала временами от половины до двух третей населения средневековой Европы. Поэт Франческо Петрарка, живший в то время в Парме, 19 мая 1348 г. посылает печальное письмо своему брату, единственному выжившему из 35 монахов: «Брат мой! Брат мой! Что я могу сказать?! К кому мне обратиться?! Везде одна печаль, везде один страх. Лучше бы я никогда не появлялся на свет или, по крайней мере, умер до этих печальных времен. Как можно

поверить, что было время, когда без грома небесного, без огня земного, без войны и без видимого насилия целые части нашей земли остались без единой живой души? Разве когда-либо можно было видеть заброшенные дома, покинутые города, поля, где уже не хватает места для мертвых и на всей земле царит одиночество?»

Нельзя сказать, что ничего не делалось, чтобы попытаться победить чуму. В Парижском университете сделали попытку выяснить причины этой болезни, но в духе своего времени. Начало пандемии приписали «соединению трех планет 20 марта 1345 г. Это вместе с пересечением других небесных тел вызвало опасное изменение окружающего воздуха». Если учесть, что первым делом любой врач спрашивал у своего пациента, под каким созвездием тот родился, конкретные болезни и лекарства от них ассоциировались с определенными планетами. Поэтому с объяснением Парижского университета согласились ученые по всей Европе. Однако в Италии решили предпринять некоторые практические меры. В 1348 г. жители Пистойи, которые хотели посетить родственников в Пизе или Лукке, обнаружили ворота своего города запертыми и охраняемыми самими горожанами, которым платили за эту работу. За воротами остались торговцы, которым не терпелось продать свои ткани и шерстяные изделия, но их не пускали в город, а на рынке инспекторы ежедневно проверяли качество продаваемой еды. По улицам проходили похоронные процессии, потому что это были пока первые дни эпидемии, а массовые захоронения были еще впереди. «Если рыцарь, или доктор права, или врач умирал, плакальщикам и трубачам разрешалось пройти по улицам перед процессией, чтобы воздать им положенные почести». По обычным людям колокола не звонили, чтобы лишний раз не испугать больных, и только ограниченное количество родственников могли сопровождать умершего в последний путь.

В 1348 г. еще несколько итальянских городов помимо Пистойи объявили у себя нечто вроде карантина. Однако только в 1577 г. в далматинской Рагузе, крупнейшем портовом центре Адриатики, северных Балкан, приняли закон, по которому любой человек, въезжавший в город из зараженного региона, должен был месяц пробыть в старой Рагузе, прежде чем его пускали в новый город. Шесть

лет спустя в портовом Марселе ввели 19-дневный карантин, так что эта тенденция распространилась с конца XVI в.

Тем не менее многие врачи самоотверженно, без усталости лечили больных и пытались помешать распространению инфекции. Одним из них был итальянец *Джентиле де Фолиньо*, «бог врачевания», как его назвал коллега по ремеслу, сообщивший следующее: «Чтобы защитить Перужду, он и его почтенные коллеги изобрели божественное средство, а затем выработали рекомендации относительно еды и питья, очищения организма, кровопускания, лекарств и дезинфекции. Он заботился о больных, пока сам не заболел от слишком тесного общения с ними. Он прожил шесть дней и умер. Я, Франциско из Фолиньо (еще один врач), присутствовал при его болезни и не покидал его до самой смерти».

Несмотря на все усилия, последняя средневековая пандемия «черной смерти» в целом привела к замедлению развития образования и торговли и общему упадку во второй половине XIV в., кризису феодализма: на смену процветанию пришел период экономии средств. Разве что выиграли зависимые крестьяне: во многих европейских странах они получили возможность покупать себе свободу благодаря создавшейся острой нехватке рабочей силы.

Положение хирургов на средневековом Западе долгое время оставалось крайне незавидным. Дело в том, что в области хирургии практически в забвении находилось изучение анатомии и, как результат, операционное искусство. Врачи-терапевты считали хирургию чем-то низким и поэтому оставляли за цирюльниками право делать простейшие операции, такие как, например, кровопускание или вскрытие нарывов, удаление зубов. Однако в область медицины, как таковой, их не допускали. Указ, изданный в 1271 г. медицинским факультетом Парижского университета, гласил: «Некоторые люди, могущие делать операции, не знают как применять лекарства и какое влияние лекарства имеют на болезнь, поскольку эти вопросы остаются в компетенции исключительно квалифицированных врачей. Тем не менее эти ремесленники от медицины вторгаются в чужую область деятельности, что ведет иногда к лжесвидетельствам и отлучению от Церкви. Поэтому мы строго запрещаем любому хирургу, мужчине или женщине, аптекарю или травнику переступить

границы предписанной им деятельности..., чтобы хирург занимался только мануальной практикой, а аптекарь или травник — только составлением лекарств, но применять эти лекарства могут только магистры от медицины или люди, имеющие на то лицензию».

Эти «мануальные работники», хирурги-цирюльники, работая так, как они это делали во время частых войн, сотрясавших Европу, накопили огромный практический опыт. Однако без углубленного изучения анатомии человека путем вскрытия и речи не могло быть о развитии научных знаний о хирургии.

На том основании, что «Церковь не приемлет кровопролития», духовные власти неодобрительно относились к практике хирургического вмешательства, и было принято несколько законов, запрещающих хирургическую практику. В 1300 г. Папа Бонифаций издал буллу, направленную на то, чтобы положить конец нарождающемуся обычаю отделять кости погибших крестоносцев от плоти, предварительно обдав их крутым кипятком. Это делалось, чтобы облегчить транспортировку останков крестоносцев на родину. Принятие этого закона фактически привело к запрету вскрытия тел умерших. Попытка получить для этой цели трупы даже преступников расценивалась многими как прямой вызов церковному канону, что тела мертвых ни в коем случае нельзя тревожить. В 1350 г. в Париже студентам «всеобщей школы» запретили практиковаться в хирургии, и даже в Италии, где университеты находились не под столь суровым контролем Церкви, изучение хирургии в Болонье до 1405 г. было в основном теоретическим. Там студент, интересующийся анатомией, не имел права «даже пытаться заполучить труп умершего для вскрытия, если только он сначала не получил на то разрешение от ректора... Не более 20% студентов могли присутствовать при вскрытии трупа мужчины и не более 30% — при вскрытии трупа женщины. И тот, кто присутствовал при вскрытии мужчины, больше не мог посещать это «практическое занятие» в том же году. А на вскрытии женщины он мог вообще присутствовать только раз в жизни».

Это была самая ревностно охраняемая привилегия. Разрешение наблюдать вскрытие давалось лишь ограниченному числу студентов, выбранных со всего медицинского факультета. Без сомнения,

это делалось с целью не допустить толчеи вокруг демонстрационного операционного каменного стола, возле которого, внутри деревянной загородки, как в стойле, стояли хирург и демонстратор, отделенные таким образом от остальных наблюдателей. В это же время лектор читал лекцию с кафедры, расположенной неподалеку. Все это великолепно сохранилось в отделанном деревом просторном анатомическом зале Болонского университета с амфитеатром сидений вокруг огромного, с изящными обводами стола белого мрамора. Лектор, магистр медицины, получал за свою работу 100 болоньезских солидов. Неизвестно, сколько получали непосредственно хирург и демонстратор, но все расходы поровну делились между присутствовавшими студентами. Встречались среди них и женщины-хирурги, которые работали без лицензии, то есть действовали незаконно и при этом не знали недостатка в пациентах. Одной из них, *Перетте Пероне*, писавшей даже книги «по искусству хирургии», парижский высокий суд — парламент приказал в 1411 г. «убрать вывеску или коробку или флаг, который она вывесила перед своим домом по образцу и подобию хирургов».

Только в 1436 г. презренные хирурги, которые в течение некоторого времени пытались добиться права посещать лекции в университете, наконец получили возможность «быть уважаемыми студентами, пользоваться всеми привилегиями и свободами», которые распространялись на принесших клятву студентов, при условии, что они посещали лекции лучших специалистов Парижа, преподававших на медицинском факультете. Практическая медицина по-прежнему считалась более престижной ветвью этой ученой профессии, и противоборство между нею и хирургией продолжалось и в Новое время. Тем не менее в Средние века было немало образованных врачей, которые живо интересовались хирургией и внесли большой вклад в ее развитие. И опять-таки именно Салерно был первым в этой области. В XIII в. там была написана книга, — очевидно, компиляция из многих источников, — некими «четырьмя авторами». В этой книге содержится много передовых идей, касающихся проведения хирургических операций. Например, в ней детально описывается лечение пролома черепа путем трепанации. В книге говорится, что, в особенности при операциях на голове, следует из-

бегать переохлаждения. Воздух в операционной должен специально для этого подогреваться, и голову пациента должны согревать горячие пластины. Абсолютно современно звучит предупреждение о том, что хирург должен проводить операцию в условиях абсолютной стерильности — и ни в коем случае не есть даже лук и чеснок во избежание занесения инфекции! Хирурги Северной Италии настаивали на том, что рана должна затягиваться естественным путем. Для обеспечения этого они выступали за предварительное очищение раны при помощи крепкого вина, которое обладает антисептическими свойствами. Затем они соединяли края раны, не позволяя вину или чему-то еще оставаться внутри ее, чтобы поверхность стала сухой и способной к «склеиванию». Они говорили, что природа сама выделит жидкость, которая соединит края раны.

Кстати, пластическая хирургия, которая кажется атрибутом нашего времени, практиковалась еще до окончания Средневековья итальянцами, отцом и сыном *Бранкасами*. Они успешно исправляли поврежденные носы, глаза, уши. В 1456 г. Антонио Бранкас описал процесс пересадки кожи с предплечья на нос: «Он поместил остатки раздробленного носа в новую кожу с предплечья и так крепко соединил их, что человек даже не мог повернуть голову. Через 15–20 дней Бранкас понемногу начал приоткрывать части плоти, которые приклеились к носу и сформировали новые ноздри с таким искусством, что глаз не мог различит место соединения, и деформация лица исчезла без следа. Бранкас вылечил много ран, которые, казалось, были неизлечимы».

Во Франции тоже были свои блестящие хирурги, среди которых можно выделить *Анри де Мондевиля* и *Ги де Шолиака*. Первый был преподавателем Парижского университета во второй половине XIII в. и был зачинателем антисептической хирургии. О его учителе, Жане Питарде, который был личным хирургом короля Филиппа Красивого, говорили как о «самом искусном и опытном хирурге». Однако титул «отца современной хирургии» получил все-таки Ги де Шолиак. Вот как он описывает использование анестетиков перед операцией: «Некоторые хирурги предписывают такие лекарства, как опиум, сок листьев салата, вишни морелло, мандрагоры, плюща, чтобы пациент заснул и не почувствовал боли от надреза. Новую

губку следует намочить в соке упомянутых растений и высушить на солнце. Перед использованием губку следует смочить водой, а затем подержать ее у носа пациента, пока он не заснет».

Помимо прочего Ги де Шолиак обсуждал возможности операции грыжи. Причем он не рекомендовал хирургическое вмешательство, если только речь не шла о жизни или смерти пациента. Фламандский хирург *Иперман* использовал трубку для искусственного кормления примерно в то же время. Помимо этого многие врачи рекомендовали своим пациентам ухаживать за зубами. Появился целый отряд врачей — «стоматологов», и Ги де Шолиак перечислял инструменты, которыми они должны были пользоваться, шипцы, крючки, держатели, а также разнообразные виды сверл, скальпелей и пломб. Инструмент для удаления зубов — пеликан — также был изобретен во Франции в XIV в.

Выдающийся хирург XV в. *Леонард из Бертинальи* писал о применении хирургического вмешательства при лечении своего 11-летнего сына Фабрициуса: «Клянусь живым и распятым Христом не делать в этой книге ни одного ложного утверждения». Затем он перечисляет восемь свойств, которыми должен обладать настоящий хирург. Совершенно необходимы «легкая рука, ловкость при проведении операции, если ты не хочешь причинить пациенту боль... Ты слышал того, кто сказал, что у меня легкие и умелые руки, когда я вынул у него из мозга часть кости с помощью инструмента из пергамена через маленькую дырочку в носу». Операция была успешной, и Леонард начал обсуждать отделы мозга, которые отвечают за отдельные виды деятельности: «первый верхний желудочек отвечает за воображение, средний — за логику и ум, а задний — за сдерживающие центры». Судя по всему, в Средние века западная медицина выделяла три, а не четыре отдела головного мозга. Эта точка зрения просуществовала много веков, и функции отделов головного мозга никогда серьезно не обсуждались до середины XIX в.

Однако наряду с очевидным прогрессом медицина и хирургия продолжали идти рука об руку с магией и астрологией. Сам Леонард из Бертинальи торжественно цитирует рецепт лечения одержимости у Пьера из Абано, «которому он научился у демонов, когда изгонял их». Экзорцист Леонард утверждал, что архангел Софаэль

тоже учил людей астрологической медицине после своего падения. Действительно, до Нового времени астрология оставалась в учебных программах медицинских факультетов университетов. Словно в поддержку традиций в 1464 г. очень известный врач Иоанн из Ареццо посвятил свою книгу о сердце правителю Флоренции Пьеро Медичи, где утверждал, что длинный список лекарств, которые он рекомендует, почерпнут из рецептов великих врачей прошлого, особенно Ибн Сина — Авиценны: «В этом вопросе я не претендую на то, чтобы добавлять что-то свое. Богатейшие сокровища были найдены древними, поэтому лучше принять их, а не изобретать новые».

Но, несмотря на нежелание отказаться от традиционного учения, предрассудков и верований, несмотря на относительно медленное развитие медицинских исследований в Средние века, все же, несомненно, медицина шагнула далеко вперед. Именно средневековые студенты, ученые, хирурги и врачи заложили основу той мудрости Запада, на которой можно было строить не менее выдающиеся достижения Нового времени.

Множество практических знаний также было получено благодаря еще двум наукам — астрологии и алхимии, которые, наряду с теологией, считались основными в Средние века.

Астрология — это «умение» читать судьбы людей и даже целых держав по расположению небесных тел и созвездий. Уже Аристотель в свое время учил, что звезды имели строго определенную траекторию движения в то время, как движение планет бессистемно. Поэтому считалось, что звезды управляют упорядоченным развитием природы — сменой времен года, дня, ночи, — а планеты влияют на ход истории, повседневные события, в том числе время рождения и смерти. Известная с глубокой древности, практика астрологии получила широкое распространение у арабов и в Византии, а с XII в. начала широко распространяться в странах Западной Европы. С помощью астрологии. Составляли **гороскоп** с целью определить судьбу человека или исход какого-либо будущего предприятия. В зависимости от расположения планет и звезд в момент рождения ребенок мог стать знаменитым или прожить жизнь в неизвестности, стать ученым или остаться неграмотным, богатым или бедным. Наконец, можно было определить, проживет он долгую или корот-

кую жизнь и будет ли эта жизнь спокойной или полной опасностей. Можно было также предсказать, какая профессия наилучшим образом подойдет ребенку. Так, родившемуся под знаком планеты Марс следовало стать кузнецом или солдатом, а родившемуся под знаком планеты Венеры больше всего удавались творческие профессии.

Астрологи устанавливали точку эклиптики, восходящую в определенный момент (например, рождения того или иного лица) над горизонтом. Начиная от этой точки все небо делилось на 12 «домов» («счастья», «богатства», «братьев», «родства» и т. д.). Затем фиксировалось положение главных планет по отношению к «домам», а также соотношение этих планет между собой («фигуры»). Каждая из планет считалась «хозяином» какого-то определенного «дома», а степень близости к своему «дому» обуславливала силу ее влияния. Сами «дома» в разные периоды также обладали разной силой: максимальной — те, которые находились в «центрах» — четырех главных пунктах эклиптики. Таким образом, западноевропейские астрологи были связаны с магией, оккультными науками, но при этом оставались верными христианству.

Пытаясь отыскать некую таинственную связь людей со звездами, планетами, астрологи тщательно изучали небесные тела, их движение и сделали при этом немало ценных открытий и наблюдений, даже астрономических приборов, к примеру, искусственную механическую сферу, которая показывала движение планет с их окружностями, орбитами, траекториями движения. Поэтому можно с полным правом сказать, что без астрологии, практика которой стала подвергаться критике уже с конца XIV в., не смогла бы родиться настоящая наука астрономия.

Точно также современная химия, без сомнения, — дочь искусства — или науки — средневековой *алхимии*, предтеча химии, ее ранней стадии. Разница между ними состоит в том, что химия основывается на тщательном изучении и разностороннем исследовании материи, а алхимия, тоже будучи точной наукой, тем не менее все свое внимание сосредотачивала только на трех вещах: *Эликсире жизни, универсальном растворителе* и «*философском камне*» — *магистерии* или Красном Льве. Первое из этих веществ могло стать «совершенным лекарством» — универсальным средством от

всех болезней, продлить жизнь человека, излечивать и трансформировать людей, делая их бессмертными. Основой для него был корень некоего мифического реликтового дерева, которое росло примерно две тысячи лет тому назад, а потом исчезло с земли. Алхимики называли его *Radix ipsus*, что в переводе означает «Корень самого себя». Оно не принадлежало ни к какому другому классу растений и даже не считалось творением рук Божьих. У него было много названий: Лечебный Корень, Первичная Материя, Спрятанное Сокровище, Тайна Тайн, Древо Философов (*Arbor Philosophia*). Известный алхимик и медик Парацельс называл его *incretium*, то есть «не сотворенный» и считал, что сотворить его нельзя, как божество, то есть приравнивал Радикс к Богу. Правда, для увеличения его удивительного воздействия и потенциала нужна была еще и некая Сцинтилла, дословно «Маленькая искра», способная вызвать трансформацию. Возможно, это был рецепт создания совершенного медицинского средства. Сами по себе его ингредиенты никакого воздействия не производили. Но стоило добавить их к основному материалу, Радиксу, вспыхивала «искра» и эти обычные вещества превращались в священную мазь под названием елей: «белый елей» излечивал, а «черный елей» мог убить, причем сразу огромное количество людей. Таким образом, вместе Радикс и Сцинтилла могли сотворить или величайшее добро, или величайшее зло.

Возможно, именно к изготовлению Эликсира жизни имела отношение книга-загадка, известная как *«рукопись Войнич»*. Это подлинный документ, очевидно, XIII в., включающий характерные языки-шифры. В ней собрано 113 не идентифицированных видов растений, а также свыше 100 видов лекарственных трав и корней. Книга эта находится в библиотеке Йельского университета, в отделе редких книг и рукописей, и постоянно привлекает массы любителей и профессионалов криптографии, надеющихся раскрыть наконец эту тайну многовековой давности. Содержит ли книга тайные коды утерянных знаний или является одним из величайших обманов в истории, а также значение и происхождение «рукописи Войнич» до сих пор остаются загадкой. Ясно лишь, что многие алхимики посвятили поиску и изготовлению «совершенного лекарства» всю свою жизнь. Но есть подозрение, что эти эксперименты только

ускоряли их смерть, так как вещества, которые они использовали для своих опытов, часто были самыми обычными отравками, ядами.

Другая проблема алхимии тоже не имела шанса на успех. Дело в том, что даже если бы удалось изготовить универсальный растворитель, который алхимики называли *Алкагест* (Alkahest), то сразу вставал бы вопрос: в чем его можно было бы изготовить и в чем надлежало бы сохранять, если ничто не в силах противостоять ему?

Ну и, наконец, третья проблема — магистерий, «философский камень». Так алхимики называли необыкновенное, чудесное вещество, субстанцию, способную превратить что угодно во что угодно, причем превратить в более совершенное, в том числе и людей, хотя принято считать, что «философский камень» должен был прежде всего превращать — трансмутировать одни элементы в другие, скажем, свинец или олово в золото. Все опиралось на элементарный принцип. Согласно ему, порядок присутствовал во всем: в строгом чередовании божественных сфер, восходящих к небесному своду. В ангельской иерархии от простых крылатых посланников до лучезарных шестикрылых серафимов, пребывающих близ бога Отца. Так обстояли дела и в природе: каждый элемент подчинялся божественному порядку в восхождении от грубейшего к более чистому. Это относилось и к металлам. Особо выделяли семь, каждый из которых соответствовал той или иной планете: свинец — Сатурну, олово — Юпитеру, ртуть — Меркурий — назывался, как и планета, серебро — Луне, а золото, металл самый чистый, — ослепительному Солнцу. В этом и заключалась удивительная тайна: с течением времени тепло Земли, по мысли философов, постепенно преобразует все эти металлы, этап за этапом, в формы очищенные. Железо станет ртутью, ртуть — серебром, пока наконец в самом конце времен все не обратится в чистейшее золото, перейдя в последнее и совершенное состояние.

Алхимики задавались вопросом: нет ли способа ускорить этот процесс и перевести металл из формы грубой и низкой в благородную золотую? А потому не приходится удивляться, что они искали субстанцию, способную заставить металлы трансформироваться в чистое состояние. Этим магическим веществом и был Радикс — Первичная Материя, который как главный ингредиент использовал-

ся для создания магистерииума, известного также как философский камень. Даже если этот магический препарат, заключавший в себе секрет вселенной, остался плодом фантазии, как ни парадоксально, *основная мысль алхимии о возможности превращения одних веществ, металлов в другие оказалась правильной.*

Пожалуй, об алхимиках европейского средневековья мы знаем больше всего. Колоритные изображения их таинственных мрачных лабораторий с массой непонятных приспособлений, сосудов, колб, тиглей, аппаратов, неугасимых очагов, горнов — едва ли не стали символом европейского средневековья. Это не значит, что они алхимию придумали, написали алхимические книги и составили рецепты. Алхимия возникла за тысячи лет до них в наиболее развитых странах Древнего Востока, в Китае, Египте, а также Греции, откуда была унаследована Византией. Но настоящими отцами этой науки, даже давшими ей название, были арабские ученые, такие как Джабир ибн Хайян, он же аль Суфи, живший и работавший над своими опытами в конце VIII в. при халифе Гаруне аль Рашиде в Куфе на Евфрате. Именно ему принадлежала разработка химической теории металлов, в основе которой лежала идея о сочетании двух основных начал — серы и ртути.

Вообще, алхимия строилась на теории «четырех элементов». Согласно этой теории, материя состояла из четырех элементов: земли, воды, огня и воздуха. Также считалось, что все материальные тела имеют четыре свойства — жар и влагу и их противоположности — холод и сухость. Экспериментальным путем было установлено, что холодная мокрая вода при нагревании, действительно, могла изменить свое состояние и стать жарким сухим воздухом. Точно так же считалось, что тела могут трансформироваться в первобытную, Первичную Материю, из которой они все были некогда сотворены, если только применить вещество, способное содействовать этому изменению. Этим веществом и должен был быть Радикс и полученный с его помощью магический «философский камень».

Европейцы познакомились со всеми этими представлениями именно через арабских алхимиков. Считается, что коренной сдвиг в этом направлении случился в середине XII в. и пионерами его были два молодых человека, англичанин и немец, бродячие

школяры, которые добрались до Испании, завоеванной арабами, и там зарабатывали на жизнь переводами, ибо у них, как в свое время у Герберта из Ориньяка, хватило способностей и терпения выучить арабский язык. В 1144 г., один из студентов, **Роберт Честерский**, перевел на латынь «Книгу учений об алхимии». В конце перевода стоит дата окончания работы: 11 февраля. Так что мы можем с точностью до одного дня сказать, когда алхимия начала свое триумфальное шествие по государствам Европы. В течение следующих ста лет были переведены все основные труды арабов. Даже терминологию европейские алхимики сохранили арабскую. И сегодня мы произносим арабские алхимические термины, не подозревая, что они имеют к алхимии хоть какое-нибудь отношение. Например, алкоголь, азот, эликсир, нафталин. В XIII и XIV вв. в Европе в сравнительно большом количестве появились собственные алхимики, которые на основе знаний, почерпнутых у арабов, старались развивать алхимию дальше, получая при этом результаты, вошедшие в предания и ставшие волшебной сказкой для историков и археологов.

Знания алхимиков держались в строжайшей тайне от посторонних, равно как и их записи, которые были для конспирации зашифрованы и изобиловали странными, условными символическими терминами, кодовыми словами. У них даже появилось специальное слово *Arcaum* — так они называли секреты, которые можно было раскрывать лояльным последователям. Порой, это была самая настоящая паранойя. По этим же причинам цвета также имели свое скрытое значение, когда они использовались в иллюстрациях к алхимическим текстам: красный король означал алхимическую серу; белая королева — алхимическую сулему, причем эти вещества — не то же самое, что обычная сера или сулема. Король и королева также могли означать два главных благородных металла — золото и серебро, или Солнце и Луну. Агрессивный черный волк символизировал антимоний — металл, который, как считали, имел великие свойства, в частности, возможность очищения. Тело волка должно было быть сожжено до пепла на очень сильном огне — только тогда можно было освободить короля. Этот процесс очищения золота антимонием надо было выполнять трижды, и он символически изоб-

ражался в виде трех цветков, которые держит королева. Мужчина на деревянных ногах с косой — это Сатурн, символ простого свинцового шара, который должен превратиться в серебро или золото. Веер из перьев павлина с их разнообразием цветов символизировал типы человеческого темперамента, тоже важные для процесса «великого делания», то есть получения «философского камня». Цвета этого «великого делания» часто передавались через образы птиц: ворона — черное, лебедь — белое, феникс — красное.

В 1926 г. некий таинственный автор, француз под фамилией *Фулканелли* издал книгу «Тайны соборов» («Le mystere des cathedrales»). Он утверждал, будто стены собора Нотр-Дам де Пари могут открыть величайшие тайны алхимиков. Он считал, что большинство знаменитых алхимиков Средневековья проводили в этом соборе тайные собрания. И еще заявлял, будто бы они говорили на тайном языке, которому Иисус научил апостолов. Мистики-массоны называли его «зеленым» языком, и у Фулканелли есть такая фраза: «Изучать тайну вещей». В Нотр-Дам действительно есть символы алхимиков, к примеру, несгораемая ящерица-саламандра, объятая языками пламени, в которых она жила. В христианской иконографии подобных символов не увидишь. Фулканелли утверждал, будто бы расшифровал запечатленные в соборе алхимические послания, но так и не раскрыл их тайну. Алхимики очень редко раскрывали свои секреты, да и сама фигура Фулканелли ясна далеко не до конца. Нет даже уверенности, существовал ли такой человек в реальности.

Устойчивая легенда связывает открытие тайны получения золота из ртути с именем известного западноевропейского схоласта и алхимика конца XIII — начала XIV вв. *Раймунда Луллия*, который согласился изготовить для английского короля Эдуарда I почти 25 тонн золота. Это золото должно было пойти на святое дело организации нового Крестового похода на Восток, и только поэтому ученый согласился нарушить завет алхимиков, постигших секрет магистерiums. Но король обманул его и не выполнил своего обещания. Оскорбленный Луллий удалился в мусульманский Алжир и там был убит за проповедь христианства во время своей миссионерской деятельности.

Но, пожалуй, одним из самых знаменитых средневековых алхимиков был **Николя Фламмель** (1330–1418 гг.), который работал вместе со своей верной женой Пернель. Он заявлял, что раскрыл секрет «великого делания», записанный в таинственной «позолоченной книге, очень старой и большой, с обложкой из латуни, хорошо переплетенной, написанной буквами странной формы». Известно, что именно Фламмель украсил аркаду церковного дворика храма Невинноубиенных в Париже алхимическими символами.

Знаменитый швейцарский психоаналитик, доктор **Карл Юнг**, автор книги «Психология и алхимия», вышедшей в 1944 г., как ему казалось, разгадал философию и глубинный смысл алхимии и ее концепций. Философствующие алхимики считали, что если бы они могли доказать, что в материальном мире основные металлы могут превращаться в золото, то аналогичным образом основные инстинкты в человеке смогли бы превратить в благороднейшие качества. Одним из наиболее распространенных убеждений Средневековья была вера в то, что человек и Вселенная соотносится в своей природе и структуре: «Как вверху, так и внизу» — другими словами, макрокосм (или Вселенная) повторяет себя в микрокосмосе или малой вселенной каждого человека. Кстати, впервые эта мысль была высказана Платоном.

Полной противоположностью алхимикам-философам, идеалистам были шарлатаны, которые получали изначальный запас золота у своих покровителей, вводя их в заблуждение обещаниями, что с помощью этого золота они смогут превратить в благородный металл огромное количество свинца. Дело в том, что, как считалось, изначальное количество золота должно было стать ростком или «философским камнем», с помощью которого можно получить еще большее количество золота.

Существовали также алхимики — «пыхтелки», которых так называли из-за того, что они постоянно раздували меха, чтобы поддерживать горение своих печей, очагов, бесперебойное действие дистилляторов. Они искренне верили, что фанатичное упорство и настойчивость рано или поздно приведут к успеху. Некто **Гебер** был одним из таких трудяг. Его трактат под названием «Сумма совершенств», написанный в начале XIV в., стал основным учебником

по химии в западном христианском мире. Люди, подобные ему, фактически стали родоначальниками современной химии.

Алхимия по сути была псевдонаукой, ибо цели ее были недостижимы или, вернее, достижимы только немногим посвященным, которые хранили результаты в строжайшей тайне, а большинство адептов таких знаний совершенно безуспешно пытались обрести их. Тем не менее она принесла человечеству немалую пользу. Проводя свои опыты, алхимики получили множество новых веществ, подчас даже не подозревая о том. Именно алхимики впервые выделили фосфор, мышьяк, висмут, открыли явление люминесценции, которое нашло применение в технике наших дней. Для химии они собрали удивительное многообразие фактов, дали точное описание элемента сурьмы и менее точные сведения относительно кислот, их поведения при подогревании и т. д. Они дали значительный толчок ремеслам, искусству изготовления фарфора и рубинового стекла. Но важнее для науки другое: **алхимия научила нас практике эксперимента**. Алхимики орудовали щипцами и тиглями, манипулировали стеклянными и глиняными сосудами, мисками, склянками, флаконами, мензурками. Они постигли искусство дистилляции и возгонки, поняли, что следует очень точно соблюдать соотношение в смесях и что для осуществления того или иного процесса необходимо не только соблюдение определенной температуры, но прежде всего знание, как получить ее и как поддерживать на нужном уровне. Был создан сам по себе неприметный сосуд для дистилляции — **реторта**, которая стала столь необходимым инструментом, что превратилась в символ химии.

В средневековой Европе алхимия стала одной из немногих одушин для науки, дала возможность приложить к конкретному делу свою склонность к научному исследованию. Не удивительно, что вплоть до расцвета Возрождения все более или менее известные европейские мыслители так или иначе были связаны с искусством алхимии.

Чтобы не быть голословным, стоит поведать удивительную историю жизни крупнейшего мыслителя европейского средневековья **Роджера Бэкона** (ок. 1214–1294 гг.), который далеко обогнал свой век и заслужил прозвище доктор, удивления достойный

(*doctor mirabilis*). Будучи родом из простого семейства, обитавшего близ Ильчестера, в графстве Дорсет, на юго-западе Англии, Роджер Бэкон учился в Оксфорде, славном своими естественно-научными традициями. В частности, его учителем был прославленный математик и метафизик **Роберт Гроссетест**, известный также как Роберт Большоголовый (1175–1253 гг.), магистр и канцлер Оксфордского университета. Затем Бэкон уехал в Париж, где получил звание магистра и в 1250 г. вернулся на родину, в Англию. Как и многие другие ученые, он вступил в монашеский орден францисканцев, так как это давало защиту от суеверной толпы и корыстолюбивых властителей. В Церкви можно было найти утешение и вдохновение, знания и мечты. А еще — много денег, несметные богатства, толику которых хватало и на развитие науки. Уже в те годы на редкость одаренный брат Роджер обратил на себя внимание познаниями не только в философии, но и в естественных науках, свободным владением латынью, несколькими европейскими языками, а также арабским и древнегреческим. Это надо отметить особо, поскольку естественные науки пребывали в зачаточном состоянии. Знание же греческого языка относилось к еще большим редкостям. Никаких учебников, пособий по нему не было. Греков (грамотных) в Европе тоже было мало. Через столетие такой большой грамотей и писатель как Франческо Петрарка не смог изучить греческий язык. Даже образованные люди становились в тупик, встречая в латинском тексте цитаты на греческом. Писцы в таких случаях просто отмечали: *Graeca sunt, ergo non legenda* («Они греческие, а посему недоступны пониманию»). Так вот для Бэкона были открыты книги на этом языке, который нес сокровища античных знаний.

В ордене францисканцев оценили стремление молодого монаха к познанию, но не учли, что Бэкона интересовали не столько схоластические премудрости богословия, сколько познание природы. По его мнению, подлинная наука должна оперировать фактами и служить практике. Если она сможет оказать помощь мореплавателям, ремесленникам, врачам, земледельцам, только тогда она заслуживает права называться подлинной наукой. Если же она ничего не дает практике, то какой в ней прок. Схоластика же вместо фактов обращалась к высказываниям авторитетов и требовала от науки

руководствоваться слепым их повторением. Но и мудрейшие из мудрейших могли ошибаться. Поэтому вера, слепая вера в авторитеты должна быть отвергнута, заявлял Роджер Бэкон. Он требовал, чтобы выводы, сделанные авторитетами, не принимались безоговорочно, а проверялись, истинны они или ложны. «Сколько бы тебе не говорили, что огонь портит и уничтожает вещи, не верь тому, покуда не удостоверись на собственном опыте», — призывал он. Но ведь в таком случае проверке подлежали и догматы Церкви, и творения Отцов Церкви, и утверждения других церковных авторитетов, с которыми сжилось средневековье. А это уже была откровенная ересь. И не удивительно, что после смерти Бэкона его сочинения были превращены в *catenati libri* — «цепные книги», то есть прикованы в монастырской библиотеке в Оксфорде, как особо опасные, «смущающие умы», и поэтому не подлежащие выносу.

Первое наказание от монастырского начальства последовало в 1257 г. Роджеру Бэкону запретили читать, писать и, самое главное, проводить опыты. Он должен был одуматься. На это ему давалось время и одиночное заключение. Много времени, целых десять лет. Но это не сломило Бэкона. Свое главное сочинение — «Большое сочинение» (*Opus Majus*), которое называют энциклопедией того времени, брат Роджер писал тайком в заточении. В нем он возвел науку, восстал против воинственного невежества, мешающего научному познанию мира. До сих пор удивляют его блестящие догадки, сила предвидения, которая кажется невозможной. Вот что писал этот удивительный пытливый монах о будущем (700 лет назад!): «Корабли будут передвигаться без помощи весел, так что самым большим кораблем сможет управлять один человек, и плыть он будет быстрее, чем его смогли бы двигать многие гребцы, будут и машины, которые будут передвигаться без тянущих их животных и также куда быстрее..., будут придуманы и летающие машины, так что человек будет сидеть в этой машине, поворачивая некий механизм, управляющий искусственными крыльями..., будет изобретена и машина небольшого размера, могущая поднимать невиданные тяжести..., будут даже машины, в которых можно будет опускаться на дно рек и морей без опасности для жизни... и подобные вещи могут быть созданы во множестве, даже мосты через реки без опор

и быков». Бэкон также высказал мысль о возможности создания таких оптических приборов, с помощью которых можно будет видеть мельчайшие и самые далекие объекты, «приближая к Земле Луну и Солнце». Тем самым он предвосхитил изобретение микроскопа и телескопа, сам шлифовал линзы, «увеличительные чечевицы» — предтечи очков, возился с магнитами, металлическими зеркалами, указал на различные способы использования важного свойства световых лучей — преломляться, переходя из одной прозрачной среды в другую, и, судя по всему, догадывался о существовании молекул.

Другими сочинениями Роджера Бэкона стали «Малое сочинение» (*Opus Minus*), «Третье сочинение» (*Opus Tertium*), введение к трактату Псевдо-Аристотеля «Тайная тайных». Рабскому преклонению перед авторитетами он противопоставил опытное знание. Опыт, по его словам, это основа основ познания мира, лишь он может быть критерием науки. «Выше всех умозрительных знаний и искусств стоит умение производить опыты», — писал Роджер Бэкон. При этом он не только призывал к опытному исследованию природы, но и сам подавал пример практической деятельности и особенно преклонялся перед математикой как безошибочной основой любого знания.

После выхода из тюрьмы, в монастырской надвратной башне в Оксфорде он оборудовал лабораторию, где проводил физические опыты и при этом с увлечением занимался алхимией и наблюдением за звездами. Одним из его замыслов стало создание устройства, механически воспроизводящего движение небесных светил — предка современных астрономических приборов, вращаемых часовым механизмом. Очень скоро о таинственной башне поползли нехорошие слухи. Говорили, что в этой самой башне монах-чернокнижник и некромант по ночам занимается колдовством, вызывает дьявола и ведет с ним беседы. Другие передавали, что монах в башне prepares колдовские зелья, чтобы спаивать доверчивых людей, а также варит в своих ретортах золото и, конечно же, с помощью Сатаны. Слухи ползли по Оксфорду, передавались из уст в уста, пока не дошли до генерала ордена францисканцев. Церковное начальство понимало, что то, что Бэкон проводит опыты, занимается алхимией еще не самое страшное. Хуже другое. В своих сочинени-

ях, отстаивая мысль о независимости науки, он подверг критике Святую Апостольскую Церковь. Такого святотатства терпеть было нельзя. Руководство ордена францисканцев стало готовиться к расправе. За Бэконом был установлен строгий надзор.

Теперь уже сама монастырская братия разносила слухи о том, что он занимается колдовством. Слухи эти разносились с быстротой ветра. Бэкон чувствовал, как вокруг него образуется пустота. И вот пришел день, когда Церковь предъявила Роджеру Бэкону обвинение в магии и ереси. Он отверг его. Духовные отцы считают мои произведения делом дьявола, потому что они недоступны их уму, заявил он. Подобная высокомерная дерзость лишь усугубила его вину. Он пытался защищаться, приводил убедительные доводы, стремясь доказать свою невиновность. Его не слушали. Приговор, как водится в таких случаях, ему уже был вынесен заранее. В 1278 г. по приговору сурового генерала ордена минаритов Иеронима из Асколи Роджер Бэкон был приговорен к заточению в монастырской тюрьме в Париже.

14 лет он провел в одиночной камере со строжайшим запретом общаться и писать свои сочинения об опытном знании, содержавшие новые и опасные мысли. Единственные книги, которые ему послушно приносили монахи, были сочинения мудрецов алхимии. Дело в том, что сам Папа верил, будто Бэкон знает секрет «великого делания» — секрет «философского камня» и приказал не препятствовать ему двигаться в своих изысканиях именно в этом направлении.

Бэкон мог лишь размышлять, но не мог проверить своих мыслей. Порой ему казалось, что он достиг основного секрета превращения металлов, но прямо сказать об этом он не хотел — это значило бы нарушить главное кредо истинных алхимиков и отдать обретенную тайну в недостойные руки. Бэкон зашифровал свои рецепты. Он пишет «Зеркало алхимии» и другие алхимические труды, где сводит в стройную систему все теории алхимиков, лишь намеками указывая верные пути движения. Именно поэтому современные исследователи видят в Роджере Бэконе лишь больного мечтателя, сломленного условиями, в которых он оказался по вине церковных властей.

Надо сказать, что последующим поколениям алхимиков работы великого затворника тоже сильно усложнили жизнь. Там, где нужно было понимать его слова исключительно в переносном смысле, алхимики все воспринимали всерьез. Он писал, что ртуть и серу можно извлечь отовсюду, также как и золото, желая донести фундаментальную мысль, что любое вещество содержит в себе элементы другого. Алхимики воспринимали это буквально. Образно он сказал, что даже в грязи есть магистерийум. В отчаянии поздние алхимики копались в грязи, отыскивая золото, — уж очень был велик авторитет Бэкона.

Например, алхимик Ле Мартинье сообщал совершенно всерьез: «Я собрал жидкости, вытекающей из носа во время насморка и плевков, каждой по фунту. Я смешал все вместе и положил в реторту, чтобы извлечь из них квинтэссенцию. По ее полном извлечении я сделал из нее твердое вещество, которое применил к превращению металлов. Но напрасно».

Среди сочинений Роджера Бэкона есть одно, которое называется «Компендиум философии» (*Compendium Studii Philosophiae*), где он отстаивал свободу философии. Оно тоже было написано в тюрьме, в период его многолетнего заключения, но тайком от тюремщиков. В нем Бэкон со всей страстью нападал на церковное мракобесие, на преданное суете, роскоши и мирским благам католическое духовенство.

Он никогда не был безбожником. До конца дней своих он оставался истинно верующим человеком и даже не помышлял о том, чтобы подорвать у людей веру в христианские ценности. Но, расчищая дорогу знанию, утверждая необходимость свободного развития науки, Бэкон тем самым закладывал устои совершенно иного, нового видения мира.

14 лет в тюремной камере. Срок вполне достаточный, чтобы сломить волю человека. Но Роджер Бэкон не был сломлен. Он не отказался от своих взглядов, а, напротив, еще сильнее утвердился в них.

Только в 1292 г. перед Роджером Бэконом распахнулись тюремные двери. Новое руководство ордена наконец пересмотрело обвинения в его адрес Дряхлым, больным стариком он вышел на

свободу и вернулся в Оксфорд. За его плечами лежали восемь десятилетий жизни, из них 24 года, проведенные в неволе. Он понимал, что жизнь подошла к концу и уже не надеялся изменить мир. Вскоре брата Роджера действительно не стало. Должно быть, его зарыли потихоньку в каком-нибудь дальнем углу францисканского кладбища. Сейчас не найти даже того места, где он похоронен. Но жизнь мыслителя не оканчивается с последним вздохом. Он продолжает жить в трудах грядущих поколений. И хотя после смерти Роджера Бэкона — фигуры трагически одинокой церковные власти наложили запрет на его сочинения, а монахи даже распяли некоторые рукописи, прибив их гвоздями, мысли Бэкона о свободном развитии науки, о практическом значении научного познания, о роли экспериментального опыта в научных исследованиях подхватили передовые философы и естествоиспытатели во многих странах Европы. Эти мысли продолжали служить людям в преддверии наступавшей эпохи Возрождения.

Спустя двести лет последователь и однофамилец Роджера Бэкона — **Френсис Бэкон** запишет в «Новом органоне» следующий суровый приговор: «Заключенная в узкий мир немногих авторов..., не знающая ни истории природы, ни истории человечества..., количественно ограниченная в материале», схоластика в XIV в. стала вырождаться. К его концу схоласты в основном занимались вопросами, не имеющими никакого смысла, а попытки их решить приводили к нелепостям. В ходу были, например, такие вопросы: в каком возрасте был сотворен Адам?; сколько чертей поместится на кончике иглы?; чем питаются ангелы?; мог ли Бог быть женщиной?; почему Ева была сотворена из ребра, а не из другой части тела?

По всей схоластической литературе кочевали «наблюдения» вроде следующего: «У тебя есть рога, во всяком случае, ты не терял рогов, значит, они у тебя еще есть». Очевидно, было не так уж и легко сразу заметить логическую ошибку, обращавшую это высказывание в шутку (при переводе с латыни теряется соль, поскольку в словах *cornua non perdidisti* имеются в виду «Ваши рога»).

Великолепной, злой сатирой на позднесхоластическое пустословие является речь Якопуса Брагмардо, персонажа бессмертной книги **Франсуа Рабле** «Гаргантюа и Пантагрюэль». Пытаясь дока-

зять, что король дисподов Пантагрюэль, пробразом которого, вероятно, выступал Генрих II, должен вернуть захваченные колокола Нотр-Дам, он говорит: «Вот как я это делаю. Каждый колокол колокольный, колоколящий на колокольне, по-колокольному колоколя, колоколить заставляет колоколящих колокольню. А у Парижа есть свои колокола..., что и требовалось доказать».

Ученый диспут Таумаста с Панургом, пробразом реального кардинала Лотарингского, — еще один превосходный гротеск на схоластические диспуты, точно отображающий их суть: «Я хочу диспутировать посредством знаков, — сказал Таумаст, — потому что предметы нашего спора так сложны, что слова человеческие недоступны для того, что мне нужно.

Не менее острую критику схоластического образования давал другой величайший французский мыслитель XVI в. *Мишель Монтень*: «Наши учителя... единственные, которые не только не совершенствуют отданной им в обработку вещи, как... каменщики или плотники, а, напротив, портят ее». Преклонение перед авторитетами приводило, по его мнению, только к одному: «...чтобы вместить в себя столько чужих мозгов... необходимо, чтобы собственный... съезжился и сократился в объеме».

Таким образом, на смену диктата авторитетов шло опытное знание, но надо помнить, что это знание было подготовлено усилиями схоластов средневекового Запада, среди которых было немало выдающихся ученых в полном смысле этого слова, особенно философов, не просто повторявших старые истины, но значительно продвинувших науку вперед.

Лекция 6

ЗРЕЛИЩА, РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ТЕАТР НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ

1. Роль Церкви в создании средневекового театра.
2. Жонглеры, шпильманы, хуглары.
3. Литургические представления. Мистерии. Миракли.
4. Светские постановки. Фарсы. Моралитэ.

Основная литература

Андреев М. Средневековая европейская драма. Происхождение и становление (X–XIII вв.). М., 1989.

Боянус С. К. Средневековый театр // Очерки по истории европейского театра. Пб., 1923. С. 55–104.

Виоле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в Средние века. СПб., 2003.

Дживелегов А., Бояджиев Г. История западноевропейского театра. М.; Л., 1940.

Дополнительная литература

Гвоздев А., Пиотровский А. История европейского театра (античный театр, театр эпохи феодализма). М.; Л., 1931.

Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988.

Даркевич В. П. Народная культура средневековья. Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М., 1992.

Дунаева С. А. Народный театр французского средневековья. М., 1990.

История западноевропейского театра. Т. 1 [Средние века]: Учебное пособие / Под общ. ред. С. С. Мокульского. М., 1956.

Средневековые французские фарсы. М., 1981.

Три фарса об адвокате Пателене. М., 1951.

* * *

ВV в. прекратила существование Римская империя на Западе, который захлестнула волна зловещих варварских нашествий. Многоколонные беломраморные храмы, форумы и здания античных театров теперь лежали в развалинах, приходили в запустение. В огне погибли рукописи многих античных трагедий и комедий. Уцелевшему, выжившему в погромах миру было не до актеров и их искусства...

Сокровища античного театра не сразу открылись средневековому обществу: настоящее театральное искусство было так прочно забыто, что трагедией, например, стали называть стихотворение с хорошим началом и плохим концом, а комедией — с грустным началом и с хорошим концом. Более того, в раннее средневековье стали полагать, что сохранившиеся тексты древних пьес исполнялись одним человеком.

Разумеется, наследие античной культуры отчасти сохранилось. Но язык образованных людей — латинский — не был понятен завоевателям-варварам и опростившемуся, смешавшемуся с ними местному населению. Самое главное, на культуру Европы теперь все большее влияние оказывала христианская религия, постепенно овладевавшая чувствами и умами людей. Жизнь средневекового человека Запады была нелегкой. Войны, повальные пандемии болезней, экологические бедствия, голод косили людей, что стало восприниматься как Божье наказание за грехи. Отсюда непрерывные призывы к покаянию, посту и молитве. Звонили колокола. Шли бесконеч-

ные церковные службы. Все ждали последнего Божьего, Страшного суда и гибели греховного мира, но время шло, а Страшный суд не наступал. Жизнь брала свое, люди хотели радоваться и веселиться, сколько бы Церковь настойчиво не запрещала развлекательные зрелища, объявляя их греховными и языческими, отвлекающими от спасительной молитвы Богу.

Театра как особого искусства драматического и музыкально-го представления и специального здания, предназначенного для зрелищ, более не существовало. Однако в немногих сохранившихся римских цирках на потеху немногочисленной простой публике продолжали выступать бродячие мимы, акробаты, дрессировщики зверей. А на деревенских и городских площадях устраивали торжественные, устрашающие, мрачные зрелища — публичные казни. Ими руководила знать, светская и церковная. Нередко вели на казнь осужденных Церковью и отданным для наказания светским властям еретиков, босых, одетых в саваны-балахоны. Они несли перед собой горящие свечи. За ними медленно и торжественно выступали священнослужители и монахи. Мрачно, драматично звучало погребальное пение...

В такой обстановке одним из главных зрелищ средневековья не могло не стать собственно богослужение, особенно главное из них — *Божественная литургия*, отправляемая духовенством ежедневно. На нее собирались все обитатели поместья или города. На верующих, особенно бедняков, пришедших в храм из своих тесных и темных жилищ, неотразимо действовали и ослепительный свет многосвечников-паникадил, и яркие, расшитые жемчугом и шелком, золотыми и серебряными нитями литургические одежды священнослужителей, их продуманные движения, завораживающая красота обряда, мощное многоголосное звучание церковного хора и органа.

Таким образом, по иронии истории, театр в форме *литургической драмы* был возрожден в Европе как раз той силой, которая осуждала зрелища, — Римской Церковью. Определенные праздники были знамениты своей театральностью, как, например, шествие к церкви в Вербное Воскресенье. Мессы, *антифоны* — вопросно-ответные песнопения и канонические *хоралы* представляли собой

диалоги. Трехголосные *тропы* — диалог у могилы Христа между тремя Мариями и ангелами неизвестного автора около 925 г. становятся еще одним источником литургической драмы.

Но богослужение совершалось на латинском языке, было непонятно массе, однообразно, и с течением времени в него стали вводить такие мотивы и события, которые изображали важнейшие события евангельской истории, понятные для народа. Другими словами, стали вводить своего рода живые картинки и небольшие сценки, прежде всего, во время больших праздников.

Первые представления были поставлены в монастырских церквях и показаны зрителям на Пасху. Три монаха разыграли посещение Гроба Господня, направляясь к алтарю, на которой возлежал четвертый исполнитель в белоснежных одеждах, распеваящий «*Quem quertis in sepulchro?*» («Что ищете вы в гробнице?»). Обернувшись лицом к публике, он заканчивал свою песнь, которую тут же подхватывал церковный хор. Святой Эзелволд после просмотра драматизированного богослужения в церкви Флэри-сюр-Луар в Гане включил его между 965 и 975 гг. в составленный им свод правил «*Regularis Concordia*». Четыре монаха достигли настоящего актерского мастерства, воплотив трех Марий и ангела в сюжете «Благовещения».

К основному ядру постановок постепенно прибавились и другие сценки-представления. Так, на праздник Рождества Христова вводили изображение яслей с восковым младенцем Иисусом, пастухами, фигурами Девы Марии, Иосифа, ангелов, то есть в лицах изображали рождение Господа, и притом в понятной, интересной для масс форме. С течением времени такие маленькие сценки-репризы, — бегство апостола Петра, встреча Марии Магдалины с воскресшим Христом в саду, *Noli Me tangere* («Не прикасайся ко Мне»), — больше и больше разрастались, пополнялись новыми персонажами, хотя долгое время оставались статичными.

Были и другие, не религиозные, светские зрелища — веселые и подчас жестокие. Простых людей развлекали подлинно народные артисты, каких во Франции с VIII в. звали *жонглерами*, в Германии — *шпильманами*, в Испании — *хугларами*. В основном это были бедные, бездомные люди, которые в жару и холод путешест-

вовали пешком или в крытых повозках по дорогам Европы, выступая и живя где придется. Церковь их преследовала как наследников языческих мимов. Жонглерам, шпильманам, хугларам не разрешали объединяться в профессиональные ассоциации наподобие гильдий или цехов, как купцам, ремесленникам и художникам. У них не было никаких прав. Многие бродячие артисты умели жонглировать ножами, кольцами, яблоками и другими предметами, петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах. На радость зрителям жонглеры декламировали басни и маленькие веселые рассказы. Среди них были клоуны, акробаты, дрессировщики диких зверей, домашних животных, люди, изображавшие повадки, крики и привычки животных, карлики, уродцы, великанши, необыкновенные силачи, канатоходцы, эквилибристы. Жонглеры водили с собой собак, обезьян, сурков. В XIV–XV вв., если не раньше, появились и кукольники с деревянными куклами-марионетками, с веселым, неустрашимым Панчо — прообразом Петрушки. Они давали представления в уличных балаганах.

Вот как один поэт-трубадур поучает жонглера: «Ты должен играть на разных инструментах, крутить на двух ножах мячи, перекидывать их с одного лезвия на другое; показывать марионеток; прыгать через четыре обруча; приобрести себе рыжую приставную бороду и соответствующий костюм, чтобы пугать дураков; приучить собаку стоять на задних лапах; знать искусство вожака обезьян; вызывать смех зрителей забавными представлениями человеческих слабостей; бегать и скакать по веревке, протянутой от одной башни до другой...». В 813 г. церковный собор в Туре запретил церковнослужителям смотреть «бесстыдство позорных жонглеров и их непристойные игры», но простой народ такие запреты соблюдал плохо. Некоторые жонглеры оставались постоянно служить в поместьях сеньоров, в появившихся в XII–XIII вв. замках и даже во дворцах, резиденциях епископов. Таких артистов стали называть *менестрелями*, то есть служителями искусства. Они исполняли под музыку стихи и баллады, свои и чужие, развлекавая рыцарей и дам.

Под влиянием роскоши восточных правителей, с которой с конца XI в. познакомились крестоносцы, все изысканнее становились

жилища и костюмы сеньоров, богатых горожан, а зрелища, устраиваемые для них, приобретали особую пышность. Крупные сеньоры заводили в своих замках дворы наподобие королевских с особым порядком — зрелищным церемониалом. В это же время маскарады, организуемые при дворах королей и принцев, становились элитарными зрелищными праздниками, предназначенными для высших слоев общества, особенно с XIV столетия.

В королевских и рыцарских замках за небольшую плату жонглеры пели песенки, плясали, играли шутливые сценки. Нередко они разыгрывали и военные сцены, например, о битве с мусульманами за Иерусалим. Во дворце герцога Бургундского, одного из главных покровителей рыцарства, эту битву представляли на громадных пиршественных столах.

Жонглеры, шпильманы, хуглары присматривались к народным праздничным играм в деревнях и городах, карнавалам, вслушивались в речь крестьян, бюргеров, в их поговорки, прибаутки и шутки, многое перенимали для своих ярких, веселых, остроумных зрелищ. Церковь не в силах была искоренить народные зрелища — представления жонглеров, карнавалы, масленичные игры. Духовенство быстро поняло силу воздействия таких театрализованных зрелищ на массы и стало ставить свои представления — «действия», наполненные религиозным содержанием. В них наглядно, в лицах, на положительных и отрицательных примерах, почерпнутых, главным образом, из Нового Завета, верующим внушалась необходимость соблюдать заповеди Христа, церковные догматы, знать и ценить евангельскую историю.

В храмах разыгрывали поначалу немые (мимические) сцены: жесты без слов были понятнее народу, чем латинский язык богослужений, которым далеко не досконально владели даже сами священнослужители и церковнослужители — епископы, пресвитеры, диаконы, чтецы-лекционарии. «Действа» становились все многолюднее и богаче. По образу пасхальных и рождественских представлений разыгрывались и другие постановки, темами которых были Вознесение Христа, поклонение пастухов и волхвов младенцу Иисусу (*Ludus pastorum*, *Ludus stellae*), избивание младенцев по приказу иудейского царя Ирода, шествие пророков, воскрешение Лазаря. Пе-

ред глазами замороженных прихожан проходили, оживая, персонажи Священного Писания. Одежды для «артистов» подбирались тут же, в церковной ризнице. Пришло время, и герои этих представлений заговорили на родном языке зрителей, причем их лирические монологи и диалоги становились более содержательными и лучше передавали характер героев, а действие разворачивалось в разных концах храма.

В таких представлениях, кроме священнослужителей, монахов, обычно исполнявших роли Бога, Богородицы, ангелов, пророков, апостолов, стали участвовать и горожане: они играли отрицательных персонажей — сатану, бесов, царя Ирода, Иуду предателя, воинов-палачей и др.

Самодеятельные актеры не понимали, что жест, действие, пауза могут заменить слово. Действуя, они в то же время объясняли каждое свое действие, например: «Вот я положил нож...». Проговаривали артисты свои роли громко, нараспев, как священники во время церковной службы. Для изображения разных мест действия — неба, ада, Палестины, Египта, церквей, дворцов — строили в один ряд примитивные «домики» разных видов, и исполнители перемещались от одного к другому, объясняя, где они находятся и куда отправляются. Все это зрители, не избалованные развлечениями, воспринимали в полном восторге.

Такие представления, разрастаясь, усложняясь, требовали все большего «сценического» пространства. По этой причине и по причине того, что в них стали задействовать такой персонаж как сатану, оскверняющий храм Божий, их пришлось вынести за пределы церковного здания и его паперти на рыночную площадь. Тогда средневековый театр и стал поистине массовым. Правители городов, патрициат, нобили, стремясь показать друг перед другом свое богатство и могущество, не жалели средств, устраивая пышные представления, которые длились зачастую по несколько дней.

Церковь по-прежнему заказывала удобные ей пьесы и руководила постановкой «спектаклей», повествующих о жизни Иисуса Христа и чудесах, совершенных им и святыми. Но в эти торжественные представления с обязательными поучениями стали проникать комические трюки.

С развитием средневековых городов и торговли в период Высокого средневековья театр стал постепенно выходить из-под власти Церкви, становясь все более светским, мирским. Для светского театра заказывали иные пьесы, авантюрные (приключенческие). В них действовали все те же святые, грешники и бесы, но бесы уже напоминали ловких и сметливых торговцев, бойких, хитрых, изворотливых дельцов, изображаемых актерами-горожанами с явной симпатией.

Самой главной формой средневекового театра стали окончательно оформившиеся к XV в. *мистерии* — огромные пьесы, религиозные, по сути дела, литургические представления, игравшиеся от двух до 25 дней подряд. Случалось, в них было занято более 500 человек. Они охватывали или имели тенденцию охватить все события, изложенные в Ветхом и Новом Заветах. Но, сохранив сюжеты Священного Писания — от сотворения Богом Адама до страданий и Воскресения Христа, мистерия перешла на жизненное, бытовое их истолкование, в ней уже были штрихи будущей светской драмы. Для создания мистерии требовался особый автор-драматург, а для ее постановки — режиссер. Мистерия была величественным представлением, не ограниченным временем и пространством. В мистериях показывали создание Земли, звезд, Луны, воды, всего живого, изгнание из рая Адама и Евы, всемирный потоп и другие ключевые моменты библейской истории с ее наиболее выразительными персонажами. Но в этих пьесах было уже много житейских подробностей, понятных и интересных современникам постановок.

Не отдельные сценки, а театр мистерий как таковой впервые возник в Италии, в Риме. С 1264 г. их ставили в полуразрушенном цирке Колизее. Сто лет спустя мистерии ставятся в Англии и Франции.

Постановка мистерий требовала огромных затрат, их брали на себя обычно городские цехи и гильдии, казна комунн. Надо было набрать, обучить, одеть в дорогие сценические костюмы десятки и сотни исполнителей, статистов, выделить вознаграждение самым талантливым, но не имущим актерам, создать бутафорию, сценические декорации, выбрать режиссера — распорядителя, способно-

го подготовить неумелых исполнителей к сцене, объявить о днях представлений через глашатаев — герольдов.

Задолго до представления герольды выкликали объявления о предстоящем представлении. А за несколько дней до спектакля по улицам города проходило театрализованное шествие в костюмах, везли на повозках части декораций, «Ад». «Рай» и т. п. Такой рекламный показ часто повторяли и перед самим спектаклем: исполнители проходили по городу, прежде чем занять места на площадке для игры. Она была размером 50–100 м и для лучшей видимости воздвигалась на корзинах с землей или на бочках. Она была круглой, как цирковая арена, и зрители могли устраиваться вокруг. Но иногда за спиной артистов помещали ложи, а простая публика сидела и стояла полукругом. Сцена обычно делилась на три части: во-первых, **авансцену**, свободную от декораций; на ней помещались актеры, которые в данный момент не были заняты в представлении. Тут же был и режиссер-постановщик. Кулис не было. Сбоку на авансцене был Ад. Он представлял собой бутафорскую башню с входом в огненную пропасть: вход представлял собой нечто вроде пасти дракона, откуда шел дым, огонь, раздавались протяжные стоны грешников, лязг цепей, жуткие вопли дьявола.

За авансценой помещалась собственно **сцена** с декорациями. Декорации не менялись, они были неподвижны, а действие все время перемещалось от одной декорации к другой. Декорации были условны. Они представляли «домики» разнообразной архитектуры, разных примитивных форм, пропорций, конфигурации, обозначавшие места событий, разные страны, города, Рай, как и в церковных действиях. Стояло, например, плоскостное изображение здания с надписью «Иерусалим», а на другом было написано «Вифлеем».

Третья часть сцены — это **Рай**. В глубине сцены находилось божество.

Представление начиналось с пролога, потом разыгрывалось действие, переходя с места на место. Оно обычно начиналось в «первый час», то есть в 7–9 часов утра. Около полдня — в «шестой час» делали перерыв на обед и потом играли до вечера, до

17–18 часов вечера. Некоторые представления запрещалось смотреть детям до 12 лет и больным старцам.

В дни спектакля прекращалась всякая работа. Торговали только съестными припасами. Порой переносили, изменяли даже часы церковных служб. Поскольку представления отвлекали население от обычных занятий, их ставили раз в год на самые большие церковные праздники, обычно Рождество, Пасху или Троицу. В маленьких городках мистерии играли и того реже — раз в несколько лет.

За посещение спектакля на площади взимали небольшую плату. «Сидячие» места, ложи стоили дорого и, разумеется, доставались богатым.

Артисты играли «исторические» пьесы не в исторических костюмах, а тех, которые носили в их время и в их стране. Чтобы героев пьес легче было узнавать по одежде, для постоянно действующих персонажей установили раз и навсегда определенный цвет костюмов. К примеру, Иуда Искариот, предавший Христа, должен был носить желтый плащ — цвет измены. Исполнителей различали и по вручаемому им предмету — символу занятий: короля — по скипетру, пастуха — по посоху, рыбака — по сети. Жесты актеров, их мимику зрители видели плохо, а слова едва слышали на далеком расстоянии, в задних рядах. Поэтому актерам приходилось громко кричать и говорить протяжно, нараспев. Они преклоняли колени, воздевали кверху и заламывали руки, падали на землю и катались по ней, сотрясаясь от рыданий. Немудрено, что от актеров, исключительно мужчин даже для женских ролей, требовались прежде всего сильный голос и выносливость: порой приходилось играть одну пьесу подряд два десятка дней с утра до вечера. Исполнители мистерий не усложняли характеры своих героев, как правило, это были хорошо всем знакомые, «ходульные персонажи».

Мистерияльная драматургия разделяется на три основных цикла — *ветхозаветный*, *новозаветный* и *апостольский*. Самым ярким образцом жанра религиозных мистерий была огромная «Мистерия страстей Господних» *Арноль Гребана* (середина XV в.), в которой действовали 393 персонажа. Особое место занимала

«Мистерия об осаде Орлеана» — ключевого эпизода Столетней войны, поставленная вскоре после победы французов над англичанами под Орлеаном (1429 г.). Эта мистерия представляла собой попытку создания народно-героической драмы, прославляющей стойкость и патриотизм горожан в борьбе с оккупантами.

С появлением театральной мистерии, пришедшей на смену литургической, изменилось положение актеров. Конечно, их ремесло по-прежнему не считалось почетным, но такую мистерию ценили несравненно выше представлений жонглеров или актеров-кукольников.

Начав свое развитие в XII в. во Франции, в XIII–XIV вв. во всех странах Западной Европы получил широкое распространение *миракль*. Это жанр средневековой религиозно-назидательной драмы, сюжет которой строился на «чуде» — миракле, совершаемом святым или Девой Марией. В мираклях особенно ярко пропагандировалась христианская мораль, изображалось мистическое вмешательство небесных сил в судьбу человека, обязательно приводящее к торжеству добродетели и наказанию порока.

В рамках таких светских представлений, исполнявшихся на народном языке, уже в XII в. было поставлено французское «Действо об Адаме», о чем свидетельствуют руководства-дидаскалии на латинском языке, предписывающие актерам определенные жесты и интонации, а также декорации, построенные на контрасте, усиливающим пропасть между Адом и Раем. Начиная с XIII в., цеховые корпорации заказывали к ежегодному празднованию дня основания их братства миракли, посвященные жизни святого, покровительствовавшего их цеху. Именно это послужило поводом для бюргеров и жонглеров Арраса заказать приблизительно в 1200 г. французскому труверу *Жану Боделю* «Действо о Святом Николае». Этот миракль сюжетно был связан с событиями Первого Крестового похода 1189–1196 гг. и заключал в себе, наряду с пропагандой религиозных идей, сцены бытового характера.

Обострение социальных противоречий в XIV в., бедственные события Столетней войны между Францией и Англией привели к усилению критических тенденций в мираклях. Так, между 1339 и 1382 гг. для парижских ювелиров были разыграны 40 мираклей,

посвященных Деве Марии, и в этом цикле нашли отражение жестокий произвол рыцарства, порочные нравы сеньоров и католического клира. Усиление реалистического начала в миракле сопровождалось вытеснением божественных персонажей и вело к превращению миракля в бытовую назидательную драму, сохраняющую, однако, принципы христианского морализирования. Причем в Англии термин «миракль» употребляли также и для обозначения жанра мистерии. В Испании ранние миракли не сохранились, но жанр «пьес о святых», проникнутый реакционными тенденциями, был широко представлен в драматургии XV–XVII вв.

В XIII в., когда на площадях европейских городов самодеятельные актеры продолжали еще ставить громоздкие официозные мистерии из «священной истории», уже родились светские, по сути дела, настоящие профессиональные пьесы. Во время представления мистерий в перерывах между действиями, дабы несколько рассеять и увеселить подуставшую от серьезных тем публику, разыгрывали веселые короткие сценки, вовсе не связанные с содержанием мистерий. Их называли *фарсами*. Постепенно короткие вставные номера объединялись вместе и получались связные веселые пьесы. За ними так и сохранилось название фарс. Нередко горожанин — автор фарса высмеивал жадное духовенство, «невежественных дураков», крестьян, мешавших успешной торговле, тщеславных рыцарей, изображая их разбойниками с большой дороги. А подчас темой фарса становилась жизнь собственного города, его персонажами — соседи и семья автора.

Особенно был распространен фарс о Пателене. Это рассказ о купце, которого обманул адвокат, а пастух в свою очередь обманул и адвоката и купца.

Для народа, который всегда боролся за свои права, за справедливость, шутить означало обличать, говорить правду, протестовать. Этим объясняется расцвет с XIII в. искусства фарса — доступного, активно вмешивающегося в жизнь и вместе с тем нравоучительного. Последняя черта особенно ярко отразилась в распространившихся в XV в. *моралите* — длинных поучительных аллегориях, которые исполняли профессиональные актеры. Они представляли фигуры Смерти, Обжорства, Скупости и т. п.

К концу Средних веков театр окончательно стал профессиональным: над пьесами начали работать писатели, а ставить — профессиональные актеры и режиссеры. Они получали за свой труд плату, которой уже было достаточно, чтобы прокормить их семьи.

Таким образом, западноевропейский средневековый театр вырос из двух основных составляющих — литургических представлений и народных зрелищ. Он был массовый, доступный, увлекательный и заставлял зрителей думать о главных вопросах своего времени.

Лекция 7

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

1. Рыцарский героический эпос.
2. Открывшие любовь: куртуазная поэзия (трубадуры, труверы, миннезингеры).
3. Мир рыцарского романа: общее и особенное.
4. Культурный феномен поэзии вагантов.
5. Особенности латинских новелл.
6. Вершины городской литературы: жанры и личности.

Основная литература

Всеобщая история литературы. СПб., 1881. Вып. 11: Модестов В. История римской литературы (окончание); Кирпичников А. Средневековые литературы Западной Европы и Византии. Вып. 12–13: Кирпичников А. Средневековые литературы Западной Европы и Византии.

Волкова З. Н. Эпос Франции. М., 1984.

Гуревич А. Я. Средневековая литература и ее современное восприятие // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 276–314.

Жирмунский В. М. Средневековая литература как предмет сравнительного литературоведения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. 30. Вып. 3. С. 185–197.

История французской литературы: В 4 т. / Гл. редкол. И. И. Анисимов. Т. 1. С древнейших времен до Революции 1789 г. / Отв. ред. И. И. Анисимов, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. М.; Л., 1946.

Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

Мелетинский Е. М. Средневековый роман: происхождение и классические формы. М., 1983.

Менендес Пидаль Р. «Песнь о моем Сиде»: основные проблемы испанского эпоса // Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. М., 1961. С. 160–238.

Михайлов А. Д. Старофранцузская городская повесть фэблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М., 1986.

Обри П. Трубадуры и труверы. М., 1932.

Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.

Шаиков Г. В. Миннезанг // История немецкой литературы. М., 1962. Т. 1. С. 86–98.

Дополнительная литература

Бенуа де Сент-Мор. Роман о Трое // Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 235–244.

Бутенина Н. Д. Кодификация куртуазной любви [Трактат Андрэ Капеллана «О любви»] // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск, 1996. С. 124–141.

Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения. М., 1986.

Веселовский Ю. Литературные очерки: Певец богемы XV века (Франсуа Вийон, жизнь и творчество). Изд. 2-е, доп. М., 1910. Т. 1.

Ганс Сакс. Избранное / Пер. с нем. С. В. Петрова. М.; Л., 1959.

Две старофранцузские повести. М., 1956.

Державин К. Н. Меч Роланда // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 3. С. 347–358.

Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории: Личность и общество. М., 1990. Вып. 2. С. 90–96.

Жизнеописания трубадуров. М., 1993.

Иванов К. А. Трубадуры, труверы, миннезингеры. Пг., 1915.

Колесо Фортуны: Ваганты. М., 1998.

Кретьен де Труа. Романы. Эрек и Энида; Клижес / Пер с фр. Н. Я. Рыковой, В. Б. Микушевича. М., 1980.

Легенда о Тристане и Изольде / Изд. подг. А. Д. Михайлов. М., 1976.

Ле Гофф Ж. Середньовична уява. Львів, 2007.

Ле Гофф Ж. С небес на землю: Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе в XII–XIII вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. Вып. 3.

Лирика вагантов в переводах Льва Гинзбурга. М., 1970.

Михайлов А. Д. Французский героический эпос: вопросы поэтики и стилистики. М., 1995.

Немецкие шванки и народные книги XVI века / Пер. с нем. В. Л. Топоров. М., 1990.

Новеллино / Изд. подг. М. Л. Андреева, И. А. Соколова. М., 1984.

Окассен и Николет. Старофранцузская песня-сказка / Пер. М. Ливеровой, под ред. А. А. Смирнова. М., 1935.

Олевская В. В. Французские новеллы XV века и фаблю // Ученые записки Московского гос. педагогического института. 1969. № 324. С. 108–124.

Очерет Ю. В. Литература Арраса XII–XIII веков. К проблеме формирования и развития городской литературы во Франции в Средние века / Ю. В. Очерет. К., 1995.

Очерет Ю. В. Рютбеф и фаблю // Ученые записки Московского гос. педагогического института. 1971. № 458. С. 28–48.

Пайен из Мезьера. Мул без уздечки (Девушка на муле) / Пер. со старофр. Е. Васильевой; ред., ст., коммент. А. А. Смирнова. М.; Л., 1934.

Петерсон О., Балабанов Е. Западноевропейский эпос и средневековые романы в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов. СПб., 1896. Т. 1.

Песни труверов // Жоффруа Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов / Пер. О. Смолицкой, А. Парина. М., 1984. С. 201–300.

Западноевропейский эпос. Л., 1977.

Песнь о Нибелунгах / Пер. М. И. Кудряшова. СПб., 1889 (1916).

Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос. М.; Л., 1964.

Песнь о Сиде. Староиспанский героический эпос. М.; Л., 1959.

Плутовской роман. М. 1975.

Поэзия вагантов / Изд. подг. М. Л. Гаспаров. М., 1975.

Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.

Пуришев Б. И. Поздний миннезанг // История немецкой литературы. М., 1962. Т. 1. С. 164–167.

Пятнадцать радостей брака / Сост. Ю. Л. Бессмертный. М., 1991. С. 257–281.

Роман о Лисе / Пер. со старофр. А. Наймана. М., 1987.

Смирнов А. А. Кто был автором «Песни о Роланде» // Смирнов А. А. Из истории западноевропейской литературы. М.; Л., 1965. С. 65–76.

Смирнов А. А. Средневековая литература Испании. Л., 1969.

Средневековые латинские новеллы XIII в. / Изд. подг. С. В. Полякова. Л., 1980.

Средневековый роман и повесть / Вступ. статья и приложение А. Д. Михайлова. М., 1974.

Томас Мэлори. Смерть Артура / Изд. И. М. Бернштейн и др. М., 1974.

Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII вв. / Подг. текста и ст. В. В. Творогова; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1972.

Урнов Д. Автор рыцарской эпопеи [Томас Мэлори] // Вопросы литературы. 1959. № 8. С. 233–235.

Фаблио: Старофранцузские новеллы / Пер. со старофр. С. Вышеславцевой, В. Дынник. М., 1971.

Фавье Ж. Франсуа Вийон. М., 1991.

Фламенка / Изд. подг. А. Г. Найман. М., 1983.

Флуар и Бланшефлор / Пер. со старофр., предисл. А. Д. Михайлова. М., 1985.

Франсуа Вийон. Большое завещание. М., 1982.

Франсуа Вийон. Лирика / Пер. с фр. Ф. Мендельсона. М., 1981.

Франсуа Вийон. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения / Пер. с фр. И. Эренбурга. М., 1916.

Фридман Р. А. Любовная лирика трубадуров и ее истолкование / Р. А. Фридман // Ученые записки Рязанского пединститута. 1965 Т. 34. Вып. 1. С. 87–417.

Ярхо Б. И. Юный Роланд. Л., 1926.

* * *

Самыми ранними образцами средневековой светской литературы и поэзии являются произведения рыцарской поэзии. От этого рода христианизированной литературы до нас дошли великолепные поэмы исключительной силы и красоты. Рыцарство, спаянное единством военной профессии, которая была основанием его господства в обществе, к эпохе Крестовых походов стало сознавать свою социальную обособленность и выработало свою этику, то есть норму идеального поведения как в отношении к своему сословию, так и к другим слоям общества. Необходимость совместных действий в бою создали в нем представления об идеале рыцарского поведения, рыцарской доблести, верности данному слову. Рыцари вечно были на войне: на войне внутренней и на войне внешней. Они принадлежали к европейской военной аристократии, объединявшейся в огромное братство и с презрением взиравшей на всех остальных. Фактически они жили за счет широких слоев населения в городе и особенно деревне, которые лишь поневоле принимали их покровительство, как бы романтично, даже сакрально оно не воспринималось. Они постоянно подвергались опасности извне от других рыцарей, которые, верные своему сеньору и сплоченные

вокруг него, были страшны для всех тех, кто такой верностью не мог похвалиться. И они выработали особую общественную добродетель — добродетель господствующего сословия, гордящегося именно тем, что оно господствует. Эта добродетель называлась рыцарской честью. Как норма аристократического кодекса поведения одного члена рыцарского сословия к другому, эта добродетель требовала, чтобы каждый свою принадлежность к «благородному» сословию и свою честь ценил выше, чем собственную жизнь. Когда задета честь, рыцарь должен был драться и уничтожить оскорбителя, жертвуя своей жизнью. Такое восприятие благородства укоренилось. В отношении к представителям других, более низких сословий, охватывавших громадную массу тех, кто не воевал и молился, а трудился за всех, эта добродетель превращалась в порок, потому что рыцари относились с высокомерием ко всем «неблагородным». Рыцарская поэзия как раз и дает нам ярчайшие образцы и того, и другого.

Особенно наглядно это видно на примере песен из цикла *рыцарского героического эпоса*. Раньше всего они появились на севере средневековой Франции. Всего известно около 100 французских поэм в записях XII–XIV вв. Их источником были народные героические песни о подвигах рыцарей-богатырей. Поэтому эти поэмы по-французски называют *шансон де жест* (chanson de geste), что означает «песни про деяния (подвиги)». Рифмы в них поначалу не было. Они декламировались певучим голосом под аккомпанемент маленькой арфы или виолы, примитивной скрипки. Если поэма была большая, то жонглер мог исполнять ее в течение нескольких дней.

По содержанию французские поэмы делятся на три цикла, или три «жесте».

Королевский цикл. Центральной фигурой в них обычно изображен правитель большей части христианского Запада Карл Великий. Это собирательный образ идеального, мудрого, старого короля, оплота страны в борьбе с иноземными «нехристями» и своеволием предателей-сеньоров.

Цикл Гарена де Монглана. В этом жесте прославляется идеальный вассал, который верно служит королю и спасает государство от врагов.

Цикл Дона де Майанса, или, как его иногда называют, феодальный цикл. Здесь повествуется о своекорыстных сеньориальных смутах, частных войнах, причем они не всегда осуждаются, а предстают как доблесть рыцарей чести.

Вершиной французского эпоса безусловно является поэма «*Песнь о Роланде*» (королевский цикл). Поэма эта создавалась постепенно. Известно, что нормандские и французские воины герцога Вильгельма Завоевателя уже пели ее во время битвы 1066 г. при Гастингсе, но окончательно она сложилась в конце XI — начале XII вв. Самый древний оригинал — это Оксфордская рукопись XII в.

Главным героем прославленной песни является граф Роланд, который назван в ней племянником мудрого, ни много, ни мало — 200-летнего Карла Великого.

В основе сюжета песни — поход Карла Великого в мусульманскую Испанию против мавров, арабов-сарацин, с которыми он якобы воюет уже семь лет, стремясь насадить среди них христианство. Он завел все испанские города кроме Сарагосы, где царь сарацинов Марсилий советуется со своими знатными вассалами, как ему избавиться от могучих, храбрых франков. Старейший из них, Бланкандрин, предлагает Марсилию ложно поклясться Карлу в вечной дружбе и пообещать, если франки уведут войско, принять христианство. В ответ на предложение послов сарацинов Карл по совету своего племянника, рыцаря Роланда, посылает на переговоры к коварному Марсилию знатного вельможу Ганелона, отчима Роланда. Спесивый Ганелон готов выполнить это поручение, но он начинает подозревать пасынка в намерении погубить его такой опасной миссией и, разгневанный, решает любой ценой отомстить Роланду. Ганелон изображен хорошим рыцарем, но без главного — беззаветной верности своему сеньору. Он заключает с Марсилием тайное соглашение и уговаривает Карла вернуть уставшие войска на родину. При этом, по совету Ганелона, Карл поручает Роланду прикрывать тыл французского войска. В Пиренейских горах, в Ронсевальском ущелье на 20-тысячный арьергард франков, возглавленный Роландом, нападает 100-тысячное войско Марсилия. Начинается жестокая битва, в которой мавры уничтожают мужественных фран-

цузских воинов. В поэму входит знаменитый эпизод, в котором рассказывается, как Роланд, несмотря на просьбы друга Оливье, до последнего момента не хотел трубить в свой рог по названию Олифант, отказываясь призвать на помощь войск Карла. Слишком поздно раскаявшийся в безрассудной храбрости и гордости, Роланд умирает последним, повернувшись лицом к Испании и сжимая в объятиях свой меч Дюрендаль. Карл спешит к нему на помощь. Уже садится солнце, но молитва к Богу заставляет продлить день, чтобы Карл смог наказать вероломных врагов. Предатель Ганелон, ставивший собственные интересы выше интересов Франции и своего сеньора — Карла, карается позорной смертью — его тело разрывают лошади.

В поэме отразились важные стороны жизни Западной Европы VIII–XI вв. И дело не в том, что ней искажена историческая правда. Поход Карла в Испанию против мусульман, с попыткой захватить Сарагосу, которую его тайные союзники пообещали сдать без боя, действительно, был, но окончился провалом. Город на сдачу даже после осады и, дабы покрыть расходы неудачного предприятия и выместить свое недовольство случившимся, войска Карла, уходя из Испании, по пути захватили и разграбили христианский город Памплону, принадлежавшую местным христианам — баскам. Те в свою очередь решили отомстить за вероломство. Поэтому в Ронсевальском ущелье Пиренеев на прикрывавший аррьергард и большой обоз с награбленным отряд франков напали не мавры, а горцы — баски, грамотно устроившие засаду. При этом и аррьергард, и обоз со всей добычей были потеряны, что нанесло серьезный удар военной авантюре Карла. Реальный, существовавший в действительности Роланд не был племянником Карла. Это был маркграф Бретонской марки на северо-западе франкского государства и, если верить расчетам историков, в 778 г. ему могло быть не более 12–13 лет от роду. Не исключено, что он был сыном любвеобильного Карла от его сестры Гислы, но это его незаконное, скандальное происхождение скрывалось.

Главное состоит в другом — в очень точной и убедительной передаче борьбы с феодальной анархией и сепаратизмом, за объединение и централизацию страны. Автор всячески прославлял

вассальную верность королю и идею служения Родине — «милой Франции».

Поэма написана на старофранцузском языке. Автор ее анонимен, но, безусловно, это был передовой для своего времени человек, осуждавший пагубное для страны своеволие сеньоров и воспевший патриотические идеи.

Наиболее популярной теорией о происхождении песни является теория «нетрадиционалистов». Ее разработал видный испанский медиевист *Р. Менендес Пидаль*. По его мнению, эпический жанр возникает в то время, когда история и поэзия в сознании людей еще не разделились. С помощью песни, стиха народная память фиксировала исторические события, факты действительности. Героическая поэма складывалась одновременно с историческими событиями, о которых говорится в поэме. Это был правдивый поэтический рассказ современника, «живая поэтическая история». Но со временем первый (начальный) текст в освоении «передатчиков» претерпел разного рода сюжетные переработки. А это могло привести к значительной сюжетной трансформации и искажению исторического факта, что не помешало сохранить точные и вместе с тем более общие сведения о вооружении рыцарей XI–XII вв., о военной тактике и обычаях того времени.

Лучшим произведением испанского героического эпоса является «*Песнь о Сиде*». Она возникла в период испанской реконквисты, в XII в. — в период напряженной борьбы, которую вели Кастилия, Арагон, Португалия за возврат земель, захваченных арабами-маврами. «Песня о Сиде» отражает основные моменты этой борьбы. Герой поэмы — доблестный и мудрый защитник народных прав, рыцарь Сид Кампеадор. Народ любовно называл его «мой Сид», добавляя — «в добрый час рожденный».

Как и в «Песне о Роланде», прототипом Сиды послужила историческая особа, Родриго Диас де Вивар — кастильский рыцарь второй половины XI в., который был военачальником у короля Кастилии Санчо II. Это не случайно, так как именно Кастилия играла центральную роль в реконквисте. За военную доблесть де Вивар получил прозвище Кампеадор — «Воитель», «Ратоборец». Мавры называли его Сидом, что по-арабски означает «Господин». После

гибели Санчо II его брат, Альфонс VI, невзлюбил Сиды. По совету своих придворных он выгнал Сиды из Кастилии. Поначалу Сид со своей рыцарской дружиной находился на службе то у христианских, то у мусульманских правителей. Однако затем он отвоевал у мавров богатую область Валенсию, стал ее правителем и помирился с Альфонсом. Родриго Диас, таким образом, действительно был видным деятелем реконквисты и освободил от мавров значительную часть Испании. Его по праву считают национальным героем Испании.

«Песня о Сиде» была создана неизвестным *хугларом* в XII в., приблизительно через пол столетия после смерти героя в 1099 г. Но дошла она до нас в списке 1307 г., в неполном и частью искаженном виде. Поэма состоит из 3735 стихов и имеет три части.

Первая часть называется «Изгнание». Начало ее утеряно. Видимо, там шла речь о причинах ссоры Сиды с королем Альфонсом. О них известно из других испанских источников. Список начинается с того, как Сид прощается с родным домом, с женой и малолетними дочерьми, которых он оставляет под защитой монастыря. Согласно суровому приказу короля, под страхом смерти он идет на чужбину. Узнав об изгнании Сиды, к нему сходятся люди всякого рода, отовсюду»: крестьяне, ремесленники, обедневшие рыцари. Вместе с ними Сид углубляется в мусульманские земли и со временем одерживает немало побед.

Вторая часть называется «Замужество дочерей Сиды». В ней рассказывается о том, как Сид, завоевав большой город Валенсию, посылает королю 100 отборных коней. Король готов помирится со своим теперь могущественным вассалом. Он позволяет ему взять к себе жену и дочерей. Знатные инфанты из Карриона, соблазненные богатством Сиды, решили жениться на его дочерях. Сам король выступает в роли свата, считая, что этот брак великая честь для Сиды. Сид же неохотно соглашается на замужество дочерей, не по душе ему знатные женихи. Но он не хочет отказывать королю. Сид приглашает к себе в Валенсию инфантов и торжественно празднует свадьбу.

Третья часть называется «Бесчестье в дубовом лесу Корпес». Инфанты из Корриона недолго прожили в согласии с Сидом.

В доблестном окружении Сиды они оказались никчемными и трусливыми. Вассалы Сиды насмеялись над ними, и зятья решили отомстить. Они просят позволения поехать в Каррион, чтобы показать своих молодых жен родственникам. Сид благословляет дочерей, отдает им приданое и щедро одаривает зятьев. Но как только те въехали во владения Кастилии, в дубовом лесу Корпес они соскочили с коней и тут, в чаще, привязав своих жен к деревьям, избili их кнутами почти до смерти. Сид жалуется королю. Король созывает кортес, куда неохотно являются инфанты в сопровождении многочисленной родни. Защищая свою честь, Сид вызывает их на поединок. В битве в долине Каррион, в землях инфантов, Сид с дружиной побеждает обманщиков и прилюдно называет их изменниками. Победитель Сид снова отдает дочерей замуж, уже за королей Наварры и Арагона.

Для поэмы характерна простота и ясность всех персонажей. В ней почти отсутствует фантастика, сказочность. Очень правдива передача бытовых сцен. Уже упоминавшийся Р. Менендес Пидаль подчеркивал по этому поводу: «Действующие лица «Песни» — не только христианские и мавританские войска, в ней изображены люди, далекие от военной жизни: женщины, дети, монахи, горожане, евреи; все они воссоздают картину мирной жизни городов: торговые сделки, разлуки, путешествия, приветствия и радость встреч, свадьбы, встречи в тесном кругу для обсуждения семейных дел или для веселых развлечений, отдых после обеда, прекрасные наряды, торжественные приемы и религиозные церемонии». Причем язык поэмы близок к народному. Это делает «Песнь о Сиде» самым реалистическим произведением эпического жанра в средневековой литературе.

Столь же значительным произведением немецкого героического эпоса является *«Песнь о Нибелунгах»*. Это произведение пользовалось и пользуется огромной популярностью во всем мире. Под ее влиянием создан ряд блестящих произведений в литературе и искусстве. Например, всемирно известна опера Вагнера «Зигфрид» (середина XIX в.). Сама поэма была создана в начале XIII в., около 1225 г. Вероятно, она возникла в северо-восточной Германии, в придунайских землях — Баварии, Австрии. География «Песни»

совпадает с географией именно этих земель. Очевидно, автор хорошо знал эти места, дороги, реки.

Вопрос об авторстве поэмы вызвал немало споров. Большинство исследователей считает, что сочинителем поэмы был шпильман, а не клирик или рыцарь. Он хорошо знал эпос, литературу своего времени и был прекрасно осведомлен о придворных обычаях и быте.

В отличие от шансон де жест немецкие поэмы не пелись. Они предназначались для выразительного чтения с рукописи. Собственно «Песнь о Нибелунгах» написана особой стихотворной формой — строфой, состоящей из четырех длинных строк, которые рифмуются попарно. Впоследствии она получила название «*нибелунговой строфы*».

«Песнь о Нибелунгах» состоит из 39 песен, так называемых авентюр. Первая авентюра начинается с прославления красоты Кримхильды — молодой девушки, которая живет в Вормсе, столице Бургундского королевства, под опекой трех братьев-королей. Богатырь Зигфрид, королевич из Нидерландов, узнал о знатной красавице и, как полагается рыцарю, заочно полюбил свою даму, мечтая жениться на ней. Старший брат, король Гунтер согласен отдать Кримхильду за прославленного рыцаря, но на условии, что неуязвимый силач Зигфрид поможет ему добыть исландскую королеву Брюнхильду. Она ставит перед женихами тяжелые условия: тот, кто хочет стать ее мужем, должен победить ее в богатырских соревнованиях или поплатится головой. Зигфрид соглашается выручить Гюнтера. Он договаривается с Гюнтером, что будет выдавать себя за его вассала. В Исландии, куда он прибывает вместе с Гюнтером, Зигфрид с помощью шапки-невидимки помогает королю одержать победу. Брюнхильда признает себя побежденной и дает согласие выйти замуж за Гюнтера. В знак благодарности Зигфрид получает Кримхильду и счастливый, с молодой женой уезжает на родину. Через 10 лет Кримхильда с мужем по приглашению Гюнтера и Брюнхильды приезжает в Вормс к родным. И здесь между королевами происходит столкновение. Брюнхильда считает Кримхильду своей подчиненной, так как думает, что Зигфрид действительно вассал или даже зависимый человек ее мужа. Кроме того, выясняется истинная роль

Зигфрида в сватанье Гюнтера. Разгневанная Брюнхильда кличет вассала Хагена и он, договорившись с королевой, поражает Зигфрида в его единственное уязвимое место, не смазанное кровью дракона. Кримхильда горячо оплакивает смерть мужа. Хаген, озабоченный тем, что она щедро раздает золото и может склонить на свою сторону вассалов Гюнтера, отбирает у нее сокровища Нибелунгов, этого самого могущественного рода бургундов, к которому принадлежали и Гунтер, и Кримхильда. Он тайно кидает эти сокровища в воды Рейна. На этом заканчивается первая часть.

В другой части говорится про то, как через 13 лет Кримхильда, желая отомстить, выходит замуж за могучего Этцеля, то есть Атилла, правителя свирепых гуннов, который любит и уважает ее. Однако убийство Зигфрида, судьба пропавших сокровищ Нибелунгов не дают ей покоя. По просьбе Кримхильды Этцель-Атилла приглашает в гости на далекий Дунай ее родных, с женами и вассалами. Кримхильда враждебно встречает бургундов. Она жаждет ссоры. Настроенные ею гунны нападают на гостей. В гигантском зале, куда были приглашены на пир бургунды, начинается кровавая резня. Кримхильда приказывает поджечь зал с гибнущими гостями. В нестерпимом жаре много часов длится бой, бургунды вынуждены отдыхать на телах убитых и утолять жажду кровью врагов. В страшных муках гибнут тысячи людей. Разгневанная Кримхильда, пытаясь узнать о тайне сокровищ, приказывает убить Гюнтера, а потом сама отрубает голову Хагену, который так и унес с собой тайну. Старый воин Хильдебрант, который видел на своем веку много крови, не может смириться с безумной кровожадностью Кримхильды и убивает ее. Седой Этцель оплакивает смерть своей жены и сына. Так погибает род бургундских королей.

В основе «Песни» лежат древние германские сказания, восходящие к временам Великого переселения народов. Поэтому в ней сохранился суровый, трагический дух давних германских преданий, легенд, понизанных мотивами кровной мести. Исторические бургунды были германским племенем, первоначально жившем на острове Борнхольм (Бургундархольм) в Балтийском море. Затем они высадились на славянских землях в устье Одера и передвинулись к юго-западу, к Рейну. Это был сильный, воинственный народ,

по словам римского историка конца IV в. Аммиана Марцеллина, наводивший ужас на соседей и насчитывавший, согласно хронисту VII в. Иерониму Стридонскому, не менее 80 000 человек. В 413 г. они обосновались на левом берегу среднего Рейна, как союзники римлян, и Бургундское королевство с центром в городе Вормс включало, по-видимому, территории до нынешнего Шпейера на юге и Майнца к северу от Вормса. В 30-е гг. V в. в связи с ростом населения бургундам потребовалось расширить владения и, воспользовавшись слабостью римлян, в 435 г. сильное войско бургундов во главе с королем Гундахаром вторглось в Бельгику на земли вокруг Трира и Меца. Но они недооценили своего противника. В битве с талантливым римским политиком и полководцем Аэцием в 436 г. бургунды потерпели поражение и обратились с просьбой о мире, который получили, но наслаждались полученным миром недолго. Уже в 437 г., по неизвестной нам причине, Аэций склонил своих союзников, гуннов напасть на бургундов. Результат был потрясающий. Согласно источникам было уничтожено то ли 20 000 бургундов, то ли почти все бургунды, причем король Гундахар оказался среди убитых. Это был конец Бургундского королевства в Вормсе, который захватил воображение современников и был упомянут по меньшей мере четырьмя хронистами. Оставшиеся в живых бургунды двинулись с Рейна в южную Галию, где были поселены на правах римских федератов в Сабаудии (Савойе). Но в поэме очень тесно переплетены эта седая, полусказочная древность с пышным придворно-рыцарским бытом Германии XII-XIII вв. Поэтому, наряду с историческим зерном и общей средневековой картиной мира, эта рыцарская эпопея запечатлела жизнь аристократического общества Германии эпохи Гогенштауфенов. Ее создатель вместил в «Песнь» очень разнообразное содержание. Здесь вся панорама жизни средневекового общества, но это исключительно рыцарское общество. Даже под народом в «Песне» подразумеваются рыцари, хотя и обедневшие. Поэтому в поэме полностью воплощены все стороны и принципы рыцарского кодекса с его обычаями, ритуалами, этикетом, понятиями чести, служения Даме, любви и брака, с подлинно рыцарским менталитетом. Этот образ жизни и обычаи зачастую непонятны неспециалисту. Они с трудом поддаются ана-

лизу. Так, по понятиям того времени Хагена нельзя считать просто преступным, хладнокровным убийцей. Согласно с рыцарским кодексом, заповедями рыцарства, первая заповедь вассала — самоотверженная служба сеньору. Именно ради нее Хаген готов и на преступление, и на смерть.

Но при всем том, на пышном фоне придворного быта в «Песне» действуют герои еще с варварским складом души. Ради своего понятия чести и ради золота они с холодным бесстрашием совершают недостойные поступки, пренебрегая законами родства, гостеприимства, не щадя родственников и детей. Эта поэма, как и предыдущие, ценный источник для изучения мировоззрения, быта и обычаев придворно-рыцарских кругов XII–XIII вв. Она дает представление о буднях и праздниках рыцарства: пиршества, охота, рыцарские турниры и другие развлечения. Немало внимания в ней уделено понятиям чести, любви и верности., другим основным категориям средневековой культуры.

Следует отметить, что «Песнь о Нибелунгах» существенно отличается от поэм французского и испанского героического эпоса. В ней нет ни высокого патриотического пафоса французской «Песни о Роланде», ни глубокого чувства национального и конфессионального единства испанской «Песни о Сиде». Главное в «Песне о Нибелунгах» — мотив мести, кровавой свары меж знатными родичами, жажда золота, драгоценностей. Это объясняется тем, что в основе поэмы лежат песни, которые возникли еще на заре средневековья.

Наряду с эпическими произведениями мы видим на рубеже XI–XII столетий появление лирики, прежде всего на юге Франции, в Провансе, или как его еще называли, в Лангедоке — земле, где говорили на своем особом языке ок, окситанском, тогда как суровый север Франции изъяснялся на языке уи, северофранцузском языке. Языковая граница проходила южнее реки Луары. Именно в Лангедоке раньше всего сказались светские веяния и под восточным влиянием в южнофранцузских средиземноморских городах сложилось утонченное, «галантное» или, как принято говорить, *куртуазное* рыцарство (от французского слова «двор», то есть «придворное»). Этот термин ввел в обращение в XIX в. видный французский филолог, переводчик «Песни о Роланде» *Гастон Парис*.

Именно провансальский язык стал языком поэзии и именно в жизнерадостном Провансе впервые были воспеты новые рыцарские морально-этические ценности земной любви, культ Прекрасной Дамы, Донны. Прованс стал родиной поэзии нового направления, сочинителями и исполнителями которой были *трубадуры* (от провансальского *трабор* — «сочинять», «изобретать»). Заслуга трубадуров состоит прежде всего в том, что они первыми отказались от латыни и создали поэзию на народном языке. Соревнуясь между собой, трубадуры очень усердно работали над метрикой, мелодией, рифмой. Именно они первыми внесли в поэзию рифму. Эту заслугу трубадуров подчеркивал А. С. Пушкин, когда писал, что «поэзия проснулась под небом южной Франции — рифма отозвалась в романском языке; это новое украшение стиха... имело важное влияние на словесность современных народов. Трубадуры играли рифмой, искали для нее разнообразные смены стихов, придумывали сложные формы».

Трубадуры, в отличие от жонглеров, стремились закрепить свое авторство. До нас дошло около 2540 песен и 460 имен трубадуров. Ими были люди разного социального положения — от королей, знатных сеньоров до купцов, ремесленников, духовенства, но преобладали все же безземельные рыцари, жившие при чужих дворах. Многие трубадуры происходили из рядов духовенства и меняли сутану на платье трубадура, тогда как другие прошли противоположный путь жизни, уходили от своих песен в монастыри. Живя по большей частью милостью сеньора, трубадуры враждовали между собой ради нее. Интриги, соперничество, клевета нередко помогали их карьере. Обойтись неуважительно с известным трубадуром было опасно, даже для короля или графа, так как оскорбленный, уйдя, мог сочинить нелестную песню, а она быстро расходилась по всем дворам и навеки позорила оскорбителя.

Сохранился сборник XIII в. под названием «Жизнеописания трубадуров». Это собрание средневековых провансальских новелл, представляющих собой биографии трубадуров. Хотя достоверность этих новелл сомнительна, особенно по части любовных приключений поэтов, все же можно узнать, что трубадуры часто служили при дворах, исполняя обязанности секретарей и советников при осо-

бе сеньора, влияли на политическую жизнь. Они гордились своим званием трубадура и не были изгоями официального общества как жонглеры, которые часто им сопутствовали.

Следует особо отметить, что даже беглый анализ родословных трубадуров говорит о том, насколько провансальская любовная куртуазия выходила за рамки ортодоксальной, традиционной рыцарской идеологии. Среди трубадуров были люди самого разного социального происхождения — от самого высокого до самого низкого. Как уже сказано, среди них известно даже пять королей и два епископа, но, например, один из самых прославленных трубадуров, Бернарди де Вентадорн, был сыном солдата-наемника или егеря, трубадур Пейре Овернский — из бывших жонглеров или наемных солдат, а Гильом Фигейра — сыном тулузского портного. Простого происхождения был и знаменитый Маркабрю (ок. 1140–1185 гг.). Поэтическое творчество было почетнейшим занятием, возвышавшим, при всей строгости феодальной иерархии, любого поэта до уровня аристократии, с которой он ассимилировался. При этом факт поэтического творчества был решающим. Ведь, например, жонглеры, которые довольствовались исполнением *чужих* песен, приравнивались к бродячим актерам, фокусникам и т. п. Причем поклонники куртуазии считали, что простая пастушка может быть куртуазной (Маркабрю), тогда как можно отказаться в куртуазности и королю, и маркизу, и барону, как делал знаменитый трубадур Бертран де Борн. Следовательно, напрашивается вывод о неадекватности провансальского рыцарского и куртуазного общества. Перед нами интересная ситуация: круг феодальной аристократии, к которой обращена поэзия трубадуров, был очень узок и составлял при дворах нечто вроде «литературных салонов», закрытых для посторонних и ревниво относившихся к своим мыслям и образам, стремившихся ко все большей утонченности в совершенствовании поэтических форм. Но этот же круг избранной аристократии допускал необычную ассимиляцию одаренных плебеев.

Видимо, допуск в среду трубадуров выходцев из низов, при всей своей беспрецедентности, не мог подорвать сугубо аристократический характер этой среды. Во-первых, от них требовались не только поэтические и музыкальные способности (каждая песня была

оригинальным произведением и в музыкальном отношении), но также требовалась высокая ученость, широким слоям просто недоступная. Провансальские биографы трубадуров постоянно подчеркивали их ученость. Многие трубадуры воспитывались в монастырях — центрах западной средневековой культуры. В основе их багажа лежала латинская образованность — Священное Писание, житийная литература, а также знакомство с классикой, в том числе Овидием и Вергилием. Другим важнейшим элементом было знание средневековой литературы — в песнях трубадуров можно встретить немало реминисценций из рыцарских эпоса и романов. Во-вторых, трубадур-плебей фактически порывал со своей средой и пользовался теми же правами и привилегиями, что и члены аристократической элиты.

Здесь стоит подчеркнуть серьезный характер литературных занятий трубадуров. Это были не простые доступные упражнения досуговой знати. Трубадуры были писателями, прежде всего, в том смысле, что сочиняли свои произведения в ходе упорного творческого процесса, а не импровизации. Сочинение сопровождалось записыванием — на это указывает не только чрезвычайная сложность формы стихов-песен, но и сохранившиеся тексты.

Следует также уточнить, что женщины-аристократки не были просто объектом поклонения поэтов, играя некую пассивную роль. Они были знающими критиками и ценителями творчества трубадуров, разбирающимися во всех тонкостях литературных приемов. А наиболее способные из них сами становились авторами песен: среди трубадуров известно 17 женщин-поэтесс. Эта активная роль женщины в провансальском куртуазном обществе в чем-то объясняется и данью традиции: согласно древним римским законам, сохранившимся в Лангедоке, женщины могли наследовать феодальные владения и выступать в роли самостоятельных сеньоров, окруженных толпой придворных. Но прежде всего это результат той атмосферы поклонения, которая окружала здесь даму в поэтической среде.

Таким образом, рыцарский мир незаметно изменялся. Идеальным рыцарем нового типа становился воин, паломник и любовник. Он молился Святой Деве, но полагал священной даму в ее будуаре. Он участвовал в турнирах и в то же время пел. Так образовалась

взрывная смесь набожности, галантности и эротизма. Это был расцвет рыцарства

Но не только скрежет лат и свист рассекаемого мечами воздуха доносится из той невозвратной дали, не только жаркий треск костров альбигойских войн опалает лицо. Томительная любовная песня прорывалась в похоронном звоне, пьянящее благоухание садов разливалось над выжженным полем, пропахшим кровью и мертвечиной сраженных еретиков — катаров.

Здесь крылось начало романтического недуга, упоительного любовного бреда, преобразившей мир мечты. Оно в соловьином безумстве, в журчании фонтана, в переливах росинок, зажженных луной. И все, о чем пел трубадур в этой душной, охваченной неизбежным томлением южной ночи, на века обрело емкость символа: кольцо, голубка, перчатка, балкон, кинжал, чаша, «жемчуг» зубов, «коралл» милых губок, «сияние» глаз...

*Другу напомни про данное мною —
Перстень заветный, застежку колета
и поцелуй в подкрепление обета.*

(Гильом де Бергодан)

Образ Прекрасной Дамы стал олицетворением куртуазной поэзии. Грациозно швырнув перчатку угрюмому аскетизму и ханжеству, трубадуры вознесли на небеса открытую ими земную любовь с ее муками и радостями и оживили любовь небесную жаром земной крови. Как и крестоносцы, которые, посвятив себя Пречистой Деве — Богородице, избирали для себя еще и даму сердца, трубадуры венчали свою Донну двойной короной. Один золотой обруч возлагали на прелестное чело владычицы дум, другой олицетворял возвышенную философскую идею Вечной Женственности. Пройдут столетия, и сияние этих венцов озарит Владимира Соловьева и Александра Блока.

Религиозному символизму присуща условность. Образный строй трубадурских песен, низведенный затем до уровня штампа, предполагает безмерное преувеличение и силы чувств поэта, и совершенство его Донны. Это дань куртуазной игре, придворному

этикету, требовавшему от вассала ритуального поклонения Первой Даме, как правило, жене сеньора. Но как нарастает пьянящая волна, как розовеет она живой кровью сердечных ран!

Лицезрея обожаемый образ, прославленный трубадур Гильом де Кабестань чувствует райское блаженство. Улыбка любимой для Рамбаута д'Ауренга прекраснее ангельской, а Пейре де Видалю уже видится лик божества. Дальше-больше: рядом с Донной не остается места для Бога.

Владычица-любовь, трубадурская *fine amor*, смеясь, разбивала сословные преграды, как цветочные цепи разрывала феодальные узы, подтачивала ортодоксальные символы веры. Перед ее божественной властью все были равны: и сын солдата Бернарти де Вентадорн, и знатнейший из знатных, сеньор Гильом, девятый герцог Аквитании и седьмой граф Пуату. И оба одинаково гордились званием трубадура, странствующего рыцаря Донны Любви.

*Я ради наслаждений жил,
Но Бог предел мне положил.*

Гильом не страшится расплаты и не уповает на небесное блаженство. Если он и сожалеет о чем-то, то лишь о бренности человеческой жизни.

К слову, именно **Гильом Аквитанский** (1071–1126 гг.) считается родоначальником поэзии трубадуров. Рассказывали, что он впервые стал сочинять стихи, когда повел свои войска в Первый Крестовый поход, где в 1101 г. потерпел поражение и лишь чудом спасся от смерти, но «претерпел бедствия плена». Однако Гильом был «человек веселый и остроумный» и поэтому, освободившись из плена, он пел о своих бедствиях «забавно в присутствии королей и баронов, сопровождая пение приятными модуляциями». Рассказывали также, что Гильом был великим сердцеедом и поклонником женской красоты. Прославив ее в песнях, он собирался основать около города Ниора «женский монастырь», где сестрам вменялось бы в послушание по уставу сердечные радости. Не мудрено, что внучкой Гильома оказалась знаменитая Альенора Аквитанская, сначала легкомысленная жена набожного французского короля

Людвика VII, а затем после развода с ним — Генриха II Плантагенета, короля Англии, и мать вошедшего в легенды золотоволосого силача Ричарда Львиное Сердце.

Золотой век поэзии трубадуров не был продолжителен. Он длился около столетия, с первых годов XII в. до начала альбигойских войн и захвата завистливыми французскими кролями Филиппом II Августом и Людовиком VIII Прованса, то есть до начала XIII в. В начале XIII в. на южную Францию начинаются походы северофранцузского рыцарства, так как на юге распространилась ересь альбигойцев, или катаров. Зверские войны крестоносцев, сожжение городов, оказавших сопротивление, подорвало блестящую культуру Лангедока. После окончания войн феодальные дворы на теплом юге Франции уже не возвратили престижного блеска. Большинство трубадуров эмигрировало в Кастилию, Португалию, Италию, на Сицилию, ко двору юного императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена, известного своим свободомыслием, а также в суровую во всех отношениях северную Францию. К середине XIII в. поэзия трубадуров замирает. Однако трубадуры разнесли теперь свои стихи по всему миру и теперь уже повсюду началось развитие рыцарской лирики. Можно сказать, что первые стихи, прозвучавшие в Провансе, пробудили оцепеневшую поэзию и с того времени стихи уже не прекращались во всем мире.

И так, центральной в лирике трубадуров была тема любви. Любовь воспринималась поэтами как наивысшее благо, а способность любить — как обязательный показатель душевной чуткости и куртуазной доблести. Настоящей любовью считалась упомянутая выше *fine amor* — «тонкая любовь», то есть высокая любовь, способная разбудить в душе прекрасные, величественные порывы. «Тонкая любовь» была модной и престижной в рыцарском кругу. Она противопоставлялась любви «неразумной», то есть грубо чувственной. такая низменная любовь почиталась участью «глупых богачей», старых, чванливых, ревнивых и скупых. Воспитательное значение поэзии трубадуров состояло в том, что она создавала прежде неведомую обществу культуру любви; она одухотворила чувство любви, сделав ее беспредельным источником и критерием внутреннего совершенства.

Таким образом, трубадуры сыграли колоссальную положительную роль. На место религиозности шла чувственность. Поклонение даме становится в тот век, который мы привыкли называть суеверным, более обязательным, чем почтительное отношение к религии.

Трубадур Понс де Капдюэль сознается, что не перестает думать о своей даме даже тогда, когда молитвы обращены к Богу. «Один взгляд моей дамы делает меня более счастливым, дает больше радостей, чем попечительные заботы четырехсот ангелов» — говорит Рамбуа де Оранже. «Я полагаю, что без моей дамы и рай не будет хорош» — восклицает Бонифаций Кальво. В этих стихах скрывался легкомысленный и скептический взгляд на веру. Особенно такие мотивы зазвучали после альбигойской резни.

В этом плане особенно выделяются лирические песни известного провансальского трубадура *Бернарти де Вентадорна*. Хроники и биографии сохранили описание его судьбы. Жил он в 1170–1200 гг., хотя называют и иные даты. Был неблагородных кровей: мать служила поварихой, пекла хлеба у виконта де Вентадорн, обладателя мощного замка, а отец был егерем, то есть организатором охоты для виконта и его гостей. Такое происхождение являлось нарушением с точки зрения рыцарских правил, но рыцарство не было замкнутой кастой. Известный демократизм рыцарства состоял в том, что периодически в виде исключения оно впускало в свои ряды отличившихся неблагородных, приравнивая их с помощью обрядов к себе. Так случилось и с Бернарти. В юности он влюбился в свою госпожу, виконтессу, и даже смог добиться у нее куртуазной взаимности, что не так часто бывало. Но пережил потом и измены своей дамы, после чего покинул замок Вентадорн, двор и закончил свою короткую 30-летнюю жизнь в монастыре. Среди множества его лирических стихов, песен дошла баллада-поэма о любимой. Известно, что написал он ее, когда уже узнал, что ему предпочли другого рыцаря. Так, под влиянием этих высоких чувств родилась проникнутая болью душевных ран поэма, первыми словами которой были: «Люблю на жаворонков взлет в лучах полуденных глядеть...». «Жаворонок» — так звал Бернарти де Вентадорн свою даму, свою оказавшуюся неверной Донну.

*Для Донны знаю, все не в счет,
Сколь к ней любовью не гореть.
Что ж, значит, время настает
В груди мне чувства запереть!
Холодность Донны перейму —
Лишь поклонюсь я ей слегка.
Пожитки уложу в суму —
И в путь! Дорога далека.*

.....

*Понять Тристану одному,
Сколь та дорога далека.
Конец любви, мечте — всему!
Прощай, невучая строка!*

Эта поэма-песня имела своеобразный музыкальный язык. На стропровансальском она звучит очень печально, уныло, тоскливо. Эти печальные тональности, эта проникнутость грустью говорит о той глубине чувств, которыми было наполнено сердце трубадура. Сочетание интимной и духовной близости стало, таким образом, не просто пустой нормой, но и воплотилось в жизнь. Именно это сочетание стало к XIII в. руководящим вектором поведения.

Для лирики трубадуров вообще делается характерным углубление во внутреннюю жизнь. В провансальской лирике отразились разные психологические этапы в развитии любовного чувства. Причем бросается в глаза, что в вопросы чувства внесена регламентация, характерная для рыцарской куртуазии. Поэтому чувства в поэзии трубадуров подчинялись чуть ли не вычислениям. «Есть четыре степени любви. — поет один трубадур. — Первая степень — колеблющегося, вторая — молящего, третья — услышанного, четвертая — друга. Тот, кто хотел бы любить даму и желал бы часто ее видеть, но не смеет говорить о любви — тот робкий колеблющийся. Но если дама делает ему честь и удостоит его одобрения, так что он осмелится сказать о своем страдании, тогда его по справедливости можно назвать молящим. И если, говоря и моля, он поведет дело так хорошо, что дама удержит его и дает

ему ленту, перчатку или пояс, то он уже поднимается до степени выслушиваемого; тогда он равен королю Кастилии. Если же даме угодно поцелуем оказать любовь верному выслушиваемому, то она делает из него друга. Этого много, даже слишком много для истинной любви».

Другой трубадур прямо ограничивает степень проявлений любви, которая всегда должна оставаться платонической: «Это уже не любовь, которая перестает быть поклонением одного чувства и мысли. Сердце не дается по обязанности. Для друга довольно, если он имеет от своей дамы кольцо или шнур. Он может тогда считать себя равным повелителю Кастилии. Если он получит от нее какую-нибудь драгоценность, а при случае поцелуй, — этого много, даже слишком много для истинной любви». Эта куртуазная логика особенно четко и ясно определяется у трубадура Арнаута де Марейля: «Я не думаю, что любовь может быть разделенной, поскольку если она будет разделенной, должно быть сменено ее имя».

Куртуазная любовь обычно выступала тайной. Дама выступала под условным, «кодовым именем», а частым персонажем в песнях оказывался муж-ревнивец или шпион-донщик.

Любовь, воспеваемая трубадурами, часто неотделима от «страданий», «недуга». Эту идею любви-болезни трубадуры заимствовали у Овидия. Причем поэт благодарен даме за ее неприступность, так как любовные переживания раскрывают для него целый мир чувств, неведомых тем, кому удалось быстро пленить сердце любимой. Поэт Дауде де Продас так замечает об этом: «Если бы мои чувства были разделены, мне бы не довелось проливать слез, я не познал бы ни вздохов, ни смятения, ни надежды, ни отчаяния, ни молитв!».

Разумеется, в этой своеобразно романтической любви было немало условностей. Страдания часто были только данью моде и придворному этикету. Но нередко за этими условностями крылись глубокие чувства, которым не было выхода в браке. Ибо брак в эпоху средневековья был прежде всего политическим договором, где не брались во внимание чувства будущих супругов. Любовь же, которую воспевали провансальские трубадуры, отбрасывала сословные и церковные каноны.

Вместе с тем надо имеет в виду, что абсолютизация тех или иных черт лирики трубадуров приводит к неправильному истолкованию самого характера отношений к женщине в куртуазном обществе. Так, например, некоторые ученые истолковывают термины «служить» и «служба» в буквальном смысле: с их точки зрения речь идет не о любви, принявшей форму вассального служения, а о настоящей службе, принявшей личину любви. **Р. А. Фридман**, крупнейший специалист по куртуазной этике, не без иронии писал: «В этой интерпретации любовная песнь трубадуров не что иное, как панегирик в честь знатной дамы, составленный, так сказать, по обязанности, состоящим у нее на службе министералом. Прославление прелестей дамы льстило ее самолюбию, возвеличивало ее, а косвенно и ее мужа. Что касается содержащихся в песне объяснений в любви, то они в то время никого обмануть не могли, поскольку фикция, лежавшая в основе чисто служебных отношений, связывавших трубадура и его даму, была всем известна и всеми принята». Действительно, интересно, какой «службой» характеризуются отношения трубадура Рамбаута д' Ауренги и его дамы, если он советует:

*...Дай донне по носу рукой:
Со злючкой злость необходима,
Иначе цель недостижима.*

Самым ярким примером такой необоснованной абсолютизации является давняя, чрезвычайно сильно укоренившаяся и распространенная до сих пор точка зрения, будто любовь трубадуров носила исключительно платонический характер. Уникальность этой точки зрения в том, что при всей своей живучести она не выдерживает серьезной критики. **А. Г. Найманн**, талантливый переводчик и издатель поэзии трубадуров, являвшийся сторонником этой точки зрения, называл ее «концепцией незаинтересованной любви». «По своей природе, — писал он, — куртуазная любовь не заинтересована в результатах, она ориентирована не на достижение цели, а на переживание, которое одно способно принести высшую радость влюбленному».

У трубадуров, как и у современных авторов, встречается мысль о том, что любовь, даже неудачная, есть благо, что большое чувство к избранному предмету само по себе делает честь любящему.

«Позвольте мне любить вас безнадежно...» —

взывал Аймерик де Пегюлан.

*«Да разве я несчастлив уже тем,
Что совершенную любовь люблю ее?» —*

вторил ему Рамбаут д'Ауренга и другие поэты.

Все это, конечно, свидетельствует об очень высоком понимании любви. Но это высокое понимание любви отнюдь не связано с платонизмом или мистической тягой к страданию.

Приходится признать, что иногда трубадуры воспевали в своих стихах далеко не платоническую любовь. Особо преуспел в этом сорвиголова Сордель (1225–1270 гг.), поэт — итальянец из небогатой рыцарской семьи, который похитил у графа ди Сан Бонифаччо его жену, после чего, покинув Италию, странствовал в Кастилии, Португалии, пока не обосновался в Лангедоке. В таком же ключе часто сочинял провансальский трубадур Аймерик де Пегильян. Некоторые их песни поражают откровенной пошлостью и цинизмом:

*Вам случай упускать не след...
Как можно с донной лечь в кровать
И наслажденья не урвать!*

или:

*...признать я принужден:
Не получал еще отказов я
От самых добродетельных из дам...
По нраву мне такое баловство —
Не упищу я с донной своего,
А та позор пусть выместит на муже!*

— и далее:

*...Кто полюбил,
Тот счастья с донной не вкусил,
коль с нею ложе не делил.*

Масса песен просто воспевала адюльтер:

*Наскучил муж! Ну, как любить такого?
Я хороша, а жизнь моя уныла...
Сколь мерзок он, не передаст и слово...
И от него не надо мне иного,
Как только бы его взяла могила —
так поется в одной из безымянных
провансальских песен.*

Видимо, не так уж редко любовь была корыстной как со стороны дам, так и со стороны рыцарей:

*Коль любят не самозабвенно,
А ради ласки иль наград,
То сами лжелюбви хотят*

— горько итожил брошенный своей донной трубадур Бернарти де Вентадорн.

*Донны — всех безумней донн,
Если сердце им избрало
Тех, кто властью облечен,
Выше скромного вассала...
Я смеюсь над чванной донной,
Только титулом плененной.*

К слову, эти строки были написаны женщиной — трубадуром **Адалаидой де Поркайраргес**, знатной дамой из Лангедока, где женщины вообще пользовались относительно большой свободой, поскольку, как уже говорилось, могли выступать в роли сеньоров, наследуя поместья. Наряду со знаменитой графиней де Диа (конец XII в.) Адалаида де Поркайраргес была наиболее известной из куртуазных поэтесс.

Тем не менее следует учитывать, что мы имеем дело с историческим источником, требующим весьма осторожного подхода. Не следует думать, что он прямо воспроизводит жизненную реальность, то есть нельзя принимать мысли и действия трубадуров за прямое отражение мыслей и поступков тех, кто с удовольствием их слушал. Историк культуры, изучающему истинное положение дел в эпоху XII–XIII вв., не следует забывать, что *fine amor* — это **литературный образ**. Особенно сильно можно ошибаться, определяя именно положение женщины, так как во всех текстах такого рода на первом плане находится мужчина. В огромном большинстве они были созданы мужчинами **для развлечения мужчин**. Эти произведения показывают нам не женщину, а ее образ в глазах мужчин той эпохи.

Но нельзя не признать и того, что творчество поэтов имело определенную связь с образом жизни людей, составлявших их аудиторию. Поэмы трубадуров пользовались большим и продолжительным успехом, аудитория их была огромна. Естественно предположить, что сущность интриги не слишком отличалась от того, что было реально значимо слушателям. Кроме того, поскольку эти произведения восхищали аудиторию, они должны были оказать на ее нравы влияние, которое можно сравнить с влиянием Житий святых, агиографической литературы. Так же как Жития, куртуазная литература создавала примеры для подражания. Между поэзией и жизнью существовала связь. В этой связи весьма интересно предположение крупнейшего французского медиевиста **Жоржа Дюби**. Оценивая лирику трубадуров как источник по истории куртуазной любви, он предполагал вполне резонно, что в самой реальности, в структурах французского феодального общества XII в. существовало нечто, способствовавшее распространению нового типа обращения с женщиной.

Жорж Дюби отмечал, что французское общество XII в. разделялось на два класса: трудящиеся, в основном крестьяне, называвшиеся «вилланами», и «господа», группировавшиеся при том или ином *court* — дворе на старо-французском. Игра в куртуазную любовь возникла при княжеских дворах феодальной Франции. Играя в эту игру, демонстрируя умение изысканно завлекать женщин, придвор-

ный подчеркивал свою принадлежность к миру избранных, свое отличие от «деревенщины».

Куртуазная любовь была прежде всего знаком престижа в мужском обществе, благодаря чему влияние созданной поэтами модели оказалось столь сильным, что смогло со временем изменить отношение к женщинам в обществе в целом. Первоначально хотя бы к определенной категории женщин — благородных дам из знатных семей.

Придворные обычаи воздвигали барьер между мужским и женским миром, порождая непонимание и недоверие с обеих сторон. В возрасте семи лет мальчиков отнимали от матерей, и их дальнейшая жизнь проходила исключительно среди мужчин. Подобная практика не только способствовала развитию гомосексуальных наклонностей, порождала не только образ недоступной утешительницы, но и пугающие предположения о том, чем могут заниматься женщины в своем кругу. Мужчины приписывали женщинам таинственную и опасную власть, влекущую и отталкивающую одновременно. Сегрегация, то есть противопоставление полов порождало в мужском сознании определенную тревогу, которую рыцари старались заглушить демонстрацией презрения, громогласным утверждением своего физического превосходства и своих сексуальных подвигов.

Почему все же феодальная аристократия приняла правила игры в куртуазную любовь? Жорж Дюби полагал, что ответ на этот вопрос надо искать в матримониальных обычаях того времени. Для ограничения разделов имущества по наследству требовалось сократить количество браков, в которые вступали сыновья благородных родов. Обычно семья старалась женить одного, по преимуществу старшего, сына. Остальные, предоставленные самим себе, оставались в своем большинстве холостыми. В XII в. благородное рыцарство состояло главным образом из так называемых «юношей», а на деле взрослых неженатых мужчин, чувствовавших себя обездоленными и завидовавшим мужьям. Они не жили «монахами», не испытывали ущемления в половой жизни, но проститутки, служанки и незаконнорожденные, к чьим услугам они прибегали, были слишком легкой добычей. Достоин восхищения был тот, кто

овладевал женщиной своего круга. Символический подвиг, предел юношеских мечтаний, заключался в том, чтобы дерзко соблазнить жену брата, дядюшки или сеньора, нарушив самые строгие запреты и презрев величайшую опасность, так как к верности жен (наряду со способностью их к деторождению) предъявлялись жесткие требования. Дело в том, что от этого зависела правильность наследования. Двор же оказался тем местом, где особенно процветала охота за благородными женщинами. Следовало внести эту охоту в рамки определенных правил. Поэтому куртуазная литература разработала своеобразный кодекс, положения которого имели целью ограничить ущерб, наносимый сексуальной распущенностью.

Кроме того, куртуазная любовь имела воспитательное значение. Двор был школой, в которой мальчики проходили обучение при сеньоре их отца или дяди по материнской линии. Разумеется, женщина, жена патрона, дама-донна, принимала участие в воспитании будущих рыцарей. Признанная покровительница живущих при дворе юнцов, она в их глазах заменяла им мать, от которой они были оторваны почти детьми. Она была их доверенным лицом, наставляла и имела на них неоспоримое влияние. Это влияние подкреплялось тем, что дама делила с их господином не только ложе, но и его помыслы. Не говоря уже о ее прелестях, для преодоления соблазна которых приходилось иногда окунаться по ночам в бочки с ледяной водой. Вместе с супругом дама присутствовала на бесконечных турнирах, поединках рыцарей, жюте, на которых мальчики стремились отличиться и завоевать внимание госпожи. Любовь юношей устремлялась сначала к женщине, которая становилась тем самым посредницей между ними и сеньором. Любовь к даме, таким образом, включалась в механизм функционирования феодального общества.

Куртуазная любовь способствовала утверждению существующего порядка, проповедуя мораль, основанную на двух добродетелях: **выдержке и дружбе**. Рыцарь должен был уметь владеть собой, укрощать свои порывы. Правила игры, запрещающие грубо овладевать женщинами из хорошего общества, предполагали благородные пути для их завоевания. В то же время в языке слову «любовь» постоянно сопутствовало слово «дружба». Чтобы завое-

вать благосклонность той, кого рыцарь называл своим «другом», он демонстрировал самоотречение, преданность, самоотверженность в служении. А это как раз те качества, которые сеньор требовал от вассала. Так стихи, воспевавшие куртуазную любовь, способствовали укреплению вассальной этики, на которой покоились политические устои феодального государства. «Иногда кажется, — писал Жорж Дюби, — что эти произведения были сознательно введены в систему рыцарского воспитания стараниями князей-меценатов, законодателей мод, которые стремились укрепить то, что мы называли бы гражданским чувством».

Практика *fine amor* прежде всего повышала престиж «мужских» качеств: мужчине надлежало быть смелым и развивать присущие ему добродетели. От женщины тоже требовались смелость и осмотрительность. По правилам игры, ***падение женщин должно было происходить «благородным образом»***: им следовало учиться держать себя в руках, владеть своими чувствами, бороться со своими недостатками — легкомыслием, лицемерием, чрезмерным вожделем. Так в высших слоях общества любовная игра служила ***воспитанием женщин***. Она, по всей видимости, ни в малейшей степени ***не имела целью изменить существующий порядок подчинения женщины мужчине***: как только игра кончалась, женщина возвращалась на отведенное ей Богом место, в непосредственную зависимость от мужчины. Однако все исследователи сходятся на том, что, способствуя душевному совершенствованию женщины, куртуазная любовь подготавливала тем самым условия для ее возвышения хотя бы в этом смысле.

Нетрудно видеть, что куртуазный ритуал, воспевавшийся трубадурами, воспитывал чувства. Он заставлял женщину дорожить честью, сдерживать чувственность, требовать от мужчины уважения к ее личности. Еще резче изменялся при соблюдении куртуазного ритуала кодекс мужского поведения. Вместо грубого овладения женщиной в духе прежних «песен о подвигах» мужчине предписывалось самоотверженное выполнение ее желаний, умение быть ***«вежественным»*** (от слова «вежество», то есть знание), заботиться о развлечении Дамы и, что особенно важно, ***душевное самосовершенствование***.

В результате всего этого вызревали новые представления об идеальном облике мужчины и женщины и их взаимоотношениях.

Половая страсть не сводилась только к телесной. Соитие выступало как венец сближения, а не его единственное оправдание. Половое влечение пополнялось более сложным психологическим содержанием. Его обязательным элементом становилось признание душевных достоинств партнеров. Каждый из них пробуждался к самосовершенствованию ради другого. *Самое главное, возникло то, что мы привыкли называть любовью в собственном смысле этого слова.*

Конечно, все это поначалу существовало лишь как тенденция, действовавшая преимущественно в литературном «мире воображения». Воплощение этого идеала в повседневной, частной жизни встречалось куда реже, чем в сюжетах куртуазной лирики. Но и оставаясь несбыточным идеалом, рыцарский культ Дамы, прославляемый трубадурами, играл немаловажную роль. Он вливался в культурный процесс роста самосознания личности, смыкался с переосмыслением ценностных ориентаций, способствовавших одухотворению земных (а не только загробных) радостей. Все это подготавливало идейные и ментальные предпосылки для изменения *взаимоотношений полов и для улучшения статуса женщины*, хотя обозначившееся умственное движение вовсе не затронуло воззрения рыцаря на женщину из простонародья. Та по-прежнему представлялась ему (как, впрочем, и простолюдин-мужчина) обаятельной безусловным послушанием. Там, где это оказывалось возможным, рыцарь овладевал крестьянкой или горожанкой без всяких церемоний.

Показательно, как трубадур Дауде де Прадас обрисовал в ключевом этом менталитете отношения с тремя женщинами. Одна из них — замужняя дама, другая — знатная девушка, третья — просто «девка».

По мнению поэта, все они заслуживают разного отношения к себе в зависимости от положения, занимаемого ими: от замужней дамы «поцелуй один-другой — подарок самый дорогой».

Со знатной девушкой нужно быть осторожным и осмотрительным:

*И у девицы мне почет...
С ней не теряем мы мгновений...
Касаюсь груди молодой...
Но тут предел положен, стой!*

А вот к простой девушке совсем другое отношение. Здесь можно отбросить каноны кодекса куртуазии. Исконная, грубая натура рыцаря, скрытая под тонким еще слоем светского лоска, прорывается наружу, показывая, что рыцарская любовь с ее культом Дамы носит строго сословный характер:

*А девка нежностей не ждет,
И не затем я девку взял,
Чтоб чем-нибудь себя связал!
Она готова наперед...
Все исполнять, чего желаю,
Когда с ней игры затеваю.*

Однако сдвиги в самосознании затронули и неблагородное население. Это особо заметно по отношению к его верхушке, имевшей возможность воспользоваться результатами освобождения городов из-под власти сеньоров и так называемого личного освобождения крестьян. Несмотря на то, что дистанция между мужчиной и женщиной сохранялась и здесь, сознание своей самоценности возникало у людей и того и другого пола. Это отразила и лирика трубадуров, особенно тех из них, что вышли не из верхов рыцарского общества. Так Маркабрю, сам выходец из престонородья, в стихотворении «Встретил пастушку вчера я» смотрел на любовь глазами простой крестьянки:

*Честь берегу я стыдливо,
Чтоб из-за радости лживой
Вечным стыдом не покрыться...
Дон! Лишь дурак от рожденья
Легкой любви развлеченья
Ищет у всех в нетерпеньи.*

Правда, связь этих изменений с культом Дамы (того, что был в среде рыцарства) остается неясной. По мнению одних исследователей, например, Жоржа Дюби, модели мироздания, свойственные господствующему классу, так или иначе проникли в XIII в. в иные слои общества. По мнению других (*Э. Леруа Ладюри*), новое понимание любви и признание за женщиной более широких социальных возможностей зародилось, наоборот, в низовой культуре, из которой было в дальнейшем заимствовано и рыцарской средой. Никто, однако, не сомневается и не отрицает того, что уже накануне переломного XIV в. во взглядах разных слоев французского общества на брак и на женщину наметились новые веяния отчасти исходившие из представлений, заложенных в лирике трубадуров, но отчасти с ними уже расходившиеся. Так или иначе для изучения менталитета семейно-брачных, любовных отношений, для понимания взаимоотношения полов лирика трубадуров совершенно необходима как важный исторический и культурологический источник.

Что же касается самого рыцарства, то поэзия трубадуров дает прекрасное представление о его жизни, нравах и ценностях. Так, трубадур конца XII — начала XIII вв. по кличке Пистолета — «Письмецо» в одном из своих произведений отразил жизненные установки любого рыцаря (свое странное прозвище он получил потому, что вначале был жонглером, а жонглеры часто выполняли функции гонцов, письмонош):

*Мне б тыщу марок звонким серебром,
Да и червонцев столько — не беда,
Амбары бы с пшеницей и овсом,
Коров, баранов и быков стада,
В день — по сту ливров, чтобы жить широко,
Да замок бы воздвигнуть высоко,
да порт — такой, как любят моряки,...
Вовек не ведать скупости пророка,...
Вот стать бы мне красавицы дружкой,... —
Мне б сотню рыцарей, они б верхом
За мною вскачь неслись туда-сюда,...
Да и купцы б везли ко мне тюки.*

Поэзия трубадуров полна таких воспеваний рыцарских добродетелей:

*Рыцарю все ж не пристало
Лгать и хитрить, как меняле*

или:

*Здесь гибель ходит по пятам,
Но лучше смерть, чем стыд и срам*

или:

*А рыцарю стареть бы не давали
Отважный риск и вкус к делам большим,
Пирь в его гостеприимном зале
И щедрость, чей порыв неудержим:*

*Пусть на турнир иль боевой отряд
Свое добро он тратит все подряд,
В пылу игры умеет все спускать
И знает, как красавицу прельстить.*

Однако в лирике трубадуров можно встретить и другие мнения о рыцарях, что опять же объясняется их различным социальным статусом:

Иной барон — зверям под стать...

или:

*Порой бесславно
Жизнь ведет свою барон,
Он и груб и неумен.*

Такая характеристика не возникла на пустом месте, так как многие сеньоры действительно были довольно дики, буйны и неграмотны. К тому же в эпоху начавшегося упадка рыцарства

«любой из денежных мешков», говоря словами трубадура Бертрана де Борна, мог получить желанное звание рыцаря, будучи чужд всякой куртуазии. В Англии закон даже требовал таких «перевоспощений» от богатых крестьян.

*А мужик в бароны сел,
Да глядишь — и охамел —*

замечал трубадур Гаваудон (его имя происходит от названия местечка Гаваудон, где он родился в конце XII в.).

Война, любая война — с соседями, с неверными, — тоже в центре внимания трубадуров. Многие из них, как тот же Гаваудон, принимали участие в Крестовых походах против мусульман, участвовали в междоусобных стычках, набегах, военных рейдах.

*Уйду, а сыну суждена —
Как знать! — с соседями война...
Феод свой вновь не обрету —*

сетовал один из первых и самых известных трубадуров, упоминавшийся выше герцог Гильом IX Аквитанский, один из самых крупных владетельных сеньоров юга Франции. К слову, его сетования оправдались. Через десять лет после его смерти в 1137 г. прекратилось самостоятельное существование его огромного феода, который, в качестве приданого его внучки, знаменитой Альеноры Аквитанской, влился во владения французского короля, когда Альенора вышла замуж за Людовика VII, а затем после развода с ним этот феодал в 1152 г. перешел ко второму мужу Альеноры, 17-летнему Генриху Плантагенету, ставшему в 1154 г. английским королем Генрихом II, чтобы в итоге достается легендарному Ричарду Львиное Сердце, правнуку трубадура.

Но распри, частные войны — файды, военные походы не страшили рыцарей. Фанатик этой войны Бертран де Борн пел:

*Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,...
Я ничего за тех не дам,*

*Чей меч в бездействии упрям,
Кто в схватку попадал,
Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам.*

И далее:

*Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.*

Как известно, Бертран де Борн, автор этих строк, презирал «деревенщину», крестьян. Но были и трубадуры, видевшие в простолюдине труженика, умеющего по-настоящему любить.

*Дон! Нет селенья такого,
Где б не трудились сурово
Ради куска трудового —*

пел гасконец Маркабрю, жонглер и наемный воин, отличавшийся особой тягой к «деревенщине». Но нечто похожее заявлял и знатный вельможа Дальфин Альвернский (конец XII — начало XIII вв.):

*А иной виллан бесправный
Щедр, учтив, и добр, и смел,
И в науках преуспел.*

Следовательно, Дальфин не отказывал в куртуазии и представителю не рыцарского сословия, что очень симптоматично. Вообще, этот просвещенный вельможа был весьма колоритной фигурой. Известно, что его страсть к книгам навлекла на него гнев Папы римского, поскольку Дальфин стал нападать на монастыри исключительно с целью ограбления монастырских библиотек. Он прожил долгую жизнь, пользовался большим авторитетом у трубадуров как компетентный судья по вопросам поэзии. Само его «имя» Дальфин происходит от провансальского «дельфин». Это, так сказать, «княжеское», а не крестное имя, поскольку дельфин был изображен на его гербе и печати. Интересно, что к концу XII в. имя Дальфин превратилось в титул, а от титула образовалось название области,

которой правили потомки и родичи этого вельможи. Так появилась средневековая провинция Дофине, присоединенная к Франции в 1349 г. Тогда же титул «дофин» стал официальным титулом наследника французского престола.

Но, признавая куртуазность простолюдина (как библиоман Дальфин), **трубадуры не признавали, не мыслили брака между знатной дамой и вилланом**. Они считали такой брак в соответствии с рыцарской этикой позорным мезальянсом, наносившим невосполнимый урон благородной крови, так как вилланы, даже богатые, рассматривались сеньорами как люди второго сорта, «неблагородные». Благородство, как и рыцарское звание, невозможно было купить за все золото мира.

*Как донну — донной величать,
Коль та с мужицкой смешать
Посмела кровь, что в ней течет?...
Любви достойна только знать,
Вилланов же мотыга ждет —*

так возражал Дальфину в их поэтическом споре Пердигон, сын бедного рыбака, ставший жонглером. Наверное, не случайно, один из немногих, изменивший своим провансальским друзьям и ставший яростным сторонником Крестового похода северофранцузского рыцарства против катаров, альбигойцев.

Трубадуры охотно признавали, что грабежи были обычным делом для рыцарей, предметом их гордости. Им нечего было бояться, так как судья всегда был на стороне того, кто платит.

*А в грабежах бароны мастаки!
У этаких под Рождество, глядим,
Чужие забиваются быки:
Своих им жаль, а пир необходим...*

— писал в середине XIII в. Пейре Карденаль.

Судя по этим же стихам, свободное время рыцари проводили не только в войнах и грабежах, но и за «игрою в кости», а также музицируя на флейте, виоле и упражняясь в пении. Дамы в это время,

как, впрочем, и ранее, использовали косметику, что отметил в своем сатирическом стихотворении монах-трубадур из Монатудона (конец XII — начало XIII вв.):

*Так уж носы набелили,
Столько румян наложили.*

Рыцари по части нарядов и наведения внешнего лоска не хотели уступать дамам, над чем посмеивался «рыцарь старого поколения», забияка Бертран де Борн:

*Мне жалок щеголь — вертопрах:
Хоть разодет он в пух и прах
И зубки отполировал.
Был он недоволен и времяпровождением донн:
...честью замка мало дорожат,
Иль о делах любовных ворожат.
Что им жонглер? Ведь сами говорить
Охочи так, что не остановить.*

Тема Крестовых походов занимала не последнее место в творчестве трубадуров. Отрицательное отношение многих певцов к этим войнам за веру объяснимо тем, что во время расцвета куртуазной поэзии Крестовые походы были непопулярны из-за своей неудачности.

*Христос!...
Где мира лучшие сыны?
Не за тебя ль идет война?...
Проклятье проповеди той,
Что вел Людовик, сам не свой —*

пел в одной из своих кансон поэт по прозвищу Серкамон, то есть дословно «Странствующий по свету», так как, видимо, был жонглером (вторая треть XII в.). В кансоне он имел в виду французского короля Людовика VII, который был одним из вождей неудачного Второго Крестового похода.

Кроме того следует иметь в виду, что у трубадуров, хотя и редко, встречались также оценки внешнего, так сказать, не куртуазного мира. Конечно, самостоятельного значения, без анализа прочих видов источников, такие оценки не имеют, но они позволяют лучше понять внутренние процессы в рыцарской верхушке, составлявшей куртуазное общество. Поэтому ограничиваться лишь изучением социально-этических норм, оставляя в стороне другие возможности лирики трубадуров как источника, непозволительно. К примеру, можно почерпнуть в песнях трубадуров интересные детали, раскрывающие историческую судьбу провансальской любовной куртуазии и общества, которое она питала. Так, аристократическое высокомерие и презрение к претензиям богатого бюргерства сквозят в строках Бертрана де Борна:

*Господь, помимо всех даров,
Рассудок человеку дал,
Чтоб скромным быть. Но не таков
Любой из золотых мешков:
Из грязи в графы прет, нахал, —
Уже и замок отмахал!*

Но вот проходит столетие. Поэтическим творчеством занимаются уже преимущественно бюргеры, что естественно вызывает негативную реакцию на стихотворчество у рыцарского сословия, ставшую предметом печали последнего трубадура Гираута Рикьера, нашедшего в середине XIII в. приют при кастильском дворе:

*...Но поздно я рожден на свет!
На песни — чуть ли не запрет,
Презренью стали подвергать
Высокий дар стихи слагать.*

В какой-то степени ответом на вопрос о причинах упадка куртуазной поэзии в результате Крестового похода на юг Франции против катаров-альбигойцев стали те песни трубадуров, в которых можно найти указание на отношение их авторов к религии. То, что эти отношения были, мягко говоря, не очень строгими, видно, например,

уже по первым строкам — «Давеча в рай я ходил...», «Я к Господу как-то попал...» — песен монаха из Монтаудона. Вольно обращался с церковной обрядностью и Фолькаут де Раманс: «Я расскажу вам, что происходит со мной из-за вас, которую я люблю больше всего на свете: когда я нахожусь в церкви, где все другие грешники просят о прощении своих грехов, я молюсь вам, закрыв лицо руками, ибо я не могу молиться иначе, и мой ум так занят вами, что когда я хочу сказать «Отче наш», я говорю: Дама, я ваш»; вы меня лишили разума до такой степени, что я забываю о Боге и самом себе». А Пейре Видаль говорил о неверии в Бога как о явлении распространенном:

*Мадонна, Бог, что праведен и верен,
Дал вам почета, чести и достатка
Поболее, чем для себя оставил самого,
Ведь много есть людей, которые о вас добро
лишь говорят,
Его же отрицают и в него не верят.*

И это на пике средневековья! Неудивительно, что папский Рим постарался уничтожить не только ересь катаров, но и положить конец провансальской поэзии с ее подозрительным поклонением не небесной, а земной Даме. Ведь с точки зрения любого католического моралиста, любить Божье творение любовью, которую следует обращать на Творца, значит, совершать грех идолопоклонства.

Все эти мотивы, то есть любовь к жизни, любовь к женщине, внимание к женщине, воспевались трубадурами в разных лирических жанрах.

Наибольшее распространение имел жанр **кансоны** (от провансальского *sansos* — песня). Главным образом эти песни-кансоны были на любовную тему. Речь в них шла о прекрасной, но далекой даме, о страданиях рыцаря. Именно эти кансоны трубадуров создавали не только культ любви, но даже обычную благовоспитанность. Известным мастером кансоны был Бернати де Вентадорн — один из наиталантливейших поэтов Прованса второй половины XII в. Его творчество пронизано темой служения знатной и неприступной даме. Эта очей отрада не замечает мук влюбленного в нее поэта,

что наполняет его сердце и печалью, и радостью. Примечательно, что Альенора Аквитанская, после того как она развелась с французским королем Людовиком VII и отправилась к своему новому юному жениху, Генриху Плантагенету в Нормандию, на север, в Руан, взяла с собой отсюда с юга именно Бернарти де Вентадорна, который воспевал ее красоту.

В жанре кансоны выступал и другой известный трубадур второй половины XII в. Жоффри (Джауфре) Рюдель, короткая жизнь которого прошла на берегах Гаронны. Он воспевал так называемую «дальнюю любовь». В сборнике «Жизнеописания трубадуров» волнующе рассказывается о чувствах поэта к графине Триполи, в которую он влюбился заочно. чтобы встретиться с благородной красавицей, поэт отправился как крестоносец в далекую Сирию, но, заболев в дороге, умер в Триполи на руках Прекрасной Дамы. Тронутая такой преданностью, графиня постриглась в монахини. Эта легенда была очень популярна.

Следующий жанр лирики трубадуров — *плач*. Темой таких стихов-песен было прославление хороших качеств погибшего рыцаря, любящего своего сеньора. Иногда такие плачи носили достаточно острый, полемический характер, примером чему может служить так называемый «Плач о молодом короле» Бертрана де Борна. Поэма представляет собой плач на смерть Генриха, старшего сына Генриха II Плантагенета, скончавшегося от болезни во Франции в самый разгар борьбы против объединенных сил брата и отца.

*Наш век исполнен горя и тоски,
Не сосчитать утрат и грозных бед.
Но все они ничтожны и легки
Перед бедой, которой горше нет, —
То гибель Молодого Короля.*

Восхваление умершего входило в число общих мест плача как жанра. Следует заметить, что «Молодой Король» пользовался очень большой популярностью в Провансе и стал героем многочисленных легендарных рассказов, донесенных до нас авторами ранних итальянских новелл конца XIII — начала XIV в. и позднее.

Тенсона — дословно «спор», имеется в виду поэтический спор. Тенсона была склонна к пародированию, высмеиванию. Такая сатиричность тенсоны способствовала оживлению этого жанра поэзии. Были даже распространены поэтические диспуты, своеобразные «дуэли» поэтов. Поэтому не случайно некоторые тенсоны составлены двумя трубадурами, каждый из которых вел свою «партию» поэтического спора.

Альба — буквально «заря», то есть утренняя песня. Непременным элементом содержания альбы было поэтическое описание наступления утра, зари, когда влюбленные должны расстаться.

Серена — «вечерняя песня», своеобразный альтернатив альбы.

Пасторела — лирическая песня, которая особенно была близка народной поэзии. Она изображала встречу рыцаря с простой девушкой, чаще всего пастушкой. Иногда девушка поддавалась уговорам рыцаря и потом горько плакала. Но обычно это очень подробный поэтический диалог, в котором пастушка, верная своему другу (простому крестьянину), боязливо отвергает ухаживания рыцаря.

Хорошо известны пасторелы Маркабрю, трубадура-плебея, который, пренебрежительно относясь к платоническому преклонению перед дамой, воспевал красоту и скромность простой девушки.

Баллада — от провансальского «баллар» — танцевать, то есть танцевальная песня, или плясовая песня. Этот жанр поэзии был связан с народными песнями и весенними обрядами, когда молодежь ходила в лес, украшала себя зеленью и цветами, выбирала «королеву» весны и с пением танцевала. Безоглядная тяга к радости, любовь разливалась в любой балладе:

*В день, когда весна бушует, гейя!
Королева вся сияет, гейя!
Вот до нас она пришла, гейя!
И любовь тут пошла,
Счастьем вся звенит!
А ревнивец, знай, не спит.
Вон, ревнивец, прочь от нас —
Нам танец начинать сейчас!*

Но наибольший интерес представляют так называемые *сирвенты*. Это слово происходит от провансальского *servis* — «служить» и в переносном значении значит «песня сторонника». Сирвенты особенно интересны тем, что в них воспевались не любовь, а различные политические, общественные, моральные и религиозные темы. Поэтому они носили острый, полемический характер и наиболее ценны как исторический источник.

Известным мастером сирвент был талантливейший трубадур второй половины XII — начала XIII вв., не раз уже упоминавшийся *Бертран де Борн*, владевший с братом укрепленным замком Альтферт. Ему приписывают видную роль в важных политических событиях того времени. Согласно старопровансальской легенде, он своими воинственными стихами распялял феодальные свары и мог поссорить даже отца с детьми. В «Жизнеописании трубадуров» говорится, что «всегда он хотел, чтобы король Франции и король Англии воевали один с другим. И если между ними был мир или заключалось перемирие, Бертран был очень недоволен и стремился своими сирвентами разрушить покой, убеждая каждого, что мир лишает его чести». Известно, что он разжигал споры между английским королем Генрихом II Плантагенетом, его сыновьями и женой Альenorой Аквитанской, благо для этого хватало поводов. Один из четырех сыновей Генриха II, Ричард (в дальнейшем во время Третьего Крестового похода получивший прозвище Львиное Сердце) был наделен еще при жизни отца большими владениями во Франции, на юге и на севере, в графстве Анжу, а его старший брат Генрих, так называемый «Молодой король», номинально носил титул наследника престола, но считал себя обделенным реальной властью и материальными благами по сравнению с братом и поэтому поднял против него оружие. Отец, Генрих II, вступился поначалу за Ричарда. Таким образом, брат выступил против брата, а позже старший из сыновей, молодой Генрих, с оружием в руках напал на отца. Бертран де Борн был в числе тех южнофранцузских рыцарей, которые держали сторону «Молодого короля», пока его не унесла из жизни лихорадка. Как талантливый поэт, Бертран очень ярко отразил идеологию мелкого рыцарства, всегда готового взяться за оружие и жившего

войной, разбоями. Но он отнюдь не был единственным носителем этой идеологии. Его творчество как раз и интересно потому, что в наиболее талантливой форме выражает взгляды и чувства той части сословия феодалов, к которой он принадлежал. Впрочем, после весьма бурной жизни, раскаявшийся Бертран де Борн ушел в монастырь, где и умер в 1210 г.

Этот трубадур был истым феодалом, певцом войны и не скрывал ненависти к простому народу, вилланам. Он считал, что в интересах рыцарства необходимо держать народ «в черном теле». Его тешил вид сожженных и вытоптаных крестьянских полей, паника среди гонимого народа, лязг оружия, льющаяся кровь, осада замка, рвы, заваленные трупами убитых. Вот известнейший сирвент Бертрана «Мила мне радость вешних дней...» с его знаменитыми строфами:

*Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!» —
И ржанье, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: «На помощь! К нам!»
Боец и вождь в провалы ям
Летят. Траву хватая,
С шипеньем кровь по головам
Бежит, подобная ручьям...*

Александр Блок дал яркий стихотворный пересказ некоторых строф этой поэмы в своей драме «Роза и Крест»:

*Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятенны,
И трубный разносится хор
Сквозь топот тяжелых коней!*

Эта песнь Бертрана де Борна упоминается или цитируется в переводе в большом количестве учебных пособий и работ по средневе-

ковью. Но часто эти переводы даны с ошибкой (смысловой): конец стихотворения звучит так, как этого нет в оригинале, а именно:

*Бароны, жить войной
Завидней, чем своих домов
Закладом, сел и городов!*

Один из историков — исследователей Франции XII в. очень верно заметил: «Чтобы понять до каких пределов могла дойти любовь к войне и кровавой ее резне, до какой степени грабежи, пожары и избиения могли стать для баронов этой эпохи утехой и потребностью, следует изучить жизнь и произведения трубадура Бертрана де Борна, рыцаря и шательена». А **О. А. Добиаш-Рождественская** в своей блестящей книге о Ричарде Львиное Сердце добавила: «На наш трезвый и мирный ум этот поэт произвел бы впечатление сумасшедшего, о котором решительно недоумеваешь, чего он, собственно, хочет. Из него хотели сделать барда борьбы за независимость Аквитании в период восстаний южных сеньоров против Генриха II Плантагенета и Ричарда Львиное Сердце... Он даже на Евангелии принимал клятвы мятежников и был как бы хранителем их повстанческой присяги. Однако сделать его носителем политической идеи могли только те, кто вовсе не читал его стихов. Он хочет одного: чтобы вокруг его не прекращалось взаимное избиение, уважает только тех, кто дерется, и презирает тех, кто этого не делает. Он долго бунтовал против Ричарда, который отнял у него замок. Когда же Ричард в порыве великодушия или расчета вернул его, Бертран начинает воспевать того, кому дал прозвище «Мой Да и Нет». Когда начнется борьба Ричарда Львиное Сердце с завистливым французским королем Филиппом II Августом, Бертран тоже будет интересоваться как кровожадный гурман ее деталями, не влагая никакого смысла в содержание этой борьбы. Ему нравится тот, кто лихо нападает и противен, кто ищет мира или дипломатических путей. Поэтому «Да и Нет» — его герой».

Не случайно этого апологета феодального разбоя Данте Алигьери поместил в пекло. Здесь он, как сеятель смут и вражды, вечно стоит, держа в руках, как фонарь, собственную отрубленную голову.

Впрочем, такие Бертран де Борны были редкостью среди трубадуров. Гораздо больше их волновали темы сатиры на папский Рим и продажное духовенство.

Особенно долго и много писал против священников и монахов трубадур *Пейре Карденаль* (ок. 1225–1272 гг.). Это был самый мощный сатирический поэт Прованса XIII в., обличавший в своих пламенных сирвентах церковников, спесивых вельмож-грабителей и «дурных» богачей. По утверждению автора его жизнеописания, он вначале был клириком, а затем «прельстился тщетой мира сего» и стал трубадуром. Сам он принадлежал к провансальской аристократии, но содержанием его сирвент стали народная скорбь о разоренном крестоносцами Лангедоке, лишение народного провансальского языка и старинных прав.

«Французы и монахи зло считают честью, — говорил в одной из сирвент Карденаль, намекая на судьбу альбигойцев. — Они погрузили вселенную в глубокий мрак. Теперь всякая новая вера будет знать свою участь. Знают ли они, куда пойдут награбленные сокровища? Придет другой суровый грабитель, который разденет нас до нага. Для смерти, которая всех ждет, не надо этих сокровищ. Она нагих также удобно уложит в четыре ольховых доски».

Свободомыслие — беспокойный, в полном смысле сжигающий дар. Оно неотделимо от обостренного чувства своего человеческого достоинства.

Пейре Карденаль, усомнившись однажды в моральной правомерности прокламируемого Церковью миропорядка, пойдет в своем еретическом богоборчестве до конца.

*Пускай мои стихи меня спасут
И от кромешного избавят ада!
Я Господу скажу: «Ужели надо,
Перетерпев при жизни столько бед,
В мучениях держать за все ответ?...
В ад низвергать — ни смысла в том, ни лада,
То грех, Господь, то дьявола привада.
На грозный приговор скажу в ответ:
Знать, и в суде Господнем правды нет!*

Поднимаясь по золотым ступеням постижения истины, философ-трубадур осознает свою созидательную власть и божественное право поэта ниспровергать ложных идолов. С присущей средневековой универсальностью он наносил удар сразу по всей структуре феодального общества.

*Наш император мнит,
Что всюду он царит,
Король свой трон хранит,
А граф владычит с ним
И с рыцарством своим, —
Поп правит без парада,
Но поп неодолим...*

Кардиналь не щадил и высшее духовенство. В сирвенте на архиепископа Нарбонны он говорил, что те, «...кто носит митры на головах и белые одежды на плечах, несут на устах низость и измену, как волки и змеи».

«Кто хочет слышать сирвенту из печали, покрытую гневом? — спрашивал он же в другом месте. — Люблю честных и храбрых, чуждаюсь злых и клятвопреступных. Потому удаляюсь от незаконных клириков, которые совмещают в себе всю гордость, все обманы и всю алчность нашего века. Они торгуют изменой и своими индульгенциями. Они отняли у нас все, что осталось. Не думайте излечить поповское племя, чем выше стоят они, тем больше в них обмана, тем меньше веры, меньше любви и больше жестокости. А рыцари, как унижены они теперь! Жизнь их хуже смерти, священники их попирают, короли грабят. Они подданные поповские по смерти, и еще более при жизни. Между тем лукавые священники, обобрав церкви, завладев всем остальным, сделали властителями мира. Тех, кто должен управлять, они попрали ногами своими. К своим порокам они присоединяют измену. Они приказывают послушание французам, этим куропаткам, этому низкому и изменническому племени. А французы с каждым часом приносят нам свои обычаи, свою привычку уважать только тех, кто может вдоволь попить и поесть, и презирать бедняков. Они стремятся богатеть и ничего не давать.

Их правители из торговцев. Они возвышают изменников и унижают честных людей. Да есть ли ныне хоть один человек, который бы не думал только о своем желудке; только те и счастливы. Тот, кто любит справедливость и негодует против дурного, будет опозорен. Кто начнет вести светскую жизнь, того будут преследовать. Теперь всякий обманщик торжествует».

Католические же священники, по мнению Карденалья, превосходят всех обманщиков.

«Вы никак не считаете, — заявляет сирвента. — когда они грешат, потому что это происходит целый день и целую ночь. В остальное время они прекрасные люди, не ненавистники, не симонисты, и ничего не берут насильно».

С аналогичными темами сирвент выступал другой провансальский трубадур первой половины XII в. *Гильом Фигейра*. В отличие от Карденалья, он вышел из простого народа и служил выразителем настроения массы. Поэтому его сирвенты особенно драгоценны для нас. Его отец был ремесленником из Тулузы, а сам Гильом — бедным портным. В молодые годы он вращался в кругу рабочих, поденщиков, мелких торговцев, жил в трущобах среди бродяг и обиженных судьбой. Он хорошо знал, что думает народ. Фигейра можно верить, потому что он искренен. Может быть поэтому никто из поэтов Прованса не был так популярен. В какой-то степени поэзия Фигейра даже наносила удар лирике рыцарской. Пышная и чопорная поэзия облачалась у Фигейра в грубые деревенские одежды и отдавала себя служению мести. Обязательно надо помнить, что это была эпоха альбигойских войн, когда особенно распространился жанр сирвент. Сама поэтическая деятельность Фигейра, по-видимому, началась с 1215 г., когда он покинул родной город, взятый и разграбленный восками крестоносцев и оборвалась с концом катаров в 1245 г.

В эти грозные годы, пропахшие чадом костров, на которых северофранцузские рыцари и священники тысячами жгли лангедокских еретиков, в поэзии трубадуров исчезла прежняя грациозность, томная игривость, но зато она становилась более правдивой и искренней. Муза Прованса этого времени также сумрачна и печальна, как и несчастное отечество — Лангедок, которое она оплакивала. Главным врагом этих немногочисленных трубадуров была могу-

щественная римская тиара. Она была всесильна и, казалось, могла раздавить их, как пигмеев. На папском Риме сосредоточилось все чувство горечи и ненависти. Из-за Рима народ должен был склониться перед французами-крестоносцами, признать чужого им французского короля, забыть своего сеньора, графа Раймунда Тулузского. Но тем больше народ возненавидел эту страшную силу, которая была действительной причиной уничтожения самобытности юга. Поэтому провансальские поэты в лице Фигейра и других трубадуров выражали крайне негативное общественное мнение в отношении папского Рима.

В одной из своих лучших антипапских сирвент, сочиненных до 1229 г., Гильом Фигейра пророчески проклял Рим за 250 лет до Ульриха фон Гуттена и Мартина Лютера с их идеями Реформации. Эта сирвента имеет всемирно-историческое значение и очень ценна как источник, чутко отражающий общественное мнение. Вот ее сокращенный прозаический перевод, позволяющий более точно донести смысл:

«Я хочу написать сирвенту в том же тоне, как пишу всегда. Я не хочу более молчать. Я знаю, что наживу себе врагов, так как пишу сирвенту о людях, исполненных лжи, о Риме, который причина всего зла и одно прикосновение которого разрушает все доброе...

Рим, ты сокрушаешь плоть и кости невежд, а ослепленных ты ведешь за собою в пропасть. Ты уже слишком преступаешь повеления Божии. Твоя алчность так велика, что ты отпускаешь грехи за денарии. Ты навлекаешь на себя страшную ответственность...

Рим, нам хорошо известно, что глупостью одурачиваешь народ, под видом ложного снисхождения, ты повергнул в несчастье баронов Франции и народ французский, даже добрый король Людовик погиб от руки твоей, потому что лживым предсказанием ты удалил его из родины...

Теперь ты, Рим, слишком занят твоими предательскими проповедями против Тулузы; ты с низостью кусаешь руки и сильных и слабых, подобно бешеным змеям. Но если достой-

ный граф проживет два года, Франция почувствует всю горечь твоих обманов.

Мои надежды и утешение в одном, Рим, что ты скоро погибнешь; пусть только повернется счастье к германскому императору, пусть только он поступит как следует с тобой, тогда Рим, увидим как сокрушится твое могущество. Боже, владыка мира, соверши это скорее.

...Папа занимается дурным делом. Он ссорится с императором и продает его корону. Он прощает его врагов, а такое прощение, безосновательное и несправедливое, не заслуживает похвалы, потому что в корне своем оно мерзко.

Рим, ты развращен до такой степени, что презираешь Бога и его святых; вот до чего позорно царство твое, несправедливый, коварный Рим. Вот почему в тебе скрываются, гнездятся и развиваются пороки мира сего; так велика твоя несправедливость относительно графа Раймунда.

Рим, Бог помогает этому графу и дает ему власть и силу, ему, который режет французов, сдирает с них кожу, вешает их и делает из них мосты при осадах, когда их много. А я, Рим, страстно желаю, чтобы Бог вспомнил о твоих злодеяниях, чтобы вырвал он графа из твоих рук, то есть из объятий смерти...

Рим, мы часто слыхали, что у тебя пустая голова, потому что ты ее часто брешь; я думаю, что тебе и не надо много мозга, потому что ты властвуешь дурно, как и цистерцианцы. В Безьере вы произвели страшную резню.

Рим, своими лживыми соблазнами ты ставишь сети и пожираешь много дурных кусков, раздирая на части нуждающегося в утешении. Ты носишь личину кроткого агнца, но внутри ты бешеный волк, порождение ехидны; ты змея коронованная; оттого-то дьявол называет тебя своим творением».

В стихотворном переводе эта концовка могла бы звучать так:

*Рим! Любой ценой —
Насилья иль подвоха —
Жрешь ты кус чужой,
Когда лежит он плохо.*

*Агнца вид святой
Состроил ты, пройдоха,
Лют, как волк иль змей.
Много, лиходей,
У тебя сетей, —
Да, уж такого жоха
Бесу нет милей!*

Это перечень преступных деяний папского Рима. Он историчен. Здесь много намеков на исторические события, лица начала XIII в. Здесь ничего не забыто. Редко средневековая сатира доходила до такой резкости. Справедливо говорят, что эти стихи написаны кровью. Поэт сердцем взывал к небу об отмщении, и мщение для него самое высокое наслаждение. Его в ответ назвали еретиком, но ему не было до этого дела. Он с тем же огнем, с той же отвагой продолжал бичевать «венчанную змею» и ее слуг, которые своими лукавыми речами «похитили у мира свет». Когда же возвратят его людям, вопрошал поэт?

Десятки поэтов в свободолюбивом Провансе энергично продолжали порицать католическое духовенство. Трубадур Кастиельно сожалел, что святые Петр и Андрей перенесли столько мучений из-за рая, в который может попасть всякий монах, лакомый до яств и до наслаждений, а Вильгельм Монтаньягу еще с большей горечью говорил про монахов, которые все спасение полагают в белой и черной рясе: «Если послушаешь их, то они не хотят ничего, а посмотреть, так берут все. Зачем монахам такая роскошь, если сам Бог ходил в бедном платье». Сирвенты, одна перед другой, соперничали в выпадах против Рима. Очевидно, что авторитет духовенства начал сильно ослабевать, и в сознании современников оно лишилось прежней симпатии. Трубадуры пророчили новые времена, которые через два столетия перевернут Европу.

Впрочем, надо заметить, в большинстве случаев исследователь памятников рыцарского поэтического творчества становится в положение судьи не беспристрастного. Хорошие стороны общественной нравственности современники не имели причины выставлять. Они не поражали их как явление нормальное, а всякое отклонение

обнажалось со всеми подробностями, с крайним ригоризмом и преувеличением, особенно если сочинитель сам разделял аскетические идеалы. Документов правового характера бывает мало в таких случаях. Поэтому при изучении истории общественного сознания, нравственности надо весьма осторожно относиться к публицистике и особенно поэтическим декламациям современников. Но нельзя их и игнорировать, так как поэтические памятники брали факты из жизни. Видимо, эти факты были достаточно красноречивы, однозначны и отнюдь не единичны. «Церковь, — восклицал трубадур де ла Гарда, — пренебрегает самыми священными обязанностями своими. Удовлетворяя корыстолюбию и жадности, она за низкую цену прощает все преступления. Священники не умолкая твердят с кафедр, что не следует желать благ земных, но они весьма непоследовательны. Они защищают убийство и кощунство, так как сами повинны в том и другом; по несчастью, наш век идет по их следам. Священники сделали инквизиторами наших поступков. Я не за то порицаю их, что они судят, но за то, что они властвуют по своим капризам. Пусть они сокрушают заблуждения, — говорит Монтаньягу по поводу мер строгости, принятых Римом, относительно еретиков, — но без злобы, однако силой убеждения...».

Так изливалось через сирвенты общественное мнение в виду крутых мер терявшей авторитет Церкви по отношению к инакомыслящим. Когда началась альбигойская резня, голос трубадуров, полный ненависти и мести, поднялся еще выше. Точно также высказывалась литература XVI столетия, в эпоху Реформации. И тут и там литература брала на себя обличительную роль. И тут и там ее протестом руководили порывы свободной мысли и чисто христианское желание остановить падение Церкви. И тут и там были бы одни и те же последствия, если бы не крепость папской теократической системы, только что организованной молодым, энергичным, «железным Папой» Иннокентием III.

В таком духе говорил в XIII в. не один, не десяток певцов, а почти все представители тогдашней провансальской народности. Певцы Любви, паладины «веселой науки» стали яростными обличителями католицизма и застельщиками народного возмущения. Трубадуров

и альбигойцев соединило общее горе, спаяла ненависть. Они пели одни песни, бились спина к спине и горели на одних кострах!

*Рим! Держи ответ,
Не жди себе прощенья.*

Летела над остывшим пепелищем сирвента Гильома Фигейра, пробуждая скорбное эхо.

Трубадуров насчитывают многие сотни. Между ними только один опозорил себя содействием крестоносцам, завоевывавшим Лангедок, и агитацией в пользу главы этого крестоносного войска, кровавого английского графа Симона де Монфора. За это он был отвергнут и проклят всем народом. Лишившись даже куска хлеба, умирая с голода, презираемый всеми, он искал спасения в стенах монастыря. Это был один из вассалов графа Тулузского, Перигон из Лесперона. На него смотрели как на прокаженного. Тогда вся провансальская литература в лице своих лучших представителей приняла обличительное направление. Дело не в красотах этих замечательных произведений, а в том громадном влиянии, какое они своими идеями оказали на Прованс и на всю Европу. Как уже сказано, грамотные попадались редко, даже не все трубадуры умели писать. Они наизусть разучивали сирвенты и через бродячих жонглеров разносили их повсюду. Сирвента соответствовала нашим газетам, она стала общественным мнением, нравственной силой. Выйдя за пределы Лангедока, она вооружила против папской курии и другие народы, привила им смертельную ненависть к Римской Церкви и католическому духовенству. Она познакомила другие страны Запада с Провансом. Она всем повествовала скорбное, полное ужасов сказание об альбигойских войнах и о тирании Пап и королей. Сирвента трубадуров приняла участие в подготовке народов Запада к восприятию будущей реформы Церкви. В этом — высочайшее историческое значение провансальской литературы. Но куртуазная поэзия Прованса погибла вместе со своеобразной высокой культурой Прованса. С падением графства Тулузского, с присоединением Прованса к владениям французской короны провансальской поэзии нечему было радоваться, нечего было воспевать. Разру-

шенные замки, крепости, ограбленные южные города и села, пепел еретиков, тысячи людей. Заточенных по тюрьмам, изгнанные патриоты, новый суровый порядок, продажная королевская администрация, — все это могло возбудить лишь негодование, а когда относительно проявлений даже безмолвной оппозиции были приняты строгие меры и страна была офранцузена, то и негодованию не стало места. Поэтому, *когда замолкла последняя сирвента, провансальская литература прекратила свое существование*. Она стала достоянием истории, как и провансальский язык.

И так, в XIII в. начался упадок провансальской поэзии, который ускорился разбойничьим нападением на богатый Лангедок северо-французских рыцарей и пилигримов. Альбигойские войны, которые длились больше 40 лет, привели к полному разрушению Прованса. Большинство трубадуров искали приют на чужбине — в Италии, Испании, Германии, что привело к распространению их искусства в этих странах.

Провансальская куртуазная лирика XI–XIII вв. — это еще и первый опыт европейской авторской лирики на народном языке. Благодаря высоким достоинствам лирики трубадуров, провансальский язык на некоторое время стал международным языком лирической поэзии.

Лирика Прованса вобрала в себя лучшие поэтические традиции предыдущих столетий. Она тесно связана с народной традицией и античной поэзией, испытала влияние арабо-испанской любовной лирики, а также средневековой латинской поэзии, в том числе творчества бродячих школяров-вагантов. В свою очередь творчество трубадуров способствовало возникновению французской, испанской и португальской поэзии. Безусловной является ее роль в становлении немецкого миннезанга, то есть немецких «певцов любви».

Особенно значительным было влияние Прованса на итальянскую культуру. Трубадуры несомненно повлияли на становление итальянской лирики (в том числе школы «*Dolce stil nuovo*», «*Нового сладкого стиля*»). Они в значительной мере определили взгляды великого итальянского поэта XIII в. Данте Алигьери на роль и значение народного языка (у Данте есть трактат «О народном красно-

речи»). Через первого поэта-лауреата XIV в. Франческо Петрарко и петраркистов трубадуры повлияли на европейскую поэзию в целом. В последующие столетия заинтересованность поэзией трубадуров проявили Франсуа Вийон, поэт огромного дарования, еще позже — Эдмон Ростан, Генрих Гейне, уже в наши дни — Александр Блок, Луи Арагон. Секрет особой популярности поэзии трубадуров Прованса — в ее особом стремлении к созданию новых морально-этических идеалов, свободных от официоза христианского аскетизма и принижения человеческих чувств.

На севере Франции куртуазная лирика развивалась немного позднее, во второй половине XII в. Ее представители назывались *труверами*. Для историков труверы часто остаются в тени своих знаменитых соседей — трубадуров юга. Это неудивительно: в любовной песне, самом куртуазном из жанров рыцарской лирики, лучшие труверы, а ими были знатные сеньоры Конон де Бетюн, Тибо Шампанский, Блондель де Нель, Гас Брюле, лишь в некоторых своих произведениях смогли встать в один ряд с прославленными трубадурами. Но в то же время в лирике труверов расцвели другие жанры, где по иному, чем в поэзии трубадуров, осмыслились каноны куртуазной идеологии и этики. Это так называемые *ткацкие песни*. Это и *пастурель*, рассказывающая о любви рыцаря к пастушке. Жанр, называющийся «*песни о несчастном замужестве*», героиня которых сетует на судьбу, связавшую ее с «мужланом», старым и скупым мужем, которому она всегда предпочитает рыцаря-«друга». Весьма завлекательны, поэтичны и *реверди* — песни о весне и о сладости любви в зеленом лесу, на траве, под пение птиц. Необычны «*песни об историях*» — своего рода баллады, повествующие о разлуке или соре влюбленных, об их попытках соединиться, об их помощниках и врагах и завершающиеся, как правило, картиной их головокружительной счастливой любви. Это, наконец, суровые и вместе с тем слезливый «*песни Крестовых походов*», где столкнулись куртуазное и церковное видение мира.

Модель мира куртуазных певцов сосуществовала в их сознании с общехристианской, хотя во многом противоречила ей. Воспевая любовь к женам сеньоров, поэты не замечали, что противопоставляют ее христианскому учению о святости брака, как не считали

они кощунством заявлять о готовности отречься от райского блаженства ради ласк возлюбленной. Замкнутость куртуазного мира дала возможность некоторым ученым даже рассматривать куртуазную идеологию как особую ересь.

Один из самых известных теоретиков куртуазной «чистой любви», упоминавшийся выше знаменитый *Андрэ Капеллан* написал около 1200 г. в Париже трактат «О любви» на латинском языке. Автор был близок к кругам куртуазного двора Альеноры Аквитанской. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что трактат «О любви» был посвящен не только изложению правил куртуазии, но и ее критике. Автор, весьма просвещенный клирик (он называл себя «капелланом короля французского») подробно объяснял благовоспитанным молодым людям, обучавшимся при королевском дворе, что такое куртуазная любовь и каковы правила игры. Одновременно он указывал на то, что разгоревшуюся страсть нужно уметь вовремя укротить, так как она ведет к греху. Любовь, по его мнению, есть болезнь, испытание, которое нужно пройти, чтобы закалить себя. Но мужчина должен уметь победить в себе любовь, иначе он рискует попасть под власть женщины.

В первых двух книгах своего трактата Андрэ изложил правила и законы любви, провозгласив ее благотворное и возвышающее действие на человека. В третьей книге, в полном соответствии с традициями теологических и моралистических трактатов того времени автор-капеллан, духовник осуждает женщин и любовь как таковую. Сочинение явно не предназначалось для женщин, так как в этой последней части книги Андрэ поносил их с очевидным удовольствием. Он утверждал необходимость добиваться у госпожи своего до конца, достаточно вольно ссылаясь на известные евангельские строки: «Ищите и обрящете, толкните и отверзется». Его сарказм — лекарство для восстановления чувства мужского достоинства в соответствии с «правильным устройством мира».

Эта противоречивость трактата ставит в тупик ученых и по сей день. По этому поводу высказывались и высказываются самые различные предположения — от того, что трактат написан не одним человеком, и до того, что в первых двух книгах Андрэ Капеллан пародировал куртуазию, а в третьей — высказал свои подлинные

убеждения. Но интересно другое — подобная противоречивость трактата, видимо, ничуть не смущала современников. По крайней мере, указаний на это не сохранилось.

Андрэ Капеллан стремился дать ответ на многочисленные и непростые вопросы, возникавших в результате заимствования королевским двором галантных обычаев, укоренившихся при соперничавших дворах крупных феодальных сеньоров и их знатных жен. Распространение обычая требовало поставить его в определенные рамки, воспрепятствовать его «чрезмерности». Трактат Капеллана был единственным произведением такого рода, внесенным в списки королевской канцелярии, что, по всей видимости, являлось признанием его полезности. Он и был полезен в трех отношениях: призывом уважать иерархические различия; стремлением уменьшить издержки сексуальной активности вне брака путем внедрения в эту сферу норм, соответствующих матримониальным установлениям; проповедью плотских ограничений, благодаря которым телесная сторона любви, не теряя привлекательности, была менее чревата опасностью появления на свет незаконных наследников.

При чтении этого замечательного произведения следует еще раз отметить большое влияние куртуазной любви на изменение положения женщин. Андрэ Капеллан — один из первых авторов, приводящих высказывания женщин, которые звучат порой более значительно, чем речи мужчин. Кроме того, автор указывает на ту пользу, которую женщины могли извлечь из куртуазных обычаев: выражение сексуальных устремлений мужчин становилось менее агрессивным и опасным и, как следствие, опека со стороны мужей и отцов — менее строгой. Может быть, именно благодаря этой свободе влияние женщин стало проникать за рамки женской половины дома.

Общий прогресс, особенно интенсивный во Франции на рубеже XII–XIII вв., освобождал личность от уз коллективных форм жизни. Обычаи куртуазной любви в значительной мере ослабили насилие и грубость в сексуальном поведении мужчин и в матримониальной политике родов. Мужчины начали понимать, что женщина — это не только тело, что нужно сперва завоевать ее сердце, заручиться ее согласием, что следует признать за женщиной наличие особых до-

стоинств. Заповеди любовного кодекса соответствовали тому, что проповедовала Церковь, стремясь доказать, что женщины должны иметь равные права с мужчинами не только на супружеском ложе, но и в вопросе согласия на вступление в брак. Не случайно, что куртуазные обычаи, воспеваемые рыцарской литературой, вошли в моду как раз в то время (около 1200 г.), когда проповедники, почувствовав настроения женщин, стали прилагать усилия для развития форм чисто женской духовности. То, что вначале было только мужской игрой, воспеваемой трубадурами, помогло женщинам средневековой Европы выйти из своего приниженного состояния.

И все же столкновение двух мироощущений не могло не произойти, и произошло оно именно у труверов, переосмысливших, как уже было сказано, куртуазную идеологию. Такая оппозиция стала наиболее характерной чертой жанра песен Крестовых походов.

В песнях Крестовых походов северофранцузских труверов звучали две основные темы: призыв к Крестовому походу и сетования влюбленного крестоносца на разлуку с Дамой. Подобные произведения можно было бы назвать песнями-проповедями. Как и проповедь, они были обращены к многочисленной аудитории, подчас исполнялись даже на площадях при большом стечении народа и призваны были воздействовать не столько на разум, сколько на чувства слушателей, побудить их отправиться в полный лишений Крестовый поход. При этом трувер, как правило, формулировал основную идею произведения в припеве.

*Кто с Людовиком в бой идет,
Да не страшится преисподней:
Он душу раю отдает,
Где реют ангелы Господни, —*

так звучит припев одной из самых старых песен труверов, дошедших до нас. Это песня неизвестного автора относится ко времени Второго Крестового похода, в котором принял участие злополучный французский король Людовик VII Молодой и его жена, ветреная 15-летняя красавица Альенора Аквитанская.

Такие песни-проповеди были максимально однозначными и максимально однонаправленными. В песнях Крестовых похо-

дов невозможны колебания, идти или не идти в Крестовый поход. Тех, кто колебался, песни-проповеди сурово осуждали:

*Что ж короли? Лишь зло несут
Французский трон, английский трон —
Отмстить за Бога не идут,
Чтоб крест святой был возвращен.
Когда настанет Страшный суд,
Тут понесут они урон:
Бог, ими предан, будет крут,
«Я вас не знаю», — скажет он.*

Это слова песни «Дабы ободрить наш народ...» некоего мэтра Рено, песни призывающей, проникнутой суровым сознанием тяжести греха, лежащего на христианах.

Но таких песней-проповедей в чистом виде было не так уж много. Большинство песен, сложенных начиная с Третьего Крестового похода конца XII в., в котором как союзники приняли участие французский король Филипп II Август и английский король Ричард Львиное Сердце, по форме похожи на традиционную любовную песню. Именно такие песни, сочетавшие проповедь с любовной песней, сочинял самый известный из этих королей-труверов, знаменитый **Ричард Львиное Сердце**, бесстрашный и воинственный крестоносец, попавший после окончания Крестового похода в плен к герцогу Леопольду Австрийскому, когда он тайком, в сопровождении лишь одного слуги пробирался через австрийские земли в Баварию к герцогу Генриху Льву. Леопольд, имевший давние счеты с буйным Ричардом, весьма выгодно для себя выдал его Германскому императору Генриху VI, который два года продержал великого пленника в своем эльзасском мрачном замке Трифель, о котором шла молва, что «из него никто не вышел живым». Это была одна из самых страшных твердынь Гогенштауфенов, находившаяся на вершине дикого, заросшего глухим лесом, неприступного горного пика, где за тройными крепостными стенами упиралась в небо центральная башня — донжон, хранившая сокровища Священной Римской империи. Здесь, временами и в кандалах, просидел, ожидая выкупа, гордый английский король.

Сложенная позднее, в XIII в., легенда рассказывает будто место-пребывание короля долго оставалось неизвестным и друзья и слуги тщетно искали его. Темницу его открыл труверр Блондель, запевший под окном узника песню, которая была им сложена когда-то вместе с Ричардом. И, когда допев первый куплет, он услышал, как с вершины башни кто-то отвечает ему вторым, он узнал пленника, пришедшего к окну.

По мере того как известие о происшедшем стало шире доходить до друзей Ричарда, стали множиться призывы о его освобождении. Первыми, отражая общественное мнение, как обычно, подняли голос поэты, вызывая прилив симпатий к узнику и раздражение против его тюремщиков. Знаменитый провансальский трубадур Пейре Видаль с гневом писал:

*Домой без опасения Ричард ехал,
Как император, думая нажиться
На выкупе, им овладел коварно.
Проклятье, цезарь, памяти твоей!*

Писчие перья и голоса самых славных лириков Англии и Франции действовали единодушно в интересах Ричарда, пока собственная его песня не вступила в этот хор. Здесь, в заключении он сочинил одну из своих знаменитых песен-элегий, в которых он сетовал на судьбу и неверных друзей-вассалов, не спешивших к нему на помощь:

*Напрасно помощи ищу, темницей скрытый,
Друзьями я богат, но их рука закрыта,
И без ответа жалобу свою
Пою...
Как сон проходят дни. Уходят в вечность годы...
Но разве некогда, во дни былой свободы,
Повсюду, где к войне лишь кликнуть клич могу,
В Анжу, Нормандии, на готском берегу,
Могли ли вы найти смиренного вассала,
Кому б моя рука в защите отказала?*

*А я покинут!.. В мрачной тесноте тюрьмы
Я видел, как прошли две грустные зимы,
Моля о помощи друзей, темницей скрытый...
Друзьями я богат, но их рука закрыта,
И без ответа жалобу свою
Пою!..*

Такие склонности короля к куртуазной поэзии вполне объяснимы. Хотя Ричард родился в 1157 г. в чопорном маленьком Оксфорде, но вырос и воспитывался в солнечной Аквитании, на южной родине матери. Едва получив возможность создать собственный двор, он населил его трубадурами. Английский хронист из горожан-бюргеров Роджер из Ховдена с неодобрением замечал по этому поводу: «Он привлекал их отовсюду, певцов и жонглеров; выпрашивал и покупал льстивые их песни ради славы своего имени. Пели они о нем на улицах и площадях, и говорилось везде, что нет больше такого принца на свете». Понятно, почему, подобно своему славному прадеду, трубадуру герцогу Гильому IX Аквитанскому, Ричард сам охотно упражнялся в искусстве песни. К сожалению, кроме двух поздних песен, ничего не сохранилось из его творчества: из них одна, приведенная выше, дошла на французском, другая — на провансальском языке. Тот и другой были для него родными, тогда как будучи королем Англии, английский он не знал. С 1169 г. он считался аквитанским герцогом. Здесь, на французском юге прошла для Ричарда вся его жизнь, а в остальное время он воевал на севере Франции и в других ее местах и провел в Крестовом походе и в плену. В Англии, в Лондоне Ричарада почти не видели, кроме нескольких недель в 1189 г., когда он после смерти отца, Генриха II, там короновался и шумно пировал, готовясь к отплытию в Крестовый поход, и потом — несколько недель 1194 г. на пути из Германии, из плена, когда он заехал в Англию, чтобы потом вновь отбыть во Францию на войну с французским королем Филиппом Августом вплоть до нелепой смерти во время осады захолустного замка Шалю в Пуату от случайной арбалетной стрелы в руку в 1199 г.

Учитывая во многом трагическую любовь Ричарда к графине Жанне Сен-Поль, Жанне Чудный пояс трубадуров, которую он

сделал графией анжуйской и потом навсегда потерял на Востоке, для него и для песен, которые он «изобретал», должны были стать основными мотивы разлуки рыцаря, посвятившего себя Богу, с его Дамой. Такие же мотивы мы находим в сохранившихся песнях Крестовых походов, сочинявшихся другими труверами.

В песнях Крестовых походов виной разлуки рыцаря с его дамой становится долг рыцаря перед Господом. Возникает непримиримое противоречие между долгом рыцаря-крестоносца и куртуазного рыцаря — «истинного любовника».

*Увы, Любовь, тоску разъединенья
Как претерплю с единственной той,
К кому стремлю любовь и преклоненье?*

Так скорбел о разлуке с Дамой трувер **Конон де Бетюн**. В его песне борьба проповеди и любовной песни особенно очевидна. Причем в последних ее строках мы сталкиваемся с довольно неожиданной формулировкой:

*Хоть тело за Христа вступает в бой,
Но сердце ей оставлю во владенье.*

Традиционная формула — тело далеко, а душа «вся целиком в ее власти» — приобрела здесь совершенно неожиданное звучание: низкое и бренное тело принадлежит Христу, а бессмертная душа... во власти Дамы. Показательно, что такое противоречие вошло затем как устойчивая формула в песни Крестовых походов.

Впрочем, Конон де Бетюн все же пытался как-то примирить две разные идеологические направленности песни. С этой целью он вводил тему целомудрия, которое представлялось им тождественным праведному житию. Дамы в отсутствие крестоносцев должны хранить целомудрие — это их долг перед Богом, и, таким образом, на время Крестового похода и дамы, и рыцари будут служить только Христу. Однако противоречие между проповедью и любовной песней так и не снималось. Посылка песни как нельзя лучше формулировала ее трепетную раздвоенность и разлад:

*Увы! Иду, хоть слез не извести,
Куда зовет за Господа тревога,
И мысль о лучшей в мире, Бог прости,
Со мной всегда в пути к могиле Бога.*

Раздвоенность подобных песен была заложена уже в самой их природе. Ее не избежал никто из труверов. У Конона де Бетюна противоречие между проповедью и традиционной любовной песней выражено, может быть, сильнее, потому что яснее, чем другими, им осознавалось. Возможно, именно поэтому он подвергся нападкам своего учителя Гуйо д'Уази. До нас дошла песня «Всем вопреки святым и Божеству...», сложенная Гуйо д'Уази по поводу преждевременного возвращения Конона де Бетюна из Крестового похода. Чем было вызвано это возвращение, сейчас сказать трудно. Во всяком случае, не трусостью: личность этого трувера известна нам достаточно, чтобы не принять такого подозрения. Однако Гуйо д'Уази упрекал Конона де Бетюна именно в трусости. Пародируя его песни, он клеймил его бесчестьем, нежеланием умереть за Бога. Обвинения эти, по мнению переводчика песен О. Смолицкой, были вызваны душевным разладом, который так ощутим в песнях конона де Бетюна о Крестовом походе. Гуйо д'Уази признавал или проповедь, призывающую, отринув все, идти в Крестовый поход, или же любовную песню, как таковую, где нет места стремлению расстаться с возлюбленной, хотя бы и ради Крестового похода. Душевный разлад и двойственность Конона де Бетюна были непонятны ему, а потому он ставил под сомнение его честь, смелость, его преданность Богу и грозил ему суровой небесной карой:

*Пускай Господь, чья воля нам закон,
Вас проклянет обоих наяву!*

Говоря о песне Конона де Бетюна, мы указали, что в его трактовке целомудрие — это попытка частично примирить долг перед Дамой и долг перед Богом. Совершенно иначе осмыслял тему целомудрия другой трувер, Гийо де Дижон. Его песня — это горестный и трагичный монолог девушки, невесты крестоносца. Девушка вер-

на своему жениху, но тяжело переносит разлуку с любимым, тоскует по его любви, по его ласкам. Любовь здесь крайне телесна, и крайне телесна любовная тоска: крестоносец прислал возлюбленной рубашку, которую ночью она прижимает к телу, чтобы смягчить свои страдания. Припевом звучит ее тоскующая мольба:

*Господь, когда кричат: «За море!»,
Будь в помощь смелым, властелин, —
За них дрожу я, просто горе:
Хитер и злобен сарацин.*

В песне нигде не говорится о благодати целомудрия. Разлука возлюбленных воспринималась здесь как горе, и когда девушка обращалась к Богу с просьбой защитить возлюбленного от «злых и коварных сарацин», то она обращалась не столько к господину, на службу к которому отправился рыцарь-крестоносец, сколько к Господу, в чьих руках жизнь и счастье возлюбленных.

Указанные выше песни относились преимущественно ко времени Третьего Крестового похода. Это не случайно. После Четвертого Крестового похода, то есть с 1204 г., в идеологии крестоносного движения наступил кризис, что нашло отражение в посвященных ему песнях. Так, «призывающие песни» стали теперь не столько песнями-проповедями, сколько политическими сирвентами. Труверы более стремились разоблачить «предательства и измены» в среде рыцарей, священников и самого папства, нежели разжечь энтузиазм слушателей и увлечь их в героический поход.

*Ничего вы не свершали,
Чтоб я вслух восславить мог.
Что, мол, дух у вас высок,
Мы давно уж не слышали —*

такой горький упрек бросает неизвестный автор песни «Мне не петь, чтоб ни болтали...» участникам Шестого Крестового похода, окончившегося провалом в 1239 г.

Изменились и «любовные» песни Крестовых походов. Труверы Тибо Шампанский, Шардон де Круазиль, Филипп де Нантейль

создавали подчас настоящие шедевры куртуазной лирики. В них раздвоенность «уйти или остаться» — скорее дань традиции жанра. Основной же пафос этих песен — скорбь разлуки, тоска неразделенной любви к Даме, оставшейся «за морем», жалобы на ее жестокосердие. Боль разлуки усиливается сознанием упадка крестоносного дела, сознанием того, что святой крестоносный обет нарушается и взявшие крест позорят себя поражениями и распрями. «Время предательства, зависти, несправедливости, без добра и куртуазии» — так написал о своем времени граф Тибо Шампанский в 1238 г.

В целом, поэзия труверов великолепный источник для изучения эволюции менталитета западноевропейцев в отношении восприятия идеи Крестовых походов. В XIV–XV вв. однако еще продолжалась и линия рыцарской поэзии, воспевающая культ Дамы. Так, лирика поэтов Бургундии, блестящего бургундского герцогского рыцарского двора XIV–XV вв. показывает, что здесь еще не были забыты высокие идеалы рыцарского культа Дамы, сколь бы ни была острой к этому времени их критика. Бургундский двор великолепно описан у голландского историка *Йохана Хёйзинга* в его ставшей классической книге «Осень средневековья», а песни бургундских поэтов XV в. были впервые переведены в сборнике «Пятнадцать радостей брака». При бургундском дворе служили в это время такие известные французские поэты-композиторы как Гийом Дюфон и Иоанн Режи. Популярны здесь были и песни английских поэтов-композиторов, таких как Роберт Мортон, который во второй половине XV в. тоже служил при дворе бургундских герцогов Филиппа Доброго и его сына Карла Смелого. Стихи Мортонна напоминают томные романсы:

*Когда не вижу вас, мой друг,
Мне смерть несут воспоминанья,
Они — источник угасанья,
Они же лечат мой недуг.*

*Коль вас мой взгляд теряет вдруг,
В душе рождаются рыданья,
И вновь шепчу: «Вас нет, мой друг,
Мне смерть несут воспоминанья!».*

*И не с кем мне делить досуг,
И ни к чему увещеванья,
Жду молча нового свиданья
И окончанья адских мук.*

*Когда не вижу вас, мой друг,
Мне смерть несут воспоминанья,
Они — источник угасанья,
Они же лечат мой недуг.*

Конечно, вместе с представлениями о любви, как о высшей нравственной ценности, эти идеалы сохранились в XIV–XV вв. преимущественно в мире воображения. «Надо ли однако напоминать, — отмечал Юрий Львович Бессмертный, — что мир воображения всегда — и тем более во времена средневековья — составлял тот неотъемлемый элемент бытия, без учета которого никакая характеристика культуры эпохи была бы просто невозможной».

В Германии рыцарская лирика развивалась в конце XII–XIII вв. Для обозначения ее в XVIII в. немецкие ученые ввели термин «*миннезанг*» — любовная песня (от старонемецкого Minne — любовь и Sang — песня). В миннезанге рано проявились два направления: «народное» и куртуазное. «Народному» направлению была свойственна простота. Оно близко к народной любовной песне, стиль его более архаичный. Миннезингерам этого направления была ближе традиционная фольклорная трактовка любви.

Куртуазное направление миннезанга развивалось в прирейнских областях Германии под непосредственным влиянием провансальских образцов. Немецкие поэты куртуазного стиля воспевали «высокую», «тонкую» любовь со всем ее куртуазным ритуалом: восхвалением Дамы, «томлением», «страданием». Родоначальником этого направления миннезанга стал *Генрих фон Фельдеке* (в 1190 г. он написал свою «Энеиду»; в ней была звучность рифмы, красота стиха, хотя Эней, конечно, облачен в рыцарскую броню, а Виргинии навязана сентиментальность).

Другой крупный миннезингер — *Гартман фон дер Ауэ* (1170–1210 гг.). Он был родом из Швабии, участник Третьего Крестового похода 1197 г. против султана Салах ад Дина. Начал как минне-

зингер с 1190 г., когда стал перекладывать в стихах французские куртуазные эпопеи и религиозные повести. Он также заимствовал свои сюжеты из мира животных, преданий о кладах и о великанах. Все это были сюжеты легенд, мифической старины. Но рыцарское понимание чести и обоготворение женщины, рассказы о том, как рыцарь бьется за угнетенную деву и ищет приключений, — все это отражения современности XIII в. В свою очередь девушка в его самой популярной стихотворной поэме «Бедный Генрих» готова принести себя в жертву и спасти рыцаря от смертельной проказы. Над ней заносят нож. Божество удовлетворено и рыцарь исцеляется. Подвижница, совершившая это геройство, мечтает об искуплении и вечной жизни. Интересно, что в противоположность «высокой» любви — любви к знатной даме, в песнях Гартмана фон Ауэ воспевалась «низкая» любовь — к женщине из низкого сословия. В них были заложены те же идеи, что и в «Бедном Генрихе»: нравственное превосходство простой женщины над высокородной.

Параллельно с куртуазной поэзией развивался дидактический жанр «шпрух» (Spruch). *Шпрух* — это морализаторские сентенции, изречения, высказывания в форме песен, усвоенные миннезингерами от бродячих шпильманов. Он оказался излюбленной формой немецкой средневековой политической и сатирической поэзии. Сохранился сборник шпрухов Сперфогеля Старшего (середина XII в.), — очевидно, бедного, безприютного поэта. У него были стихотворные поучения и дидактичные рассказы бытового и религиозного содержания, басни о людях и животных, пословицы.

Видимо, был еще один Сперфогель, который жил около 1200 г. Повествование о жизни бездомного певца-бродяги содержит намеки на личную судьбу автора и позволяет тоже причислить его к странствующим миннезингерам. Это был мудрый, наблюдательный поэт:

*Добра не жди, кто волка звал на ужин.
Моряк, гляди, корабль ветхий перегружен.
Коль говорю, так верьте мне:
Кто круглый год своей жене*

*Наряды дорогие шьет, не о себе печется:
Ему не выпал бы почет,
Что и чужого в свой черед
Нести крестить придется.*

Вершины миннезанг достиг в творчестве одного из самых знаменитых средневековых поэтов **Вальтера фон дер Фогельвейде** (ок. 1170–1230 гг.). Его литературное наследие собственно выходит за пределы миннезанга по широте своей тематики. Он не случайно считается первым национальным немецким поэтом. В его песнях и шпрухах нашли отражение и общее мировосприятие людей средневековья, и личный мир человека, принадлежащего к рыцарскому кругу, и положение в Священной Римской империи в пору феодальных междоусобиц.

Мы многого не знаем о Вальтере. Единственный дошедший до нас документ, касающийся его жизни, это путевой счет епископа Пасаусского Вольфгера, согласно которому 12 ноября 1203 г. вышеназванный епископ распорядился выдать «Вальтеру певцу из Фогельвейде» пять сольди на приобретение меховой шубы. Из этого документа явствует, что Вальтер в то время находился в свите епископа, впоследствии Патриарха Аквилейского, видного государственного деятеля, и что на свои скудные средства он, видимо, не мог купить шубу, столь необходимую ему в связи с приближением зимних холодов.

Вальтер фон дер Фогельвейде, бедный рыцарь, был профессиональным поэтом и зависел от знатных покровителей. Постоянно нуждавшийся и ведший жизнь бродячего шпильмана, он ближе своих знатных сотоварищей по искусству соприкасался с жизнью страны. Не было ему свойственно аристократическое чванство, хотя он и дорожил своей принадлежностью к благородному рыцарскому сословию. Его поэтический мир вырывался за пределы феодального замка, он был обширен и многоцветен. Вальтера тревожили судьбы отчизны, Германии, и его злободневные песни звенели как мечи в бурных политических схватках того времени. При этом, пел ли он о соперничестве могущественных князей или о малой травинке на весеннем лугу, он всегда оставался самим собой. Мы его не только

слышим, но и видим. Он не скрывает от нас своих надежд и разочарований, своего жизненного неустройства, своей нужды, которую побороть может только милость больших господ. Поэтому, когда на склоне лет Вальтер наконец получил от императора Фридриха II Гогенштауфена долгожданный феод, наследственное земельное владение, он в песне с такой искренней радостью сообщает об этом всем и каждому. Пусть люди узнают об этом радостном событии. Пусть узнают, что Вальтер перестал быть бездомным скитальцем («Есть у меня удел, уделом я владею»).

О детстве Вальтера ничего не известно. Вероятно, он родился в семье безвестного рыцаря-министериала, не блиставшего ни знатностью, ни богатством. Решающую роль в развитии Вальтера сыграло Австрийское герцогство. По словам поэта, там обучался он «искусству музыки и слова». Это герцогство, образовавшееся в 1156 г., благодаря своему выгодному расположению на перекрестке торговых путей, переживало период заметного подъема. К венскому двору стекались рыцари из разных земель. Здесь благоволили к новой куртуазной поэзии. К исходу XII в. венский двор стал одним из наиболее заметных центров рыцарской культуры. Молодой Вальтер около 1190 г. вступил в круг венских миннезингеров. Но вскоре, в 1198 г. умер австрийский герцог Фридрих VI, благосклонно относившийся к поэту, а новый — Леопольд VII стал обходить Вальтера своими щедротами. И поэт покинул Австрию, чтобы начать беспоконную жизнь шпильмана, исколесившего многие земли и страны. Уже в 1198 г. мы находим его при дворе германского короля Филиппа Швабского, младшего сына легендарного императора Фридриха Барбароссы. С гордостью сообщает Вальтер, что глава государства «приблизил его к себе». Находясь среди приближенных короля, он начал писать политические шпрухи, откликавшиеся на злобу дня. Они имели успех. К ним прислушивались. Известность Вальтера росла. Он появлялся при разных феодальных дворах. Особенно следует отметить его неоднократные появления при дворе ландграфа Германа Тюрингского, стяжавшего славу щедрого покровителя поэзии. О дворе ландграфа Германа, как о своего рода заповеднике искусства в Средние века, даже слагали легенды. Так, в поэме «Война певцов», созданной около 1300 г., повествуется о том, как в замке

Вартбург в присутствии ландграфа произошло не лишенное драматизма состязание певцов, в котором, наряду с другими, участие принимали такие знаменитые поэты как Вальтер фон дер Фогельвейде и Вальтер фон Эшенбах. Отзвуки этого старинного романтического сказания дошли до немецкого сказочника Э. А. Т. Гофмана, написавшего об этом свое «Состязание певцов», и до композитора Рихарда Вагнера, воплотившего сюжет в свою прославленную оперу «Тангейзер». Вальтер, видимо, действительно охотно бывал в Вартбургском замке, но далеко не все его там привлекало. Подобно Вольфраму, он решительно осуждал грубое, далекое от куртуазной «вежести» поведение шумной, грубой, крикливой толпы рыцарей, стекавшихся ко двору хлебосольного герцога.

*Нас вытесняет наглый сброд,
Принарядившись пышно:
Среди придворных норовит
Обосноваться спесь;
Вся эта сволочь заорет,
И нас уже не слышно;
В опале тот, кто даровит;
Ему не место здесь.*

Интересно, что Вальтер фон дер Фогельвейде отрицательно относился к измене в браке, да и не он один. Часть миннезингеров стояла за строгое соблюдение моральных основ куртуазии. Так, Вальтер писал:

*Кто беспорочен, кто правдив,
Тому и честь супругом быть...
Я буду верню женою.*

Или:

*Но уж если женщина чиста,
Муж достоин — вот счастливый брак.*

Поэтому Вальтер печалился об утрате былых ценностей:

*Счастье не для тех мужчин,
Что верны навек.*

Внешний лоск, маска показного приличия была присуща, конечно, не только рыцарям; дама в этом отношении подчас оказывалась рыцарю достойной подругой:

*Дамы есть и не женщины...
«Дама» — двуликое слово. Это хвала
Может подчас и хулой обернуться...
Что мне спесивая дамская знать!*

Причины начавшегося упадка рыцарства Вальтер видел как раз в женщинах, в их начавшемся возвышении:

*Прямо скажу вам, что обществу только во вред:
Женщины слишком хотят с мужчинами быть наравне.
Худшим из нас, как и лучшим, у них и любовь и привет,
Равенством радость и честь убиты в нашей стране.*

Похоже, что идеи эмансипации уже волновали общество в то время. И именно в них Вальтер видел корень всех зол.

*Но что же ценилось в женщине?
Красотки ой как часто злы!
Мила не та, что хороша,
Но те красивы, что милы,
И красоты куда важней душа:
Пусть женщина добра, чиста,
А красота — пустое дело...
С тобой ни горя, ни забот,
Ты постоянна, ты верна.
И мне никто не подмигнет:
Мол, штучка, у тебя жена.*

Поистине и сейчас, как и сотни лет назад, такие качества как доброта, чистота и верность, любой мужчина хотел бы видеть в своей возлюбленной. С точки зрения Фогельвейде, образцовая дама «вежлива, спокойна, хорошо одета, благородна,... целомудренна, скромна,... обо всем беседует свободно».

Тем временем все более обострялся политический кризис Германской империи, во многом подготовленный затянувшейся борьбой Римских пап и Германских императоров за инвеституру, то есть за право назначать на церковные должности. Ход событий вел к постепенному ослаблению центральной императорской власти за счет усиления власти территориальных князей. Папский Рим, стремясь нанести урон своим политическим соперникам, — посягавшим на Италию Германским императорам, — был в этом заинтересован. Папы умело интриговали против Священной Римской империи, где могли, сеяли смуту. Положение было запутанным и противоречивым, осложнялось бесконечными междоусобными феодальными распрями.

Вальтер фон дер Фогельвейде не был политическим деятелем или мыслителем. Он был поэтом, немецким поэтом, и в качестве такового не пожелал пройти мимо событий, волновавших страну. Вероятно, во многом ему трудно было разобраться. Да и обстоятельства чисто личного характера тоже играли тут какую-то роль. Но Вальтер ясно видел, что Германия вступила в трудное время. Он ясно видел интриги папского Рима, приведшего к двоевластию в стране. Папа Иннокентий III поддержал в качестве претендента на престол Германской империи короля Оттона IV, сына Генриха Льва из могущественного рода Вельфов, видя в нем противовес роду Гогенштауфенов, роду, дававшему истинных противников папской власти, императоров, пытавшихся завоевать Италию.

По мнению Вальтера, только единая крепкая власть была способна избавить Германию от раздоров, утвердить порядок в измученной отчизне:

*И червь, и зверь, и птица
Должны с врагами биться.
И, чтоб в ничтожество не впасть,
Они установили власть.
Поскольку без правленья
Терзают граждан тренья,
Там избран царь, там каждый род
И слуг имеет и господ.*

*А с вами, немцы, горе,
Вам любо жить в раздоре.
Порядок есть у мух, у пчел.
А немец дрязги предпочел.*

Выдвигая вопрос о сильной императорской власти в специфических немецких условиях, Вальтер несомненно шел в ногу со временем. Только ему, разумеется, не дано было знать, что в Германии победу в конечном счете все-таки одержит феодальная раздробленность, а королевская власть не станет той конструктивной национальной силой, какой она стала в соседней Франции.

Вальтер начал с того, что все свои политические упования возложил на сына Фридриха Барбароссы из рода Гогенштауфенов — на Филиппа Швабского, а когда Филипп погиб в 1208 г., ему уже не оставалось ничего иного, как встать на сторону Оттона IV Вельфа, короновавшегося в 1209 г. императорской короной в Риме, из рук Папы Иннокентия. Вскоре однако Папа, обманутый в своих ожиданиях, отлучил Оттона от Церкви и объявил в 1212 г. королем Германии юного Фридриха II из рода Гогенштауфенов. В последовавшие годы напряженных отношений между империей и папством Вальтер обрушил на Церковь ряд страстных обличительных шпрухов, принадлежащих к числу самых ярких образцов его поэтической публицистики. В дальнейшем помыслы его оказались обращены преимущественно к Крестовому походу, провозглашенному Фридрихом II. Он ратовал за подвиг веры, столь необходимый миру, погрушему в злобе, себялюбии и прочих пороках.

Но, смело вторгаясь в сферу высокой политики, Вальтер не упускал из виду также потребностей повседневной жизни. Для него это прежде всего был мучительный вопрос о хлебе насущном. Ведь за известным миннезингером, чьи песни распевались по всей Германии, неотступно следовала бедность. Не было у него доходных земель. Не было даже постоянного крова над головой. Как и его поэтический соперник, миннезингер Рейнмар фон Хагенау, Вальтер тоже мог бы сказать: «Пьют не от хорошей жизни...». Он всецело зависел от милостей того иного могущественного патрона. И печаль ложилась на сердце:

*Увы, промчались годы, сгорело все дотла!
Иль жизнь мне только снилась! Иль впрямь она была?
Или казалось явью мне то, что было сном?
Так значит, долго спал я и сам не знал о том.
Мне стало незнакомым все то, что в долгом сне,
Как собственные руки, знакомо было мне.
Народ, страна, где жил я, где рос я бестревожно,
Теперь чужие сердцу, как чуждо все, что ложно.
Дома на месте пашен, и выкорчеван бор,
А с кем играл я в детстве, тот ныне стар и хвор.

И только то, что речка еще как встарь течет,
Быть может, уменьшает моих печалей счет.
Теперь и не кивнет мне, кто прежде был мой друг.

Лишь ненависть и злоба господствуют вокруг...*

Часто в своих песнях, созданных на крутом переломе времен, Вальтер превозносил щедрость как высшую добродетель владельцев сеньоров, жаловался на скупость власть имущих и вновь и вновь напоминал им о своей нужде. Некоторые историки в связи с этим даже говорят о «попрошайничестве» Вальтера. Но не будем высокомерны. Вальтер никогда не терял своего человеческого достоинства, он не раболепствовал перед богатыми и знатными. Даже могущественным венценосцам способен он был бросить в лицо обвинения в недостойной скупости. Он не строчил униженных просьб, которые властелин может тут же скомкать и бросить. Он беседовал с ним на языке куртуазной поэзии, на звонком языке песен, рассчитанных на многочисленных слушателей. Тем самым его личное дело как бы становилось делом всего рыцарского сословия.

Как уже отмечалось выше, император Фридрих II около 1230 г. пожаловал поэту земельное владение, вероятно, недалеко от Вюрцбурга. Согласно одному достоверному свидетельству середины XIV в., вскоре умерший Вальтер был похоронен в притворе Вюрцбургского собора и на гробнице его выбито было латинское четверостишие, в котором покойный поэт назывался «кормильцем

птичьей стаи» (намек на слово *Vogelweide* — место кормления птиц) и «цветком красноречия».

Творчество Фогельвейде этих последних лет его жизни было овеяно горечью и глубоким разочарованием, связанным с началом кризиса немецкого, да и не только немецкого рыцарского общества.

Тем же признаком угасания рыцарской культуры отмечено творчество известного баварского поэта *Нейдхарта фон Рейенталя* (ок. 1180–1250 гг.) и ряда его современников и последователей. Нейдхарт был первым представителем так называемой деревенской поэзии куртуазного стиля и прославлял «низкую» любовь. У него в песнях присутствовал бытовой натурализм. Он вводил в куртуазный сюжет бытовые сценки из крестьянской жизни с драками и сварами. Это придавало его поэзии характер сатиры на жизнь крестьян. Поэт даже добыл славу «врага крестьянства». Со временем он превратился в действующее лицо ряда комических рассказов — шванков, которые в XV в. вошли в народную книгу «Нейдхарт — Лис».

Эпигоном классического куртуазного миннезанга был эпатажный *Ульрих фон Лихтенштейн* — автор стихотворного биографического произведения под названием «Служение Даме» (1255 г.). Лихтенштейн, славившийся экстравагантными чудачествами, довел до крайности «любовное вассальство».

Особенное место в школе «деревенского миннезанга» занимал рыцарь из Баварии, поэт *Тангейзер* (середина XIII в.). Он ввел в миннезанг мотивы и формы народных танцевальных песен. Певец «низкой» любви, Тангейзер уже пародировал крайности «вассального служения». Известно, что он служил Германскому императору Фридриху II Гегенштауфену и его сыну Генриху VII, совершил паломничество в Палестину, возможно, как участник Крестового похода. Из автобиографической лирики поэта мы узнаем, что, подобно бродячим актерам-шпильманам, он не сидел долго на одном месте, подвергался опасностям на суше и на море. Разорившись в результате разгульной жизни, растратив все, что у него было, на женщин и вино, в драной одежде, с пустым карманом, он продолжал влачить существование странствующего миннезингера:

*Не знаясь б ты с бедою,
Будь милая с тобою.
Плясал бы в буйном раже,
От счастья прыгал даже!
Любовь — прыгунья та же:
То есть она, то нет.
Ищи ее получше,
Спеши за ней вослед.*

В легенде, впервые засвидетельствованной в народной песне 1515 г., Тангейзер становится возлюбленным самой госпожи Венеры и живет вместе с ней в сказочной «Венериной горе». Папа Урбан, вдохновитель Первого крестового похода, проклинает раскаявшегося грешника, заявляя, что как не может зазеленеть посох в его руке, так не может Тангейзер обрести прощения на земле. Удрученный поэт возвращается в Венерину гору, а посох Папы тем временем покрывается молодой зеленью, обличая недостойное жестокосердие верховного первосвященника. Противопоставление в этой легенде земной чувственной любви христианскому аскетизму, прославление внутренней свободы человека позже использовали немецкие романтики, в частности, Генрих Гейне. Рихард Вагнер создал оперу «Тангейзер и соревнование певцов в Вартбурге», в которую ввел сюжет в соответствии с легендой о Тангейзере: у Вагнера Тангейзер воспевает на этом состязании любовь к богине Венере. В XX в. образ Тангейзера — пленника Венеры был использован как метафора эпического писателя Томасом Манном в романе «Волшебная гора».

Прекрасные лирические песни оставили и известные куртуазные эпики Вольфрам фон Эшенбах и Готфрид Страсбургский.

Вольфрам фон Эшенбах (ум. ок. 1220 г.) был служилым рыцарем из знатного, но, как водится, обедневшего рода, из города Эшенбах в Баварии. Он не умел писать, а может быть, и читать, но тем не менее проявил себя как один из самых оригинальных поэтов-миннезингеров своего времени. Его мистически-фантастические куртуазные романы-эпосы, как и песни, написаны были однако трудным для понимания так называемым «темным стилем»

с массой сложных образов, афоризмов. В основном он сочинял «утренние песни»:

*Твой скорбный плач над нами
Всегда бывал утрами
Горчицей после меда:
Когда звезда восхода
Встает сквозь мрак,
Любовное свиданье
Закончить расставаньем
Дашь ты знак.
Уж лучше, сторож, помолчи,
Все ведомо и так.*

Так же любил аллегории **Готфрид Страсбургский**. Он был из бюргеров, городской секретарь в Страсбурге в начале XIII в., отличался образованностью, постиг французский язык и латынь, хорошо знал творчество римских поэтов. В песнях, прославлявших земную любовь, Готфрид проявил себя как признанный мастер куртуазного стиля:

*Веселостью прислуживай страданью:
В стеклянном счастье радуйся сверканью,
Пока на сердце горе не скребется.
Ведь счастье так нетвердо:
В глаза блеснет, засветится лишь гордо
И тут же на осколки разобьется.*

Умер Готфрид около 1210 г., раньше Вальтера фон Эшенбаха.

Все чаще и чаще в XIII–XIV вв. появлялись поэты бюргерского происхождения, то перепевавшие мотивы «высокого» или «деревенского» миннезанга, то трудившиеся на ниве дидактической, назидательной поэзии. Живительный подъем средневековых городов укреплял их силы, питал их вольнодумство и обличительный пафос.

В XIV–XV вв. наступил закат миннезанга. Все реже рыцари обращались к поэзии. К тому же в новых исторических условиях само куртуазное служение становилось явным анахронизмом. Собствен-

но куртуазный элемент отходил на второй план, уступал место бытовым зарисовкам и размышлениям о состоянии современного общества. О торжествующей кривде и деградации рыцарства с тревогой и негодованием писал последний талантливый миннезингер — **Освальд фон Волькенштейн** (1377–1445 гг.). Этот родовитый тирольский рыцарь прожил бурную, наполненную странствованиями, военными походами и приключениями жизнь, участвовал в подавлении движения чешских гуситов. Подобно Тангейзеру, он был склонен рассказывать о пережитом. Он являлся автором 125 песен, напоминающих авантюрные новеллы, построенные на автобиографическом материале. В изображении любви у него был усилен эротический момент, воспевались брачные узы. Многие из песен были посвящены его второй жене. Были у него и песни религиозного содержания: скорбь по поводу нравственного упадка рыцарства соединялись с предсказаниями возмездия за грехи. Но у него уже много песен, близких к бюргерской поэзии, шуточных, кабацких, наполненных хмельным разгулом:

*Бокалы выше! Решено,
В бутылках капли не оставим,
Допьем, друзья, что не успели,
И над собой увидим дно!
Иль не мужи мы, в самом деле?
Иль в руки отдает вино?
А в ноги вступит — все равно:
Тычками, а пойдем к постели.*

*Куда спешить? Идем тишком.
Уж коли прямо в дверь не выйдем,
Так выйдем косо, как рубаки.
О черт! Что тут? Ведро с песком.
Хозяин, где тебя собаки?..
Да мы свои. К чему тайком?
Два пальца в рот — и языком,
Как это делают поляки.*

На этой пошловатой ноте заканчивается миннезанг, уступивший место бюргерскому майстерзангу. Подъем городов, их экономическая независимость способствовали развитию вольнодумства и обличительно-дидактического направления в средневековой художественной литературе.

Еще одной разновидностью куртуазной литературы явились **рыцарские романы**. Их родина — северная Франция. Здесь и расцвел этот жанр в XII–XIII вв. Рыцарский роман был рассчитан на занимательное чтение и по своему содержанию был далек от действительности. На первом плане в любом романе были собственные интересы личности, героев романа. Типичным персонажем являлся странствующий рыцарь, который шел на подвиги и «авантюры», в смысле предприятия, приключения, ради славы, морального долга и в честь своей дамы. Как и в куртуазной лирике, большое место в романе отводилось женщине и теме любви, а также морально-этическому аспекту, проблеме воспитания молодого рыцаря.

Рыцарские романы вначале писали лишь в стихах, потом — впромежку с прозой, и наконец, с XIV в. — только прозой. Но поначалу творцом романа в XII в. был поэт. Обычно это был горожанин или клирик, образованный человек. Он находился на службе при дворе или замке. Сеньор был его покровителем и защитником. Служба эта была почетной, господа дорожили талантливыми поэтами и часто переманивали их один у другого. Большое значение для развития романа имело усиление в XII в. интереса к античности. Произведения Овидия, Вергилия, латинские переводы Гомера и другие многочисленные классические сочинения стали источниками сюжетов и образцом стилистики для рыцарских романов. Огромное влияние на них оказали народные источники — экзотический фольклор восточных стран, наследие Крестовых походов. Но особенно важным источником оказался местный старинный кельтский фольклор, предания, распространявшиеся с Бретани, с их весьма своеобразной фантастикой. Именно благодаря этим старинным поэтическим кельтским или бретонским сказаниям рыцарский эпос оказался насыщен описаниями зачарованных замков, лесов, таинственных островов, рассказами о злых и добрых волшебниках и волшебницах, всесильных колдунах, прекрасных феях, зловредных карликах,

огнедышащих драконах и т. п. Но, несмотря на сказочный элемент, символику, рыцарскому роману оказался присущ и стойкий интерес к современности. Правда, куртуазные авторы идеализовали придворно-рыцарскую жизнь, но все же в их сочинениях были отображены подлинные стороны жизни европейских, а отчасти и восточных стран. В романах немало детальных описаний (замков, крепостей, придворных празднеств, турниров, битв, многолюдных охот, шумных городских ярмарок и т. д.), то есть в них проявлялось стремление к конкретизации обстановки. Но главной чертой рыцарского романа явилось углубление психологического аспекта, раскрытие внутреннего мира личности, показ душевных переживаний, борьбы страстей. Это обусловило тягу к индивидуализации характера, попытку создать портрет (пока что женский), а также зарисовки пейзажей.

Наиболее продуктивным периодом в развитии французского романа явились вторая половина XII — начало XIII вв. Из Франции роман перекочевал в другие страны, прежде всего, в Германию.

Французский рыцарский роман по тематике условно можно разделить на три цикла: античный, бретносский и византийский.

I. Античный цикл. Начальный период в развитии этого цикла романов приходится приблизительно на 50-е гг. XII в. Именно в это время проявилась тенденция познакомить французское общество с античными легендами и произведениями античных авторов. Причем в каждом из таких романов на «античный» сюжет была сделана попытка приспособить античный материал к духу средневековой эпохи и флорировавшихся куртуазных вкусов. Античные события переосмысливались через призму рыцарской идеологии и жизни. Персонажи древнего мира в рыцарских романах переносились в феодалное окружение и выступали уже в роли образцовых рыцарей.

«Роман об Александре» взял темой жизнь и подвиги знаменитого Александра Македонского. Эта тема была чрезвычайно популярной у некоторых средневековых поэтов, каждый из которых вносил в уже сложенное легендарное жизнеописание Александра свои дополнения и трактовки. Полностью сохранился позднейший стихотворный вариант романа (ок. 1175 г.). Это широкая компиляция Ламбера Ле-Тора и Александра Парижского.

«Роман об Александре» — это мифлогизированный рассказ с крайне малой частицей историзма. Античного Александра изображали как идеального рыцаря. Он совершал свои подвиги в романе не только с целью завоевать мир, но и руководствуясь стремлением познать его. Именно это стремление заставило его в стеклянной сфере спуститься на дно морское (факт, имевший место в действительности) и с помощью птиц подняться в небеса.

«Роман про Брута» был написан нормандцем Васом. Это история возмужания и подвигов героя с раннего детства до трагической смерти в результате измены. При этом римский республиканец, закончивший с Цезарем, изображался в романе как некий прародитель британцев.

«Роман о Фивах» был вольным переложением поэмы «Фивеида» римского писателя Стация. Античный сюжет излагался здесь в духе феодальных представлений: против фиванцев — язычников выступают отряды крестоносцев. В сознании героев доминировали феодальные понятия о щедрости сюзерена, о вассальной обязанности, рыцарской чести и т. п. Причем любовный элемент в романе трактовался в истинно куртуазном стиле.

На основе двух средневековых пересказов Гомера был создан чрезвычайно большой «Роман о Трое» *Бенуа де Сент-Мора*. Историю осады Трои Бенуа начал издавелека и не только пересказал античные мифы о Трое, но и поведал все, что ему было известно о Ближнем Востоке. Роман насыщен описаниями битв, осад, военных советов и переговоров. К слову, роман Сент-Мора послужил основой для многих обработок, со временем он заинтересовал Чосера, Боккаччо, Шекспира.

«Роман об Энее» анонимного автора возник, вероятно, около 1160 г. в Нормандии и являлся пересказом «Энеиды» Вергилия. Историки считают, что этот роман был особой вехой, поскольку он знаменовал переход от исторического к любовному роману. Действительно, в романе рассказывалось не только об Энее — вожде и его народе, — большое внимание было уделено и любовным проблемам. Автор взял у Овидия, интерес к которому особенно вырос во Франции во второй половине XII в., идею любви — болезни, фатума и широко разворачивал их в романе. Высокий уровень худо-

жественного мастерства французского поэта, фабульная четкость сделали «Энея» образцом для последующих романистов.

Принято считать, что эти ранние произведения имеют переходный характер от жёстке рыцарского эпоса к новому жанру — роману, период зрелости которого начался с 60-х гг. XII в.

II. **Бретонский цикл** рыцарских романов связан с бретонскими (кельтскими) фольклорными, народными преданиями — легендами, в которых были не только фантастические, но и любовные мотивы. Конечно, материал этих источников переосмысливался в духе идеологии того времени. Из большого числа бретонских повестей по идейно-тематическим признакам выделяют: 1) бретонские ле; 2) романы о Тристане и Изольде; 3) артуровские романы; 4) романы о Святом Граале.

Бретонские ле — это небольшие стихотворные новеллы или поэмы любовного содержания (от 200 до 1000 строк). Ле обычно лаконичны, имеют концентрированный сюжет и предельно насыщены фантастикой. На первом плане в них всегда остроконфликтная ситуация — несчастная или трагическая любовь. Влюбленная пара обычно противопоставлялась обществу, его нормам и законам (любовь замужней женщины, семейные запреты, любовь героя к фее и т. п.). Правда, со временем фантастических элементов в ле становилось все меньше, но зато игра глубоких, неподвластных воле героев страстей делалась еще более значительной. Именно этим ле оказали влияние на куртуазный роман.

Настоящим мастером этого жанра была талантливая поэтесса, которая называла себя **Марией Французской** (вторая половина XII в.). Это была единственная женщина — трувер. Происходила она, видимо, из Нормандии и принадлежала к аристократическим кругам. Для своих сложных любовных сюжетов она обрабатывала народные сюжеты. Поэтесса вносила в них черты современного ей рыцарского быта и мировосприятия. Но поэтесса воспевала не куртуазную любовь и служение даме, а нежную любовь, взаимное тяготение двух чистых сердец. Ее поэзия была проникнута сочувствием к простым людям, особенно к влюбленным парам, которых преследовали общество или семья. Именно она одной из первых обратилась к обработке кельтских материалов о легендарной люб-

ви Тристана и Изольды. Так родилось ле «Жимолость». В ней содержится рассказ о том, как рыцарь Тристан, тоскуя в разлуке со своей возлюбленной Изольдой, бросил в волны ручья, согласно старому кельтскому обычаю, палочки, на которых были вырезаны нежные послания к любимой. Лиризм, свежесть, высокую поэтичность этих маленьких повестей очень ценил Гете, который справедливо назвал сборник ле Марии Французской «жемчужиной средневековой поэзии».

Но к наиболее популярным и прославленным в средневековье принадлежат *куртуазные романы о любви рыцаря Тристана к королеве Изольде*. Изучение их со временем превратилось в целую отрасль медиевистики. Возникли эти романы на основе кельтских народных сказаний, но можно думать, что сказание о Тристане и Изольде занесли во Францию странствующие бретонские жонглеры, потомки британских кельтов. Во второй половине XII в. французские и англо-нормандские поэты, писавшие на французском языке (Беруль и Томас), создали несколько стихотворных романов о любви Тристана и Изольды. Около 1230 г. появилась уже первая французская обработка этого романа, написанная не стихами, а в прозе.

В целом, роман дает представление о классической феодальной действительности, хотя эта феодальная оболочка представлена в нем достаточно архаично.

Вот краткое содержание романа. Сестра короля Марка, который правил в Англии, в Корнуолле, родила от одного рыцаря, короля Ривалена, сына, прозванного Тристаном, то есть «печальным», потому что он вступил в жизнь сиротой, так как отец его пал в битве, защищая свои владения от давнего врага — соседа-сеньора Моргана и произошло это еще до рождения сына. Мать умерла с горя. Один верный маршал Рауль берет ребенка к себе и с семилетнего возраста обучает его всей придворной науке, а также рыцарскому искусству. Норвежские купцы похищают мальчика и продают его в рабство. Но вдруг поднимается буря, которая грозит опасностью кораблю. Моряки считают ее карой за похищение человека и высаживают Тристана в Корнуолле около замка Тинтагель, в земле его дяди. Там он делается любимцем двора. Тайна его происхождения

открывается. Дядя признает Тристана своим племянником и посвящает в рыцари. Он с честью носит рыцарское звание. Он убивает не только Моргана в отмщение за смерть отца, но кроме того освобождает Корнуолл от тягостной дани, платимой Ирландии, убивая на поединке сборщика этой дани, свирепого Марольта. Но павший успел отомстить победителю, поразив его отравленной стрелой, так что Тристан чахнет от неизлечимой раны. Среди этих страданий он узнает, что его может излечить посвященная в волшебство королева Ирландии — сестра Марольта. Он отправляется на корабле в Ирландию, принимает чужое имя и является ко двору переодетым музыкантом. Королева исцеляет его и за это он преподает ее дочери, белокурой Изольде, музыку, латинский и французский языки и науку тонкого обращения (*moralitas*). Он возвращается в Корнуолл здоровый и так как любовь еще не коснулась его, советует своему дяде Марку взять в жены прекрасную Изольду. Старый холостяк принимает его совет. Племянник снова отправляется в качестве свата в ирландский Девелин (Дублин) и придает своему предложению еще больше веса тем, что мечом своим освобождает страну от опустошений чудовищного дракона. В качестве невесты короля Марка Изольда пускается в морское путешествие с Тристаном. Во время плаванья Тристан и Изольда случайно выпивают заколдованный напиток, данный дочери матерью, королевой — волшебницей, и в обоих тотчас пробуждаются «злая любовь и страстные порывы». И вот тут начинается история, исполненная горя и радости, — социальный роман Средних веков, как справедливо называют это произведение. Жар самой пламенной любви вступает в борьбу с холодными приличиями, страсть торжествует над нравственностью. Дядя узнает об измене, выгоняет Тристана из своего дома и принуждает Изольду оправдаться от тяжких обвинений посредством Божьего суда. Но Изольда сумела отделаться от предстоявшей кары. Новые обманы влюбленных опять возбуждают подозрение Марка, который удаляет от своего двора племянника и жену. Они отправляются вместе в дикую местность, и описание их жизни, полной любовных восторгов, среди природы, не налагающей на них никаких стеснений, — одно из очаровательных мест в средневековой литературе. Новая хитрость влюбленной пары

опять примиряет Марка с женой и племянником. Но очередная их неосмотрительность окончательно открывает глаза Марку и подает повод к разлуке Тристана и Изольды. Тристан отправляется на чужбину, скитается по Германии, Франции, Испании, является ко двору герцога Арунделя и здесь знакомится с другой Изольдой, которую за белоснежные руки прозвали белоручкой. Уже одно это дорогое имя сближает Тристана с новой Изольдой. Тоска по отсутствующей возлюбленной действует заодно с обаянием красоты Изольды Белоручки, и Тристан впадает наконец в томительное состояние, по поводу чего в романе мастерски изображается непостоянство влюбленных. И так, Тристан не отвергает привязанности Изольды Белоручки, а, напротив того, женится на ней. Но почти сразу им овладевает горькое раскаяние, которое со временем доходит до отвращения к жене. Такие безотрадные отношения длятся до тех пор, пока Тристан не получил смертельной раны по случаю одного любовного приключения своего зятя. Во время предсмертных страданий в нем еще раз с неудержимой силой вспыхивает любовь к белокурой Изольде. Он посылает в Корнуолл верного слугу и просит возлюбленную приехать к нему: если просьба его будет исполнена, то на обратном пути посланный должен будет поставить белый парус, если же нет, то парус должен быть черным. Белокурая Изольда приезжает. При входе корабля в гавань Тристан спрашивает свою жену, какой на судне парус, белый или черный? Черный, отвечает ревнивая Белоручка. Услышав этот роковой ответ, раненный мгновенно умирает. Белокурая Изольда входит, бросается к мертвому возлюбленному, целует его и умирает. Но любовь Тристана и Изольды не кончается вместе с их жизнью. Король Марк приказывает сделать два гроба — из халцедона для Изольды, из берилла для Тристана — и похоронить любящих поблизости друг от друга, на одном кладбище. Между их могилами возвели высокую часовню. И увидели люди чудо. На могиле Тристана вырос куст терновника, цветущий, благоуханный. Только не вверх, не к солнцу поднялся он, а, перекинувшись через часовню, врос в могилу Изольды, чтобы уже больше никогда не разлучаться Тристану с Изольдой.

В романе очень много взято из древних сказаний: битва с драконом, колдовской напиток, который нечаянно выпили Тристан

и Изольда, или рассказ о том, как вырос куст на их могилах и тесно переплел свои ветви в знак того, что вечна и неразлучна их любовь.

Но поэты XII в. переосмыслили древние сказания соответственно своей исторической эпохе. Любовь в рыцарской поэзии того времени сильна и прекрасна, ее не подчинить чужой воле. Изольда выходит замуж по приказу своих родителей, но она не в силах победить своей любви к Тристану. Вассальный долг по отношению к старшему в роде королю Марку повелевает Тристану забыть Изольду, но он не может отказаться от нее. Авторы романа находят для них оправдание: Тристан и Изольда стали жертвами магических чар, но в то же время становится ясно: высокая любовь не требует оправданий.

Романы о Тристане и Изольде имели очень большой успех и множество подражаний. Такая исключительная популярность на протяжении трех столетий обусловлена изображением чрезвычайной глубины в любви. Это не любовь — поклонение, которую воспевали трубадуры, а *могучее земное чувство, лишенное какого-либо платонизма*. Любовь Тристана и Изольды вступает в конфликт с сеньориальными и церковными законами и обычаями. Согласно официальной морали XII–XIII вв., она является преступлением и заслуживает кары. Но успех роману обеспечила не только любовная тематика — роман привлекает раскрытием *психологии любви*, что было неведомо для других средневековых жанров. Обращают внимание также картины тогдашнего быта, повседневной жизни, колоритное изображение людей разных сословий, обычаев, Божьих судов и прочего, особенно на «кельтской» территории — Ирландии, Уэльсе, Корнуолле, французской Бретани. К слову, многие имена героев и названия местностей являются историческими: Лоонойс и лес Моруа расположены в Шотландии, Тинтагель — на морском берегу Корнуолла. Остатки стен его сохранились до наших дней. Один из королей Корнуолла, правивший в VI в., действительно носил имя Марк. Встречается в старых кельтских сказаниях и имя Друстан (Тристан).

Интересно, что в романе воссоздан образ Тристана как «идеального» рыцаря. Он прежде всего доблестный воин, силач, здоровяк,

атлет, великолепно владеющий всеми видами оружия. Он прекрасный охотник, знаток повадок зверя и дичи, сведущ в свойствах трав. Тристан великолепно образован, он в совершенстве овладел семью главными искусствами — науками; затем он изучил семь родов музыки — так по крайней мере сообщает автор норвежского варианта романа. Вдобавок он еще и поэт, искусен в шахматной игре, его манеры безукоризненны. Тристана отличают верность в дружбе и в любви, великодушие к врагам, щедрость. Удадь его часто переходит в безрассудство. Расчет, понятие личной выгоды совершенно чужды Тристану. Он все время живет в мире сильных страстей, открыто выражает свои чувства, его внутренний мир чрезвычайно эмоционален. И что особенно важно, Тристан находится в непрерывном действии, ему чужды лень души и тела. Внутренняя неудовлетворенность порождает у него неодолимую потребность постоянных свершений. Жажда подвигов, пожалуй, у Тристана становится более жгучей, чем страсть к Изольде.

В реальной жизни рыцари, конечно, были, как правило, весьма далеки от подобного идеала. Многие из них ограничивались лишь знанием военного дела, физической закалкой, пренебрегали образованием. Значительная часть рыцарей была невежественной, грубой, по существу, неграмотной. Но максимальные требования к рыцарю, подобные описанным в рыцарском романе, постепенно сформировались в высокий *аристократический этический кодекс*, который *в идеале* сплавивал рыцарство. Лучшие черты *рыцарского этоса* (этического кодекса) вошли в мировую культуру, в систему этических ценностей последующих эпох.

Поражает огромное количество дошедших до нас списков этого прославленного романа. Разработка его сюжета известны английскому, испанскому, итальянскому, норвежскому и некоторым славянским языкам. Наиболее значительной из них является немецкий стихотворный роман Готфрида Страсбургского (начало XIII в.), хотя он остался незавершенным. Впервые роман был типографски напечатан уже в конце XV в.

История Тристана и Изольды оставила заметный след в мировом искусстве. Так, по мотивам этого романа Рихард Вагнер в 1859 г. создал широко известную, мощную музыкальную драму «Тристан

и Изольда». Леся Украинка написала прекрасную поэму «Изольда Белоручка». Русские и украинские переводы создавались на основе двух обработок — собраний, сделанных видными французскими медиэвистами начала XX в. Первое собрание текста сделано Полем Шампионом, который использовал рукопись XV в. Другая обработка выполнена в 1900 г. ученым и писателем *Жозефом Бедье*, который использовал все средневековые источники, в том числе текст Готфрида Страсбургского. Жозеф Бедье воссоздал эту древнейшую версию романа так тонко и поэтично, что его книга «Роман о Тристане и Изольде» была переведена на разные языки, включая русский, и вошла в круг любимейших памятников мировой литературы. Обработку Бедье украинским языком сделал поэт Максим Рыльский. В основу изложенного выше пересказа положены версия старинного ле «Жимолость» и классического романа Готфрида Страсбургского.

III. *Артуровский цикл романов*. На протяжении столетий были чрезвычайно популярны так называемые артуровские романы (или романы Круглого Стола). Эти романы тоже связаны с бретонским циклом и названы так по имени легендарного героя кельтских преданий. Король Артур был королем бриттов и из героя старинных кельтских сказаний он позднее стал героем рыцарских романов.

Бритты, племена кельтского происхождения, еще со времен глубокой древности обитали на острове Альбион — в Британии, будущей Англии. В I в. до н.э. римляне завоевали Британию. Она стала римской провинцией, но бритты во многом сохранили свою самобытность, свой язык, верования и общественный уклад.

В начале V в. римляне отозвали из Британии свои легионы. Вскоре после этого сюда стали вторгаться упорные и жестокие германские племена англов и саксов. Англы и саксы, жившие на севере нынешней Германии и Дании, переплывали Северное море на своих легких и длинных плоскодонных лодках и высаживались на южном и восточном побережье Британии, огнем и мечом продвигаясь вглубь страны.

Артур упоминался в старинных анналах как храбрый воин, предводитель бриттов в их борьбе за независимость. В начале VI в. он одержал победу над англо-саксонскими завоевателями при горе

Бадон. Артур был убит в битве, но британский народ наделил бессмертием своего любимого героя. Возникла легенда о том, что Артур когда-нибудь вернется, не умер он, а живет в волшебном царстве фей.

Британские кельты были побеждены в тяжелой борьбе. Лишь на западе Британии, в Корнуолле и Уэльсе, и на севере, в Шотландии, кельты сохранили свою независимость. Многие бежали через море на континент. Побережье, где обосновались бритты, получило название Бретань (на северо-западе нынешней Франции). Из Бретани легенды о короле Артуре бретонские певцы занесли в глубь Франции.

Один ученый кельт, живший в Англии, *Гальфрид Монмутский*, написал в начале XII в. на латинском языке легендарно-сказочную «Историю бриттов», а точнее, их королей*. Артур уже изображен в ней наподобие Карла Великого, как могущественный король, владетель огромного государства, куда входит не только вся Британия, но и значительная часть Европы. На основе кельтских преданий Гальфрид воссоздал полное чудес жизнеописание доблестного и мудрого короля. Рассказывал он и о волшебнике Мерлине, и о фее Моргане, и о сказочном острове Авалон. «История бриттов» имела большой успех и была переведена на другие языки. В 1155 г. сочинение Гальфрида было переведено на французский язык нормандцем *Васом*, переселившимся в Англию, что сделало имя Артура еще более популярным и модным. Вас ввел в текст немало дополнений, особенно из рыцарского быта, а главное — деталь круглого стола: якобы Артур приказал поставить в своем замке огромный круглый стол на 150 рыцарей, своих знаменитых подвижников, чтобы на пирах не было почетных или непочетных мест, чтобы все чувствовали себя равными. Это был зримый символ равноправия и уважения достоинства каждого. Двор Артура и его прекрасной жены Гениевры был изображен как средоточие рыцарского мира. Каждый благородный рыцарь мечтал был принятым тут, чтобы научиться куртуазии, проявить свою воинскую доблесть в подви-

* *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина / Гальфрид Монмутский [изд. А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошерова]. — М., 1984.

гах и приключениях. Таким образом, фантастическое Логрское королевство Артура — это царство рыцарской добродетели, чести, благородства и справедливости, а Содружество рыцарей Крутлого Стола, созданное в этом королевстве, это оплот слабых и обиженных. Кроме короля и королевы в артуровские романы перешли и другие персонажи из их окружения: племянник короля Гавен, бесстрашный рыцарь и донжуан; фанфарон и неудачник сенешаль Кей, скрытный Модрот, злая, коварная фея Моргана, друг короля, волшебник Мерлин и другие. Древние герои кельтских легенд вели себя в романах как учтивые рыцари, знакомые с придворными обычаями, носили французские имена. Подробно и точно, со знанием дела описывались одежды, вооружение, турниры и поединки, замки того времени, когда создавались романы бретонского цикла. В то же время артуровский цикл, как верно оценил его пересказчик легенд об Артуре знаменитый американский писатель Джон Стейнбек, «это не что иное, как смесь серьезных откровений и детской, почти идиотической чепухи. И обе составляющие одинаково важны. Если вы оставляете глубинный смысл, а всю ерунду выбрасываете, что-то при этом теряется. Это своеобразная «дрим-стори», полная непреходящих, универсальных грез, некоторые из которых сохраняют бессознательность сновидений» (письмо к издателю Эро, июнь 1959 г.).

Таким образом, сложная модель Гальфрида — Васа оказалась чрезвычайно продуктивной. На ее основе европейские авторы создали сюжетно различные блестящие варианты.

Настоящим творцом артуровского романа явился выдающийся французский эпик *Кретъен де Труа* (вторая половина XII). Иногда его называют создателем рыцарского романа и основоположником европейского романа вообще. Известно, что он происходил из Шампани и, возможно, был связан с сеньориальными дворами северо-западной Франции, в том числе с блестящим двором графини Марии Шампанской, где увлекались куртуазной поэзией и игрой в «суды любви». Поэт пробовал свои силы в разных жанрах (лирика, поэма, переработка стихов Овидия), но наиболее полно его одаренность проявилась в жанре романа. Интересно, что Кретъен де Труа имел при этом собственную концепцию мира и человека,

собственную стилистическую манеру. Поэта волновали главным образом морально-этические проблемы, то есть основной темой его романов была нравственность, точнее, — стремление к сочетанию рыцарских добродетелей с принципами нравственности. При этом он достаточно критично относился к миру сеньоров и аристократической нравственности. Его отличало глубокое наблюдение за психологией человека. Будучи очень наблюдательным, Кретъен де Труа детально описывал тогдашний быт. Его волновала проблема особого положения женщины в феодальном мире. В своих романах он стремился всячески поднять положение женщины, возвысить ее. Кретъен де Труа настаивал на том, что рыцарем можно оставаться и по отношению к собственной супруге. Он убеждал слушателей, что это возможно, потому что женщина может быть не только женой, но и товарищем, верным другом. Короче говоря, это были нравственные новшества, которые только начинали завоевывать свое место в мире.

«Магистральный» сюжет произведений Кретъена де Труа можно обозначить приблизительно такой формулой: **«молодой герой» (рыцарь) в поисках моральной гармонии**. В пяти его романах на следовалась схема артуровского двора из хроник Гальфрида — Васа, но Кретъен давал новую картину художественной действительности. К примеру, автор противопоставлял идеальное Логрское королевство Артура рыцарскому обществу, далекому от его идеала. В то же время фантастический, подчас ирреальный мир романов Кретъена сосуществовал с исторической и реально достоверной действительностью. Очень точно Кретъен изображал будни и праздники своих современников при дворах королей, в замках сеньоров, в городе. У него можно найти намеки на исторические события, названия известных мест.

Книги Кретъена были предельно насыщены **кельтской фантастикой**, что вообще типично для бретонского романа. Эта ориентация не вымысел, тем более, что чудо в целом характерно для мировосприятия средневекового человека. Тогда не существовало в менталитете установленной грани между реальным и надприродным: чудесное воспринималось как вполне возможное, существующее.

Точная дата написания романов неизвестна. Единственное, что можно утверждать по этому поводу: они создавались в период с 1170 по 1191 гг.

Первый роман Кретъена — «Эрек и Энида» — типичный образец нового куртуазного роман с массой рыцарских «авантюр». Автор пытался раскрыть проблему — совместимы ли любовь, брак с доблестью и воинским долгом рыцаря? В первой части романа королевич Эрек, один из рыцарей при дворе Артура, встречает девушку необыкновенной красоты. Это — Энида, дочь обедневшего рыцаря. Эрек привозит ее ко двору Артура. Даже в старом, золотом платье Энида покоряет всех природной красотой и утонченностью. Считается, что портрет Эниды (светлые золотистые волосы, голубые глаза-звезды, розовые щеки и пр.) надолго определил европейский эталон женской красоты. Не случайно Шекспиру и Ронсару через четыре столетия пришлось в своей лирике отстаивать иной идеал — привлекательность женщин со смуглым лицом и темными волосами.

И так, ставши королем после смерти отца, Эрек уединяется с женой в замке. В согласной любви, радостной и спокойной, он забывает об обязанности сюзерена по отношению к своим вассалам, которых он должен защищать. Позор мужа гнетет душу Эниды. Как-то раз ночью она отважилась признаться ему: «Теперь все смеются с вас... и называют вас трусом». Разгневанный Эрек немедленно собрался в дорогу, сгорая от желания доказать всем, а главное — жене, что он, как и раньше, отважен и готов на любые подвиги.

Вторая часть романа особенно насыщена «авантюрами». Как и следует рыцарю, Эрек снова совершает подвиги. По мысли автора, любовь не должна принижать человека. Согласно его концепции, брак, супружество — это связь равных. Любовь и рыцарские обязанности должны гармонизировать, а не противоречить одно другому. В романе чувствуется также скрытая полемика с концепцией любви, выдвинутой в «Тристане и Изольде».

Еще более выражено эта полемика выступает в следующем романе Кретъена — «Клижес», сюжетная схема которого похожа на «Тристана», но любовь тут подчинена контролю разума и лишена трагично-фатальной неизбежности. Брак у Кретъена освящен

взаимной любовью. В словах героини — «душа и тело одному» — звучит укор белокурой Изольде, которая без любви согласилась стать женой короля Марка.

Третий роман — «Ланселот, или Рыцарь Воза» был создан, скорее всего, по заказу графини Марии Шампанской, большой почитательницы модных тогда «судов любви» — куртс де амур, призванных разрешать подчас довольно путаные проблемы куртуазного служения рыцарей и их дам. Разумеется, этот роман был выдержан в духе куртуазного понимания любви. Славный рыцарь Ланселот влюблен в королеву Гениевру и ради нее готов не только на бессмысленную отвагу, но и на унижение. Так, чтобы найти украденную неведомым рыцарем Гениевру, он соглашается даже проехаться на мужицком возе, что покрывало позором рыцарскую честь. Но гордая и своенравная дама отворачивается от опозоренного обожателя: она заметила его минутное сомнение перед тем, как сесть на воз. Потерявший голову от любви и отчаяния, Ланселот готов на самоубийство, но, прощенный наконец королевой, добивается права на свидание в ее спальне. В романе торжествует куртуазная любовь: рыцарь вассально служит даме, посвящает ей жизнь. Автор давал немало рецептов того, как должен вести себя рыцарь, чтобы стать «идеальным» куртуазным поклонником. Этот роман Кретьен не дописал, поручив завершить одному из своих последователей. Возможно, такая интерпретация любовных отношений не отвечала взглядам поэта, подтверждением чего могут быть нотки иронии, то и дело проскальзывавшие в авторских оценках.

В романе «Ивейн, или Рыцарь Льва» Кретьен отошел от крайностей куртуазной любовной доктрины. Теперь он утверждал мысль, что только осмысленность и общественная польза подвига присущи истинному рыцарю. Завязка романа осуществлялась на основе все той же кельтской фантастики. Рыцари Артура узнали о чудесной «авантюре»: в лесу есть волшебный источник, воду которого опасно тревожить — поднимается страшная буря, появляется черный рыцарь и обязательно убивает каждого, кто хотел нарушить лесной покой. Узнав это, рыцарь Ивейн сразу же отправляется в лесные чащи. В поединке он смертельно ранит черного рыцаря. Пленный в замке погибшего, он страстно влюбляется в вдову

черного рыцаря, прекрасную Лодину, и уговаривает ее выйти за него замуж.

Король Артур и рыцари зовут Ивейна принять участие в рыцарских забавах и авантюрах. В кругу друзей он забывает о жене и полтора года беззаботно проводит в пирах и турнирах. Опомившись, Ивейн спешит в замок, но оскорбленная Лодина непустила его даже за ворота. Ивейн в отчаянии от любви теряет разум и в безумстве совершает немало подвигов, в том числе вытаскивает из лапы огромного льва занозу и тот становится его верным спутником. Наконец супруги помирились и вновь стали счастливы. Под влиянием душевного потрясения совершается прозрение Ивейна. Он снова вершит авантюрные поступки, но теперь это не просто забава — его подвиги приносят людям пользу: он помогает бедным, защищает слабых и угнетенных, карает предателей. Благодаря доблести и душевному благородству Ивейн становится одним из прославленных рыцарей Круглого Стола.

Роман отличается тонкими наблюдениями над душевными переживаниями героев. Автор, например, умело передает оттенки чувств Лодины. Сначала она стремится отомстить, но из ненависти быстро рождается любовь к Ивейну. Умная и своенравная, она постепенно приходит к пониманию, что жена должна быть не только гордой дамой, но и простой, задушевной подругой своего мужа.

Еще одна группа бретонских романов — это *романы о Святом Граале*. Этот цикл романов явилась попыткой соединения светского рыцарского идеала с господствующими христианскими церковными догматами. Причем в трактовке символики Грааля немало расхождений. Дело в том, что в легенде о Граале несколько слоев: в кельтском фольклоре Грааль это талисман, способный насыщать и поддерживать силы людей; в христианстве Грааль — чаша-дароносица или блюдо Тайной вечери, либо золотое изображение Ноева ковчега. Почва для подобного «размежевания» была подготовлена где-то на грани XII–XIII вв.

Идею предания о Граале составляли стремление к подвигу и высокому нравственному совершенству. Содержание наиболее распространенного христианского предания следующее. Во время Тайной вечери Христос спросил чашу, в которой подал вино своим

ученикам, апостолам. Эта чаша принадлежала одному из его тайных последователей, известному фарисею Иосифу Аримафейскому, в гробнице которого на Голгофе будет похоронен Иисус после распятия. Когда из бока распятого, пронзенного римским центурионом Лонгином, потекла кровь с водой, она была собрана его апостолами в эту же чашу, которая стала, таким образом, священной вдвойне. Мало того, она сделана из камня, который некогда выпал из короны падшего ангела Люцифера во время его низвержения с небес. Святыня святынь переходила из рук в руки и каким-то чудом сохранилась на Западе до Средних веков. Так как Грааль был связан со сказанием о главном чуде христианского искупления грехов рода человеческого, то понятно, что его представляли одаренным чудотворными силами. Грааль не только наделял своего обладателя всей полнотой мирского блаженства, но награждал его счастливой жизнью на сотни лет. Те, которые удостоивались высокого счастья смотреть на Грааль, не страдали и не болели, а больные исцелялись от любых болезней. Такая святыня, разумеется, не могла принадлежать людям. Ее охраняют ангелы в небесном пространстве. Святой Грааль увидят на земле только тогда, когда отыщется человек высоко нравственный, храбрый, мудрый, одним словом, который был бы воплощением совершенства. Он должен быть одарен непоколебимой верой в Бога и полнейшей преданностью людям.

Одной из первых попыток обработки пересказа о Граале явился очень популярный роман Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале». Типаж путешествующего рыцаря, созданный Кретьеном, и его высокий моральный идеал станут живучими и будут существовать несколько столетий, вплоть до Мигеля Сервантеса с его великим «Донкихотом», который, наконец, высмеет в своей пародии на рыцарские романы этот жанр, отживший свой век.

Роман Кретьена остался незаконченным, а символика Грааля — не раскрытой до конца. Эта проблема нашла более глубокую разработку в творчестве известного немецкого поэта **Вольфрама фон Эшенбаха** (1170–1220 гг.), современника знаменитого императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена и автора широко известного романа «Парцифаль» — немецкой версии «Персиваля» Кретьена де Труа. Немецкий поэт раскрыл до конца все не

решенные Кретъеном проблемы и, главное, углубил мотив Грааля. Поэт решил воспеть здесь торжество духа над чувственным миром, чего требовали христианство и Церковь. Он хотел создать психологический эпос, где была бы изображена внутренняя душевная борьба пытливого разума. Некоторые сравнивают Вольфрама с великим флорентийцем Данте Алигьери. Это несколько смело, но тем не менее благородная идея возвышает Вольфрама над другими средневековыми поэтами, хотя он и не может считаться гением. Он остается ортодоксом-католиком и осуждает чувства.

Роман Вольфрама о Парцифале состоит из шести книг. Парцифаль происходит от Титурелей, от королевского дома хранителей Грааля, по женской линии. Его отец и старшие братья героически погибли на войнах и на турнирах. Поэтому мать, тяжело пережившая раннюю смерть супруга, хочет сохранить младшего сына от превратностей опасной рыцарской жизни. С этой целью она прячется с сыном в каком-то пустынном месте, в глухом лесу, чтобы он не имел никакого понятия о рыцарстве и, подобно отцу, не нашел бы преждевременной смерти в боевой сумятице кочевой жизни. Пытливая и мыслящая натура мальчика рано обнаруживается в его столкновениях с матерью и с окружающей дикой природой. Спиритуалистические стремления и наклонности пробуждаются в нем, когда, благодаря какой-то случайности, он добился от матери ответа на свои вопросы о Боге и дьяволе. Он встречается в лесу с группой рыцарей в сверкающих латах, и это дает возможность мальчику, вступающему в юношеский возраст, вдуматься в мир рыцарства, к которому с этой минуты его влечет с непреодолимой силой. Мать соглашается наконец на его отъезд, но, чтобы отучить его от рыцарских походов, надевает на него платье шута. Парцифаль является ко двору короля Артура, где, благодаря шутовской одежде, своей ловкости и пылкой храбрости, возбуждает всеобщее внимание, между тем как в придворных кругах ничто не привлекает его к себе. В продолжении своего путешествия он уже в настоящем рыцарском одеянии вновь является ко двору Артура и даже женится, благо недостатка в невестах для него не было. Но семейная жизнь не в состоянии избавить его от страсти к похождениям. Он бросает жену. Томимый тоской по родине, он не создан для семейной жизни.

ни. Он снова отправляется на похождения бездельные, случайные. Случай приводит его в такие места, где нет дорог и где находится высокая гора Монсальват, Дикая гора. На ее вершине стоит великолепный замок из белого мрамора. В этом замке живут рыцари — хранители чудесного Грааля. Эти рыцари появляются время от времени там, где нужно защищать слабых и обиженных. Живя в этой крепости на горе, рыцари охраняют храм. Описание храма является образцом средневековой романтики. Сапфиры, изумруды и алмазы горят на мраморных колонах. Во дворце идет роскошный пир, но веселья на нем нет. Король-хранитель Грааля, укутанный в меха, сидит израненный и грустный, а в соседней комнате Парцифаль видит старика, седого как лунь, лежащего на кровати. Оруженосец проносит через зал окровавленное копье, при виде которого начинается всеобщее сетование. Парцифаль с удивлением замечает все это, но, помня давнешнее наставление одного старого рыцаря, никогда не вмешиваться в дело с неуместными вопросами, не спрашивает о значении всех этих таинств. А если бы он задал подобный вопрос, то узнал бы, что седой старик — его собственный прадед, что старый король Грааля — Титурель, что королева — сестра его матери, что израненный король — его дядя Анфортас, которого он мог бы излечить от ран именно этим вопросом. Но он упускает случай получить полное спасительное разъяснение. Так часто светская мудрость мешает людям стремиться к высшему познанию правды. Его ведут затем в постель со всем великолепием рыцарски-романтического гостеприимства, но на другой день, при его пробуждении, в чудесном замке уже царит безлюдная пустота, и, когда он уходит под впечатлением тягостного чувства, оруженосец, стоя на крепостной стене, насмешливо упрекает его в глупой сдержанности. Сейчас же вслед за этим он встречает девушку, которая горько плачет, держа в объятиях труп своего убитого жениха. Это тоже неизвестная родственница, — его приемная сестра. Она сообщает ему, какой вред Граалю и его хранителям он причинил своим молчанием и с проклятием прогоняет его от себя. Он считает свое общество позорным для рыцарей Круглого Стола и отправляется дальше, отчаиваясь в себе, во всем окружающем, даже в Боге. Во все время описания долгих и тревожных скитаний поэт отодвигает Парцифа-

ля на задний план и, напротив, выделяет пестрые приключения, которые переживает старший соратник Парцифалья, один из рыцарей Артура, бесстрашный Гавейн. В этих приключениях Вольфрам фон Эшенбах изображал самую блестящую сторону светского рыцарства. Наконец, Парцифаль, колеблющийся между отчаянием, неверием и жгучей жаждой того источника благодати, которым является Грааль, встречает отшельницу Сигуну в диком лесу, с которой он, однако, снова сбивается в чащу леса. Еще не свершилось в нем то внутреннее возвращение на родину, которое должно предшествовать внешнему. Полное обращение Парцифалья совершается в келье отшельника, его дяди. Здесь наконец Парцифаль получил полное откровение о Граале и о своем собственном призвании. Дядя сообщает племяннику, как он сам, несмотря на свое происхождение от Титуреля, из дома королей — хранителей Грааля, отказался от чести хранителя Грааля, потому что почувствовал себя недостойным подобного счастья. Далее, он поведал Парцифалю, как брат его, Анфортас, теперешний король — хранитель Грааля, отвлекшись от своего высокого назначения, слишком ревностно отдался мирской славе, как по этому случаю он был побежден в бою и ранен тем самым отравленным копьем, которое при Парцефале пронесли в замке Грааля, как он теперь влачит несчастную жизнь, пока, когда-нибудь, как гласит пророческая надпись на Граале, не придет рыцарь, который станет расспрашивать о тайнах Грааля и о страданиях короля, и покажет именно этим расспросом, что он как раз тот, кому Анфортас должен передать королевство Грааля. Только теперь Парцифаль чувствует глубокое раскаяние в том, что он вел себя как наоборот в замке Грааля, и только утешения дяди и его уверения, что Бог всегда посылает снова свою милость искренне кающемуся, вновь внушает ему бодрость. Он отправляется немедленно отыскивать Грааль, а заодно и свою жену. Он проходит равнодушно и без малейшей зависти мимо полноты светского могущества. Но так как божественное не достигается одной только жизнью мысли, случается, что Парцифаль побеждает на поединке Гавена, это воплощение светского рыцарства, и вследствие этого приобретает право вступить в число рыцарей Круглого Стола в качестве всеми уважаемого рыцаря. Это вступление есть только внешний символ совершивше-

гося внутреннего очищения Парцифалья. Потом он отправляется на Монсальват, исцеляет своими заботами страдания дяди, принимает святыню в свое владение и правит со своей найденной супругой как праведный король — хранитель Граала.

В качестве эпилога Вольфрам фон Эшенбах прибавил сюда еще рассказ о приключениях старшего сына Парцифалья — Лоэнгрин. Здесь проявился чудесный сказочный мотив, которого не было у Кретьена де Труа в его варианте «Персиваля». Чудесное существо, рассказывает сказка, может полюбить смертного человека под условием, что тот не нарушит какой-нибудь запрет. Когда запрет нарушен, — а любопытство всегда заставляет его нарушать, — чудесный супруг исчезает навсегда. За ним прилетает волшебный лебедь и увозит ладью с рыцарем. Так Вольфрам фон Эшенбах соединил воедино два сюжета: легенду о чудесном Граале с легендой о рыцаре Лебеде.

К слову, кроме романа Вольфрама фон Эшенбаха, точнее, его эпилога, известно еще много французских и немецких вариантов «Лоэнгрин».

В начале XIX в. ученые стали собирать и изучать старинные сказки, легенды и предания. Знаменитые исследователи и собиратели сказок — братья Гримм опубликовали в своем пересказе предания: «Рыцарь Лебедея» и «Лоэнгрин в Брабанте». Это воскресило интерес к сюжету о Лоэнгрине. По этой легенде композитор Рихард Вагнер создал в 1848 г. одну из лучших своих опер «Лоэнгрин».

К циклу бретонских повестей следует отнести известную повесть конца XII в. «Мул без уздечки». Автор ее прикрылся псевдонимом *Пайен де Мезьер*. Дословно с французского это можно перевести как Язычник из Мезьера. К слову, имя Кретьен де Труа тоже скорее прозвище, так как может быть переведено по аналогии с Пайеном как Христианин из Труа. Повесть начинается с появления при дворе короля Артура неизвестной девицы на муле, которая горько плачет и просит помочь ей найти потерянную уздечку. На помощь бросается фанфарон, сенешаль Кей, но, как всегда, неудачно. Дело доводит до конца бесстрашный Гавен, который, совершив ряд подвигов, возвращает уздечку ее владелице и этим снимает страшное заклятие с ее страны. Анонимный последователь Кретьена исполь-

зовал модель его романов, но к печалям и радостям своих героев относился с доброй и хитрой усмешкой, что позволяет некоторым исследователям считать это произведение пародией на артуровские романы.

IV. *Византийский цикл*. Так называемые византийские романы — это достаточно большая группа произведений, в сюжетной структуре которых много сходного с позднегреческим романом. В романах этого типа почти отсутствует сверхъестественное, зато свойственны насыщенность бытовыми подробностями и простота изложения. Наиболее характерным для данного жанра являются произведения, которые получили название «*идиллических романов*». Они создавались по следующей сюжетной схеме: нежная привязанность с детства, которая перерастает в любовь, социальное неравенство (или разные вероисповедания), насильное разлучение влюбленных, поиски один одного, встреча и счастливое соединение (брак). Причем все невзгоды судьбы не меняют героев ни внешне, ни духовно.

Классическим образцом такого жанра является французский анонимный роман «Флуар и Бланшефлор», созданный около 1170 г. Этот роман был исключительно популярен в Высокое средневековье. Это рассказ о пылкой любви двух юных сердец — сарацинского принца Флуара и дочери пленной христианки Бланшефлор. Начало романа расцвечено идиллическими тонами: юная любовь не знает тревог и смятений, это — нежность и радость только что пробужденного чувства. Родились они оба в один день, вместе учились, занимались музыкой. Их детская дружба постепенно переросла в любовь. Но на пути влюбленных встает отец Флуара, который считает, что сын должен выбрать невесту из своего круга. Он отправляет Флуара в заморскую школу, а девушку продает заезжим купцам. Флуар, жизнь которого стала безрадостной, пускается на поиски любимой. В романе нет описаний рыцарских подвигов. Основное внимание уделено описаниям морских путешествий, разных стран и городов, особенно бытовой стороны жизни и разных забавных происшествий. Душевная чистота и благородство юноши повсюду вызывают отклик людей и стремление помочь ему как можно быстрее найти свою подругу. Наконец, принц находит ее в Вавилоне, где местный

эмир заточил юную красавицу в неприступной крепости. Забрав стражника подарками, Флуар проникает в комнату возлюбленной в большой корзине с розами и лилиями. Но их тайная радость недолговечна: эмир внезапно схватил их. Юных влюбленных ждет кара. Но даже угроза смерти не гасит их нежной привязанности. Каждый из них берет вину на себя и хочет умереть первым, чтобы продлить жизнь другому. Роман заканчивается счастливым браком. География повествования, интерес к экзотике свидетельствуют о том, что создавалось оно не без влияния контактов с Ближним Востоком и мусульманской культурой.

Еще одним показательным образцом «идиллического романа» является песня-сказка «Окассен и Николет». Она написана стихами, которые перемежаются прозой. Возник этот роман в начале XIII в. в Пикардии, на северо-западе Франции, но автор его, как и в предыдущем случае, неизвестен. Это тоже рассказ о влюбленных, которые сумели преодолеть все препятствия на пути к счастью. Героев разделяет социальное положение и вера: Окассен — графский сын, Николет — сарацинская пленница. Разгневанный отец юноши добивается, чтобы опекун Николет заточил ее в крепости, а сына бросает в подземелье замка. Влюбленным удалось сбежать, однако на их пути оказалось столько препятствий, что только через несколько лет судьба соединила их в счастливом браке. Окассен действовал наперекор правилам рыцарского сословного кодекса. Он смелый человек, но безразличен к рыцарской славе и подвигам. Отец насилу уговаривает его принять участие в феодальной войне, чтобы защитить собственные владения. Это удивительное для феодала поведение (и некоторые другие факты) дают основания считать эту повесть пародией на сеньориально-вассальные законы и обычаи. Но главная тема произведения — это любовь. Это светлый гимн взаимной любви и верности. Это — ясный мир чувств, трепетных, нежных, необоримых. Вот почему героев так привлекает сказочная страна Торлор, где нет кровавой феодальной вражды, усобиц и влюбленные могут безоглядно отдаваться радостям и наслаждениям. В романе прославляется все прекрасное, светлое, разумное. Окассен насмешливо относится к официальным религиозным догмам. Он заявляет, что не хочет попасть в рай, потому что

туда идут церковники и несчастные. Он согласен на ад, только бы рядом с ним была его верная подруга Николет. Автор с интересом рисует сцены будничной жизни, сочувственно относится к тяжелой жизни простолюдинов, беднякам, пастуху, которому грозит тюрьма за пропажу господского быка. Некоторые признаки фольклорного стиля (чередование прозы и стихов), а также элементы демократического мировосприятия, «смеховой культуры» дают основания предполагать, что повесть «Окассен и Николет» возникла в жонглерской среде.

В Германию рыцарский роман проник в конце XII в. Своей вершины немецкий куртуазный роман достиг в творчестве трех поэтов конца XII — начала XIII вв. — Готфрида Страсбургского, Гартмана фон дер Ауэ и Вольфрама фон Эшенбаха. Из этих трех поэтов Гартман фон Ауэ познакомил земляков с артуровскими романами Кретьена де Труа («Эрек» и «Ивейн»). Самобытным его сочинением стал уже упоминавшийся выше популярный стихотворный роман «Бедный Генрих» с ярко выраженной главной идеей: простые люди добры и справедливы, ради спасения других они способны на подвижничество. Гартман фон Ауэ, видимо, не умел сам писать, будучи неграмотным, но ясность и чистота языка, богатство рифмы, глубокая человечность его романа захватила многих писателей, в том числе Ивана Франко.

Первые романы на английском языке появились в начале XIII в. Создавались они на основе произведений нормандских поэтов. Особенно популярными в рыцарской среде (а также и среди народа) были романы на сюжеты легенд о короле Артуре (роман «Артур», «Артур и Мерлин», «Ланселот Озерный» и другие). Примерно в XIV в. появилась замечательная поэма неизвестного автора «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь».

В 40–60-х гг. XV в., когда «золотой век» рыцарства был уже позади, некий мелкий рыцарь *Томас Мэлори* был брошен в тюрьму. Скукая от безделья в темнице, Мэлори начал писать о короле Артуре и его рыцарях, собрав воедино разные кельтские сказания. Так был создан толстенный роман в прозе — «Смерть Артура». Эта систематическая обработка французских и английских пересказов и романов об Артуре стала жемчужиной английской литературы.

Сэр Томас Мэлори был весьма колоритной фигурой, которую оценивают весьма неоднозначно, то оправдывая, то порицая. Думается, что надо проявить беспристрастность и, если уж судить о нем, то по меркам его эпохи. Эпоха же эта оказалась для Англии весьма сложной, связанной с окончанием бесславной и невыгодной Столетней войны с Францией, кризисом рыцарства, феодального поместья-манора и тридцатилетней гражданской войной. Известной как война Алой и Белой Роз, когда за абсолютную власть в кровь, до смерти дрались все ветви одного генеалогического феодального дерева — представители династий Ланкастеров и Йорков. Томас Мэлори был сыном шерифа и члена парламента, нормандец по происхождению. Он был вассалом знаменитого в Англии древнего рода графов Уорвиков, которые были правой рукой английских монархов, а один из них, Ричард Уорвик-Невилл даже прочно занял место в истории с прозвищем «делатель королей». Ему тоже служил Томас Мэлори в качестве рыцаря из его свиты, «ливрей». История крупнейшего королевства Европы напоминала в это время уголовную хронику. Англия, по образному выражению Шекспира, превращается в живодерню.

Страной все еще правит Генрих VI Ланкастер, безвольный и слабоумный. Правит номинально. Фактические хозяева страны — разбойники, пираты, да еще группировки придворных рыцарей, герцогов, пекущихся не столько о государственных интересах, сколько о своих собственных. Один из этих герцогов — Ричард Йоркский со своими единомышленниками сумел добиться назначения его лордом-протектором при душевнобольном короле, то есть стал регентом. Перед ним замаячила корона. Решающая битва за нее произошла 22 мая 1455 г. у города Сент-Олбанс. Богом этого сражения (и злым гением Ланкастеров) стал 27-летний сэр Ричард Невилл, граф Уорвик.

В этой рыцарской сечи, по-видимому, участвовал и Томас Мэлори, судьба которого на протяжении всей его жизни была настолько тесно переплетена с судьбой Уорвиков, что кое-кто даже высказал предположение об их родстве. Известно, что в 1455 г. Томас Мэлори даже представлял графство в парламенте по поручению сюзерена — графа Уорвика. Но довольно скоро сэра Томаса

всецело поглотила деятельность иного рода, успешно совмещаемая с военной и литературной, так как он уже стал пописывать романы в духе «артуровских»: в его «послужном списке» за 1450–1468 гг. — грабеж на большой дороге, кража со взломом, угон скота, насилие над женщиной, разорение монастырской собственности, неполаченный долг и много чего еще, в том числе два дерзких побега из тюрьмы. Словом, этот забияка был именно тем человеком, в каком нуждался всякий уважающий себя сюзерен эпохи разбродов и военно-политических столкновений. Такие исторические эпохи, когда бы они ни случались, как водится, закономерно рожают подобный массовый типаж.

Уорвик то и дело как мог выручал верного вассала, беря его на поруки, а в 1456 г., играя на его военных заслугах, даже сумел добиться вторичного его избрания в парламент, но собственные немалые хлопоты захватили Уорвика с головой, ему стало некогда уделять должное внимание лихому рыцарю-авантюристу, и Мэлори утешился тем, что грезил за тюремной решеткой о славных временах Артура, наделяя персонажей своего романа чертами горячо любимого патрона, и, когда совсем уже становилось невмозготу, заканчивал главы сентенциями вроде: «Эту книгу изложил рыцарь — узник Томас Мэлори, да пошлет ему Бог благополучное вызволение». Или: «А я прошу всех тех, кто прочтет эту повесть, помолиться за написавшего ее, дабы послал ему Господь поспешное и скорое освобождение».

Весь свой увесистый роман (899 страниц в русском издании) Мэлори написал, сидя в тюрьмах. Именно в тюремных стенах он задумал собрать воедино все, что ему известно об Артуре, а удручающую нехватку материала возмещал описанием современных ему событий, стилизуя их под рыцарскую старину в меру своего разумения. Но пока Томас лил слезы в камере над страданиями прекрасных дам и не менее прекрасных сэров, сэр Ричард Уорвик с головой ушел в борьбу партий, возводя на престо с помощью оружия то короля из династии Йорков (Эдуард IV), то возвращая опять представителя Ланкастеров (Генирих VI). Властный и капризный, этот отчаянный политик предпочитал то алые, то белые гербовые розы основных противников, в результате лишившись доверия обеих партий.

Эти метаморфозы бурной жизни Уорвика имели роковые последствия для Томаса Мэлори, не успевшего по вечной своей рассеянности однажды сменить цвет Ланкастеров на цвет Йорков. Он снова попадает в тюрьму — последний раз в своей жизни, и умирает там весенним днем 14 марта 1471 г., едва успев поставить точку после заключительных фраз только что оконченного огромного романа: «Я же прошу вас, всех джентльменов и дам, кто прочтет эту книгу об Артуре и его рыцарях от начала до конца, молитесь за меня, покуда я еще жив, дабы Господь ниспослал мне освобождение».

Сам же Ричард Уорвик, его рискованый сюзерен, пережил своего верного вассала ровно на месяц. В еще один весенний день, 14 апреля 1471 г. армии Алой и Белой Роз встретились у мало примечательного городка Барнета. В этой схватке войска Уорвика были почти полностью уничтожены рыцарями короля Эдуарда IV Йорка, а сам Уорвик трагически погиб.

Безусловно, криминальный «послужной список» Томаса Мэлори озадачивает и смущает некоторых современных исследователей. На первый взгляд это плохо вяжется с высказываниями самого Мэлори: «Как? — воскликнул сэра Ланселот, — Рыцарь — и вор? Насильник женщин? Он позорит рыцарское звание и нарушает клятвы. Да это позор рыцарского ордена; он преступает клятву. Сожаления достойно, что такой человек живет на земле».

Английский историк **Анри Мортон** в его «Истории Англии» написал небольшое исследование о Артуровском цикле и развитии феодалного общества, которое дано в приложении к русскоязычному изданию книги Томаса Мэлори. Мортон справедливо замечает, что «вышеупомянутые гуманные критики [Мэлори] напрасно мучаются сомнениями. XV век в Англии был периодом насилия над личностью и вечных стычек между соседствующими мелкопоместными дворянами, и Мэлори, без сомнения, испытал воздействие всех страстей своего времени». Кроме того, при тщательном рассмотрении его действия можно объяснить иначе. Насколько можно судить, врагами Мэлори были некие монастырские хозяйства, которые уже давно конфликтовали со своими соседями-крестьянами. По своим действиям Мэлори больше похож на истинного рыцаря, встающего

на защиту обиженных богачом, чем на заурядного правонарушителя. Быть может, он в соответствии с заповедями рыцарства считал себя не бандитом, а странствующим рыцарем чести, пресекающим общественное зло. Высказывалось также предположение, и при этом весьма правдоподобное, что выдвинутые против Мэлори обвинения в изнасиловании некой Джоан, жены Хью Смита, представляют собой «юридическую фикцию», плохо прикрывающую политическую ангажированность судей. Судя по обвинению, Мэлори и его слуга обыскивали с целью розыска дом Смита и делали это дважды, в разные дни. Возможно, что жена Смита мешала этому обыску и была грубо выдворена из дома, причем второй обыск через несколько дней увенчался успехом, то есть претензии к Смитам не были голословными. Но никакого изнасилования не было, доказательством чему служит сама двоякость обвинения (за два обыска): нелепо было бы предполагать, что Мэлори действительно дважды насиловал эту мистрис Смит. Что до всего остального, до участия в войнах, не только в Англии, но и во Франции и Шотландии, все это было, как было и тюремное заключение, закончившееся лишь со смертью Мэлори в 1471 г.

Содержась в узилищах, Мэлори много размышлял о жизни и о современной ему эпохе, о трагических последствиях насилий, предательств и общественного беспорядка, которых он так много насмотрелся будучи приспешником графа Уорвика — «делателя королей». «Смерть Артура» явилась плодом всех этих раздумий. Именно это прежде всего и придало книге характер еще и политического произведения. Буквально во всем, вплоть до мрачного, в высшей степени выразительного описания последнего сражения Артура с его предателем-сыном сэром Мордредом, везде чувствуется рука автора, писавшего не об отдаленном прошлом, а о том, что ему хорошо известно: «Вдруг слышат они крики на поле. Пойди, сэр Лукан [дворецкий], — сказал король, — и узнай, что означает этот крик на поле». Сэр Лукан с ним простился, ибо был он [Артур] тяжело изранен, и отправился на поле, и услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пружки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во мно-

жестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они его добивают, ради богатых доспехов и украшений».

Вот эта-то взаимосвязь духа старинных полусказочных времен с тем, что лично пережил сам автор, и делает «Смерть Артура» книгой, живущей и сегодня. Нужно только научиться видеть, что скрывается под романтическими покровами, в которое этот исторический и культурологический источник облечен.

Мэлори воспринимал идеи рыцарства как цементирующую силу, способную предотвратить крушение мира, как некогда она была силой, помогавшей построить этот молодой тогда мир. Он рассматривал эти идеи как нечто спасительное, способное выручить его сословие и все, что ему было дорого, от надвигавшейся гибели, от кризиса, сделавшего закованного в доспехи рыцаря безнадежно устаревшей, вырождающейся фигурой. Попытка его была тщетной. Говоря словами английского драматурга XVI в. Кристофера Марло, не честь, а жажда денег, золота уже начинали править целым светом. Но эту попытку Мэлори диктовали отнюдь не низменные побуждения: в век предательства, насилий и возводимого в идеал стяжательства Мэлори во всеуслышание провозгласил простую веру в храбрость, преданность и честь как основу общественного порядка, то есть пытался романтически воспеть старый аристократический идеал и кодекс поведения.

Потерпевший крушение всех своих надежд, заключенный в тюрьма, возможно, больной, Мэлори сообщил своему роману-эпопее дух поражения и обреченности, которые он познал, оглядываясь на собственную жизнь и наблюдая гибель того, за что всегда стоял. Вместе с сердцем Ланселота остановилось и его сердце. Вместе с королем Артуром умерло рыцарство, как он его понимал. В этом, думается, секрет неожиданного величия его книги. Он стремился воспеть рыцарство, вдохнуть в него новую жизнь и показать, что «рыцарство является полезным инструментом, с помощью которого, если правильно им пользоваться, можно превратить своих приверженцев в доблестных воинов, суровых по отношению к врагам». Если бы он преуспел, то стало бы больше еще одним устаревшим трактатом о средневековом менталитете. Однако Мэлори не преуспел, ибо сердцем чувствовал, что мир, ко-

торый он так высоко ставил и возрождения которого так страстно желал, обреченно и безвозвратно уходит в прошлое. Средневековому феодальному обществу еще предстоял долгий путь распада и умирания даже в самой Англии, где этот процесс уже шел особенно заметно. Это общество было кончено. На его челе лежала уже печать смерти, и стилем мрачным, возвышенным, не сознавая этого, Мэлори сам сложил свою погребальную речь и произнес ее над ним и над собой.

Следует заметить, что английские повести о короле Артуре отличаются от французских рыцарских романов по своему духу. Французские романы воспевали любовь и приключения, английские — больше повествовали о жестоких распрях, стычках и междоусобицах средневековья.

Рыцарские романы об Артуре создавались в течение столетий. Сначала в содружестве Круглого Стола действуют рыцари старшего поколения — Гавейн, Ивейн, сенешаль Кей. Впоследствии к ним присоединяются Ланселот Озерный, Пересваль (Парцифаль), сын Ланселота — Галахад, рыцарь без страха и упрека.

В наше время король Артур, его рыцари, волшебник Мерлин, фея Моргана — герои старинных сказаний — перешли в английскую литературу для детей и с успехом начали в ней новую жизнь. Можно назвать здесь оксфордское издание «Рассказов о короле Артуре и его рыцарях» в пересказе **Барбары Л. Пикард**.

Красивые героические истории о рыцарях, их имена, отдельные эпизоды встречаются во многих произведениях литературы, в музыке, поэзии, живописи, росписи стен старинных замков. Эти легенды и основанные на них рыцарские романы стали пародийно-сатирическим материалом для романа Марка Твена «Янки при дворе короля Артура». Английская писательница Мэри Стюарт написала целую серию романов о короле Артуре. Один из лучших среди них — «Полые холмы». Этот сюжет использовал Джон Бойтон Пристли в фантастике (повесть «31 июня»). Героями рыцарских романов наполнена западная кинематография, которая не устает рождать все новые и новые все более красочные версии.

Имя Артура и до сих пор служит в народе символом — подчас наивным — надежды в грядущее торжество справедливо-

сти (бастующие шахтеры в Уэльсе несли плакат «Где же король Артур?»).

Поскольку легенды Артурова цикла, рыцарские романы существовали во множестве вариантов, сюжетно не связанных между собой, давно делались попытки собрать их, выстроить хронологически и событийно и представить как единое целое. Одной из таких удачных попыток явилась книга писателя *Роджера Ланселина Грина* «Приключения короля Артура и рыцарей Круглого Стола» (есть ее перевод на русский язык).

Разумеется, в действительной жизни все обстояло с рыцарством и его идеалами не так гладко, как в переливах песен и на страницах рыцарских романов. В истории рыцарства немало позорных страниц. Тем не менее менталитет, самосознание рыцаря оказалось прочным, способным преодолеть рубеж средневековья и, следуя неведомыми для нас путями подсознания, войти составной частью в систему ценностей, которой мы стараемся придерживаться и по сей день. Быть может, именно в этом и состоит, по мнению флорентийского исследователя рыцарства *Франко Кардини*, та коренная причина, в силу которой «средневековый рыцарь представляется нам и сегодня существом более прекрасным, нежели служащий банка». Поэтому вслед за одним из французских исследователей можно повторить: «Еще есть, — еще есть на свете множество прекрасных душ, правдивых и сильных, которые со всей страстностью стоят за все слабое и угнетенное, которые сознают и применяют в жизни все тонкости требований чести и предпочтут смерть вероломству даже одного только обмана. Вот чем мы обязаны рыцарству, вот что завещало оно нам. В тот день, когда в наших душах изглядятся его последние следы, мы сделаемся мертвецами».

Одновременно с рыцарской литературой в средневековой Западной Европе сложилась поэзия, носителями которой стали странствующие школяры, студенты, или как их называли, *ваганты*. Этот термин произошел от латинского глагола *vagare* — «бродить», «бродяжничать». Это слово было в ходу на Западе за долго до XII столетия. Уже в первые века после крушения Западной Римской империи его прилагали к клирикам, не имевших постоянных приходов и бесприютно бродивших по всей Европе. Позднее вагантами стали

называть, наряду с бродячими клириками (*clerici vagantes*), «бродячих школяров, носителей новой университетской культуры. Они действительно бродили с котомкой за плечами из города в город, из одного университета в другой, чтобы послушать какого-нибудь знаменитого доктора или магистра. По дороге ваганты питались подаянием, мелким воровством или старались заработать на хлеб разными шутками, балаганными выходками, причем соединялись в целые группы.

*Свечи яркие горят,
дуют музыканты:
то свершают свой обряд
вольные ваганты.
Стены ходят ходуном,
пробки — вон из бочек!
Хорошо запить вином
лакомый кусочек.*

В XII в., в эпоху, когда бродяжничество школяров впервые достигло столь широких размеров, ваганты получили еще и другое название — **голиарды**. Так их стали называть по имени библейского Голиафа (Голи), олицетворявшего мятежную гордость дьявола и считавшегося как бы предтечей, патроном и невидимым епископом Ордена вагантов (*Ordo vagorum*). Игра слов позволяла выводить этот термин также от названия *gulart* или *golart*, происходившего от слова глотка (*gula*) и характеризовавшего горластого весельчака. Постепенно оба эти наименования слились в одно, обозначавшее одновременно певца — шутника и бунтаря, осуждавшего неправду господствующих порядков.

Эти весельчаки считались принадлежащими к церковному обществу, носили выстриженную тонзуру, но по сути были отщепенцами тогдашней Церкви, такими «расстригами», деклассированными, маргинальными элементами, отпавшими от церковной корпоративности и представлявшими свою субкультуру. Они складывали шутливые песенки на языке ученых — латыни, прославлявшие радость жизни, пирушки, азартные игры, любовные

утехи (причем в самом низком смысле), несшие разгул чувственности, отражавшие чисто светское настроение, чуждое аскетизму. Именно из таких «низменных корней» выростала в их поэзии защита прав человека на земные радости, сопротивление давящему авторитету Католической Церкви, которая сама все более теряла авторитет. Этих песенок вагантов сохранилось множество. Есть их неплохие переводы. Однако надо иметь в виду, что с внешней стороны вагантские песни, которые мы не слышим в подлиннике, являлись подражанием церковным гимнам, латинским песнопениям, исполнялись на их манер, хотя по своему содержанию ничего общего с этими гимнами не имели. Как метко заметил уже Франсуа Рабле (1495–1553 гг.), от них «скорее пахнет вином, чем елеем». Вместе с тем эти песни несли с собой нечто лихорадочное, тоскливое, горькое.

*Я желал бы помереть
не в своей квартире,
а за кружкой вина
где-нибудь в трактире.
Ангелочки надо мной
забренчат на лире:
«Славно этот человек
прожил в грешном мире!»
Простодушная овца
из людского стада,
он с достоинством почил
среди хмельного чада.
Но бродяг и выпивох
ждет в раю награда,
ну, а трезвенников пусть
гложат муки ада!*

Прежде всего поэзия вагантов бросала открытый вызов официальной идеологии, особенно — двуличной церковной морали. Ваганты поносили самым жестоким образом разврат Римской курии и греховность братьев-монахов. Римская Церковь в их пред-

ставлении ассоциировалась с продажной «блудной блудницей», а столица католического мира — с вертепом, полным скверны, где все продано и куплено и где сам Папа «хапствует царствующей лапой».

*Рим и всех и каждого грабит безобразно;
Пресвятая курия — это рынок грязный!*

Выше всего ваганты почитали образованность. Причем, читая их стихи, изящные по форме, обязательно надо помнить, что сами их произведения, звучавшие на латыни, были рассчитаны не на профанов, *vulgum pecus* — простой народ, а на своеобразную духовную элиту — людей образованных, способных оценить мастерское владение стихом и литературной темой. Поэтому было бы принципиально неверно в сатирических вольностях или подчас нецеломудренной чувственности вагантов усматривать какой-то «дух свободы» или самоутверждение личности в нашем сегодняшнем понимании. В действительно свободолобивых и жизнерадостных произведениях школяров-клириков XII–XIII вв. господствует литературная игра, условность, этакий эпатаж «понарошку».

Лирика вагантов, учитывая их школярский состав, не случайно обнаруживает особенно великолепное знание античной литературы, поэзии, мифологии. Это Ювенал, Овидий. Главные боги вагантов — Венера и Бахус (Вакх). Причем в использовании и прославлении культов этих богов так и сквозит нескрываемое желание школяров-поэтов как можно сильнее шокировать тогдашнее общество.

*Пьет народ мужской и женский,
городской и деревенский,
пьют глупцы и мудрецы.
пьют транжиры и скупцы,
пьют скопцы и пьют гуляки,
миротворцы и вояки,
бедняки и богачи,
пациенты и врачи.*

*Пьют бродяги, пьют вельможи.
люди всех оттенков кожи,
слуги пьют и господа,
села пьют и города.
Пьет безусый, пьет усатый,
лысый пьет и волосатый,
пьет студент, и пьет декан,
карлик пьет и великан!*

*Пьют монахиня и шлюха.
пьет столетняя старуха.
пьет столетний старый дед, —
словом, пьет весь белый свет!
Всё пропьем мы без остатка.
горек хмель, а пьется сладко.
Сладко горькое питье!
Горько постное житье...*

Поэтому понятно, что хотя ваганты не были атеистами и еретиками в подлинном смысле этих слов, их всячески преследовала Церковь. Впрочем, не очень успешно:

*Все предпринятые меры
против происков Венеры,
насаждающей чуму,
не приводят ник чему.
От соблазнов сих плачевных
застрахован только евнух,
все же прочие — увы —
крайней плотью не мертвы.*

Вообще, лирика вагантов весьма разнообразна. Но почти всегда за смехом безвестных поэтов чувствуется щемящая грусть, страдание. И немудрено. Ведь при всей своей образованности, на иерархической лестнице того времени они занимали достаточно скромное место. Большие господа посматривали на них свысока. Ваганты знали, что такое лютая бедность, и что такое унижение. Это сближа-

ло их с демократическими, городскими слоями, да, вероятно, многие из них вышли из этих слоев «простецов».

Мечтая о свободе и человеческой доброте, ваганты по собственному горькому опыту знали, что мир, окружающий каждого из них, был скорее «зlobен, глуп и сир», нежели добр, мудр и щедр. Бедность следовала за ними по пятам, прерывала их учение, заставляла мерзнуть и голодать.

*Зренье чахнет, дух мой слабнет,
тело немощное зябнет,
еле теплится душа,
а в кармане — ни шиша!*

И хотя молодые весельчаки готовы были подчас и себе, и другим внушать утешительную мысль, что бедность даже евангельская добродетель, им все же было трудно продираться сквозь жизнь с пустым кошельком, в облезшем, «как собака», старом, заплатавшем дорожном плаще.

Вот откуда этот горький юмор, этот смех, но смех сквозь слезы:

*Ложь и злоба миром правят,
совесть душат, правду травят,
мертв закон, убита честь,
не порочных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери
доброте, любви и вере.
Мудрость учит в наши дни:
укради и обмани...*

Расцвет этой удивительной поэзии пришелся на вторую половину XII–XIII вв. В XIV столетии она замирает.

Личное начало в лирике вагантов было развито очень слабо. Исследователям с огромным трудом удалось в массе стихотворений выделить небольшие массивы сочинений отдельных поэтов, которые и являют собой ее вершины. Таковы **Гуго́н, прозванный Примасом Орлеанским** (первая половина XII в.); поэт, известный только по прозвищу **Кельнский Архипишта**, то есть «поэт поэтов»,

и **Вальтер Шатильонский**, знаменитый своими жалающими инвективами против папства (вторая половина XII в.).

Сборники песен вагантов были спрятаны подальше в монастырских архивах или сожжены. Розыск уцелевших стихов начали только в XVIII в., когда они были уже основательно забыты. Впрочем, некоторые из них знали. Например, **Гаудеамус** — прославленный студенческий гимн, песня-символ была заимствована именно из стихов вагантов:

*Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam
juventutem,
Post molestim
senectutem,
Nos habebit humus.*

*Веселитесь, пока есть
Молодость и сила!
После юности мятежной,
После старости прилежной,
Всех нас ждет могила.*

Но лишь в XX столетии обнаружилось, что буйность студенческой массы — это своеобразный вызов, протест против существующего строя. Значение лирики вагантов теперь признается очень большим. Уже с XIX в. композиторы стали перекладывать их стихи на музыку, как это случилось с гимном «Гаудеамус» для четырехголосного мужского хора в сопровождении фортепиано, сочиненного в 1874 г. композитором Петром Ильичем Чайковским. Популярной песней до сих пор остается произведение анонимного ваганта, известное как «Прощание со Швабией»:

*Во французской стороне,
на чужой планете,
предстоит учиться мне
в университете.*

*До чего тоскую я —
не сказать словами...
Плачте ж, милые друзья,
горькими слезами!
На прощание пожмем
мы друг другу руки,
и покинет отчий дом
мученик науки.*

*Вот стою, держу весло —
через миг отчалою.
Сердце бедное свело
скорбью и печалью.
Тихо плещется вода,
голубая лента...
Вспоминайте иногда
вашего студента.*

Обличению вагантов подвергалась именно действующая система и господствующие нравы, а не отдельные лица. В первую очередь их ненависть вызывала так называемая **симония** — «святокупство», продажа церковных должностей за деньги, взятки*:

*Розы терниями стали,
вера в Господа мертва
из-за Симона, волхва.
Симон, Симон, волхв презренный,
обесчестив сан священный,
всюду свой справляет пир,
развратив, испортив клир.
Ныне поп в любом приходе
бредит только о доходе.
Загляните в каждый храм:
Симон тут и Симон там.*

* Термин происходит от имени упоминающегося в Деяниях Апостолов уверовавшего языческого жреца Симона, просившего продать ему благодать Святого Духа.

*Тех, с кого он получает,
он особо отличает:
сунешь в лапу — вверх пойдешь,
а не сунешь — пропадешь!*

С таким же пылом они обрушивались на другое зло — **непотизм** — «племянничество», раздачу должностей по родственным чувствам, другими словами — кумовство, коррупцию. На откровенные выражения в таких случаях не скупились :

*Нет, не милосердые
пастыри даруют,
а в тройном усердые
грабят и воруют.
Загубили веру,
умерла надежда.
Делают карьеру
жулик и невежда.
Знай, убогий странник:
каждый настоятель —
чей-нибудь племянник
или же приятель!*

Впрочем, нужно заметить, что **самая вершина церковной иерархии и ее глава — Папа по большей части оставались не затронутыми вагантскими нападками**: отчасти, конечно, из практической осторожности, отчасти же потому, что сочинители понимали: сам Папа заинтересован в искоренении недостатков в своей канцелярии.

При всем том Рим — главный объект обличения, нижестоящая церковная иерархия — «шайка мошенников в звании священников» — упоминаются реже, хотя с не меньшей ненавистью. Здесь главный памятник вагантской сатиры — «Откровение Голиафово», где четыре важнейших духовных сана уподобляются зверям: Папа — это всепожирающий грозный лев, епископ — телец, который «пасется под паствою», архидиакон — хищный орел, а церков-

ный декан — это человек, но скрывающий коварство под мнимой простотой.

Вторым основным объектом вагантской сатиры было *монашество*. Главным предметом критики здесь были лицемерие и необразованность. Притворяются праведно живущими не ради плоти, а ради души, а на самом деле пьянствуют и роскошествуют в своих монастырях; притворяются хранителями высшей небесной мудрости, а на самом деле невежественны — сетовал захворавший Примас Орлеанский в стихотворении по поводу его несправедливого изгнания из больницы капитула.

Важно отметить, что *антиклерикальная сатира вагантов никогда не переходила в антирелигиозную*. Как уже говорилось, было бы ошибкой также упрощенно представлять средневековое студенчество носителями социального протеста угнетенных сословий, обличающими церковную знать перед городской и сельской беднотой. Ведь в целом их поэзия была обращена к просвещенному сословию, стоявшему над народом.

Великолепным образцом повествовательной, беллетристической прозы XIII в. предстает сборник *латинских новелл*, известный как «Римские деяния». В смысле популярности с этой книгой могли спорить лишь Библия или восточные сказки «1001 ночи». Одновременно это один из лучших образчиков особенностей мировоззрения человека средневековья, различия современного и средневекового сознания.

Основное ядро новелл составлял анекдотический материал, заимствованный из позднеримских писателей. Другими словами, неизвестный компилятор, действуя в духе наивного антиисторизма, представлял события случившимися в правление римских или считаемых им римскими императоров, хотя сборник рассказов возник в конце XIII — начале XIV вв. в Англии или Германии. Поэтому Вергилий рисуется современником императора Тита, Октавиан — праведным христианином, Помпей — типичным средневековым королем, Сократ живет в Риме, женат на дочери императора Клавдия и при этом современник Александра Македонского, персонажи греко-римской древности живут в замках, носят рыцарские доспехи и сражаются на турнирах.

Новеллы, написанные по-латыни, то есть в расчете на образованные круги средневекового общества Запады, как правило снабжались нравственно-аллегорическими пояснениями, морализациями. В рассказанных историях видели проявление добродетелей и пороков, сборник примеров, как должно и как не следует поступать. Но они имели весьма примитивные композиции, были написаны в простонародной манере изложения, с использованием наивного синтаксиса и прямой речи. Рассказ как таковой заменялся драматическими сценками, где все уяснялось из разговоров между собой героев.

Известный филолог-медиевист *С. В. Полякова*, занимавшаяся исследованием новелл, отметила их главную особенность следующим образом: «Мир, который раскрывается перед нами на страницах «Римских деяний», резко поражает нас. Едва открыв книгу, мы сталкиваемся с чертами, на которых одни кажутся наивными и смешными, другие грубыми и отталкивающими, третьи непонятными, но все они в своей совокупности, вызывают ощущение странности, непривычности, удивительности: мы наглядно убеждаемся в том, что средневековый человек «сделан из другого теста».

К примеру, завзятый игрок обращается к религии и становится даже учеником Св. Бернарда Нурсийского, после того, как бросающему кости праведнику выпадает — редкий случай! — максимальное из возможных количество очков. Прелестная дама самолично сворачивает голову ловчому соколу, а другой не менее прелестной и знатной даме по приказанию мужа еду подают в черепе ее возлюбленного, и дама ее ест. В то же время удивляет крайняя острота и открытость переживаний действующих лиц «Римских деяний»: рыцари там рыдают, потеряв деньги, разлучаясь с друзьями, падают на землю от радости или от печальной вести. Человек совершенно индифферентно относится к утеканию времени, и потому рыцарь совершенно спокойно расстается с любимой им молодой женой на неопределенный срок, а другой рыцарь на семь лет откладывает желанный брак. По шкале относительного переживания времени эти семь средневековых лет соответствовали приблизительно семи нашим дням. Очевидно, ощущение быстротечности, ценности времени в этот период Средних веков еще не успело сложиться. Люди

оставались индифферентны ко времени и не испытывали необходимость его точно измерять и считать, что придет только с наступлением эпохи развития товарно-денежных отношений в следующем столетии.

Еще один пример странной с современной точки зрения реакции средневекового человека: один рыцарь видит, как у спящего паломника из рта выскакивает ласка и убегает на соседнюю гору, а потом вновь прыгает ему в рот. В этом эпизоде внимание рыцаря странным образом занимает только одно: «Что все-таки ласке понадобилось на этой горе?», будто каждый день ему приходится видеть как ласки выскакивают изо рта людей и возвращаются туда вновь. На первый взгляд, поразительная леность мысли и отсутствие логики.

Между тем дело в том, что обычно дидактика, назидание являлись главной целью рассказа, которая прогоняла логику. В одной из новелл повествуется, как ученик волхва похитил его книгу и убежал из города. Обнаружив пропажу, маг с помощью своего искусства узнал, какой дорогой пошел ученик, пустился в погоню и, когда уже вот-вот настиг беглеца, тот спрятался под мостом, а маг промчался мимо и дал школяру провести себя. Автора рассказа при этом не беспокоила нелогичность, поскольку он хотел проиллюстрировать иную назидательную мысль, что простое иной раз оказывается мудренее сложного.

Знаменитое средневековое легкоеверие и равнодушие к явным несообразностям — тоже отнюдь не проявление умственной лени. Существенную роль для понимания «Римских деяний» играет обстоятельство, что в Средние века писатель, как и художник, пользовался неким кодовым языком, а читатель и зритель не просто читал и смотрел, а почти произвольно, рефлекторно сразу переводил с языка символики на свой язык. В силу этого непритязательные, а подчас даже малопристойные, фривольные бытовые сценки не воспринимались при этом непосредственно — в них обязательно находили назидательный высокий смысл, который подчинял сюжет.

Чтобы облегчить постижение этого небуквального смысла, средневековые авторы иногда снабжали свои произведения толко-

ваниями в виде пояснительной надписи, расшифровывающей заглавие. Наличие в латинских новеллах «Римских деяний» заголовков и заключительных пояснений свидетельствует о том, что для средневекового читателя помимо первого смысла рассказа куда важнее был таящийся за ним моральный вывод или религиозная аллегория.

Ум средневекового человека латинского Запада делал из рассказов абстрактные выводы, которые никогда бы не пришли в голову сделать читателю иной культурной эпохи. Так, новелла о воре, остроумно обманутом хозяином дома, в который он залез, подписывается «О том, что пастырю душ надлежит быть бдительным»; рассказ о двух братьях, возвратившихся с чужбины по велению отца, из которых охотно вернувшегося встречают в родном доме очень приветливо, а другого, которому не хотелось возвращаться, мать при встрече откусывает губы, сестра — нос, брат вырывает глаза, а отец снимает скальп, понимается как повествование-притча «о наследстве и ликовании верной души»; история о слепом, несущем хромого на богатый царский пир, трактуется как притча об обретении вечной жизни.

И все это на фоне постоянных однообразных повторений и типичных словесных формул-клише. Желая сказать, что человек пришел в крайнее волнение, автор говорит, что у него перевернулись все внутренности; чтобы сообщить о грозящей смертельной опасности, употребляет формулу «стать сыном смерти»; рассказывая о благосклонности императора к кому-нибудь, обязательно напишет «император осыпал его богатствами и почестями»; сообщая о кончине — «поворотился лицом к стене и умер»; завершая рассказ, сообщает, что герои прожили счастливо и кончили дни в мире. Все конкретное, особенное, единичное, то есть индивидуализированные герои, подробности обстановки и т. п. не привлекали внимания.

Обычно действующие лица «Римских деяний» характеризуются только своим общественным статусом — рыцарь, знатная дама, король, клирик и снабжаются лишь положительной или отрицательной нравственной отметкой: они могут быть либо хорошими, либо плохими. Такая склонность к обобщениям сказывалась и в отсут-

ствии интереса к особенностям времени и места, в которых разворачивался сюжет рассказа, который как целое тоже не интересовал автора. Поэтому только особенностями средневекового сознания можно объяснить факт, что этот сборник латинских новелл обошел и покорила всю Европу.

В том же XIII столетии в городах появилась настоящая *городская литература*, литература бытовая по преимуществу. Торговля и ремесло — основные занятия в средневековом, пока еще феодальном городе — делали горожан людьми с практическим и трезвым, скептическим и насмешливым умом. Поэтому городская литература лишена героики рыцарской поэзии, зато она насмешлива, ибо насмешки, сатира — одно из средств борьбы против тех, кто притесняет горожан — сеньоров, церковной администрации. Ее главными героями стали сами горожане. Городская литература рассказывала о веселых похождениях школяров, смешных приключениях монахов, ловких и продувных женах. Или же сплетала длинные эпические басни о животных, символизировавших ходячие образы повседневной жизни. В этом аллегорическом животном эпосе-эпопее под видом таких зверей как король — лев, могучий медведь, воинственный бахвал петух, непросто глупый, придурковатый и простодушный волк, хитрый кот, благодушный барсук выступали представители отдельных социальных слоев или должностных лиц феодального общества; глупый осёл и баран преимущественно изображали духовенство, клириков, улитка-слизняк — чтеца псалмов, олень — церковного певчего-кантора и, самое главное, пронырливый и хитрый, вечно «себе на уме» Лис боролся со своим основным непримиримым соперником, волком-рыцарем Изенгрином. При этом под условными животными масками обнаруживалось «нечеловеческое», звериное в человеке, человек приравнялся к животному, низводился до него. Таким образом, животные в романе не копировали человека, хотя было и это, но изображали как бы с расстояния, откуда видно много лучше и точнее.

Крупнейшим памятником такой литературы в XIII в. выступает написанная на романском языке французская поэма в стихах «Роман о Лисе», обработка сюжетов которого в некое целое произведе-

ние неким *Пьером де Сен-Клу* состоялось уже около 1175 г., после чего к нему пристраивали дополнительные «ветви», писали продолжения и дополнения. Прodelки лукавого и многоумного Лиса прославляли энергию, смекалку, издеваясь над благородством и честью, не дающим ни удовольствия, ни удачи. При всем том образ Лиса был поразительно многолик. Он и своевольный изгой, и задавленный тяжелой жизнью труженик, и озорник, и бунтарь, и драчун, и забияка. А иногда в его чертах предстал циничный насильник всякой птичьей мелочи — кур, уток, гусей, воробьев.

В целом, сюжет эпоса был прост и заключался в многочисленных рассказах о попытках зверей судить нахального, вероломного Лиса за его проделки и то, как каждый раз этот плут изворачивался и уходил от наказания. Все начинается с того, что волк Изенгрин обращается с челобитной к льву-королю Ноблю покарать Лиса за то, что он совершил блуд с его ветреной женой, волчицей Грызентой и при этом ходатая поддерживают остальные звери, спешащие на суд:

*Все едут, сроки упреждая, —
Все, кроме Лиса-негодяя:
Вора, мошенника, лгуна
Столь пред зверьми тяжка вина,
Что на преступника улики
Исчесть они спешат владыке,
И Изенгрин, не друг отнюдь
Плуту, выкладывает суть:
«Я, сир, на Лиса с челобитной!
Любодеянье с беззащитной
Моей Грызентой блудодей
В Малпертуи, в норе своей,
Свершил: супругу в угол втиснул,
Снаильничал, а после спрыснул,
Пописав, влагою волчат;
Его услады мне горчат.
Притом на днях внушал паскуда,
Что дело не дошло до блуда.*

*Но при внесении святых
Мощей — смешался и утих,
И, не заставив ждать с отбытьем,
Воспользовался вновь укрытьем.
Как тут не впасть в тоску и гнев!».*

Действие поэмы разворачивалось в диком лесу, но этот лес воплощал некое воображаемое королевство зверей, напоминающее феодальную действительность XII-XIII вв., был наполнен городами, укрепленными замками, в которых обитал звериный «люди».

«Роман о Лисе» возник в пору расцвета рыцарского романа. Это был тоже роман, то есть повествование о приключениях, но комическое, пародийное. Участниками их оказывались не люди, а звери, и вели они себя не как утонченно-куртуазные рыцари и их дамы, а как отъявленные пройдохи и мошенники или как глуповатые простаки, нередко грубые и жестокие. Тем самым «Роман о Лисе» примыкал к сатирическим жанрам средневековой литературы, которая хотела повеселить и развлечь. Он пользовался огромной популярностью, имена большинства его персонажей, став нарицательными, мелькали в произведениях других жанров. Скоро стали возникать его продолжения, переделки и переводы, причем не только на французском языке, но и на немецком, фламандском, английском и др. Так, одна из фламандских поэм была, в свою очередь переведена на немецкий, много раз перерабатывалась, издавалась и стала известна Гёте, написавшем в 1793 г. свою знаменитую поэму «Рейнеке-Лис».

Не меньшей популярностью с XIII в. стали пользоваться небольшие бытовые зарисовки, сочетания басни, фольклора и анекдота, написанные с примитивным реализмом, прозаически, реже — в стихах. То забавные, то серьезные, такие живые литературные зарисовки-повести неизменно служили назидательной цели. У французов они получили название *фавлио*, у немцев — *шванки*. Они необычайно реалистично показывали человека в его неприкрашенной виде и были наполнены повествованиями о любовных приключениях, об обманутых дурачках — мужьях, о ловких повесах. Вместе с тем они звучали насмешками над всеми предста-

вителями общества — рыцарями, клириками, торговцами, крестьянами и в особенности любили рисовать карикатурные образы проницательных, хитрых, изворотливых священников и монахов, изображая их шарлатанство, чревоугодие, наглость, попрошайничество, паразитизм, корыстолюбие, бесстыдство, неблагодарность, лживость, сластолюбие и распутство. Это была ироническая реплика на благородные, но неправдоподобные каноны литературы высших сословий. В целом, это была забавная, анекдотичная литература, но с ярко выраженным дидактическим и антиклерикальным подтекстом, которая имела мощнейшее воздействие на умы «третьего сословия».

К примеру, в одном из шванков о богатом священнике рассказывалось, как он удумал спрятать деньги в святом алтаре, да еще и написал: «Здесь покоится Господь». Каково же было его изумление, когда он нашел алтарь пустым, а под прежней надписью новую: «Господ Бог воскрес». Так некий хитрец обошелся со священником, который помер, не вынеся огорчения. В другом шванке священник поспешил дать нищенке милостыню, а лишь благословил ее, на что она ехидно сказала ему: «Видать, твое благословение не стоит ни гроша, не то бы ты поспешил и на него».

Шванк «О том, как один поп похвалялся, что войдет в рай, сказав пять слов» рассказывает о «бесноватом, придурковатом, распущенном, развратном, безбожном попе», который на освящении храма в очередной раз напился и хвастался, что, несмотря на его образ жизни, ему все равно уготован рай, стоит лишь на смертном одре сказать неких святых пять слов. Возвращаясь домой, поп упал в ручей, но вместо заветных слов смог заорать лишь привычную ему фразу «Ты, хозяин милый, наливай смелей!», после чего утонул.

Шванк «Про то, что за тварь такая монах и откуда она взялась», в котором в шуточной манере рассказывается о «сотворении» монаха, можно назвать резюмирующим все встречающиеся в шванках характеристики такого одиозного представителя клерикального мира как монах. И так, создал его сатана, вследствие чего «появилась на свет страннейшая личность, большерукая и большеногая, с широкой спиной и отвислым брюхом, с жирными плечами и с бы-

чьей шеей. А шею эту венчала на шутовской лад пробритая голова с ненасытным губастым ртом, надутыми лиловыми щеками и вытаращенными глазами; «черт попытался было пристроить уродца к какому-нибудь путному занятию, а то и ремеслу, — но и здесь все его усилия пошли прахом: ублюдок оказался решительно ни на что не годен». Автор констатировал, что «не зря папство связано с монашеством столь тесными узами, ведь и само оно обращено противу Господа нашего и его Слова. Значит, и монахи были и остаются ищадиями сатаны».

В отличие от героических поэм, рыцари в фавлю, как правило, пародийно изображаются как бедные, безразличные ко всему, беззаботные забудьги и гуляки, пропивающие последние гроши в кабаках и ввязывающиеся в любовные истории с прекрасными девушками и дамами. В шванках это прежде всего ландскнехты, военные наемники-грабители из представителей низших сословий. В трудной борьбе за существование им приходится совершать весьма некуртуазные поступки, порой мошенничать, шантажировать, заключать нечестные пари и т. п. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такие рыцари оказываются не в бескрайних чарующих лесных дебрях и не в заколдованных замках, как в рыцарском романе, а в бытовых повседневных ситуациях. При этом особой симпатией читателей пользовались веселые пройдохи-ландскнехты и смышленные школяры, чьи проделки и острые словечки порой доставляли заботу самому апостолу Петру, охранявшему райскую обитель от непрошенных гостей.

Так, шванк «Святой Петр и ландскнехты» рассказывает о ваяках-ландскнехтах, которые в поисках еды дошли до святых врат и стали проситься в рай. Апостол Петр спросил у Господа, как с ними поступить, на что Всевышний изрек: «Пусть подождут!». Через некоторое время томящиеся в ожидании ландскнехты начали ругаться, употребляя крепкие фразы «эх, гроб Господень, Божья мать!», которые Святой Петр воспринял как проявление набожности, и, сжалившись, пустил воинов в рай. Ландскнехты тут же принялись за привычное им дело — «засели дуться в кости..., пустили в дело кулаки», что и подтвердило опасения Бога. Святому же Петру пришлось пойти на хитрость, чтобы выдворить их прочь —

за воротами рая ангел ударил в барабан и, услышав знакомый звук, ландскнехты ринулись на военный сбор. Вход же в рай был плотно за ними закрыт.

Многие представители рыцарства постепенно превращались в жадных и грубых разбойников на большой дороге. Но фаблио и шванки демонстрировали также и то, как к их облику присоединялись черты, характерные для горожанина — деловитость, изворотливость, простота языка и манер, практицизм — результат того, что значительная часть рыцарства теперь оседала на земле, приобретала ремесло и начинала вести жизнь, похожую на жизнь виллана и горожанина.

Но центральным, наиболее популярным персонажем фаблио и шванков были крестьяне. Они трудолюбивы, верные мужья и заботливые отцы. Они добры, доверчивы и гостеприимны, но в то же время бывают грубы, эгоистичны, скупы, невежественны, неотесанны, нерасторопны, наивны, а иногда и просто глупы и тупы. Эти недостатки, а вместе с ними и их обладатели, становятся главными объектами насмешек и издевок фаблио и шванков. Культ предприимчивости, личной инициативы, любования ловким плутом и насмешки над пострадавшим простаком — все это шло от вкусов разбитного горожанина.

До нас дошло более 150 фаблио, написанных между последней третью XII в. и серединой XIV в., хотя почти ни одно из них не может быть датировано точно. Шванк как демократический жанр возник в Священной Римской империи в XIII в., но как творчество бюргерства расцвел в городах южной и средней Германии в XIV–XV вв., достиг апогея своего развития к XVI в., после чего пошел на спад в суровые годы Реформации, уступив место публицистическим жанрам, более соответствовавшим требованиям религиозной и социальной борьбы.

Об их создателях почти ничего не известно. Так, одним из первых авторов фаблио был *Жан Бодель*, жонглер из Арраса. Его творчество приходится на вторую половину XII в. В 1202 г. он заразился проказой, был помещен в лепрозорий и умер в 1210 г. Значительным представителем жанра шванка стал австриец *Штрикер*, который умер около 1250 г.

Но наиболее известным собирателем и автором шванков был народный немецкий поэт **Ганс Сакс**. Он родился в 1494 г. в Нюрнберге, в семье портного, получил начальное образование в «латинской школе» своего родного города, затем поступил учеником к сапожнику. В качестве странствующего подмастерья Ганс Сакс несколько лет бродил по южной Германии, занимаясь своим ремеслом и одновременно «благородным искусством мейстерзанга». Вернувшись в Нюрнберг, он дорос до положения зажиточного мастера сапожного цеха, женился, но не забросил занятия поэзией, став прославленным членом нюрнбергской «школы» мейстерзанга. Плодовитость его поражает. Перед смертью в 1567 г. в написанном им «Прощании» он насчитал 34 тома в своем рукописном собрании сочинений.

Крупнейшим памятником городской литературы является «Роман о Розе». Точнее, это не роман, а причудливая аллегорическая поэма. Она состоит из двух частей. Первая часть была написана в 30-х гг. XIII в. французским поэтом **Гильомом де Лоррис**. На него очень большое влияние оказала куртуазная поэзия и это очень сказалось на первой части поэмы. Содержание ее отвечало духу рыцарских произведений и тоже повествует о нежной возвышенной любви. Юноше во сне приснилась Роза в саду столь небесной красоты, что он влюбился в нее. Он хотел сорвать и унести Розу с собой, но этому воспрепятствовали новые персонажи — Стыд и Злоязычие. Юноше приходят на помощь Приветливость и Великодушие, но они ничего не могут поделать и терпят поражение. Приветливость оказывается заточенной в замке, в темнице. Юноша теряет всякую надежду, а злобные враги торжествуют. На этом заканчивалась первая часть.

Через 40 лет после Лорриса за это произведение вновь взялся другой поэт — **Жан де Мён**, которого за свободолобивые, антиклерикальные взгляды называют «Вольтером средневековья». Жан де Мён был действительно очень образованным и, главное, смелым по мысли человеком. Поэт ввел в поэму новые аллегорические персонажи — Природу и Разум. Они приходят на помощь Юноше, вразумляют его и помогают ему сорвать Розу, после чего Юноша просыпается. Сюжет кажется нехитрым, но дело не в нем. Главное

в этой части поэмы довольно пространные выступления Природы и Разума. Их устами Жан де Мён изложил целую «энциклопедию свободомыслия». Поэт очень критично относился к существующему строю и устами Природы и Разума высказал много смелых мыслей. Он отказывался от штампов и традиций куртуазной поэзии, отвергал доктрину утонченной «идеальной» любви. Главное в речах Природы — утверждение всеобщего равенства. А раз мужчина и женщина равны, то зачем культ Дамы?

Де Мён ввел в поэму много чисто научных представлений. Он критикует религиозное средневековое сакральное мировоззрение, суеверия, монашество, особенно расплодившихся нищенствующих орденов. Природа, обращаясь к людям, призывает их быть счастливыми на земле, а не на небесах. Она же заявляет, что люди могут быть благородными только по природе своего сердца. То есть де Мён выступает против сеньориального, аристократического благородства, признававшего его лишь за родовитым происхождением. По мнению Природы и Разума благородным по настоящему является только человек с чистым сердцем, образованный. А дворянство не может считаться благородным, так как благородство дается не от рождения. Оно проявляется в самой деятельности человека.

Можно с полным правом сказать, что по уровню своего сознания де Мён даже опередил свою эпоху. Его идеи свидетельствуют о глубоких революционных сдвигах, которые вызревали в области идеологии и культуры.

Другим крупным представителем городской литературы был *Рютбеф*, французский поэт родом из Шампани, который жил в Париже во второй половине XIII в. Он был профессиональным трувером и жонглером. Тогда это значило, что человек был и артистом, и поэтом, и композитором, так как на празднествах жонглеру приходилось самому и сочинять стихи, и музыку и, конечно, исполнять их.

Рютбеф одним из первых лишил поэзию того ореола возвышенности, который ей создали трубадуры. Можно сказать, он низвел поэзию с неба на землю. Его поэзия проста, обыденна. Поэт не стеснялся откровенно описывать все тяготы своей действительно не-

легкой и довольно беспорядочной, безпритульной жизни. Причем сознательно делал это в простонародных выражениях, рассчитывая на новую широкую городскую аудиторию. В таких же неприглядных и пессимистических красках писал он о своей жизни, об унижениях, связанных с выпрашиванием у покровителей жалких крох для существования. Вообще, в его стихах чувствуется социальный протест, шедший из низов.

Рютбеф жил в гуще событий, волновавших Францию, живо откликался на них. Он был тесно связан с полунищей студенческой братией, находился в самой гуще университетской жизни Парижа. Его волновала борьба, развернувшаяся в Парижском университете. Он был сторонником авероистов — рациональных толкователей учения Аристотеля, выступал в защиту прогрессивных магистров. Поэтому Рютбефа можно назвать также зачинателем *городской публицистики*.

Многие его строки были направлены против засилья Церкви, посвящены критике монашества. Ему удавалось это делать даже в жанре мираклей, ряд которых он написал и поставил на парижской сцене.

Но вершина средневековой городской литературы это безусловно **Франсуа Вийон** (1431 — после 1463 г.). Это был поэт огромного дарования. Он прожил очень короткую жизнь, чуть больше тридцати лет. Творчество его интересно особенно потому, что в нем сказался и наиболее ярко, отчетливо отразился кризис феодалного мировоззрения, наступивший к этому времени. Вийон жил в переломную эпоху после Столетней войны и это проявилось в его стихах.

Его настоящее имя было Франсуа Монкорбье, а Вийон (Villon) он получил от своего покровителя и опекуна Гильома Вийона, капеллана парижской церкви Св. Бенедикта на улице Сен-Жак. Он был студентом Парижского университета, но «вечным студентом», жил той шумной жизнью, которой жили не только многие школяры, но и парижское «дно»: бродяги, воры, нищие, проститутки. Ему самому приходилось принимать участие в набегах на лотки мелких торговцев и лавочников, в кражах, драках, даже поножовщине, жить в притонах. В 1454 г. он оказался заме-

шан в ограблении Наваррского коллежа и ризницы. За участие в одной из потасовок, в ходе которой он ранил некоего Филиппа Шернуа, Вийону пришлось бежать из Парижа. Он пришел в Блуа, когда у его покровителя, герцога Карла Орлеанского родилась дочь и тот решил устроить турнир поэтов, поскольку сам знал в этом толк, сочинял стихи. Собралось одиннадцать поэтов и герцог бросил им «поэтическую перчатку» в виде слов: «От жажды умираю над ручьем». Вийон ответил на вызов и выиграл, герцог был в восторге.

*От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышней я всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.*

И последний куплет:

*Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всюду принят, изгнан отовсюду.*

Этот бородатый «вечный школяр» с умным лицом ученого магистра жил среди бродяг, видел всю подноготную их темной жизни. Поэтому он зачастую и писал на языке бродяг, школяров. В его стихах изображается с удивительным, потрясающим откровением это «дно» французской столицы эпохи королей Карла VII Мудрого и его сына Людовика XI. Здесь все — горе и бесшабашная радость, смех и пьяные слезы, беспутство и страдания потерявшейся человеческой души. В 1462 г. Вийон был даже приговорен к смертной

казни за участие в драке при которой оказался убит папский нотариус Ферребу Мустье. В те времена суд был скорый и беспощадный. Именно тогда он не без черного юмора написал в тюрьме знаменитое ироничное «Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он был приговорен к смерти»:

*Я Франсуа — чему не рад! —
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.*

Этому же была посвящена «Эпитафия, написанная Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы». Наполненное печалью, горечью и в то же время состраданием, стихотворение было посвящено заключенным, в тюрьме ожидающим казни. Особенно жуткое впечатление производит «Баллада о повешенных», причем Вийон снабдил ее соответствующими красноречивыми рисунками висельников на виселице. Это песня повешенных, обращенная к прохожим:

*Ты жив, прохожий. Погляди на нас.
Тебя мы ждем не первую неделю.
Гляди — мы выставлены напоказ.
Нас было пятеро. Мы жить хотели.
И нас повесили. Мы почернели.
Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать — безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.*

Несколько раз его выручали из бед. К счастью, у него были могущественные покровители, ценители его бесшабашного таланта: уже упомянутый герцог Карл Орлеанский, сам король Людовик XI, начавший самостоятельно правит с 1461 г. Помогали ему и его товарищи — поэты. Именно к ним было обращено его призывное «Послание к друзьям»:

*Ответьте горю моему,
Моей тоске, моей тревоге.
Взгляните: я не на дому,
Не в кабаке, не на дороге
И не в гостях, а здесь — в остроге.
Ответьте, баловни побед,
Танцор, искусник и поэт,
Ловкач лихой, фигляр хваленый,
Нарядных дам блестящих цвет.
Оставьте ль вы здесь Вийона?*

*Не спрашивайте, почему,
К нему не будьте слишком строги,
Сума кому, тюрьма кому,
Кому роскошные чертоги.
Он здесь валяется, убогий,
Постится, будто дал обет,
Не бок бараний на обет,
Одна вода да хлеб соленый,
И сена на подстилку нет.
Оставьте ль вы здесь Вийона?*

Многие стихи поэта — вопль человека, истерзанного превратностями судьбы и всяческими злоключениями. Поэт говорил о власти смерти, тленности и быстротечности всего земного, окрашивая поэзию тоном глубокой меланхолии. Этот мотив составляет основное содержание жалобной «Баллады прекрасной оружейницы девушкам легкого поведения»:

*Швея Мари, в твои года
Я тоже обольщала всех.
Куда старухе? Никуда.
А у тебя такой успех.
Тащи ты и хрыча и шкета,
Тащи блондина и брюнета,
Тащи и этого и тех.*

*Ведь быстро песенка допета,
Ты будешь как пустой орех,
Как эта стертая монета.*

На этом же мотиве построена короткая «Баллада о дамах былых времен». В ней поэт задавался вопросом о том, что случилось с классическими богами, с Абельяром и Элоизой, с Жанной д'Арк. В конце каждой строфы звучал знаменитый рефрен: «Но где же прошлогодний снег?» — *Mais ou sont les neiges d'antan?*

Часть своих стихотворений — десятка полтора баллад и семь загадочных разбойных песен Вийон написал в годы многолетних странствий. Они составили два наиболее крупных сборника — цикл баллад, поэмы с названием «*Testamentum*» — «Завещание», причем выделяется так называемое «Малое завещание» и «Большое завещание».

Это был поэт огромного личного самосознания. И огромной критической силы. Он иронизировал и весьма беспощадно над всем на свете, в том числе над собственными бедами и несчастьями. Пожалуй, единственное, что Вийон не осмеивал в своей поэзии — это мать. К ней он обратил балладу прославляющую Богородицу, призывающую Ее к заступничеству. Во всем остальном у него ирония, но в сочетании с трагизмом это придает произведениям Вийона необычайную силу впечатления. Именно такой предстает его философская «Баллада истин наизнанку»:

*Мы вкус находим только в сене
И отдыхаем средь забот.
Смеемся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво,
Красоткам нравится урод,
И лишь влюбленный мыслит здраво.
Лентяй один не знает лени,
На помощь только враг придет,
И постоянство лишь в измене.*

*Кто крепко спит, тот стережет,
Дурак нам истину несет,
Труды для нас — одна забава,
Всего на свете горше мед,
И лишь влюбленный мыслит здраво.*

Вийон очень демократичен. Он улавливал толчки и толки, исходящие от простого народа. Но по настоящему Вийона поняли только в XX в. На русский язык его стихи впервые и очень эмоционально перевел Илья Эренбург. О Вийоне стали писать исторические романы, повести, рассказы (Роберт Стивенсон, Павел Антакольский, Вардван Варжапетян и др.), сочинять музыку к его стихам.

Жизнь Вийона осталась на земле — в кабаках, притонах, на площадях, местах и улицах Парижа, на дорогах Франции, в пыточных и у позорных столбов...

Он мало жил, но достаточно, чтобы стать первым поэтом Франции. Талант его остался вполне самобытным, чисто индивидуальным. Он не создал формы «Завещания» — этот лирико-дидактический жанр уже существовал во французской поэзии; он не был пионером сатирического направления во французской словесности, а только его возобновителем; поэт выразил в своих пессимистических излияниях ту мысль о смерти, которая в то время носилась в воздухе, но он говорил о том, что соответствовало его личным мыслям и ощущениям, что не противоречило его мировосприятию.

Сочинения мэтра Вийона действуют на наше сердце, возбуждая в нем чувства жалости, ужаса и грусти или, наоборот, поражая своей причудливой, неистощимой веселостью. Находились, конечно, доброхоты — исследователи, которые подсчитали сколько винных бочек он опорожнил, с кем переспал, кого обчистил с друзьями, но разве этот «добрый сумасброд», как он сам себя называл, жил только, чтобы тешить плоть и набивать жратвой утробу? С его талантом он мог бы иметь это вдоволь. Значит, было что-то еще, чего он не мог выразить сам, если прочесть строки «Спора между Вийоном и его душою»:

- Кто это? — Я. — Не понимаю, кто ты?
— Твоя душа. Я не могла стерпеть.
Подумай над собою. — Неохота.
— Взгляни, подобно псу, — где хлеб, где плеть,
Не можешь ты ни жить, ни умереть.
— А отчего? — Тебя безумье охватило.
— Что хочешь ты? — Найди былые силы,
Опомнись, изменись. — Я изменюсь.
— Когда? — Когда-нибудь. — Коль так мой милый,
Я промолчу. — А я, я обойдусь...
— Ты хочешь жить? — Не знаю. Это было.
— Опомнись! — Я не жду, не помню, не боюсь.
— Ты можешь все. — Мне все давно постыло.
— Я промолчу. — А я, я обойдусь.

Мальчишкой он хотел досыта поесть хлеба, школяром — чтобы учиться, юнцом — чтобы кто-нибудь полюбил. Потом... потом он просто жил. Испробовал ремесло переплетчика книг, торговца об-разками, придворного стихоплета, бродячего жонглера, но ничего из этого не получилось. Тогда он стал петь, рассказывая людям об их и своих обидах, о Париже, о том, как прекрасна любовь и как тяжело терять любимых, рассказывал как великолепа Франция и как жестоки ее палачи, как тяжело живет бедному люду. Это было его Слово, его Молитва, его бессмертная душа!

Много вытерпев при жизни, Вийон удостоился после смерти большей славы, чем его меценат Карл Орлеанский или другие старшие собратья по литературе. В «Большое завещание» им самим была внесена эпитафия, надпись на могиле самому себе, которую он так и не обрел, и в которой ничего не говорится о его литературной деятельности. Поэт хотел, чтобы в ней, в этой надписи, прежде всего, было сказано:

*Здесь крепко спит в земле сырой,
Стрелой Амура поражен,
Школяр, измученный судьбой,
Чье имя — Франсуа Вийон.*

Кто знает, может быть, загадочный конец Вийона, пропавшего во времени после изгнания из Парижа в 1463 г., оказался именно таким, каким он просил его в молитвах к Богу, пославшему ему жестокую земную судьбу и вечную, бессмертную славу?

Мало по малу подтачивалась вера в незыблемость прежних феодальных авторитетов. Могучий рост личного начала в конце-концов привел к самостоятельным поискам новых этических и эстетических принципов. Городская культура сделалась очагом нового духовного движения на Западе, в конечном своем итоге принявшего облик так называемого Возрождения или гуманизма, о чем пойдет речь в заключительной лекции.

Лекция 8

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО X–XV вв.

1. Романский архитектурный стиль.
2. Замок как феномен эпохи.
3. Магия готики. Готический стиль и его основные составляющие.
4. Строители и архитекторы соборов.
5. Особенности средневековой живописи: краски и художники.

Основная литература

Всеобщая история архитектуры. М.; Л., 1966. Т. 4.

Дмитриева Н. А. Средневековое искусство Западной Европы // Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. Вып. 1: От древнейших времен по XVI век. Очерки. 4-е изд., стереотип. М., 1985. С. 131–171.

Добиаш-Рождественская О. А. Западноевропейское искусство // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 27–51.

Дюбі Ж. Доба соборів. Мистецтво та суспільство 980–1420 років / Пер. с фр. К., 2003.

- Кожин А.* Архитектура средневековья. М., 1940.
- Макнамара Д. Р.* Как читать церкви. М., 2011.
- Соболев Н. Н.* Учебное пособие по средневековому романскому и готическому искусству. М., 1962.
- Стил Ф.* Средневековый замок. М., 1997.
- Терехова Г. Л.* Философия архитектуры: Учебное пособие. Тамбов, 2007.
- Шуази О.* История архитектуры: В 2-х т. М., 2009.

Дополнительная литература

- Вилинбахов В. Б.* В феодальном замке. М., 1964.
- Виоле-ле-Дюк Э. Э.* Крепости и осадные орудия. М., 2007.
- Григорьянц Н. Г.* В замке феодала XI в. // Средние века в очерках и рассказах. М., 1917. Ч. 1. С. 280–288.
- Губер А. А.* Всеобщая история искусства. М., 1966.
- Данилова И. Е.* Искусство Средних веков и Возрождения. М., 1984.
- Данилова И. Е.* Слово и зримый образ в европейской живописи от Средних веков до XX в. М., 2002.
- Джакомо Бароцци да Виньола.* Правило пяти ордеров архитектуры / Джакомо Бароцци да Виньола / Под ред. Г. А. Габричевского. М., 2005.
- Иванов К. А.* Средневековый замок и его обитатели // Иванов К. А. Многоликое средневековье. М., 1996. С. 9–154.
- Кожин Н. А., Сидоров А. А.* Архитектура средневековья. М., 1940.
- Кох В.* Энциклопедия архитектурных стилей. Классический труд по европейскому зодчеству от античности до современности. М., 2005.
- Лясновская О. А.* Французская готика XII–XIV вв. М., 1973.
- Мак-Грю Ч. Б.* Двери и порталы в итальянской архитектуре: Обмеры и фотографии. М., 1949.
- Муратова К. М.* Мастера французской готики XII–XIII вв. М., 1988.

Низовский А. Ю. Все чудеса света. Средние века. М., 2002. С. 135–192.

Отто фон Симеон. Готический собор. Происхождение готической архитектуры и средневековая концепция порядка. М., 1956.

Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. К., 1992.

Панофски Э. К истории покоя в теориях искусства античности до классицизма. СПб., 2002.

Саркусиана Г. А. Архитектура Западной Европы. М.; Л., 1966.

Тарасов Н., Моравский С. Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV–XVI вв. М., 1925. С. 39–50.

Уайт Э., Робертсон Б. Архитектура: формы, конструкции, детали. Иллюстрированный справочник. М., 2005.

Успенский Б. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. М., 2005.

Флетчер Б. История архитектуры. М., 2002.

Фортификация в древности и средневековье / Под ред. В. М. Массона. СПб., 1995.

Френч Х. История архитектуры. М., 2003.

Фуртай Ф. Записки средневекового массона. Альбом Виллара де Оннекура. СПб., 2008.

Цирес А. Искусство архитектуры. Художественные образы романских и готических соборов. М., 1946.

Чернова Г. А. Миниатюры Больших Французских Хроник. М., 1960.

* * *

Средневековое искусство наиболее ярко представлено церковной сакральной архитектурой. На переломе Раннего и Высокого средневековья для нее стал характерен так называемый **романский стиль**. Такое название этому стилю было присвоено в начале XIX в. французскими археологами, которые увидели сходство его с древнеримской архитектурой с ее характерными полукруглыми арками. Романский стиль, появившись на Западе в IX в., господствовал **с конца X в. до конца XII в.** и отличался тем, что

постройки этого стиля, похожие на крепостные сооружения, имели массивные формы, с толстыми стенами, полукруглыми — *полуциркульными сводами*, узкими оконными проемами, не только наружными, но и внутренними мощными контрфорсами. Внутри они делились, как правило, на три, параллельные друг другу части, причем с восточной стороны устраивали алтарь (главный, центральный, и боковые), а в западной части — вход, оформленный в виде сводчатой полукруглой арки, который с обеих сторон фланкировали высокие, четырехугольные в плане башни. Такой западный фасад образовывал внешний вид того, что принято называть *вестверхом*. Иногда полуциркульные своды перекрещивались, что придавало внутренней части романского храма и его своду вид креста. Сверху, над полуциркульным сводом, устраивали двускатную деревянную крышу, покрытую черепицей. Самое главное, храмы, церкви, часовни и прочие общественные здания, дворцы теперь строятся преимущественно из камня. Это дало повод бургундскому хронисту первой трети XI в. Раулю Глаберу сказать, что около 1000 года в ожидании близкого Страшного суда «мир оделся в белые покровы [романских] соборов».

Вместо легких деревянных, стропильных потолков базиликальных храмов стали устраивать массивные каменные полуциркульные своды, которые покоились на столбах — колоннах или прямо на толстых стенах. Для того, чтобы удержать тяжелый каменный свод, приходилось строить очень толстые стены с редкими узкими маленькими окнами, похожими на амбразуры бойниц фортификационных сооружений. Все это придавало зданиям суровость и простоту. Правда, изнутри стены покрывали настенные росписи — фрески, а снаружи, иногда, — ярко раскрашенные рельефы, которые, впрочем, были редки.

Небольшие храмы романского стиля отличаются мрачностью, таинственностью, они являются отражением мистически-аскетического настроения человека Раннего средневековья, который все время, а к 1033 г. — особенно, ждал Второго Пришествия Христа, а значит, Страшного суда и конца всему существующему.

Тяжелая, напряженная обстановка той эпохи с ее частыми военными столкновениями, грабежами, непрерывной борьбой за при-

оритет над остальными, за власть наложила отпечаток на быт феодалов, рыцарей. Обычным жилищем для них становится хорошо укрепленный замок. Уже одно слово замок говорит об опасности жизни того времени.

Первые замки стали возникать в IX–X вв., во время набегов внешних врагов — норманнов, сарацин, венгров. При слабости центральной власти, при политической раздробленности, при набеге врагов, при приближении неприятеля приходилось куда-нибудь прятаться, отсиживаться и дожидаться, пока враг уйдет, опустошив окрестности. Замок как раз и являлся надежным убежищем от неприятеля, каким мог оказаться и соседний сеньор. С этого времени замки начинают строиться в бесчисленном множестве.

Но если замок являлся средством обороны, средством защиты от врагов, то в то же время замок являлся и средством нападения. Он являлся лучшим средством держать в подчинении весь округ. Таким образом, он стал центром феодальной организации и имел не только военные, но и более мирные функции. Это один из важных феноменов западной истории эпохи Высокого средневековья.

Центральная власть в IX–X вв. еще пыталась бороться с замками, пыталась запрещать их постройку. В Англии позднее такие замки, построенные без разрешения центральной власти, назывались «незаконорожденными» и подлежали разрушению. Но если мы возьмем континент Европы, то увидим, что никто этому распоряжению об уничтожении замков не придавал никакого значения, никто ему не подчинялся, потому что центральная власть в то время была не в силах привести в исполнение свое постановление. Вот почему замки росли без числа.

Первые замки были очень примитивными с архитектурной точки зрения. В X в. эти замки деревянные, не каменные. Простейший замок представлял собой квадратную в плане башню, обычно двухэтажную. В верхнем этаже жил сеньор, а в нижнем этаже были всякого рода склады провианта, инвентаря, тут же помещались конюшни, скот сеньора. Вход в башню делался на 1,5–2 м выше уровня земли, чтобы облегчить защитникам оборону башни и затруднить противнику проникновение в нее через высоко поднятую, хорошо укрепленную, обитую железом массивную дверь. Иногда башня

имела подземелье. Здесь был колодец, и в то же время это подземелье являлось тюрьмой для захваченных в плен и дожидавшихся выкупа. Башня, так называемый **донжон**, или **рокко**, обводилась рвом и валом. На валу ставился деревянный палисад, через ров перебрасывали мост, который можно было разобрать или сжечь перед началом осады замка.

Сильные сеньоры устраивали более сложные замки, которые имели несколько рядов укреплений и соответственно крепостных дворов. Пробиваясь через эти обороняемые внешние дворы к внутреннему двору, где находилась главная, основная башня — донжон, противник тратил и время, и силы. Но и эти замки были деревянными и их легко можно было сжечь.

Когда сеньор начинал войну против другого сеньора, он при этом стремился к тому, чтобы сжечь вражеский замок. Для того, чтобы обезопасить себя от огня, осажденные при начале осады обычно убивали скот, снимали с него шкуры и этими сырыми шкурами накрывали палисады и донжон. Это, конечно, была не очень надежная защита, и во время феодальных войн, рейдов замки постоянно, сжигались, уничтожались. Но если их легко было сжечь, то при наличии достаточного количества леса легко можно было и восстановить из пепла. Вот почему замки вырастали иногда очень быстро. Если верить хронистам, иногда они вырастали за несколько дней, иногда — за одну ночь. Какой-нибудь сеньор, проснувшись, видел на границе своих владений за одну ночь выстроенный замок.

Уже в XI в. появляются более сложные замки. Прежде всего в Италии и на юге Франции начинают строить замки из камня. К сожалению, мы не имеем развалин замков XI в. До нашего времени сохранились замки несколько более позднего времени — XII в. и, главным образом, XIII в. По этим замкам мы можем составить представление о замках более ранних веков. Так, например, сохранились остатки замка Кузи в Пикардии, на севере Франции, который был построен в начале XIII в. Центральная башня замка Кузи представляла собой сложное мощное сооружение. Она имела высоту 64 м, в ширину — 31 м. Толщина стен достигала 7 м, а ров, который окружал эту башню, был шириной 20 футов (до 6 м). По верху башни защитников прикрывали навесные зубцы, под которыми находились

специальные углубления — *машикули*, а подход к башне защищало привратное укрепление — *барбакан*. При тогдашнем состоянии военной техники такую громадину взять приступом было, конечно, совершенно невозможно. Иногда осады замков затягивались на многие месяцы и только голод вынуждал защитников сдаться.

С XII в. в северной Франции появляется иная архитектура — *готическая*. Само слово «готика» происходит от греческого *goetik*, что переводится как «магия». Такой архитектурный стиль действительно считался магическим. Он был непохож ни на что из существовавшего в те времена. Готические здания в отличие от романских имеют совсем другой характер. Они отличаются массой больших окон и света. Уносящиеся ввысь стройные колонны, собранные как бы в пучки и раскрывающиеся на каменном своде, тонкие ребра каркасов, парящие в воздухе контрфорсы, огромная высота зданий. Все это давало ощущение невесомости. Два главных нефа готического храма, как правило, перекрещивались, образуя в плане латинский крест, причем неф, параллельный алтарю, носил название *трансепт*, и над местом этого пересечения возводился купол. Вход с запада, как и в романских храмах, фланкировали две высокие башни.

Мы привыкли к стандартным метафорам о «мрачных стенах» средневековья. Действительно, все сохранившиеся готические соборы выглядят ныне черно-серыми, будто затянутыми целиком паутиной. Каково же было удивление, когда после чистки в 1969 г. знаменитый Нотр-Дам де Пари, Собор Парижской Богоматери, оказался белым и немного золотистым, и уж совсем не мрачным. Это было откровением, заставившим по-новому взглянуть на средневековое искусство.

Готический стиль знаменовал собой появление новых культурных веяний, когда в новой городской обстановке стало развиваться более жизнерадостное мировоззрение, более светлое религиозное чувство, когда начал ослабляться кошмар, который тяготел над воображением средневекового человека в виде ожидания близкой кончины мира и Второго Пришествия Христа. По мере того, как росли города, росла необходимость в новых, более просторных храмах, полных воздуха, которые, вмещая все большее число горожан,

тем не менее могли бы экономно поместиться в дорогом пространстве внутри городских стен.

Размеры кафедральных соборов — вот что становится предметом престижа и соперничества городов, свидетельством мощи и богатства их коммун. Великие храмы греков уступают по величине даже средним сооружениям Высокого средневековья. Афинский Парфенон поместился бы под соборными сводами, как экспонат в выставочном зале. И это не случайно.

Собор готических времен полагался домом не только Господа, но и верующих. К примеру, собор во французском Амьене покрывает 7 000 кв. м площади. Он был способен укрыть при надобности за стенами все население города.

Возводить такие сооружения стало возможным после внедрения нескольких изобретений. Во-первых, *стрельчатой арки*. Во вторых — особых каменных сводов, которые держались на так называемых *нервюрах* — ребрах жесткости, подобных спицам каменного зонтика. Опробованное на строительстве в Дергеме в XI в. нововведение очень скоро разнеслось по Западной Европе. Стена складывалась как ствол дерева, — со множеством отходящих ветвей, одна крупная, высокая стрельчатая арка опиралась на другую, вторая — на третью, свод становился на плечи своду. Вот откуда в таком соборе становилось возможным множество стрельчатых окон, украшенных разноцветными стеклами — *витражами* (от лат. vitrum — стекло) Промежуточные опоры, тяжелые перекрытия, ограничивавшие объем построек, более не требовались. Контрфорсы выносились теперь только наружу здания, причем их соединяли с корпусом храма похожими на дуговидные мосты *аркбутанами* (от фр. «радуга»), а сверху надстраивали легкие ажурные башенки пирамидки — *пинакии* или шпили, так называемыми *вимпенги*, еще больше подчеркивавшими легкость, устремленность ввысь всей громады собора.

В колоссальных соборных залах звук мог гулять, не встречая препятствий. Слабый, старческий голосок епископа гудел под зонтичными сводами, как глас Божий. Хор певчих пел тысячью ангелов, а мощное дыхание органа заставляло дрожать толстые плиты и поражало воображение богомольцев.

Но не только техническому достижению обязаны мы появлением этой архитектуры. И уж не только нужды Церкви вызвали ее к жизни. Ее породило трудно определяемое настроение, особый «дух времени». Страницы готики — свидетельства пробуждающейся веры в логику и силу ума. Человек увидел свои возможности, он упивался ими, совмещая одновременно и свежую энергию и трезвый рационализм.

Уже известный нам из лекции о науке Запада, Фулканелли написал трактат, который после своего издания в 1926 г. пользовался огромной популярностью. Напомним, он озаглавил его «*Le mystere des cathedrales*» — «Тайны соборов». В нем говорится о том, что готические соборы Европы несут в себе зашифрованные послания, указывающие на то, где хранятся сектеры алхимиков и утраченные знания, включая и рецепт изготовления философского камня.

Стоит только повнимательнее рассмотреть некоторые образчики готического искусства и вы вздрогнете от удивления. Иконография действительно полна зодикальными символами, математическими ребусами, геометрическими лабиринтами, берущими начало в текстах алхимиков тех времен. Даже Виктор Гюго в своем бессмертном романе «Собор Парижской Богоматери» посвятил целую главу рассуждениям о том, насколько противоречит канонам Католической Церкви архитектура Нотр-Дам де Пари. Он очень точно называл готическое искусство «бунтарскими страницами», воплощенным в камне.

Отчаянное желание каждого города имеет у себя самый-самый собор вызывалось и неутолимым тщеславием и практической потребностью. Собор был не только и не столько церковным, сколько светским центром. В нем заседали «отцы города», магистраты, устраивали суды, представления, заключали торговые сделки. Дошедшие до нас предписания тех лет: «Не толпиться в залах Дома» — дают основание думать, что церковные залы, нефы, нартексы временами походили на дискуссионный клуб.

Появлялась формация энергичных предков буржуа, уже предчувствовавших, что настает их время. Соображения престижа оправдывали любые затраты, коль скоро речь шла о своем соборе. Вот короткая запись больших гонок средневековых «небоскребов»:

- Шпиль парижского пятинефного собора Нотр-Дам, заложенного в 1163 г., вознесся на 35 м;
- в 1194 г. собор в Шартре обошел его — 36,45 м;
- 1212 г., Реймс — 39 м;

Амьен, 1221 г., сильный рывок — 42 м, но прошло четыре года и Бове затмевает все рекорды — 49 м!

Строительство, точнее достройки и перестройки продолжались и дальше, так что ко второй половине XIII в. башни парижского Нотр-Дам достигли 69 м при длине сооружения в 130 м.

Можно бесконечно поражаться возведенным громадам, сравнивать их со скалами, уходящими в облака, однако время спуститься с облаков на грешную землю: сегодня люди тоже строят и знают, что это такое. К примеру, такие вопросы: как и из чего строить, на какие, наконец, средства? — современные строители вряд ли обойдут вниманием. В связи с этим стоит припомнить реакцию французского поэта Поля Валерии на комментарии гида во время осмотра средневекового, великолепно укрепленного южного городка Каркассон, являвшегося своеобразными «крепостными воротами» к Пиренеям. Примечательно, что в нем была таможня, где в пользу города брали пошлины в половины стоимости товаров. Валерии не проронил ни слова, пока гид обрушивал на него шквал эпитетов и сравнений по адресу фантастических строений вокруг. «Ну и деньги!» — только и сказал, в свою очередь, поэт, не чуждый изысканной восторженности.

В самом деле, кто субсидировал строительство? Епископы не торопились выложить деньги. Не идет в расчет и королевская казна, где денег было не густо. Львиную долю средств, судя по всему, доставляли пожертвования. Прежде чем собор собирал прихожан, прихожане собирали его. По специальным спискам, в деньгах, драгоценностях и в натуре. У церковных дверей открывалась шумная распродажа даров: башмаки и бочки, вина, холстины и круги сыра обращали в звонкую монету. Принимали в этом участие все кто желал и мог. Даже сообщество парижских проституток запрашивало духовные власти, согласны ли они принять пожертвование и от них, грешных.

Частенько собранных денег не хватало. И наполовину возведенные голые стены стояли годами, сквозь камни прорастала трава. До нового прилива энтузиазма. По осени сборщики прихватывали с собой церковные реликвии и отправлялись бродить по деревням, обещая верующим небесную помощь и чудесные исцеления по сходной цене. Ранней весной они возвращались к оставленным соборным стенам и, если казна все-таки была еще скудновата, Церковь обещала прощение грехов каждому, кто принесет с собой на богомолье глыбу камня, мешок песка или щебня. Так было при постройке знаменитого собора Сант Яго (Св. Иакова) в испанском городе Компостелло. Тысячи верующих, прежде чем войти в город, доставляли блок камня в соседнюю Кастенду, где работали известковые печи.

Отпущение грехов было самым ходким товаром. Бойкие «деловые» люди, городские предприниматели, видимо, нуждались в нем особенно и закупали святое прощение оптом. Не потому ли поговаривают, что соборы выросли на нечистой совести буржуа?

До поздней ночи гремели по дорогам колеса. Глубокие колеи пробивали они на пути от каменоломни к стройке. Сколько раз надо было проделать этот путь, если одна повозка тянула не больше одного кубометра — полторы тонны камня!

Счастливой находкой почиталась возможность разобрать старое строение поблизости от стройки и использовать эти вторичные строительные материалы — сполнии. «Собор, наполовину разрушенный, — уже наполовину построенный», — учила поговорка.

Когда денег хватало, камень выбирали с разбором. Так, для стройматериалов пятикупольной базилики Св. Марка Венеция в X в. отправляла корабли в Сицилию, Афины и даже в северную Африку, а дорогостоящую алтарную преграду с 2 000 драгоценных камней заказала в Византии. Вместе с тем недостаток камня в некоторых регионах, например, в северной Германии, вызвал к жизни кирпичную готику. Так, первым кирпичным готическим храмом стала в XIII в. церковь в Любеке, но в дальнейшем этот строительный способ довольно быстро распространился по всей Европе.

О людях, возводивших кафедральные соборы, известно немного. О них рассказывают не велоречивые хроники, не торжественные

поэмы, а истлевшие листы расчетных ведомостей. Обрывки пергамента, на них цифры, даты, редко — имена. В списке профессий, относящихся к строительству, значились каменотесы, укладчики, мостильщики, специалисты по обработке мрамора, облицовщики, причем все эти работники получали разную плату за свой труд. Некоторые рабочие назывались просто «землекопами или разнорабочими». Они разравнивали участки под строительство, замешивали и подавали строительный раствор, перевозили на ручных тележках камни, закладывали фундамент здания. Помимо всего прочего, отдельные люди готовили известь для штукатурки, подавали инструменты, носили корыта с известью, устанавливали блоки, которые до сих пор можно увидеть на чердаках соборов и церквей аббатств. Можно узнать и бухгалтерию соборных строителей: дневной заработок землекопа или подносчика камней — 7 денье, мастера кладки — 22 денье. В списках встречаются и женские имена. Так, некой «Изабель — штукатурщице» причитается 3 су. Другой — «даме Марии» — вместе с двумя детьми выписано 4 ливра и 2 су. Это уже сумма. Возможно, за этой записью стоит не один, а целая группа или артель работников, возглавляемых мужем этой самой «дамы». Всего в своде 1292 г. числится 104 человека. Египетские пирамиды сооружали тысячи, десятки тысяч людей. При постройке готических соборов работала сотня-другая одних и тех же мастеров и рабочих.

Прямо на строительной площадке устраивали одно или более временное помещение, в котором строители выполняли часть своей работы. Там они также принимали пищу и отдыхали. Иногда над мастерской возводили навес или нечто вроде чердачного помещения, где каменщики могли поесть и отдохнуть. Такие помещения (*ложы*) были достаточно большими и вмещали в себя до 20 человек. На крупных объектах помимо лож для каменщиков строились специальные постоянные дворы. Каждая ложа подчинялась своим строгим внутренним правилам. На строительной площадке церковных зданий собрание каноников выработало устав жизни ложы, и старший каменщик, ответственный за эту ложу, брал на себя обязательство следить за соблюдением этих правил. Именно он сообщал настоятелю церкви или монастыря обо всех случаях плохой работы или несоблюдении дисциплины.

Стройка привлекала множество разного народа — кто искал подработать, кто надеялся пожить за счет строительной казны, а бывало приходили потрудиться на богоугодном деле, надеясь обрести прощение грехов, и знатные господа. Правда, толку от них было немного. История об одном раскаявшемся грешнике, графе Рено де Монтабане, прозванном «слугой Святого Петра», свидетельствует, кстати, о тогдашней плохой постановке техники безопасности: «...Но был он так неосторожен, что чей-то молот пришелся ему по затылку, и тело его упало в Рейн». Несчастные случаи и со смертельным исходом были скорее правилом, чем исключением на таких стройках: то ломалась под ногами сходня, то рушились строительные леса, на которых экономили как могли, то падал сорвавшийся с высоты груз, круша всех и вся по пути.

С первыми ощутимыми заморозками работы вынужденно останавливались. Верхушки недостроенных стен каменщики покрывали соломой и уходили. Ну а беднота, кормившаяся подсобной, поденной работой? Им не пережить долгую зиму без заработка. Они спускались в каменоломни и, если ноги держали, а руки поднимали кайло, могли рассчитывать на кусок хлеба.

Зимой город, строивший собор, замирал. Он привыкал жить в ритме громадной стройки и тихо ждал новой весны, когда снова все приходило в веселое движение. С рассвета звенели подковы и распевали каменщики, ковыляя на стройку в тяжелых своих деревянных башмаках.

Мы ни словом еще не упомянули архитекторов — людей, с именем которых принято связывать любое значительное сооружение. Что известно о них? Строго говоря, архитекторов в то время не существовало. Каменные здания возводились под руководством мастера-каменщика, а деревянные строения — под руководством мастера-плотника. Что касается мастеров-строителей, то они были людьми самых разнообразных талантов, но восприятие их в обществе было, видимо, двойственным. С одной стороны, они были востребованы, но с другой, труд их порой оценивался весьма скептически. «Ходят вокруг, да руками показывают, а деньги получают как все» — с укоризной отзывался о них средневековый моралист Никола де Биар. Можно догадываться, что положение мастеров-

строителей, именно архитекторов, было и вправду не блестящим. Даже такая нехитрая новинка, как присуждение красивого титула доктор, и та далась с превеликим трудом: законники отчаянно протестовали. *Пьер из Монтрейля*, автор проекта и строитель богатейшего аббатства Сен-Дени в предместье Парижа, был первым в истории доктором архитектуры.

Радевшее о тщательном воплощении замысла церковное начальство старалось удержать архитектора на весь срок работ. Ему отводили домик с куском земли, жаловали зимой шубу, снабжали дровами. Самой же высшей почестью было остаться в своем детище навсегда, последним сном уснуть под его сводами. Этой чести был удостоен *Жан из Шелля* — первый известный нам по имени мастер-строитель собора Парижской Богоматери в 1257–1270 гг., хотя строительство уже давно шло с 1163 г. К слову, Пьер из Монтрейля тоже строил этот собор, но его могилы в нем нет. В 1280–1330 гг. Нотр-Дам продолжали проектировать и достраивать Пьер из Шелля и Жан Рави.

Четкого плана постройки, подробных чертежей, без которых теперь не возводят и коровник, тогда не существовало. Сооружение вели по наброскам, общим моделям из гипса или глины. Работа шла частями, от стены к стене, от башенки к башенке, как строятся пчелиные соты. Существует запись в Хронике времен создания Миланского собора. «Следует ли продолжать работы, пока никому не ясно, как строить?» — таков был смысл дискуссии. Причем к моменту ее начала соборные стены уже стояли. Неудивительно, что путаницы и непредусмотренных погрешностей не избежала почти ни одна постройка. Собор Нотр-Дам де Пари — тоже. Фигуры — месяцы размещены на нем в обратном порядке. Современные исследователи считают, что строители XIII в. «демонстрируют крайнюю неразвитость способов измерения расстояний». Без сомнения, этим объясняется то, что средневековые постройки часто падали, рушились без всякого внешнего воздействия.

Одним из немногих образцов средневекового проектного документа, если только можно назвать его таковым, считается «Альбом» масона, алхимика и строителя *Виллара из Оннекура*. В этой рукописи-альбомчике вперемежку — зарисовки построек, капита-

лей, фигур людей и животных (кошки, медведя, лебедя, пары по- пугаев, змеи, мухи, стрекозы, омара; рядом с изображением льва стоит примечание — «Заметьте, этот лев срисован с натуры»); тут же наброски нехитрых приспособлений, для того, чтобы сложить из подвижных частей разной формы окно-розетку, связать балки, поднять камень с помощью системы блоков и своеобразного большого «беличьего колеса», которое вращал ногами находившийся в нем человек, короче, разные строительные хитрости на всякий случай.

Готика, разумеется, — не одни лишь постройки. Как уже указывалось, это образ художественного мышления. И каждый собор синтетичен: он вмещает в себя все. В нем труд каменщика, строителя, скульптора, витражиста и художника-геометра, или аджеста, как его стали звать с XIV в. В каждом соборе — театр и школа. Церковь всегда прибегала к такому шифру в камне. Люди тогда в подавляющем большинстве были неграмотны, а украшения соборов, этих готических каменных «книг», несли в себе информационную нагрузку. *Pictura est laicorum* — «Изображения — это литература неграмотных» — говаривали в Средние века. С такими кругами можно было общаться только посредством изображений. Эта коммуникация посредством изображений осуществлялась благодаря информации, которую несли преимущественно библейские сюжеты. Все западные храмы были богато украшены скульптурой, барельефами, растительным орнаментом, живописью, причем и скульптура и живопись являлись своего рода Библией в образах. Изображали отдельные лица, фигуры святых, сцены из Нового Завета и отдельные события, почерпнутые из Житий святых. К примеру, собор в Шартре под Парижем украшает более 10 000 скульптур. Особенно великолепно отделяли порталы соборов, над которыми непременно вырезали в камне огромную ажурную «розу», стекленную витражом.

В основном искусство несло представление различных чудес и, как и литература, служила прежде всего дидактическим целям. Цель фресковой и иконной живописи долгое время состояла не в том, чтобы дать глазам любоваться, а чтобы назидать, призывать к молитве, поднимать души в ожидании предначертанного Господом

исцеления от грехов и страданий. Поэтому характерным оставались ограниченное количество типов изображений, схематичность, статичность, почти отсутствие подвижных, живых композиций, неподвижность, фронтальность, господство шаблонов в изображении фигур, отсутствие перспективы и пространства, порой непропорциональность.

Многие предметы (храм, дом, крепостная башня, стол, кубок или блюдо, тарелка на столе) изображали так, как будто рассматривали их с разных сторон, одновременно фронтально, сверху и сбоку. Это позволяло живописцу подробно рассказать о них. Можно было видеть и форму чаши от ножки до края и одновременно ее содержимое. Стол тоже изображали так, что были видны все его ножки и то, что происходит за столом: угощение, напитки, ножи. Предметы и события не показывали такими, какими они казались человеку со стороны. Главное было объяснить зрителю, что происходило с персонажами, визуальнo описать все основные объекты, как если бы художник описывал их словами.

Композиции часто строились по иерархическому принципу: то, что изображалось справа, было более значительным по смыслу. Праведники всегда были справа от Христа, а грешники — слева.

Если на фоне храма стояли люди, чаще всего это означало, что они находятся в храме. Живописец показывал как выглядит здание снаружи и, одновременно, что происходит внутри (стоят люди, священники служат литургию). Иногда внутренне пространство отмечали архитектурным элементом (крышей, навесом) над персонажем или просто помещали его в символическую рамку. Человек оказывался внутри очерченного пространства, соединенного с соседним зданием.

Стоящие дыбом волосы — знак греха и порока, ярости и дикости. Это прическа демонов, дьявола, грешника, еретика или язычника. Нагота в живописи часто означала признак бесплотного духа. Такой выглядела душа, исходящая из тела смертного. Нагими обычно изображали бесов и духов — персонафикаций ада, реки или ветра. Обнаженными представляли и грешники в аду. Зато по контрасту с ними ангелы и праведники на Небесах всегда изображались в светлых одеждах.

Даже в реалистичных на первый взгляд сценках, как и в литературе, закладывался тайный смысл, некий «код», который сознание средневекового человека было настроено расшифровать. Например, если современный зритель, не обученный языку средневекового искусства, увидит на резной капители романского собора во французском Отене (XIII в.), как аббат и аббатиса дерутся за пастырский посох, он скорее всего расценит сценку как гротескную и даже антиклерикальную. Это как бы само собой напрашивающееся объяснение. Однако на самом деле художник изобразил здесь символический раздор и непорядок в Церкви, коснувшийся в равной мере мужских и женских монастырей. Такое облечение высоких истин в гротескную, предельно символическую форму форму никоим образом не удивляло.

Тем более внутренний смысл несли сами символические фигуры. К примеру, в Шартрском соборе можно увидеть на полу причудливый узор в виде лабиринта, выложенный синими и белыми камнями. В нем нет глухих концов и тупиков. Фактически это одна длинная, извилистая, не прерывающаяся дорожка. Ее называют Лабиринтом Дедала или просто «Дедал» (le Dedale). Узор был назван так в честь мифологического зодчего, построившего лабиринт для критского царя Миноса. В том лабиринте жил Минотавр — чудовище с телом человека и головой быка, которого впоследствии убил герой Тесей. В XIII в., на который пришелся пик возведения готических соборов, подобные лабиринты помещались во многих из них: в Амьене, Реймсе, Аррасе, Осерре. Большинство из них было уничтожено Церковью, объявившей их языческими реликвиями. Исключение было сделано только для Шартрского собора, истоки которого уходили в языческие времена. Ведь он был построен на том месте, где когда-то располагался Грот друидов, знаменитое кельтское языческое святилище. И поэтому в его стенах никогда не хоронили ни Пап, ни королей, ни каких-либо других выдающихся личностей. Считается, что лабиринт здесь был создан по рисунку из греческого манускрипта по алхимии, относящегося ко II в. Кроме того, шартрский лабиринт олицетворял собой путь из этого мира в рай. Паломники, приходившие в Шартрский собор, были вынуждены ползти на коленях вдоль извилистой дорожки, пока не дости-

гали центра. И это символизировало паломничество в Иерусалим либо же путешествие из земной жизни в райские сады. Отсюда и другие названия лабиринта: Иерусалимский путь, Райский путь. Это было духовное путешествие.

Вообще, в готической архитектуре очень много элементов магического и необъяснимого. Такие элементы, даже связанные с колдовством и заклинаниями (к примеру, изображения листья арума и лилии), не смущали: попав в христианский храм, они как будто освобождались от своей темной силы. Отсюда пугающие, уродливые фантастические фигуры, химеры, собаки, совы с широко открытым клювом и высунутым языком, ужасные дикие звери, наполовину люди и наполовину животные, крылатые фигуры с головами увенчанными рогами, демонические создания, которые были как бы стражами. К примеру, знаменитые горгульи собора Нотр Дам де Пари. Это слово происходит от старофранцузского *gargouille*, что означает «горло». Так называли оформленные в виде гротескных голов крылатых драконов стоки для воды, которые отводят воду от стены собора в дождливые дни, чтобы его не затопило. Видимо, термин произошел от звуков, которые издает вода, стекающая по узким желобам. Но само происхождение горгулий легенды связывают с неким драконом по имени Ла Горгуль, который выполз из пещеры у берега Сены, сожрал всех домашних животных в округе, разрушил деревню под названием Париж. Мало того, дракон захватывал корабли и пожирал моряков. И вот жители деревни решили приносить ему в жертву каждый год какого-нибудь преступника, чтобы задобрить. Нашелся один храбрый священник по имени Сент Романи (Св. Роман). Он отрубил дракону голову. Потом поджег его, но голова и шея не горели. И тогда Роман вытащил их из огня, и прибил голову дракона к церковной стене. Так Ла Горгуль стал первой гротескной фигурой в виде сточной трубы.

Итак, главным было донести внутренний смысл, некий художественный условный код, передать сюжет аллегорически, символически. Этого требовала и Церковь. Поэтому натуре не особо стремились подражать. В этом не видится обеднение искусства или бездарность художников, которые отказались от прямого копиро-

вания античных образцов. Они были совершенно оригинальны, не похожи. Это было новое искусство с иными установками.

Наиболее интересные образцы живописи оставили рисунки — *миниатюры* и узоры, которыми украшали средневековые рукописные пергаменные книги. Краской писали рубрики, заглавия, начальные буквы — *инициалы*. Обычно для этих целей употребляли наиболее распространенную во всех рукописях краску огненно-красного цвета, которую приготавливали из прокаленной на огне ртути и серы. Краска рыже-красного цвета получалась из прокаленных свинцовых белил. Реже употребляли синюю, желтую, зеленую краски. Их стали предпочитать в расцвет готики, с XIII в.

Поражает яркость, сочность средневековых красок, необыкновенно хорошая их сохранность. Объяснение этому следует искать в технике приготовления красок и способах их наложения. Связующим веществом для красок до XIII в. служил главным образом яичный белок, а позднее — растворы камеди (смолы) вишневого, сливового или миндального дерева, которые добавляли в разные краски. Кроме того, в качестве наполнителей использовали рыбий клей, мед, вино, уксус, сок фруктов, растений и даже мочу. А некоторые художники добавляли ушную серу, которая, по их мнению, препятствовала образованию пузырьков в слое краски и делала ее эластичней.

Вот, например, как готовилась зеленая краска. Глазурованный сосуд заливали уксусом или мочой. В него опускали медные пластики, покрытые солью или селитрой. Сосуд закрывали и на 40 дней оставляли в природном термостате — куче навоза для поддержания определенной температуры. По истечении срока на пластинах образовывался ярко-зеленый налет, который счищали и добавляли в камедь, после чего получалась устойчивая краска приятного зеленого цвета.

Роскошные книги, Библии, Евангелия имели письмо золотом и серебром, которые готовили из мельчайших опилок этих драгоценных металлов, смешивая их с соответствующими наполнителями. Кроме писца, который выполнял так называемое «черное письмо», существовал так называемый *миниатор*, человек, который раскрашивал пропущенные заглавные буквы, или рисовал их пол-

ностью, как и рисунки-миниатюры. Название миниатор происходит от латинского слова *minium* — сурик, из которого, как сказано, делалась наиболее ходовая в рукописях красная краска.

Многие рукописи с VII в. стали снабжать орнаментом. Обычно в начале рукописи или **рубрики** (названия) помещали «**заставки**», то есть раскрашенные сложные узоры. Под заставкой помещалась тоже разрисованная заглавная буква — инициал. К тексту иногда прилагались рисунки. Их и принято называть миниатюрами.

Изучение стиля декоративных орнаментов или бордюров, рамок листов пергамента позволяет заключить, что в XI–XII вв. преобладал **геометрический орнамент**, составленный из изображений растений, животных и реже — людей. С XIII в. в широкое обращение входит **орнамент в виде «плетенки»**. В XIII–XIV вв. внутри таких «плетенок» было принято помещать изображения фантастических животных — чудовищ, драконов, грифов, львов и т. п. Этот рисунок носит название **тератологического**, или чудовищного орнамента. Тогда же, в XIII в. на полях манускриптов появляется так называемый **«абстрактный» бордюр**, который использовали как площадки для разнообразных гротескных фигурок: жонглеров, акробатов, обезьян, кошек, сов, крылатых драконов. Часто изображали комические, пародийные, шуточные сценки: то кулачный бой, то толпа, увлеченно следящая за петушиным боем, то змея с ослиной головой и епископским посохом, то монах с ослиными ушами, склонившийся над крестом. Это искусство называют **дролери** (от французского *drole* — «забавный»). Оно родилось в Англии, а пышным цветом расцвело во Франции. Эти сценки зачастую совершенно не связаны с сюжетом миниатюры, они, как заметил Михаил Михайлович Бахтин, «по другую сторону». В них есть что-то от ликующего карнавала, «праздника дураков», в которых так ярко проявилась смеховая культура средневековья. При всем том, ими, как правило, украшали культовые, религиозные книги — Часовники, Бrevиарии, Жития святых, наиболее читаемые в Средние века.

В этих маленьких забавных фигурках другой мир, иная жизнь, не застывшая, а бьющая ключом, брызжащая смехом, иронизирующая. В ней прекрасно отразилась противоречивость эпохи

готики, двойственный аспект восприятия мира средневековым человеком, для которого рядом с божеством стоял черт, рядом с королем — шут.

Этот «абстрактный» бордюр XIII в. в течение XIV в. стал «прорастать» листьями, ветками плюща или винограда и заполнил собой поля вокруг текста, а иногда и между столбцами, образуя рамку. В XV в. такая рамка становится еще пестрее и живее. Она покрывает все пространство полей цветами и плодами, как кружевом. в котором копошатся бабочки, жуки, лягушки, улитки. павлины. Причем в итальянском бордюре уже с XII в. появляются медальоны с изображением в них лебедей, павлинов, ангелочков — *путти*, а затем и людей.

Каждая школа миниатюристов имела свои местные отличия. Они заметны в манере изображать человека, здания, природу, облака и т. д. Даже краски несколько различаются по времени и месту. Особенно прославились своим искусством миниатюр северофранцузские и фландрские мастерские.

Из числа знаменитых художников следует упомянуть парижанина *Жана Пюсселя*, который в первой половине XIV в. прославился искусством дролери.

Большую известность приобрели братья *Поль, Жан и Герман Лимбурги*. Они создали иллюстрации к нескольким книгам, которые считаются шедеврами франко-фламандской живописи. К ним относится и знаменитый Часовник герцога Беррийского, хранящийся ныне в музее Конде, который по праву называют «Вторым Лувром».

Из художников — миниатюристов XV в. необходимо назвать Жана Фуке и Симона Мармиона. *Жан Фуке* родился в 1420 г. в Туре, путешествовал по Италии и сумел удачно соединить достижения итальянских и франко-фламандских миниатюристов. Его считают непревзойденным мастером перспективы и индивидуального портрета. К наиболее известным относятся его портреты французского короля Карла VII Мудрого, фаворитки короля и первой модницы своего времени Агнессы Сорель, а также иллюстрации к «Истории еврейского народа» Иосифа Флавия, на которых античные персонажи предстают в рыцарских латах. Кроме того, Жан Фуке украсил

превосходными миниатюрами свод Больших Французских Хроник. Этот же исторический свод иллюстрировал такой выдающийся мастер XV в. как **Симон Мармион**, француз, живший во Фландрии, которая тогда входила в состав Бургундского герцогства. Современники называли его «принцем миниатюры», «государем иллюстраторов». Над 90 миниатюрами Больших Французских Хроник он работал вместе со своими учениками несколько лет, запечатлев на них все основные события истории франков, разумеется, в живописном антураже своего времени. Эти великолепные миниатюры можно считать энциклопедией материальной культуры средневековья.

Наряду с книжной, особенно была развита оконная живопись, живопись на стекле. Стрельчатые окна — цветные витражи готических соборов были сплошь расписаны живописью. Прихожане, как не раз уже указывалось, в массе своей плохо владели грамотой, читали мало, но они могли брать наглядные уроки богословия и истории в скульптурных символах, в канонических сюжетах из Евангелия, уроки эстетики — в гармонии сводов, подобной музыке, потому что соборы — те же многоголосые хоралы, только застывшие в камне.

Как башни феодальных замков говорят нам о спокойной простоте и уверенной в себе зловещей силе, так готика скрывает намеки на тайные знания и вместе с тем превозносит логику и рациональный расчет. Превозносит стремящимся ввысь острием каждого ее элемента, башенки, вимпенга, стрельчатой оконной рамы или буквы, продуманным длинным изгибом фигур ее святых, изысканных и холодных. И еще готика — это аккорды гимна мастерам, «вольным каменщикам» с их «ложами», вознесшим до высокого искусства свое ремесло. За три столетия (1050–1350 гг.) они обратили в миллионы тонн каменных глыб в 80 кафедральных соборов, 500 больших церквей и тысячи других строений, которым нет числа... Они поражают не только внушительными размерами, но и мудрой красотой. Причина совершенства памятников готического зодчества, кроме всего прочего, кроется в особом религиозном чувстве, характерном для той эпохи. Это ныне человеческий гений щедро расточает себя, воплощаясь в сотнях разнообразных профессий. В Средние же века люди посвящали себя — исключительно

и безусловно — Церкви! Наверное, поэтому храмы этого времени выглядят так, будто каждый из них строили с песней. В них каждый кирпич, каждый камень, каждый участок резьбы напоен мудростью, любовью и верой.

Неизвестные строители вкладывали весь пыл своей души в оформление церкви. Те силы, которые современные люди расточают на бизнес или хобби, изливались на каменные изваяния святых. Должно быть, поэтому их красота не меркнет в веках. И даже когда прочие идеалы умрут, когда человечество утратит веру в самое себя, люди все равно будут приходить и с благоговением взирать на стены готических церквей.

В начале XIV в. возникла новая техника — *«пламенеющая готика»*, для которой было характерно украшение здания тончайшей резьбой по камню. Она покрывала стены соборов будто каменным кружевом. Это стало апогеем развития готики, пик увлечения которой к XV в. прошел. Как образно выразился Виктор Гюго, «...готическое солнце закатилось за гигантский пресс Майнца». Печатный станок майнцкого первопечатника Йохана Гуттенберга завоевывал Германию, Францию, Италию, Нидерланды, Англию... Религиозный пыл больше не вдохновлял художников. Церковь перестала просвещать массы посредством искусства пластики. Перед христианством вставали новые задачи, вылившиеся в бури Реформации и Контрреформации. И тогда же в Европе впервые заговорили пушки — бомбарды и мортиры. Западный мир мог поздравить себя с их изобретением и все более широким внедрением. И, будто под влиянием рока, музы прекрасной, магической готики стали довольно быстро замолкать. Бывшие строители соборов принялись утолщать стены куда более необходимых новому времени фортификационных сооружений, возводить крепости, бастионы, редуты. Скульпторы отложили на время резцы и учились отливать пушки и готовить ядра. А служители недостроенных и забытых соборов привыкли видеть пустые постаменты, глазницы порталов и надолго останавливались перед какой-нибудь брошенной глыбой камня, с которой загадочно, мистично улыбался чуть намеченный лик.

Лекция 9

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (XIII–XVI вв.).

1. Понятие терминов «Возрождение» и «гуманизм».
2. Основные вехи изучения проблемы европейского Ренессанса в историографии.
3. Черты мировоззрения эпохи Возрождения.
4. Периодизация эпохи Возрождения.
5. От Данте до Боккаччо.
6. Кризис гуманизма.
7. Иные «возрождения» и проблема их исторического существования.

Основная литература

Бойл Д. Искусство Возрождения / Пер. с англ. М., 2003.

Брагина Л. М. Итальянский гуманизм (Этические учения XIV–XV вв.). М., 1977 (особенно глава 1).

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 1999.

Культура Западной Европы в эпоху Возрождения: Учебник. М., 1996.

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. 2-е изд. М., 1982.

Черняк И. Х. Проблемы идеологии итальянского Возрождения в трудах советских ученых (1917–1977) // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979.

Ренесанс і його комунікативність // Дятлов В. О. Исторична комунікологія та культура комунікації доби Середньовіччя і ранньомодерного часу: навчальний посібник. Чернігів, 2016. С. 84–109.

Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени / В. И. Рутенбург. Л., 1974.

Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1992.

Чемберлин Э. Эпоха Возрождения. Быт. Религия. Культура. М., 2006.

Дополнительная литература

Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979.

Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение как исторический тип культуры. М., 1991.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М., 1995.

Белый Ю. Иоганн Кеплер. М., 1971

Бенеш О. Искусство северного Возрождения. М., 1973.

Бёрк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.

Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996.

Бранка В. Боккаччо средневековый. М., 1983.

Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.

Варбанец Н. В. Йохан Гуттенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980.

Веселовский А. Н. Петрарка. СПб., 1912.

Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Пг., 1915–1919. Т. 1–2.

Виппер Б. Р. Итальянский Ренессанс XIII–XVI вв. М., 1977. Т. 1–2.

Горфункель А. Х. Джордано Бруно. М., 1973.

Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.

Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.

Гурлянд А. Кто настоящий «отец книгопечатания» — Гуттенберг или Костер? // Журналист. 1927. № 3. С. 65–66.

Даннеман Ф. История естествознания. М.; Л., 1936. Т. 2.

Девятайкина Н. И. Мироззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.

Де Санктис Ф. История итальянской литературы. М., 1963. Т. 1.

Джейм П. Все возможные миры. История географических идей. М., 1988.

Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. 2-е изд. М., 1925.

Дмитриева Н. А. Искусство Возрождения // Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. Вып. 1: От древнейших времен по XVI век. Очерки. 4-е изд., стереотип. М., 1985. С. 215–311.

Доброхотов А. Л. Данте. М, 1990.

Долгополов И. Мастера и шедевры. М., 1986. Т. 1.

Ивонин Ю. Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI в. Исторические очерки. Днепропетровск, 1994.

Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. / И. А. Краснова. Ставрополь, 1995. Ч. 1–2.

Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения: В 3-х т. М., 1956. Т. 1; 1959. Т. 2; 1979. Т. 3.

Лазарев В. Н. Старые итальянские мастера. М., 1972.

Любимов Л. Небо не слишком высоко: Золотой век итальянской живописи. М., 1979.

Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. К., 2004.

Мицецкая Н. В., Мирецкая Е. В. Культура эпохи Возрождения. М., 1996.

Мортон Г. В. От Милана до Рима. Прогулки по Северной Италии / Пер. с англ. М., 1996.

Мортон Г. В. Рим / Пер. с англ. М., 1996.

Мортон Г. В. От Рима до Сицилии. Прогулки по Южной Италии / Пер. с англ. М., 1996.

Муратов П. Образы Италии М., 1994. Т. 1–3.

Нессельштраус Ц. Г. История искусства зарубежных стран. Средние века. Возрождение. М., 1982.

- Петрарко, Франческо.* Эстетические фрагменты. М., 1982.
- Петров М. Т.* Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. М., 1982.
- Петров М. Т.* Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных ренессансов. Л., 1989. Кн. 1.
- Пинский Л. Е.* Реализм эпохи Возрождения. М., 1982.
- Прокофьев В.* По Италии. М., 1971
- Пуришев Б. И.* Литература эпохи Возрождения: Курс лекций. М., 1996.
- Рассел Б.* Возникновение современной философии // Рассел Б. Мудрость Запада. М., 1998. С. 262–322.
- Ревуненкова Н. В.* Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1988.
- Ролова А. Ф.* Конец эпохи Возрождения в Италии: специфика экономики и общества XVI в. Рига, 1987.
- Савина С. Л.* Политика Реформации в области образования // гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. М., 1990. С. 113–121.
- Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978.
- Тэн И.* Путешествие по Италии. М., 1913–1916. Т. 1–2.
- Фёдорова З. В.* Знаменитые города Италии: Рим. Флоренция. Венеция. М., 1985.
- Франческо Петрарка.* Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. М., 1974.
- Фуко Э.* Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. М., 1996.
- Хлодовский Р. И.* Франческо Петрарка. М., 1974.
- Хлодовский Р. И.* «Декамерон». Поэтика и стиль. М., 1982.
- Чеколини Л. С.* Средневековая и ренессансная культура Италии в русской дореволюционной историографии // Средние века. 1984. Вып. 47.
- Шрамкова Г.* Искусство Возрождения. Италия. Нидерланды. Германия. Франция. М., 1977.
- Штекли А. Э.* Галилей. М., 1972.
- Юсим М. А.* Этика Макиавелли. М., 1990.

* * *

При слове «Возрождение» сразу вспоминаются беспутные мудрецы XV–XVI вв., нищие философы, блистательная галерея прохвостов, гениев, мадонн, кормящих грудью младенцев с не по детски серьезным взглядом, кардиналы с рысьими глазами, атлетические Христы, срывающиеся с распятий кажется только потому, чтобы вновь кинуться в драку; карлики, смеющиеся над королями, политики с ядом и кинжалом, умиротворители в стальных доспехах.

Великие титаны Возрождения, мастера...

Жадные до света знаний, до блеска новой жизни, до гармонии, сверкнувшей сквозь реальность чумы, голода, казней, поняв быстротечность и единственность отпущенного времени, здешней, земной жизни, они трудились так, как никто и никогда раньше и позже.

Все это и есть Возрождение или гуманизм. Однако привычные термины «Возрождение» и «гуманизм» имели в разное время разное содержание. Нет их однозначной оценки и в трудах современных исследователей. Часто мы произносим их, даже не задумываясь о смысле.

Термин «Возрождение» происходит от лат. *renovatio* (обновление). По французски — *Renaissance*, по итальянски — *Rinascimento*, что тоже происходит от этого латинского слова.

В XIV–XVI вв. под Возрождением понималось обновление, возрождение культуры античного мира. Этот термин был впервые употреблен итальянским искусствоведом и архитектором Джорджо Вазари в книге «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», изданной в 1550 г. В этой работе Вазари рассматривал свою эпоху как время возрождения искусства после тысячелетнего мрака и варварства, то есть долгого упадка античной культуры и искусства в Средние века.

Позднее исследователи стали сводить содержание Возрождения к простому «возрождению классической древности». А в XIX в. появилась новая оценка Возрождения, которая сводилась к стремлению доказать зависимость Возрождения от средневековой, христиан-

ской культуры, — что Возрождение будто бы полностью *растворяется в средневековье* (здесь и далее выделено нами — С. С.)

И тот, и другой подход к оценке Возрождения следует признать неисторическим. Возрождение не просто возрождение классической древности. В Средние века уже были эпохи, когда возникал интерес к античности, например, Каролингское Возрождение в IX в. Однако их нельзя считать «настоящим Ренессансом».

Также не исторично расширять рамки средневековой культуры до XVI в., то есть включать в нее Возрождение. На самом деле между классической средневековой культурой и культурой Возрождения существуют *серьезные качественные различия*.

С особых позиций подошли к оценке эпохи Возрождения сильно повлиявшие на умы XIX–XX вв. К. Маркс и Ф. Энгельс. Хотя у них нет специальных работ, посвященных Возрождению, изучение их высказываний о ренессансной культуре и ее представителях, показывает, что у Маркса и Энгельса была ясная концепция по этой проблеме.

Одним из важнейших ее положений является четко сформулированная Фридрихом Энгельсом характеристика эпохи Возрождения как *революционного переворота*, обусловленного зарождением капиталистических отношений в недрах феодализма. В книге «Диалектика природы» Энгельс называл Возрождение величайшим *прогрессивным переворотом* из всех, пережитых до того времени человечеством, эпохой, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. В оценке Возрождения Энгельс выдвинул на первый план новые черты. Это — подрыв духовного диктата Церкви, зарождение научного естествознания; важные технические открытия, блестящий расцвет литературы и искусства, возникновение новых национальных литератур и т. д.

Кроме того, немецкие исследователи обратили внимание на особенности идеологии зарождающейся буржуазии. Они подчеркивали, что рождающееся новое капиталистическое общество разрушало все сословные преграды и узы личной зависимости, сложившиеся при феодализме. Подъем чувства личности, протест против сословных привилегий обуславливают прогрессивную историче-

скую роль формирующейся буржуазии, которая создавала свою культуру. Поэтому не следует забывать строки Энгельса из «Диалектики природы»: «Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными».

Особенно большой интерес у Маркса и Энгельса вызывала культура Италии. В частности, они дали характеристики таким виднейшим представителям итальянского Ренессанса как Данте, Петрарка, Боккаччо, Макиавелли. К слову, Данте был любимым поэтом Маркса и даже своим девизом Маркс избрал известные слова флорентийского изгнанника: «Иди своим путем и пусть люди говорят что угодно».

В советской историографии высказывания основоположников марксизма о Возрождении по понятным причинам пользовались особым вниманием, но получили разную интерпретацию, разное понимание.

Одним из первых с марксистских позиций Возрождение стал исследовать видный отечественный медиевист Алексей Карпович Дживелегов (1875–1952 гг.). В 1925 г. он опубликовал работу «Начало итальянского Возрождения» (М., 1908; 2-е изд. — М., 1925). А. К. Дживелегов рассматривал Возрождение как **«культурный переворот»**, стоявший в тесной связи с **«переворотом хозяйственным...»**. Именно из такого понимания Возрождения он исходил, когда писал свои интересные книги об отдельных деятелях Возрождения — Леонардо да Винчи, Микеланджело, Макиавелли, Гвиччардини.

Затем в 40-х гг. появилась обобщающая работа по итальянскому Возрождению известного ленинградского историка, искусствоведа, профессора Матвея Александровича Гуковского (1898–1971 гг.). Он собирался опубликовать четырехтомную работу, но успел издать лишь два тома (в 1947 и 1961 гг.), так что работа осталась незавершенной. Ее переиздание с третьим томом состоялось лишь в 1990 г.

М. А. Гуковский трактовал Возрождение не просто как переворот в области культуры. По его мнению, Возрождение — это переходная эпоха, в рамках которой произошел **«универсальный переворот»** — и культурный, и экономический, и политический, который

совершался с XIII до XVI века. То есть Возрождение, по Гуковскому, это переворот во всех областях жизни.

Эти две точки зрения (Дживелегова и Гуковского) господствуют в отечественной историографии до сих пор и у каждой есть свои сторонники и среди историков, и среди литературоведов, и среди искусствоведов. Более популярна при этом точка зрения Дживелегова. Но какое из этих двух мнений правильнее?

Об этом очень толково рассуждал академик Виктор Иванович Рутенбург. В книге «Италия и Европа накануне нового времени» (Л., 1974) он считал, что при оценке Возрождения следует учитывать, что Возрождение было *общеевропейским*, а не только итальянским процессом. Поэтому речь может идти не только о перевороте в области культуры, но и об *общеевропейских явлениях*, связанных с переходом от феодализма к капитализму.

Ведь совершенно не случайно в «Заметках к «Диалектике природы» Энгельс говорил о Возрождении как о «грандиозной эпохе», «когда бюргерство сломило мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах». Там же Энгельс говорил о той эпохе, «...которая создала в Европе крупные монархии, сломила духовную диктатуру Папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время».

Таким образом, для Европы в целом Возрождение было периодом *штурма феодализма*, периодом острой борьбы за смену устаревшей системы новой, бюргерской, капиталистической.

Во всех этих точках зрения есть рациональное зерно. Но категорично отстаивать какую-либо из них, пожалуй, не стоит. На наш взгляд, когда мы употребляем термин «*эпоха Возрождения*», то имеется в виду «*универсальный переворот*», революционная эпоха перехода от феодализма к Новому времени, к капитализму. Действительно, в эту эпоху происходят серьезные изменения во всех областях жизни всех стран Европы.

Когда же мы говорим просто «Возрождение», то имеется в виду культура этой эпохи и переворот лишь в области культуры. Но и та-

кой подход весьма условен. К слову, Ф. Энгельс во «Введении к «Диалектике природы» тоже отмечал: «Современное исследование природы, как и вся новая история ведет свое летоисчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем... Реформацией, французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто (пятисотые годы, то есть XVI ст.) и *содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований*».

Как следует понимать другой термин — «гуманизм»?

Часто слово «гуманизм» употребляют как синоним термина «человеколюбие». Но в таком смысле этот термин не связан ни с какой исторической конкретностью и применяется лишь для этических оценок.

Применительно к эпохе Возрождения гуманизм имеет иное значение. Впервые, насколько известно, этот термин был введен в XV в. Писатель и ученый Леонардо Бруни называл новую *светскую науку о человеке, его месте в мире и поведении в обществе studia humanitatis* или *humanitas*. Латинское слово *humanus* означает «человеческий», следовательно, *studia humanitatis* означает «человеческие науки», в противоположность *studia divina* — «божественные науки», которые лежали в основе схоластической системы образования. Термин *humanitas, studia humanitatis* был заимствован интеллигенцией эпохи Возрождения у римских авторов. Так, Цицерон понимал под ним *воскрешение на римской почве греческой образованности*. Другой римский ритор II в. н. э. Авл Гелий объяснял, что под гуманизмом римляне понимали *«эрудицию и осведомленность в науке и искусствах»*.

В таком же значении понимали слово «гуманизм» в эпоху европейского Возрождения, подразумевая под ним эрудицию и осведомленность в науках и искусствах. И гуманистами в эпоху Возрождения называли тех, кто посвящал себя изучению и преподаванию *studia humanitatis*, то есть наук и искусств, кто был всесторонне образован, обязательно владел древними языками, знал историю, обладал искусством оратора, поэта, писателя.

В отечественной историографии под гуманизмом эпохи Возрождения понимают прежде всего мировоззренческую основу культуры Возрождения. Его оценивают как прогрессивное обще-

ственное явление, которое было вызвано к жизни развитием буржуазных отношений.

Каковы основные черты этого мировоззрения эпохи Возрождения?

Наиболее устойчивыми чертами мировоззрения складывающейся буржуазии были следующие:

1. Антропоцентризм и индивидуализм в области права и морали.
2. Эмпиризм в области науки, или интерес к опытной науке.
3. Реализм в искусстве.
4. Пробуждение национального сознания и тяготение к сильной централизующей власти в области политики.

Первая черта — индивидуализм — определялась жизнедеятельностью и интересами буржуазии. Конкуренция требовала от бюргеров ловкости, предприимчивости, уверенности в успехе. Поэтому главное значение придавалось не родовитости, а личным качествам человека, от которых зависели богатство и успех. Гуманисты провозглашали благородство по интеллекту, а не по рождению, и отдавали дань уважения личным заслугам, а не дворянским титулам. Этот индивидуализм и антропоцентризм проявлялись в восхвалении человеческой личности как таковой. Пожалуй, наиболее четко выразил это философ и гуманист XV в. Пико дела Мирандола в трактате «О достоинстве человека». Пико дела Мирандола провозгласил идею высокого понятия о человеке: «О дивное и возвышенное назначение человека, которому дано достигнуть того, к чему он стремился, и быть тем, чем он хочет!». В трактате «О достоинстве человека» Бог, обращаясь к Адаму, говорит: «Я создал тебя существом не небесным, но и не земным, не смертным, но и не бессмертным, чтобы ты, чуждый стеснений, сам сделал себя творцом и сам выковал окончательный свой образ. Тебе дана возможность пасть до состояния животного, но также и возможность подняться до степени существа богоподобного — исключительно благодаря твоей внутренней воли». В этих словах сосредоточена духовная и интеллектуальная мощь эпохи. Человек освобождался от гипноза средневековой упаднической схоластики. У него появлялось дерзкое желание

реально, а не мистически познать мир и в этом познании создать самого себя, поставит в центр бытия. В этом дух Ренессанса.

Великое нетерпение охватило человека. Нетерпение жить, мыслить, чувствовать, творить, постигать. Преклонение перед Красотой становилось нормой и образом жизни. Возникали удивительные здания и архитектурные ансамбли; предметы быта, прекрасные, как произведения искусства, и картины гениев, вошедшие в повседневный быт. В одном времени жили и творили Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Донателло, Тициан. Личность, человек осознает себя творцом, созидателем — и какой размах, какое бесстрашие, какой штурм крепости средневековых догматов, какие взлеты! И какие падения. Без них, без этих падений, говоря словами Мирандола, «...до степени животного», не может быть понята эпоха Возрождения. А иногда об этом забывают даже солидные исследователи. Забывают, что индивидуализм в эпоху Возрождения был явлением слишком *стихийным*, чтобы проявлять себя только *строго и безукоризненно, только принципиально и красиво и всегда целесообразно*. Когда мы говорим об индивидуализме эпохи Возрождения, мы не должны представлять, что значительная часть людей этой эпохи была существами, стремившимися стать «богоподобными», выражающимися только изящно, красиво и благородно. А обычно так и представляют и превозносят «красивость Ренессанса» по сравнению с «мрачными и дикими Средними веками». В литературе восхваляется *возрожденческий индивидуализм* — самостоятельная и стихийно утверждающая себя человеческая личность. Но можем ли мы безгранично восхвалять возрожденческий индивидуализм и считать его каким-то окончательным достижением человеческой истории?

Действительно, и предприниматели, и работники в эпоху Ренессанса впервые стали *упиваться своей индивидуальной свободой*. Но в те времена никто и не предполагал, что на путях такого частнопредпринимательского индивидуализма европейское человечество поначалу и надолго зайдет в *нечеловеческий тупик экономической эксплуатации*.

У Алексея Федоровича Лосева в книге «Эстетика Возрождения» есть глава, которая называется очень символично и со смыслом

«Обратная сторона титанизма». Начинает он ее так: «Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей».

Действительно, покровители гуманизма отнюдь не заботились о подлинном достоинстве человеческой личности и подчас индивидуализм эпохи Возрождения был не только *эгоистичным и аморальным*, но имел также *антисоциальный смысл*. Между тем некоторые, даже такие крупные специалисты как Сергей Данилович Сказкин, утверждали, что «индивидуализму ренессансному в противоположность позднебуржуазному была чужда антисоциальная направленность».

Посмотрим, что пишет А. Ф. Лосев в своей книге и пишет совершенно справедливо, основываясь на исторических источниках:

«Священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что неоднократно приходилось издавать декреты, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток», но все напрасно. Монахини читают «Декамерон» и предаются оргиям, а в грязных стоках находят детские скелеты как последствия этих оргий...

Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа собирают на свои ночные оргии до 50 куртизанок. В Ферраре герцог Альфонс среди бела дня голым прогуливается по улицам... В Италии той эпохи нет никакой разницы между честными женщинами и куртизанками, а также между законными и незаконными детьми. Незаконных детей имели все: гуманисты, духовные лица, папы, князья. У Поджо Браччолини дюжина внебрачных детей, у Николо д'Эсте — около 300... Имели незаконных детей также и Папа Пий II, и Папа Иннокентий VIII, и Папа Юлий II, и Папа Павел III; все они Папы-гуманисты, известные покровители возрожденческих искусств и наук...

В Риме в 1490 г. насчитывалось 6800 проституток, а в Венеции в 1509 г. их было 11 тысяч. До нас дошли целые трактаты и диалоги, посвященные этому ремеслу, а также мемуары некоторых известных куртизанок...

Внутренние раздоры и борьба партий в различных итальянских городах, не прекращавшаяся всю эпоху Возрождения и выдвигавшая сильных личностей, которые утверждали в той или иной форме свою неограниченную власть, отличались беспощадной жестокостью и какой-то неистовой яростью... Казни, убийства, изгнания, погромы, пытки, заговоры, поджоги, грабежи непрерывно следуют друг за другом. Победители расправляются с побежденными, с тем, чтобы через несколько лет самим стать жертвой новых победителей.

Уже с XIII в. в Италии появились кондотьеры, предводители наемных отрядов, за деньги служившие тем или иным городам... Многие такие кондотьеры захватывают себе города и становятся родоначальниками итальянских династий. Так в Милане уже в конце XIII в. воцаряется род Висконти, прославившийся убийствами и всякого рода жестокостями. Барнабо Висконти выстроил особый дворец, в котором в роскоши жило 500 громадных псов, и, кроме того, несколько сот псов было роздано на содержание жителям Милана, обязанным регулярно представлять отчет в особое собачье ведомство. В случае смерти собаки гражданин, на содержании которого она находилась, отправлялся на эшафот.

После смерти последнего Висконти герцогом Миланским стал кондотьер Франческо Сфорца. Его сын, Галеаццо Мариа Сфорца закапывал живыми свои жертвы, выставлял на публичный позор соблазненных им женщин, заставлял крестьянина, укравшего зайца, съесть зайца живьем, с шерстью и шкурой; он обвинялся еще и в отравлении своей матери и был убит заговорщиками в церкви Сан Стефано в 1476 г. Его брат Лодовико Моро лишил власти своего несовершеннолетнего племянника Джованни Галеаццо и через некоторое время отравил его. Моро вмешивался во все политические дела своего времени, непрестанно сея вокруг себя интриги, заговоры, тайные убийства, пока наконец французы не захватили Милан и Лодовико не умер во французском плену, где одно время его держали в железной клетке. Между прочим, все Сфорца были весьма образованными людьми и меценатами, а Лодовико Моро отличался особенно блес-

тящим латинским стилем и знанием классиков. При его дворе много лет жил Леонардо да Винчи.

Известно своими злодействами и знаменитое семейство Медичи во Флоренции. Даже Лоренцо Медичи, с именем которого связан расцвет флорентийской культуры в XV в..., который вошел в историю как чистейшее воплощение Ренессанса, великий покровитель искусств и наук, отбирал приданное у девушек, казил и вешал..., и отнюдь не пренебрегал интригами, связанными с ядом и кинжалом».

А. Ф. Лосев подчеркивает, что «...пороки и преступления были во все эпохи человеческой истории, были они и в Средние века. Но там люди после совершения греха *каялись в нем*. В эпоху Ренессанса наступили другие времена. Люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что *последним критерием* для человеческого поведения *считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность*». Именно эта черта мировоззрения эпохи Возрождения, ее правильное понимание объясняют противоречивость и двойственность проявлений этой новой культуры.

Да, в одно время существовали Леонардо да Винчи и сын Папы Александра VI Цезарь Борджиа, прославившийся на все века своим развратом, жестокостью, вероломством, кровожадностью. И именно Леонардо служил у него военным инженером. Мелкие и крупные тираны и государи взяли на вооружение тезис флорентийского политика и писателя Николо Макиавелли «сила — основа права», а сам Макиавелли видел в сатанинском злодее Цезаре Борджиа образец «идеального государя». Рафаэль Санти, приглашенный Папой Юлием II, расписывает «станцы» (комнаты) Ватикана, а Юлий II устраивает бои быков в том же Ватикане.

Эра вольных городских коммун была кратковременной: их сменили тирании. Разбогатевшие предприниматели — банкиры и купцы захотели стать аристократами и восстановить феодальные порядки. Рождаются новые владетельные династии, основателями которых были часто обыкновенные кондотьеры, предводители наемных военных отрядов, алчные и жестокие, продававшие своей

меч то одному, то другому городу, перед тем как самим захватить верховную власть. Торговое соперничество городов превращается в кровавое соперничество между новыми городами. Но Италия, лишенная политического единства, стала ареной еще более опустошительных распрей между тремя могущественными европейскими державами той эпохи — Францией, Испанской и Германской империями. Тщетны оказались попытки объединить страну, и тщетны были попытки народа вернуть утраченную свободу и права. Восстания подавлялись огнем и мечом. Шла братоубийственная война, в которой мелкие итальянские государи старались заручаться друг против друга поддержкой иностранных держав.

«Я ничего не слышу, — пишет прославленный гуманист конца XV в. Марсилио Фичино, — кроме шума оружия, топота коней, ударов бомбард, я ничего не вижу, кроме слез, грабежа, пожаров, убийств».

И это век прославленного гуманизма. Цветут науки, поэзия, искусства. Утонченнейшая культура царит при дворах многих властителей, создающих так называемые академии, очень похожие на религиозные объединения мирян. В них занимались риторическими упражнениями, беседами, диспутами, светскими проповедями и моральными наставлениями, составляли духовные послания, церковно-политические призывы, пропагандировали дух «общности», прежде всего в научных занятиях, и для укрепления такой общности проводили совместные трапезы — банкеты (*convinium*), что в переводе с латыни означало «совместная жизнь». Такие академии и, как пример, особенно флорентийская, создавали кодекс академической этики, что ставил целью воспитание чувства справедливости, верности своим друзьям. Они приобретали характер союзов ради познания, отчего нередко именовались «семьями», а их члены называли себя «братьями». Но яд и кинжал столь же часто определяли судьбу этих властителей, возглавлявших подобные «семьи», да и судьба «братьев» зачастую оказывалась далека от призывов к единению и справедливости, провозглашаемых на банкетах.

Автор знаменитого политического трактата «Государь», давший свое имя целой политической системе, основанной на полном отрицании моральных законов в политике, флорентийский исто-

рик, поэт и дипломат конца XV — начала XVI вв., бывший секретарь Флорентийской республики Николо Макиавелли заявлял, что идеальный государь должен уметь сочетать приемы льва и лисы, быть не только человеком, но и зверем. И он приводил в пример древнего мифологического героя Ахилла, который был вскормлен кентавром.

В папском Риме в начале XVI в. чуть ли не каждую ночь находили убитыми несколько прелатов, причем эти убийства организовывались самим Папой, знаменитым Александром VI Борджиа, который стремился уничтожить всех ему непокорных и присваивал имущество своих жертв*.

«Кто стоит на высоте мира, — пишет современник, — тот всегда испытывает страх. Когда он ест, он боится быть отравленным... и не доверяет ни одному существу: ни брату, ни сыну, ни матери». По свидетельству другого, тиран Сигизмунд Малатеста «...в жестокости превзошел всех варваров. Своими окровавленными руками он подвергал ужасным пыткам неповинных и виновных. Он теснил бедных, отнимал у богатых их имущество, не щадил ни сирот, ни вдов. Одну свою жену он заколол кинжалом, другую отравил».

Таким образом, исследователи этой эпохи сходятся на том, что она изобиловала противоречиями. По всеобщему свидетельству, Папа Александр VI, убийца, грабитель и развратник, был как государственный деятель наделен блестящим талантом и ратовал не только за собственное благополучие и возвеличивание своего дома, но и за подчинение Риму разрозненных феодальных владений, то есть за объединение исстрадавшейся в раздорах Италии.

Николо Макиавелли был пламенным патриотом, и если в политике оправдывал, как и все его современники, любые средства для достижения цели, то заветной целью его было единство отечества, единство страдающей в войнах, разорванной на клочки Италии.

Но это не все. Тот же Сигизмунд Малатеста, изверг и кровопийца, обладал широкими познаниями в философии, подолгу беседовал с гуманистами, слушал с наслаждением любовные сонеты

* См. исторические романы: Фрежак Э. Альвиана и Цезарь; Гюго В. Лукреция Борджиа.

и в суждениях о живописи и скульптуре проявлял самый утонченный вкус.

Кинжал, которым Малатеста убивал, был шедевром ювелирного искусства.

Не раз было отмечено, что дурное и хорошее переплетаются между собой самым удивительным образом в эпоху Возрождения, эпоху свободомыслия и индивидуализма. Италию раздирают на части бесконечные раздоры, интриги, заговоры; в Риме между смертью одного Папы и избранием другого происходят настоящие уличные бои. И в то же время художники творят бессмертные произведения, утверждая идею «богоравенства» человека под звон оружия, стоны отравленных, кровопролития...

Разгул страстей, своеволия и распущенности действительно достигает в возрожденческой Италии невероятных размеров.

В Ватикане, при Папе Льве X, ставятся непристойные комедии поэта и писателя Аретино, а декорации к этим комедиям писал великий Рафаэль. Рафаэль хорошо знал Аретино, не верившего ни в Бога, ни в черта. Аретино, пожалуй, наиболее полно воплотил в себе «обратную сторону» Возрождения: если для Рафаэля освобождение от схоластики было правом свободно мыслить и творить, то для Аретино (и подобных ему) это освобождение означало полную свободу от моральных и нравственных законов по принципу: «все дозволено». На его надгробии высечены слова: «Здесь покоится Аретино, тосканский поэт, который хулил всех, за исключением Христа, и оправдывался в этом, говоря: «Я незнаком с Ним».

В одно время вместе с Микеланджело, бок о бок с ним творили черные дела продажные наемники-кондотьеры, лишённые родины и дома, а зачастую — чувства чести и долга. Они прославились особой жестокостью, кровожадностью — мм нечего было терять, как, например, немецкому кондотьеру Вернеру фон Урслингену, написавшему на своем знамени: «Враг Бога, правосудия и милосердия». А Микеланджело создает изумительные «Пьета», скульптуры, изображающие Деву Марию, мать, оплакивающую казненного Христа. И когда мы вглядываемся в удивительное лицо скорбящей Марии, трудно поверить, что в это время в стране, под синим небом, свирепствовали казни, убийства, отравления, разврат, кровопролития;

набирала силу и размах инквизиция, феодальная и клерикальная реакция, чтобы потом огненным шквалом, дымом костров, отчаянием судилищ пройти по Европе. Пройти — и посеять семена новой грозной идеи «богооставленности» человека. Так от идет «богоравенства» до идеи «богооставленности» развивалось мировоззрение Ренессанса. И уже в самом Ренессансе идея «богооставленности» проросла в жестоких, демонических созданиях нидерландского живописца Хиеронимуса Босха, в картинах его вывернутой наизнанку жизни, где мистические, потусторонние видения до жути реалистичны, где стираются грани между адом, раем и жизнью, где рай стал адом, а ад — жизнью, где будущее уже было, а прошлое еще будет.

Таким было время Ренессанса, в которое развертывалось бытие «титанов человечества».

Вторая черта мировоззрения эпохи Возрождения — интерес к эмпиризму, к опытной науке — вполне понятна и объяснима. Зарождавшаяся буржуазия нуждалась в развитии опытной науки и техники, поддерживала открытия в области естествознания, от которых зависел успех, богатство. Буржуазия была заинтересована в развитии естествознания как в теоретической основе для развития производительных сил и, кроме того, данные опытной науки были нужны ей как идейное оружие для борьбы против старой феодально-религиозной идеологии. Отсюда успехи астрономии, где стала популярной гелиоцентрическая теория поляка Николая Коперника, получившая дальнейшее обоснование у итальянцев Джордано Бруно, Галилео Галилея, немца Иоганна Кеплера. Отсюда успехи медицины, анатомии, появление таких светил медицины, хирургии как швейцарский врач Парацельс. Отсюда успехи геологии и минералогии. И не случайно труды по геологии знаменитого ученого Георга Агриколы появились именно в Германии, где бурно развивалось горное дело. Великие географические открытия существенно расширили географические представления и способствовали накоплению знаний в области ботаники и зоологии.

Также понятно, чем вызывались другие черты. Реализм проявился уже в том, что у писателей и художников Возрождения традиционные религиозные сюжеты наполнялись глубоко челове-

ским содержанием. Рафаэль Санти писал своих мадонн с простых крестьянок и горожанок, которых он встречал на улицах Рима. Характерным становится образ реального, земного героя. Этот герой — личность, а не ходячая добродетель или сборник рыцарских правил чести, как герои средневековых рыцарских романов. Не случайно, в это время большое развитие получает искусство портрета, прежде почти не известное. Это вполне соответствовало индивидуализму буржуазного сознания.

Четвертая черта — пробуждение национального сознания и тяготение к сильной централизованной власти — тоже вполне объяснима.

XV–XVI вв. — время возникновения национальных государств. В это же время окончательно оформлялись национальные языки и национальные литературы всех стран Европы. Литература на национальном языке вызвала рождение новой потребности в печатном слове, что выразилось в изобретении книгопечатания. И книгопечатание, и книги на национальном языке дали возможность массам соприкоснуться с такими вопросами, которые раньше были уделом немногих. Ученость вышла из стен университетов и монастырей на рыночную площадь. Появляются газеты, рекламные сочинения, создается интеллигенция, которые формируют общественное мнение.

Таким образом, идеологи Возрождения — гуманисты подвергли критике всю систему феодально-церковного мировоззрения и выработали новые идеалы человечества. Характер этой критики мог быть различным. Она отнюдь не означала категорического отрицания Церкви. Гуманисты лишь утверждали приоритет разума по отношению к авторитету веры. Они высмеивали средневековый аскетизм и утверждали право человека на наслаждение. Они ратовали за научное опытное исследование и выступали против схоластики, слепо преклонявшейся перед авторитетами. Они осуждали феодальную раздробленность и выдвигали прогрессивную идею национальной централизованной монархии.

Существуют разные точки зрения на периодизацию Возрождения. Мы познакомимся с наиболее распространенными.

Родоначальницей Возрождения была Италия и в итальянском Возрождении выделяют четыре этапа, каждый из которых имел свои черты.

I этап — так называемый Проторенессанс, то есть зарождение Ренессанса, или, как его называют итальянцы, — Дученто, то есть двухсотые годы. Это в основном XIII в., 1200-е гг. Это был *переходный период*, который наиболее ярко проявился в живописи в искусстве флорентийца Джотто, а в литературе — в творчестве флорентийца Данте Алигьери, одного из создателей итальянского национального литературного языка.

II этап — это Раннее Возрождение, или Треченто, то есть 1300-е гг., XIV в. Здесь носителем гуманистических идей выступала *прежде всего литература*. Это была эпоха Петрарки, Боккаччо — новой жизнеутверждающей литературы, центральной фигурой которой становится *человек во всех его проявлениях* с его сложной внутренней жизнью.

В плане социально-экономическом — это век *появления мануфактур*, раннекапиталистической эксплуатации и вызванных ею острых социальных схваток предпролетариата с ранней буржуазией.

В области политической жизни XIV в. — это эпоха пополанской демократии, *республиканских городов-государств*.

III этап — зрелое, или Высокое Возрождение — Кватроченто — 1400-е гг., XV в. Это время расцвета *изобразительного искусства* Возрождения. Именно в это время Томмазо Мазаччо произвел настоящую реформу в области живописи. Донателло заложил основы скульптуры, прославляющей мощь человека. Филиппо Брунеллески — основы ренессансной архитектуры.

В политической эволюции Италии уже с конца XIV в. открывается новый период: подавление революционных выступлений народных масс, установление олигархии и, наконец, *тирании* — главные его стороны.

Далеко не сразу, но уже появляются симптомы упадка экономики и аграризации страны.

IV этап — Позднее Возрождение — Чинквеченто, то есть 1500-е гг., XVI в. Он приносит невиданный расцвет искусства,

науки, философии. На это столетие приходится высший и последний этап итальянского ренессансного искусства, связанный с такими выдающимися именами как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело. На это столетие приходится расцвет блестящей венецианской школы живописи в лице Джорджоне, Тициана, Паоло Веронезе, Якопо Тинторетто. Тогда же Джордано Бруно были высказаны еретические мысли о строении солнечной системы и множественности обитаемых миров. В области политической мысли оставили свои бессмертные сочинения Макиавелли, историк Гвичардини, один из первых утопистов — Томазо Кампанелла. Это был взлет культуры, взлет мысли, в то время как в области экономики, и особенно в политической жизни, Италия переживала времена потрясений. Многие видят в этом необъяснимый контраст между политическим падением, угрозой порабощения Италии, симптомами усиления феодальной реакции и, с другой стороны, расцветом искусства. Хотя, скорее, эти явления во многом взаимосвязаны.

На грани между старым и новым мировоззрением стоит одинокая и величественная фигура крупнейшего из поэтов средневековья — Данте Алигьери (1265–1321 гг.). «Закат феодального средневековья, заря современной капиталистической эры отмечены одной колоссальной фигурой. Это — итальянец, Данте, последний поэт средневековья и в то же время первый поэт нового времени» — такова очень точная, емкая оценка, сделанная Ф. Энгельсом.

В творчестве Данте действительно отразился переход от эпохи Средних веков к Новому времени. В его творчестве обнаруживаются и средневековые черты городской культуры и ранневозрожденческие черты. Италия одной из первых испытала эти сдвиги. Раньше других городов раннекапиталистические отношения стали развиваться во Флоренции, родине Данте. С этой точки зрения Италия — закат Средних веков и заря Нового времени. Всю жизнь Данте призывал к объединению Италии. Не случайно он стал особенно популярен в Италии в середине XIX в., когда решительно встал вопрос об объединении страны.

Именно Данте явился создателем итальянского литературного языка. Основа итальянского языка — тосканское наречие, а Фло-

ренция была главным центром Тосканы, средней Италии. С той поры итальянский язык изменился незначительно.

Данте родился во Флоренции — городе, которому выпала особая судьба. Родина капитализма, итальянского Возрождения, Флоренция вела борьбу за коммунальную республику. История Флоренции заполнена постоянной политической борьбой. Кроме того, городу пришлось вести борьбу и с иностранными королями и императорами, стремившимися захватить его. С XIII в. в городе шла борьба между политическими партиями гвельфов (пополанов) и гибеллинов (партией знати — феодалов, которые хотели отстоять свои владения). Гвельфы опирались на Папу, гибеллины ориентировались на возможное вмешательство немецкого императора.

Данте принадлежал к обедневшему старинному дворянскому роду, утратившему былой феодальный облик. Его отец входил в цех врачей и аптекарей, но по профессии был юристом. Данте тоже записался в этот цех, куда входили торговцы книг и художники. Отец хотел, чтобы он тоже стал юристом. Следуя этим путем, Данте учился в Болонском, а потом в Парижском университетах. Однако уже тогда он увлекся античными авторами, особенно высокопочитаемым в Средние века римским поэтом Вергилием, которого стал считать своим учителем, а также провансальской и французской поэзией, главным образом, так называемой школой сладостного стиля, полной аллегорий трубадуров. Неудивительно, что при таких наклонностях, он начал рано писать стихи.

Большую роль в его судьбе сыграла любовь к Беатриче Портинори. Под влиянием своего чувства к этой молодой флорентийке он написал первый сборник стихов — «Новая жизнь». Эта исповедь о любви и страданиях биографична. По сути дела, это первый психологический роман, в котором очень душевные стихи перемежались прозой. В 1290 г. предмет его любви — Беатриче умерла еще юной, едва успев выйти замуж, и эта смерть потрясла Данте. Именно тогда он задумал воздвигнуть своей любви такой грандиозный памятник, какой еще не создавали ни одной возлюбленной. Так родилась идея поэтического сочинения, которое позже станет известна на века как «Божественная комедия».

Известно, что впоследствии Данте женился, но о своей жене он нигде не упоминал. Вообще, после 1290 г. он погрузился в науки, стал изучать философию, астрономию, математику, античную и средневековую историю. Столь же рано Данте стал заниматься политической деятельностью. Он был врагом гибеллинов и сторонником пополанской коммуны.

В 1300 г. Данте был избран членом флорентийской Сеньории, более того — одним из девяти ее приоров. В это время его партия пережила раскол на «белых» и «черных» гвельфов, которых условно можно назвать демократами и состоятельными кругами (пополо грассо — «жирный народ»). Во Флоренции обострились противоречия внутри пополанов, началась борьба между «черными» и «белыми» гвельфами, и в 1302 г. «белые» потерпели поражение, а вместе с ними и Данте. Спасаясь от преследований, ночью, вместе с отцом Франческо Петрарки, он тайком покинул город.

Первые годы вынужденного изгнания Данте еще рассчитывал вернуться. Оставались надежды на внешнюю помощь со стороны Германского императора Генриха VII Люксембургского, но в 1310 г. он умер, а власти коммуны послали изгнаннику проклятие, обрекая его на вечное изгнание. Данте не оставалось ничего иного как остаться жить в североитальянской Равенне при дворе герцога Гвидо Новелло да Поленца, где под его покровительством он работал над созданием «Божественной комедии». Здесь, в Равенне он и скончался от малярии и был похоронен в церкви Сан Франческо. Ныне с потолка его мавзолея свисает лампада, которую заправляют маслом из Флоренции, привозимым в Равенну ежегодно в сентябре, когда в городе проходит «Месяц Данте».

До «Комедии» Данте был известен, скорее, как крупный ученый. Ему принадлежит латиноязычный политический трактат «О монархии», в котором на основании чисто схоластических рассуждений доказывалась необходимость всемирной монархии, которая явилась бы оплотом спокойствия и мира. Но главное, Данте пытался обосновать необходимость политического объединения Италии. Он ненавидел Папу, доказывал, что государь получает власть от Бога и Папа здесь не при чем. Более того, он только мешает объединению страны, которое возможно лишь под скипетром немецкого

императора и именно этот император создаст всемирную монархию, центром которой станет Италия.

Это сложное произведение, которое одни оценивают как прогрессивное, другие — как реакционное. Сама идея объединения была, конечно, прогрессивна, а вот ставка на чужеземного императора и утопична, и реакционна. Такая «любовь» Данте к императору объяснима лишь его ненавистью к Папе.

Другой свой трактат «Пир» Данте написал уже на итальянском языке. Это научно-этический труд. Он сознательно писал его на итальянском языке, ибо пришел к пониманию жизненной необходимости создания итальянского национального литературного языка. Это философское, сугубо научное произведение, в котором присутствуют сложные вопросы богословия, но особенно большое место занимают рассуждения о нравственности. При этом Данте выступает как представитель средней равнодействующей формирующейся итальянской нации. Он враждебен феодальному сословию и его морали, поэтому яростно критикует характерные для феодализма сословные привилегии дворянства. Именно на это было направлено заявление: «Сам человек делает свой род благородным». Это положение станет краеугольным камнем всех итальянских гуманистов.

«Божественная комедия» тоже написана на итальянском языке. Сам Данте назвал свое сочинение просто «Комедия», имея в виду произведение с плохим началом и хорошей концовкой, но пораженные им современники добавили к названию слово «Божественная», с каким оно и осталось на века.

В этом произведении — синтез всей средневековой духовной культуры. Это энциклопедия средневекового культурного наследия. Она целиком еще уходит в мировоззрение католицизма и представляет собой картину «космоса» (вселенной) с точки зрения католика. В поэтических образах грандиозная поэма рассказывает то, что в философской форме было изложено в знаменитой «Сумме теологии» «ангельского доктора» Фомы Аквинского.

Сочинение было написано по четкой композиции, в которой все время фигурирует цифра 3 — священное, сакральное число. В соответствии с ним поэма разделена на три части: «Ад», «Чистилище»,

«Рай». Каждая часть со стоит из 33 песен, так называемых кантиков, и к первой песне добавлен пролог. Таким образом, всего 100 песен. Кроме того, Данте придумал и поэтическую форму изложения — терцина — трехстишие.

Ад, в соответствии с католическими представлениями, изображен как гигантская воронка, сужающаяся к центру Земли по девяти кругам. Она пробита сатаной — Люцифером, когда Бог сверг его с небес. Поскольку Люцифер пробил так много земли, на противоположной стороне она вспучилась горой. Там начало Рая, который состоит тоже из девяти небесных сфер, а на десятом небе — престол самого Бога.

В «Божественной комедии» несколько смыслов:

- буквальный — изображение судеб людей после их смерти;
- аллегорический — вскрытие идеи возмездия за проступки человека на этом свете;
- моральный — попытка удержать человека от зла, направить его к добру, приобщит к добру;
- внутренний — стремление воспеть любовь к Беатриче, которая помогла поэту создать поэму.

Для воплощения всех этих смыслов Данте прибег к жанру путешествия по загробному миру. Но это его путешествие не уходит от реальной действительности. Напротив, главной ставилась задача отразить настоящую, яркую, реальную, противоречивую земную жизнь. При этом Данте пытался творить суд над врагами и воздавать друзьям. Он не отрицал земную жизнь, а лишь хотел исправить ее. Поэтому читатель окунается в самую что ни на есть острую, злободневную действительность Италии начала XIV в., да и других стран.

Грешники в «Комедии» предельно индивидуализированы, наделены личными качествами. Зачастую это конкретные политические противники Данте. Надо очень хорошо, глубоко знать историю, чтобы понимать о чем пишет писатель. Примечательно, что эти потусторонние грешники живо интересуются политической действительностью Италии и Флоренции, живут современными интересами. Одним словом, — Ад Данте занят делами живых.

Но вообще поэма очень аллегорична. Все ее образы имеют свой внутренний подтекст. Она начинается с того, что Данте заблудился в лесу, где он встречает трех зверей. Но приходит Вергилий — олицетворение разума, чтобы вывести несчастного путника из этого леса. И начинается путешествие по девяти кругам Ада, затем — по девяти ступеням Чистилища и по девяти сферам в Раю. Особенно потрясающее впечатление производит изображение Ада. Данте обладал исключительной силой воображения, что позволяло ему изображать потусторонние видения крайне реалистично, производя потрясающее впечатление. Понятно почему итальянки показывали Данте детям, говоря: «Вот человек, который побывал в Аду!».

В первом круге Ада автор встречается с великими философами и учеными древности. Здесь же — души младенцев, умерших без крещения. Они умерли не христианами и поэтому доступ в Рай им закрыт. Но эти люди не заслуживают наказания, поэтому здесь нет мучений. Тут же, в преддверии Ада Данте помещает людей, мимо которых надо пройти, едва взглянув. «Взгляни и мимо» — говорит ему Вергилий. Это люди равнодушные, пассивные «оппортунисты», которые не принимали участие в борьбе своего времени. Автор поэмы относился к таким людям крайне враждебно.

Во втором круге он помещает грешников, которые уже мечутся в адском огненном вихре. Здесь терпят мучения те, кто извдал преступную любовь, согрешил в любви. В третьем — скупцы, ростовщики и другие преступники, кипящие в раскаленной смоле. В шестом круге — еретики и, наконец, в девятом круге — предатели, в частности, Иуда, Брут и Кассий, которых пережевывает в пасти сам Люцифер.

Затем Данте через Чистилище, где томятся души умерших в ожидании приговора Бога, поднимается в космос — в Рай, от одного круга к другому, посещает планеты, где праведные вкушают блаженство. Здесь у него появляется новый проводник — прекрасная Беатриче, олицетворение чистой христианской веры. Она говорит Данте, чтобы он попрощался с Землей, так как никогда больше ее не увидит. Но автор и сам не хочет даже взглянуть на Землю. По его словам, она делает всех живущих на ней свирепыми и порочными.

И если он все же одаривает ее взглядом, то лишь для того, чтобы начать «метать громы и молнии» на земные государства. Особенно ненавистен ему образ страшной волчицы — образ грядущего Нового времени, капитализма, от которого Данте с ужасом отворачивается, видя неотвратимость его приближения и еще более страшных времен.

Первыми гуманистами в собственном смысле этого слова были итальянские писатели — поэт Петрарка и его друг, прозаик Боккаччо, имена, известные нам так же хорошо, как имена Шекспира, Гете и Толстого.

Франческо Петрарка (1304–1374 гг.), родом из Флоренции, много путешествовал в своей жизни, занимался коллекционированием рукописей, редких античных артефактов. Большую часть своей жизни он провел при папской курии в Авиньоне на реке По, на юго-западе Франции, и лишь незадолго до смерти переселился в Италию. Он один из основателей итальянского литературного языка вместе с Данте и Боккаччо. Особенно прославлены его канцоны — поэтические исповеди и сонеты к платоническому предмету его любви — Лауре, написанные на итальянском.

В возрасте 23 лет Петрарка увидел в церкви молодую красивую женщину. С этого пронзительного для него момента более 30 лет он воспевал ее в стихах под именем Лауры. Этому не мешало то вполне прозаическое обстоятельство, что реальная Лаура вышла замуж в 18 лет и родила 11 детей. В стихах ничто не указывает на близкое знакомство Петрарко с Лаурой или на ее ответное чувство к нему. В любви как таковой поэт видел путь к добру и, значит, к спасению. В лирических стихах, посвященных Лауре, отражены сложные, тонкие переживания поэта, его богатая внутренняя жизнь. В них уже сказался человек нового времени, гуманист, переживающий и заставляющий других переживать красоту своего индивидуального чувства, безмерного в своих скорбях и радостях.

Петрарка не был удовлетворен схоластическим и аскетическим официальным мирозерцанием Средних веков, он хотел создать новое мировоззрение путем сочетания христианства и стоицизма. Он яростно нападал на старый папский Рим — хранилище суеве-

рий и невежества. В своем гневном произведении «Папскому двору в Риме» он пишет:

*Поток скорбей, обитель злобы дикой,
Храм ереси и школа заблуждений,
Источник слез, когда-то Рим великий,
Теперь лишь Вавилон всех прегрешений.
Горнило всех обманов, мрачная тюрьма,
Где гибнет благо, зло произрастает,
Живым до смерти ад и тьма, —
Ужель Господь тебя не покарает?*

Одновременно с этим ясно звучит скорбь о том, что его родина — Италия стала предметом раздоров и разгромов, наносимых ей многочисленными государями — результат ее политического разобщения.

*Италия моя! Хотя не исцелит
Мой стих тех ран кровавых,
Что губяют тело чудное твое,
Но сердце так болит мое,
Что с берегов По величавых
Мой вопль до Тибра прозвучит.
Небесный царь! Во имя той любви,
Что привела Тебя в юдоль земную,
Отчизне милость ты яви.
Гляди: мою страну родную,
мой край, Тобой любимый,
Война, раздор неугасимый
Из-за пустых причин,
Как жестоко терзает!*

Слава Петрарки ширилась по всей Европе. Итальянские государи и даже Папы оказывали ему свое покровительство. Император Священной Римской империи германской нации Карл IV приглашал его в Прагу. Парижский университет и римский сенат постановили венчать его на прославленном Капитолии в Риме лаврами

поэта. Так в 1341 г., в возрасте 37 лет он стал первым поэтом-лауреатом. Венецианский сенат издал постановление, в котором объявлял Петрарку величайшим писателем современности. Никогда еще не выпадало столько славы на долю незнатного человека, заслужившего ее только своим гением.

Петрарка попробовал возродить античный идеал уединенности ради духовного обогащения и отдыха. Уже в 1346 г. он написал трактат «Об одинокой жизни», где первым определил модель жизни тех, кто выбрал путь гуманистических занятий — *studia humanitatis*. Он заключался в свободе распоряжения собой и своим временем для того, чтобы погружаться в творчество и добиваться самоутверждения. Лучшим для ученого объявлялось уединение и приятные беседы с друзьями, близкими по духу и занятиям людьми. Петрарка не только писал об этом, но и попробовал реализовать свои замыслы, пригласив друзей жить небольшой гуманистической общиной. Но как итог жизни поэт позже называл то, что он «среди тревог родился и среди тревог состарился». Ему так и не удалось найти гармонию между активной жизнью и сосредоточением на своем внутреннем мире, между публичностью и уединенностью. Впрочем, в этом он не остался одинок. Переживания Петрарки вообще характерны для людей, которые жили в эпоху головокружных изменений и сдвигов в общественно-политической и религиозной жизни.

В старости, в 1369 г., когда поэту исполнилось 64 года, он поселился в Аркве, маленькой тихой италийской деревушке рядом с Падуей, в небольшом, построенном им доме. Со здоровьем у него было неважно, и ему хотелось уйти от беспокойной жизни Падуи, чтобы в спокойствии читать книги и писать, воплощая свой идеал. Человеком он был добросердечным, зависевшим от друзей, но они все поумирали и оставили поэта печальным и одиноким. Последним большим его другом был Боккаччо. Петрарка писал ему из Арквы, рассказывал о спокойной уединенной своей жизни и мечтал, чтобы смерть пришла к нему, когда он будет сидеть за книгой или сочинением стихов. Мечта его осуществилась: утром, в день 70-летия поэта, его нашли мертвым. Поэт сидел за открытой книгой.

Домик Петрарки сохранился и веками был местом паломничества любителей поэзии и поэтов, включая Байрона, оставившего за-

пись в книге посетителей. Окна его смотрят на холмы и виноградники. Домик небольшой, но каменный. Просторная передняя, потолок покрашен и разделен на резные панели. Над дверью, в стеклянной витрине-футляре, сидит полная достоинства мумифицированная кошка. Длинный текст на латинском языке объясняет, что Петрарка был чрезвычайно привязан к животному и называл его второй Лаурой! В доме есть плохие фрески, — как утверждают, современники поэта. Сохранился стул Петрарки, красивая чернильница и комната, в которой он был найден мертвым. Реликвии трогательные, но едва ли близкие Петрарке, в отличие от маленького сада с гранатовыми деревьями, где он, должно быть, часто гулял, смотрел вниз на долину и в своем уединении вспоминал славное прошлое. Если спустится по дороге вниз от дома к церкви, рядом с ней можно увидеть мраморный саркофаг, установленный на четырех низких мраморных колоннах, — могилу Петрарки.

Не меньшей известностью пользовался его младший современник и друг Джованни Боккаччо (1313–1375 гг.). Вместе с Петраркой он положил начало национальному итальянскому языку и национальной литературе. Жизнь его сложилась менее счастливо. После смерти отца-ростовщика Боккаччо разорился и, по сути дела, вел нищенскую жизнь, усугубляемую его неумемной страстью все раздавать. Если Петрарка коллекционировал старинные монеты, медали и манускрипты, то его друг зарабатывал себе на пропитание переписыванием последних.

Главным произведением Боккаччо, принесшим ему известность, стал «Декамерон» — сборник ста новелл.

Он начинается описанием печально знаменитой флорентийской чумы 1348 г., опустошившей в итоге пол Европы. Мрачный, трагический колорит этого описания эффектно контрастирует с веселым, жизнерадостным настроением всего сборника. Семь дам и трое юношей удаляются из зачумленного, вымирающего города на живописную и комфортабельную виллу, находящуюся в окрестностях Флоренции, и проводят время в прогулках, играх, танцах и в рассказывании новелл. Каждый день рассказывается по десять новелл, а всего участники этой компании проводят на вилле

десять дней. Отсюда и название сборника «Декамерон», означающее «Десятидневник».

Рассказчики «Декамерона» забывают о чуме, они беспечно проходят мимо ужасов повальной смерти. В этом особенно ярко проявляется жизнеутверждающее настроение новой эпохи Возрождения с ее резкими контрастами и противоречиями. В соответствии с этим Боккаччо изобразил рассказчиков и рассказчиц «Декамерона» образованными, изящными и остроумными молодыми людьми.

Несмотря на разнообразие новелл, они могут быть разбиты на три группы. Первая, самая простая в сюжетном отношении группа — это коротенькие рассказы, повествующие о каком-нибудь остроумном изречении, коротком и быстром ответе, помогающем герою выйти из затруднения. К этой группе примыкает, например, знаменитая новелла о трех кольцах, в которой Боккаччо утверждает равенство трех основных мировых религий — христианства, буддизма и мусульманства — тем самым выступая против претензий Римской Церкви на единственную истинность.

Ко второй группе относятся новеллы об удивительных добродетелях и глубоких движениях души. Такова, к примеру, известная новелла о Федерико Альберичи — бедном рыцаре, заколовшем для угощения любимой дамы своего единственного сокола.

К третьей группе относятся новеллы повествующие об удивительных превратностях судьбы, бросающей людей от одних условий жизни к другим, прямо противоположным. К этим превратностям «фортуны» Боккаччо и его герои относятся с оптимизмом, опять таки характерным для людей эпохи Возрождения.

Главное у Боккаччо — это интерес к человеческой личности, ее сложным переживаниям. Его реализм отражает типичное для Возрождения любование жизнью, «открытие мира и человека». Своими новеллами Боккаччо проповедовал откровенное, жадное наслаждение реальной жизнью, со всеми ее вполне конкретными радостями. Он восхвалял сильного, смелого, хитрого, находчивого и остроумного **человека**, умеющего справиться с любыми препятствиями, пусть не всегда вполне честными методами. Он высмеивал суеверия, проделки монахов, невежество и плутни католического духовенства. И этот смех разил суеверия и невежество не меньше,

чем негодование Петрарки. В центре внимания Боккаччо — прославление удачливости, чувственных наслаждений, издевательство над ревностью обманутых старых мужей, над легковерием. Можно представить, как должны были восхищаться рассказами «Декамерона» члены богатых пополанских домов, видевшие в них оправдание всех своих дел и проделок, причем оправдание столь изящное и благородное.

Все последующие итальянские новеллисты (Франко Сакетти, Браччолини Поджо и др.) находились под сильным влиянием Боккаччо, создавшего литературу для буржуа.

Со времени Петрарки и Боккаччо гуманистическое просвещение стало быстро распространяться повсюду. В Риме, Неаполе, Флоренции, Венеции, Милане, Модене, Падуе при дворах герцогов, тиранов появились кружки гуманистов, продолжателей начатого дела. С середины XV в. такое же умственное оживление происходит и за пределами Италии — в Германии, Англии и Франции, Голландии.

Могучим орудием нового просвещения явилось книгопечатание, изобретенное, как принято считать, Йоханом Гуттенбергом в немецком Майнце около 1450 г. Еще раньше, с начала XV в. стали употреблять так называемый ксилографический способ печатания книг, то есть на дереве вырезалась целая страница, которая затем и печаталась. Изобретение Гуттенберга заключалось в том, что он стал вырезать, а затем и лить из сплава цинка и свинца отдельные буквы, которые потом составлялись вместе (набор). Книгопечатание получило сразу же огромное распространение, а вместе с ним быстро и широко распространялись идеи гуманизма.

Таким образом, Ренессанс стал общеевропейским явлением и Возрождение, которое развивалось севернее Альп, обычно называют Северным Возрождением. Оно здесь наступило позже, чем в Италии. Начало его относят ко второй половине XV в., а расцвет — к XVI в. В конце XVI — начале XVII вв. оно уже приходит в упадок. В это время наступает кризис того гуманистического индивидуализма, идеалы которого воплощались в литературе и искусстве эпохи Раннего и Высокого Возрождения. Тогда этот идеал был выражен в весьма отвлеченной форме — в образе прекрасной человеческой индивидуальности, с заложенным в ней природой

неограниченными способностями к развитию и усовершенствованию. Хотя этот идеал и был бюргерским, в нем еще отчетливо не проявились присущие этому классу эгоизм и своекорыстие. Люди, изображенные на картинах и изваянные в статуях, герои и героини произведений литературы были всесторонне развитыми гармоническими личностями, внешней красоте которых соответствовал высокий духовный уровень. Для художников и писателей этого периода была характерна оптимистическая вера в осуществимость подобного идеала в реальной жизни нового общества.

Однако, по мере укрепления буржуазии и торжества абсолютных монархий, гуманизм начинает переживать глубокий кризис. Все резче и явственнее делается разрыв между идеалом и реальной исторической действительностью. Все больше и больше ослабевает убежденность писателей и художников в том, что возникающее капиталистическое общество — общество Нового времени способно действительно создать условия, благоприятные для свободного развития человечества. Общественное зло предстало перед ними могущественным и неодолимым. Подобные настроения порождали те скорбные и трагические ноты «богооставленности», которые уже слышны в поздних произведениях старика Микеланджело, испанца Эль Греко, таких нидерландских художников конца XV–XVI вв. как Иероним Босх и Питер Брейгель Старший.

Особенно явственно эти ноты начинают звучать в литературе позднего Возрождения — в «Опытах» французского философа Мишеля Монтеня, «Трагических поэмах», сочинениях, мемуарах другого французского философа, Агриппы де Обинье, в трагедиях Вильяма Шекспира, в известном романе Мигеля Сервантеса, где прозвучала тема протеста личности против уродливых общественных условий.

В 60–70-х гг. XX в. в литературе стали говорить о том, что кроме европейского Возрождения существовало восточное Возрождение. Мало того, стали говорить даже о *мировом Возрождении*. Основоположником этих взглядов явился академик Н. И. Конрад. Он пытался обосновать процесс цепной реакции Возрождения. Н. И. Конрад считал, что «...начинает эту эпоху в VIII–IX вв. *Китай*, продолжают в IX–XV вв. *Средняя Азия, Иран и Индия*, заканчивает в XIV–XVI вв.

Европа». В 1963 г. появилась работа В. К. Чалоян уже об армянском Возрождении. Есть и другие работы о грузинском Возрождении, арабском, византийском, турецком, даже японском Возрождении XIV–XVI вв.*

Но при этом должны быть какие-то критерии такой оценки. Н. И. Конрад считал таким критерием «*наличие духа гуманизма*», и в то же время он сам отмечал, что содержание гуманизма в разных странах и в разное время «*исторически было различным*».

Следует учесть, что применение единого термина «Возрождение» к явлениям разным по содержанию и времени делает его внеисторичным, не конкретным, беспредметным. Такой подход *антиисторичен*. Возрождение было порождено только появлением капиталистических отношений и привело к бурному росту науки и техники. Нигде, кроме Европы, мы этого не увидим. Обращение же и интерес к древности, к прошлому, которое наблюдалось в переломные эпохи на Востоке, еще ничего не доказывает. Античностью интересовались и в Европе в разные времена, наиболее яркий пример чему являет эпоха Карла Великого с ее «обновлением», но это не главное. К тому же во время европейского Возрождения речь шла не о простой *преемственности культур*, а о творческой переработке, которая качественно превосходила древнюю культуру. Самое же главное, ни в Китае, ни в Индии, ни в Иране, — нигде на Востоке не было зарождения капиталистических тенденций. Такая точка зрения по этому вопросу таких крупных медиевистов как В. И. Рутенбург, Л. М. Баткин. В одной из своих статей Л. М. Баткин подчеркнул, что «...значение западноевропейский Ренессанс приобрел не потому, что был самым типичным и наилучшим среди всех случившихся ренессансов, а потому, что других ренессансов не было. *Этот оказался единственным*»**.

* См.: Литература Востока в Средние века: Учебник. Ч. 1–2. М, 1970.

** Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность // Вопросы философии. 1969. № 9. С. 108.

ОБРАЗЦЫ ТЕСТОВЫХ КОНТРОЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ

ТЕМА 1–2

1. Расположить в правильной последовательности:

- новая историческая наука;
- позитивизм;
- реакционный романтизм;
- историки эпохи просвещения;
- либеральный прогрессивный романтизм;
- гуманисты эпохи Возрождения.

2. С какого года начался перелом в отечественной оценке средневековой культуры:

- 1919, 1965, 1972, 1985.

3. Назовите главную причину культурного упадка в эпоху Великого переселения народов:

- кризис античной культуры и цивилизации;
- разбои и невежество варваров;
- утверждение в обществе христианской идеологии;
- распад политических и экономических связей, аграризация хозяйства;
- приспособление культуры к новым условиям эпохи.

4. Перечислите основные идеологические установки, изложенные в сочинении Августина Блаженного.

5. В чем состояли два главных преимущества раннесредневекового общества в области культуры:

- влияние христианства;
- включение в культуру новых народов;

- унификация стиля письма;
- более передовой социально-экономический фундамент общества;
- распространение монастырских школ.

6. Что можно считать ведущей причиной признаков культурного оживления в Западной Европе в конце VIII — начале IX вв.

- создание обширного государства франков;
- складывание феодализма;
- усложнение административного аппарата правящей власти.

7. В чем заключались две главные задачи Каролингского *regare*:

- создать административный аппарат;
- обеспечить элементарной культурой высших государственных служащих;
- усвоить античное наследие;
- упрочить престиж власти;
- внедрить всеобщее обучение в школах.

8. В чем видится главная разница во взглядах Римских пап Григория Великого и Сильвестра II?

ТЕМА 3–4

1. Из каких типов позднеантичных школ развилась средневековая школа?

2. Перечислите, какие преимущества перед предшествующими типами школ имела средневековая школа на Западе.

3. Какого типа были монастырские школы?

4. Какая школьная дисциплина считалась главной в тривиуме и какая — самой сложной в квадравиуме?

5. Почему учение Беренгара Гурского получило распространение именно в городской культуре?

6. Как именовали высшее учебное заведение в Высокое Средневековье на Западе?

7. Что изучали на артистическом факультете?

8. Перечислите формы обучения, существовавшие в средневековом университете.

9. Постройте иерархию университетских степеней и званий:

- магистр;

- лицензиат;
- доктор;
- бакалавр.

10. Отметьте, что относится к университетским должностям:

- школяр;
- нотариий;
- декан;
- казначей;
- переписчик;
- педель;
- ассесор;
- ректор;
- епископ;
- арматор;
- коллектор;
- деспенсатор;
- прокуратор;
- стационарий;
- комендант.

11. Чем бурса отличается от коллегии?

12. Что такое университетская нация?

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ К СПЕЦКУРСУ

Культура, архитектура и искусство средневековой Западной Европы. Иллюстративные материалы.

http://community.ru_livejournal.com/middle_ages
(Средневековье и окрестности).

http://www.countries.ru/library/middle_ages/index.htm
(История средневековой культуры).

<http://www.architektura.com/>
(Архитектура средневековья).

<http://artclassic.edu.ru/>
(Российский общеобразовательный портал: Мировая художественная культура).

<http://www.tambov.fio.ru/vjpusk/vjp002/zabot/20/titul.htm>
(Титаны Возрождения).

<http://www.hermitagemuseum.org/>
(цифровая коллекция изображений экспонатов Гос. Эрмитажа).

<http://www.countries.ru>
(библиотека по культурологии).

<http://www.twirpx.com>
(русскоязычный сайт с регистрацией; содержит учебно-методическую и профессиональную литературу для студентов и преподавателей гуманитарных специальностей; большая подборка литературы по истории и культуре).

<http://gen.lib.rus.ec>
(библиотека Генезис, сайт специальной литературы)

<http://academia.edu.ru>

(сайт, включающий новинки изданий, в том числе позволяющий вести их поиск по истории, науке, культуре и искусству Средних веков).

Поисковые системы

<http://www.google.com>

(одна из лучших поисковых систем мира).

<http://www.yandex.ru>

(популярная российская поисковая система).

<http://www.rambler.ru>

(популярная российская поисковая система).

<http://www.nigma.ru>

(интеллектуальная поисковая система, через «фильтр» может осуществлять сортировку запрошенных материалов в расширенном поиске).

<http://www.sigma.ru>

(российская поисковая система по библиографии).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Лекция 1</i>	
Историография концепций средневековой культуры.....	5
<i>Лекция 2</i>	
Культура Западной Европы раннего средневековья: от упадка до «герарга» (V–X вв.).....	20
<i>Лекция 3</i>	
Школа на Западе в Средние века: античное наследие в христианском мире	51
<i>Лекция 4</i>	
Средневековый школяр и университеты	88
<i>Лекция 5</i>	
Мудрость Запада. Наука в XI–XV вв.	138
<i>Лекция 6</i>	
Зрелища, религиозные представления и театр на средневековом Западе	181
<i>Лекция 7</i>	
Средневековая литература Западной Европы: единство и противоположности	194
<i>Лекция 8</i>	
Западноевропейские архитектура и искусство X–XV вв.....	333
<i>Лекция 9</i>	
Составляющие европейского Возрождения (XIII–XVI вв.)	356
Образцы тестовых контрольных заданий	390
Интернет-ресурсы к спецкурсу	393

Учбове видання

СОРОЧАН
Сергій Борисович

**Історія культури Європи.
Середні віки**

Курс лекцій

(російською мовою)

Технічний редактор: *Є. В. Онишко*

Підписано до друку 26.12.16. Формат 60×84^{1/16}.
Папір офсетний. Гарнітура Charter. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 23,02. Наклад 300 прим. Зам. № 17-03.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.